90 коп. Индекс 70331

В № 12 1989
и в 1990 гг.
в «ЗНАМЕНИ»
ЧИТАЙТЕ:

Б. МОЖАЕВ. Изгой. Роман

Ф. ИСКАНДЕР. Око. Повесть

А. ПРИСТАВКИН. Рязанка. Роман

А. КУРЧАТКИН. Записки экстремиста

В. КАРПОВ. Маршал Жуков.

Д. ШЕПИЛОВ. На трудном пути. Воспоминания

Р. ГУЛЬ. Азеф. Роман

А. ВАКСБЕРГ. Политический портрет Вышинского

В. НЕКРАСОВ. Из неопубликованного

М. ПОПОВСКИЙ. Куда девались толстовцы

Г. БЕЛЛЬ. Из наследия

Г. ВЛАДИМОВ. Генерал и его армия. Роман

А. МАРЧЕНКО. Живи как все

Я. ГОЛОВАНОВ. Катастрофа

Г. ФЕДОТОВ. Россия и свобода

ISSN 0130-1616. Знамя. 1989. № 11. 1—240.

ЗНАМЯ 11

ISSN 0130-1616

ЗНАМЯ

1989

Ноябрь

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Выходит с января 1931 года

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

11

НОЯБРЬ
1989

Содержание

Москва
Издательство
«Правда»

ФОНД
«Культурная инициатива»— детям

В связи с имевшими место случаями заражения детей СПИДом фонд «Культурная инициатива» безвозмездно передает детским больницам 1 миллион 65 тысяч одноразовых шприцев и 100 000 хирургических перчаток фирмы «Бэктон-Диккинсон».

Мы выражаем глубокую благодарность основателю Фонда, нашему автору Джорджу Соросу.

Геннадий Русаков

●

Сирена от карьера — перед взрывом.
Пройдет минута — и шатнется дом.
И на мгновенье в воздухе счастливом
опять запахнет толом и трудом.

Потом три взвоя — это знак отбоя.
Все возвратится на свои места.
И выкатится яблоко рябое
из-под куста.

В худых дождях и ярости взросленья
уходит век неведомо куда.
Прощается большое поколенье
с самим собой, наверно, навсегда.

Прощайте и простите. Вам в дорогу.
Никто ни перед кем не виноват.
Судьбу не измеряют по итогу,
и я вам сын, а может, младший брат.

Вот снова надрывается сирена.
Уходит век. И кашляет движок.
И на постах уже вторая смена.
И над конторой плещется флажок.

Эдуард Лимонов

...У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЭПОХА

*РОДИТЕЛЯМ МОИМ:
ВЕНИАМИНУ ИВАНОВИЧУ САВЕНКО
И РАИСЕ ФЕДОРОВНЕ ЗЫБИНОЙ*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — мой вариант Великой Эпохи. Мой взгляд на нее. Я пробился к нему сквозь навязанные мне чужие. Я уверен в моем взгляде.

Несколько уточнений:

Поляроидные вспышки просыпающегося сознания лейтенантского сына соседствуют в книге с кадрами, сделанными объективом зрелого дяди-писателя. Вспышек сознания оказалось недостаточно, чтобы картина не выглядела загадочной. Семейный альбом пополнен таким образом групповыми, пейзажными и аэрофотоснимками.

Мой взгляд — не глазами жертвы эпохи, ни в коем случае не взгляд представителя интеллигентского класса, но из толпы народной. В известном смысле, мой вариант эпохи — фольклорный вариант.

Книга документальна в том широком смысле, что вместе с подлинной историей моей простой семьи в ней сохранена и мифология того времени. И сохранены намеренные ошибки коллективного народного сознания, смещение дат, например, или приобщение к народному сословию тех, кто нравился народу. Так, к примеру, харьковчане Великой Эпохи считали свою прославленную землячку Клавдию Шульженко бывшей пэтэушницей, в то время как она была из приличной интеллигентской семьи и директриса ее гимназии говорила с учениками только по-французски. Однако я оставил Шульженко пэтэушницей, ибо такой она была мила нам в 1947 году, и гимназия в ее биографии нам бы тогда не понравилась. Безусловно и то, что «Александра Невского» Эйзенштейн снял в 1938 году, а не в 1942-м; но так уж точно пришелся фильм в контекст зимы 1941—1942 годов, что народ Великой Эпохи поместил его аккуратно в ту трагическую Зиму. Народ всегда старался истолковать Историю по-своему и в свою пользу.

В книге читатель обнаружит большое количество сапог, портянок, погон, галифе и оружия. Внук и племянник погибших солдат и сын солдата, я воздал должное этим атрибутам мужественности, несмотря на то, что они не в чести у сегодняшнего гражданина. Жгучий комплекс неполноценности заставляет современного человека с энтузиазмом ревизовать прошлое, и Великую Эпоху в частности. Ей вменяют в вину обилие крови и трупов. Что ж, одни эпохи напоминают трагедии, другие — оперетты. Мои личные пристрастия я отдаю армии Жукова в битве за Берлин, а не «Шербурским зонтикам». Человека «героического» я активно предпочитаю «пищепереваривающему».

АВТОР

ФОНАРИК

Весь мир уже был, а его еще не было. Самая большая война грохотала в стороне, на западе, здесь же, в самом сердце России, у вливания Оки в Волгу, было тихо. Выпускал в волжское небо дымы военный завод, спешно организованный вблизи большой старой деревни Растяпино. Деревню, обросшую бараками рабочих, переименовали в город имени Робеспьера русской революции поляка Дзержинского. Собранные поспешно из частей, гудели эвакуированные станки. Невыспавшиеся, небритые парторги бегали меж станков, воодушевляя, ругая и погоняя женщин, детей и стариков. Сквозь недошитые крыши цехов зияло местное небо. Сквозь прорехи помостов под ногами зияла грязь.

Завод производил бомбы и снаряды. Нужно было изготовлять как можно больше бомб и снарядов. За опоздание на работу больше чем на двадцать минут, опоздавшего судил Военный Трибунал. Завод считался секретным, и потому его охраняли солдаты НКВД. Одним из солдат был его отец. Его мать работала на заводе. Однажды она опоздала на 21 минуту. Принимая во внимание ее молодость, мать простили, записав официально, что она опоздала на 19 минут. Мать работала техником. Двух лет учебы в химическом техникуме было в войну достаточно, чтобы работать техником. Однажды такой же юный, как мама, техник ошибся в химической формуле, и целый цех взлетел на воздух.

Мама его, но еще не мама, но девушка Рая Зыбина ходила в беретике. Тогда была такая мода у всех Лили Марлен мира и с той, и с другой стороны. Однажды она поднималась по старой скрипучей деревянной лестнице в темноте, и отец, но еще не отец — солдат сверхсрочной службы Вениамин Савенко — осветил ей дорогу. У отца был фонарик. Так они познакомились. Фонарик виноват.

Мама была местная. Она родилась в городе Сергач, той же, что и Дзержинск, Горьковской области. От Дзержинска эти места отделяют лишь ограниченные десятки километров. Мамина мама умерла, когда ей было два года, оставив Раю и сестру Анну (на несколько лет старше мамы) на отца. Мамин отец — Федор Никитович Зыбин — еще не погиб тогда на фронте, еще не был послан в штрафной батальон, но был всеми уважаемый директор большого ресторана в Горьком. (Бывший прекрасный Нижний Новгород. Кощунство переименовывать такие города!) На единственной сохранившейся фотографии Федор Никитович Зыбин, с квадратным, тяжелым книзу лицом, в барашковой папахе, комплектом к ней служит такой же воротник пальто, глядит крепко. Вышел он из старой волжской семьи. Доподлинно известно, что Федор Никитович родился в деревне Новь Нижегородской губернии. У отца его Никиты Зыбина было семеро детей — шестеро сыновей и одна дочь. Никита был староста деревни, уважаемый всеми крестьянин, и семью Зыбиных звали также и Никитины. Зыбины-Никитины слыли работящей семьей и любили землю. Никита Зыбин, высокий сильный мужик, в традиционных ледовых побоищах — играх на поверхности замерзшей реки, кулачных боях («стенка на стенку») с соседней деревней — всегда возглавлял деревню Новь. Зубами он мог поднять «меру» гороха. Читателю предлагается удивиться крепости его зубов. Однако сколько же это мера? Кажется, равна пуду — то есть 16 килограммам...

Никита и Федор ушли из жизни оба в 1944 году. Сколько было каждому лет, неизвестно. Крестьянство на своих юбилеях не настаивало.

Рая Зыбина носила в ту эпоху, помимо беретика, жакет с большими пуговицами. На кисти левой руки у нее было вытатуировано крупными зелеными буквами ее имя: Р А Я. Позднее мама никогда не рассказывала сыну происхождение татуировки, отделываясь замечанием, что это «заблуждение юности». Известно, что, потеряв жену в 1923-м или 1924-м году (Рая родилась в 1921-м), Федор тотчас женился. Мать с ужасом рассказывала сыну по меньшей мере об одной жестокой мачехе. Есть все основания предполагать, что независимый характер Раисы Зыбиной привел ее в детский дом, прежде чем в химический техникум, куда вернее, чем жестокость мачехи (впрочем, нескольких мачех). Где-то в атмосфере одного из этих заведений, детдома или техникума, она и приобрела татуировку. В районе возраста шестнадцати лет. Заметим, что для того, чтобы вытатуировать себе имя на руке в 1937 году, в период великих строек коммунизма, всеобщей комсомольской активности, прорытия каналов и прочих массовых энтузиастских заблуждений века, девушке (!) следовало быть очень заблудшей овцой. В конце пятидесятых годов мама вдруг решила отделаться от следа «заблуждений юности» и, запершись в ванной комнате коммунальной квартиры, облила татуировку соляной кислотой.

В результате она вместе с заблуждениями едва не лишилась руки. Спрошенная сыном-подростком, почему она совершила подобную глупость, мама, стесняясь, сослалась на трагическую невозможность носить платья с коротким рукавом и на то, что жена советского офицера не может выглядеть, как хулиганка. Очевидно, мидлклассовое сознание жены советского офицера пришло к маме с большим трудом, продираясь через какое-то другое сознание. Заметим, что сын Раисы Зыбиной, хотя и считался куда более крупным хулиганом в семье, так никогда и не вытатуировал на своем теле никакого знака...

Дабы покончить с семьей Зыбиных (грустно, но, увы, автору известно очень немногое об этой русской семье), добавим, что, кроме неизвестных автору темных пятен, подозреваемых на репутации семьи, значатся несколько известных. Федор Никитович лишился места директора ресторана (и это в войну!) и угодил в штрафной батальон за... растрату. Благопристойное сознание Раисы Федоровны Зыбиной не позволяет ей сообщить сыну и миру о подробностях. Автор, видящий жизни человеческие как бы с птичьего полета или, по крайней мере, с высокой колокольни, приветствует заблуждения своих предков и относит их к числу достоинств. Ему приятно знать, что в жилах его течет кровь взбалмошных, неспокойных людей, по-своему выражавших свои страсти. Дедовские страсти привели его в поле под Ленинградом. И сгинул он в поле, вспаханном так круто немецкой артиллерией, почище Вердена, говорят, было вспахано это поле, что невозможно было найти ни единого дедовского куска. То есть кусков было много, больше, чем нужно, но кому они принадлежали, определить было невозможно... Сыну приятно знать, что, судя по татуировке, мать его не всегда была спокойной и правильной женой офицера. «Молодец, мамочка! Целую шрам на твоей руке!» Еще одно семейное пятно. У порядочных сестер Анны и Раисы существовал полубрат Борис. Брат жил в сельской местности недалеко от Сергача. Известно о Борисе Зыбине, что у него были одновременно: а) врожденная сердечная болезнь, б) он был сумасшедший. Однако, судя по тому, что у него были ульи (с ульями нелегко управляться) и ружье (ружье у сумасшедшего!), он ходил на охоту, сумасшествие полубрата мамы было странное. Или очень легкое, или, может, даже и не сумасшествие вовсе. Известно, что русские люди употребляют слово «сумасшедший» и в качестве определения странного поведения. Так необщительных людей порой называют сумасшедшими. У этого брата были необычные идеи, и, судя по воспоминаниям о нем, он скорее был натуральным философом и мизантропом, предпочитающим жить одному с пчелами и зверьми. Он получал пенсию по инвалидности (сердце или сумасшествие?), и автор вспоминает письмо его к нему — племяннику: «Приезжай, будем ходить стрелять уточек». Умер он в конце пятидесятых или начале шестидесятых годов в возрасте тридцати лет. Причиной смерти послужили пчелиные ульи. Их у него украли, и он очень переживал, а сердце-то больное, вот и не выдержало. Шел он по улице волжского Сергача, куда приехал за припасами, упал и умер. В Сергаче он и похоронен. (Автору этот дядя кажется похожим на героя романа Саши Соколова «Между собакой и волком».)

Мамина сестра, «тетя Аня», напротив, может быть охарактеризована как светлое пятно. Она вышла замуж за инженера Павла Рунова и впоследствии прожила какое-то количество лет «за границей» — в Финляндии. Павел Рунов не то учил финляндцев инженерству, не то учился у них. Из Финляндии, из города Турку, присылались регулярно цветные открытки: играющие в снежки розоволицые задорные мальчуганы в спортивных костюмчиках и вязаных шапочках с помпонами, толстобрюхие Деды Морозы в красных рубахах и тому подобное западное декадентство. Надписи золотыми чернилами на неизвестных языках были не менее праздничны, чем рисунки. В единственный приезд в Харьков тетки, племяннику было тогда 11 лет, он помнит, что старшая сестра относилась к его матери чуть покровительственно и несколько иронически, как бы и через много лет не уверовав в то, что у сестры ее, нате вот, — «путевая жизнь» и даже есть муж и сын... То есть автор допускает, что от матери его ожидали худшего, основываясь на неудачном начале жизни, первых 20 годах. Однако возможно, что здоровому дяде Лимонову, пишущему эти строки в сорока-с-лишним-летнем почтенном возрасте, лишь чудятся

семейные тайны там, где их нет? И что, будучи сам неспокойным баламутом и блудным сыном, он выискивает с надеждой признаки блудности в своих близких?.. После многих лет в Финляндии Руновы стали жить в Горьком. У Анны и Павла имелись две дочери — Галка и Наташка, интриговавшие воображение двоюродного брата в течение всего периода полового созревания. Галка и Наташка, очевидно, теперь уже старые и толстые. Простой человек стареет рано.

Однако вернемся к фонарику. Судьбою человеческой управляет, безусловно, случай. Юноша-солдат спускался по лестнице и осветил девушке ступени. Пусть и не каждый день, немецкие «мессершмитты» прорывались тогда к тем местам, и посему подъезд был обязательно темен. Горело бы электричество, фонарик был бы не нужен, солдат не осветил бы ступени, они бы не познакомились, и не было бы Эдуарда. Планетам и Млечному Пути и Галактикам, может, это и все равно, но автор — заинтересованное лицо — одобряет выбор судьбы. И во всем этом замешаны фашисты, немцы. Надо же! И в затемнении, и в горе-злосчастье войны, которая, однако, бросила воронежского юношу Вениамина в волжские места на военный завод в Дзержинске.

Солдат родился в городке Боброве, в Воронежской губернии, через год после революции. Очевидно, это был скучный городок со старыми домами, пузатой водокачкой и круглыми деревьями. Городок, как мамин Сергач. Именно в таких старых городках и плодится русская нация. Именно в них, несменяющееся (как в больших городах) население высиживает поколениями, медленно, русских людей. Соседи женятся на соседях... Больших оригиналов порой производят такие города. Отец солдата, Иван Иванович Савенко, к моменту его рождения был бухгалтером элеватора. Внешность Ивана Ивановича, как это нередко бывает с украинцами, была совершенно и вопиюще восточной. Висячий, бульбою, нос, усы... Он был ужасающе похож на армянина. В период первой мировой войны Иван Иваныч, мирно ехавший с женою по железной дороге, был задержан полицией. По подозрению в том, что он есть один из бежавших турок. Почему-то в Воронежской губернии содержались в заключении пленные турки (они, как известно, воевали супротив нас, на стороне немца). Недоразумение вскоре счастливо закончилось выяснением личности бухгалтера, но происшествие это (сообщенное автору женой Ивана Ивановича Верой Савенко, в девичестве Борисенко) проливает свет на происхождение семьи. Дед Иван Иванович и прадед Иван родились оба в деревне Масловка Воронежской губернии. Были они крестьянами. Однако, усложняя историю, на сцене появляется прабабушка. Без имени, увы. О ней известно, что она также была из деревни Масловка, крестьянка, и «трудилась на своем поле, и ходила по наймам, если это было нужно» (цитата из письма Раисы Савенко-Зыбиной). Прабабушка — это ведь жена прадедушки, необходимая, чтобы произвести на свет Ивана Ивановича с армянско-иранской внешностью. И восточная внешность, оказывается, унаследована дедом именно со стороны прабабушки, ходившей по найму. Ибо, по свидетельству бабки Веры Борисенко (она еще жива, ей 95 лет!), мать ее мужа была дочерью, родившейся от сожительства экономки царского генерала Звягинцева (Масловка была его имением!) и офицера-сотника, начальника личной охраны генерала. И сотник был чистейших кровей осетином!

Все эти дела давно минувших дней интересны сливом воедино различных кровей, распределением народа по территории России и результатом, то есть поглядеть можно, из каких групп населения что же получается. Безусловно, в должный срок все умирают. Однако, как видим, крестьянин Иван родил Ивана, который уже был бухгалтером. Налицо социальный сдвиг. Бабка Вера «очень хотела стать барыней, да революция помешала», — высмеивала ее позднее невестка Раиса. Иван Иваныч неплохо зарабатывал и успел купить хороший дом в городе Лиски, недалеко от Боброва. В половине его до сих пор живет бабушка Вера. Было куплено и столовое серебро. Невестка, не любившая мать мужа, рассказывала также, что бабка всегда любила вкусненько поесть, одеться и относилась к жизни легко. «Бог даст день — бог даст пищу», — было бабкиной любимой поговоркой, так сказать, ее жизненным кредо.

На одной из семейных фотографий, помнит внук, две сестры: Вера

и Паня (очевидно, Паня было производным от Прасковья. Бабушка присылала внуку ласковые открытки, начинавшиеся «Эдинька, радость, прелесть и пончик!», но внук так никогда и не сподобился повидать ее) — в каких-то темных мехах вокруг шей и в меховых шапках — выглядят чопорно и мидлклассово. Когда сделан фотоснимок — неизвестно.

Вера и Иван произвели на свет дочь Алю (очевидно, Алевтину) и двух сыновей: Вениамина и Юрия, погибшего в возрасте 19 лет. На дядю Юрия этого, развивавшего тело с помощью гирь, и был похож, как утверждает отец, в соответствующем юном возрасте Эдуард. (И по характеру тоже. Глядя в зеркало, дядя воскликнул однажды: «Ах, какой же я красивенький!») Брошенный защищать Родину, судя по нескольким злым замечаниям Вениамина Савенко, с недостаточным запасом боеприпасов, зеленый, необстрелянный дядя Юра погиб вместе с толпой таких же юных солдатиков в поле под Псковом, перепаханном немецкой артиллерией и авиацией. Опять-таки, как и в случае деда Федора, даже и кусочка не удалось найти... Да и кто там в кровавом вареве копался...

Иван Иваныч умер в возрасте тридцати лет от скоротечной чахотки. Был он убран болезнью с лица земли всего лишь в три дня. На третий день больной почувствовал себя лучше, встал, умылся, побрился, походил по дому... Устал как будто. «Что-то мне нехорошо, Вера, я прилягу!» Лег, отвернулся к стене и умер.

У бабушки Пани была дочь Лидия. Вот ее-то племянник Эдик посетил во вполне зрелом возрасте 21 года в городе Рига. Лидия сделалась адвокатом и родила дочь Ларису. На племянника тетка произвела впечатление женщины истеричной и чрезвычайно несчастливой. У Али от мужа-слесаря (семья дружно презирала слесаря. И невестка Рая, и бабка в этом случае сходились во мнениях, называя слесаря «замухрышкой», «деповским замухраем») родился сын Юрий. В конце пятидесятых он приезжал в Харьков к двоюродному брату. Был он низкорослый, испуганный и провинциальный. Позднее он, утверждают, вырос и стал вполне приличным плодовитым отцом семейства. Мир и процветание его дому.

Существовал еще секретный дядя Антон. Вспоминался этот Антон всего несколько раз. Сказано было лаконично (не ему, о нет, не сыну), что Антон «был раскулачен». Но был ли он жив или давно умер, было неизвестно из сообщения. Отцу и матери мальчишки, по всей вероятности, была известна дядина судьба. Был ли дядя Антон братом Веры и Пани или же братом Иван Ивановича? Был ли это Антон Иванович Савенко или Антон Борисенко? Дядя Антон мог повредить или повредил отцовской военной карьере или продвижению его по службе в войсках НКВД? У поколения Раисы и Вениамина было множество секретов.

Его еще не было, а уже произошло столько событий, и столько людей уже разнообразно передвинулись по территории, что он появился. Столько мужчин и женщин уже любило друг друга, чтобы он существовал. И уже жили секреты мелкие, средние, крупные. Например, история с хинином и малярией. Близорукость в нем обнаружили много позднее, уже в Харькове. Обнаружение близорукости связано со школой. Именно когда он пошел в школу, мать сказала ему: «Когда я ходила беременная тобой, Эдик, я болела малярией и меня морили хинином». Влияет ли хинин, глотаемый матерью, на зрение младенца, находящегося во чреве матери, автору неизвестно. Но то, что хинин принимался как средство искусственного прекращения беременности, ему известно. Может быть, оба родителя или один из них не желали его появления на свет? О нет, он ни в коем случае не собирается винить родителей ни в близорукости своей, ни в попытках оборвать его жизнь (если его подозрения оправданы) в зародышевом еще виде. Он далек от фрейдистских объяснений поведения взрослого человека вниманием или нелюбовью, оказанными ему в детстве родителями. Человек сам по себе и в значительной степени выбирает свое поведение, твердо верит автор, но «прайвит детектив» в нем не унимается. Секреты, секретные дяди, темные периоды жизни родителей, — вот что ему подавай. Однако то обстоятельство, что оба его деда родились в крестьянских семьях, ему улыбается. Получается, что он от земли-матушки, кормилицы (эти ласковые прозвища земли ему нравятся, несмотря на фольклорную банальность их) всего через одно поколение отстоит. Может, поэтому в нем, потомке волжских и воронежских крестьян, куда меньше

саморазрушительной нервности, чем в потомственных интеллигентах? Беспокойство передается по наследству?

Эпоха заставляла Вениамина и Раю скрывать «раскулаченного» дядю и «сумасшедшего» брата. И именно она заставляла мать и отца упрямо твердить: «Мы русские, мы русские...», в то время как в свидетельстве о рождении, полученном их сыном вторично (уже в городе Париже), четко записана национальность отца — «украинец», а матери «русская», да. Может быть, именно поэтому не хотят они до сих пор никаких осетинских царских офицеров в предки, не берут, отказываются. Мать пишет, что бабка Вера «наплела тебе черт знает что (она, должно быть, еще в ту пору чокнутая была). А ты все ее бредни принял за чистую монету». Бабка в свое время произвела на пятнадцатилетнего мальчишку впечатление энергичной и совсем неглупой бабки. И то, что она «все мечтала быть барыней, да только это были одни мечты, барыни-то из нее и не вышло», внуку откровенно нравится. Бабка была, кажется, наделена куда более сильным темпераментом, чем другие кровники, и желала из ряда вон выходящих вещей. Внук, может быть, образовался из отдельных деталей, унаследованных от нескольких личностей: из хулиганской татуировки мамы, из мечты бабки стать барыней (подняться по социальной лестнице), из дядиюриных гирь и его этого совершенно нарциссически-наивного «Ах, какой я красивенький!» плюс одинокий полубрат Борис с ружьем и пчелами.

Единственный приезд бабки на Поперечную, 22 в Харькове вспоминается внуком с некоторым трудом. Ввиду дистанции в тридцать лет. Напрягшись, можно, однако, вспомнить востроносенькую бодрую худую бабку в платье в мелкий горошек, платок был завязан сзади таким образом, что на затылке торчали два уголка. Бабка привезла ему красный заводной мотоцикл с коляской и пакет вареных раков. Выгрузив красные гостинцы из чемодана, бабка обнаружила, что внук — здоровый лоб, и, может быть, ему следовало бы подарить уже пачку презервативов. (Фу, какая грубая шутка...) Внук насмешливо покосился на бабку, мать не преминула (старая вражда: «Она продала полдома и не дала сыну ни копейки!») уколоть свекровь: «Да вы спятили, баушка, Эдик-то большой совсем парень! Поздно ему с игрушечным-то мотоциклом возиться...» Оплошность была, однако, скоро забыта, и он с большим интересом принялся за наблюдение над первым в его жизни живым родственником. (Все это в одной комнате.) ...Объединила его с бабкой общая их любовь к чаю. Сидя друг против друга за большим круглым столом в центре комнаты, они чинно тянули в себя чай и беседовали. Бабка наливала чай в блюдце, сахар, кусочек рафинада, откусывала, а не клала его в чай, за чаепитием забавно отставляла в сторону палец-мизинец. Мать посмеивалась скептически, утверждая, что это барские замашки бабки выходят таким образом на поверхность сегодняшнего дня из прошлого. Мать поглядывала на пару ревниво и с подозрением. «Старый и малый» — назывались бабка Вера и Эдик.

Вот тогда-то, среди прочих историй, бабка поведала ему об имении генерала Звягинцева, сотнике-осетине и экономке, «твоей, Эдинька, прапра-бабушке...». Прочие истории он забыл, но осетина-сотника и генерала запомнил. И экономку. Вся компания показалась ему экзотической. Когда же ему, в его собственной жизни, встретилась американская девушка экономка (хаускипер) и оказала определенное, очень, кстати сказать, благотворное влияние на его судьбу, он всерьез задумался о «семейной традиции» или безжалостном роке, бросающем мужчин его рода к экономкам. Жаль, что бабка приезжала только раз. Она была интересным фруктом, востроносенькая Вера Борисенко, для определения высшей степени качества чего-либо она употребляла, например, выражение «антик марес с подскоком!». Выражение великолепно, в нем слышатся отголоски французского языка провинциальных русских дворян, и добавленное ахово, цыганское «с подскоком!» делает его кошмаром лингвистов. И что такое «марес», если даже предположить, что «антик» имеет отношение к антикварному магазину. Бродившую уже в жилах поколения внука Эдиньки «новую» музыку (был переходный период от джаза к рок-н-роллу) бабка беззлобно называла «сипом-дёргом». «Не слушай ты эти сипы-дёрги, Эдинька, — ласково говорила бабка. — Наша, русская музыка-то лучше...»

Бабка считала, что внук бледненький. Виной этому — большой город. Имея характер практичный, бабка, однако, советовала внуку Эдиньке бороться против бледности с помощью... одеколона. «На танцы идешь в клуб или куда в другое общественное место, так ты перед выходом в щечки одеколончику-то вотри, они на улице и заиграют под ветром или, лучше того, на морозе... У мужчины щека должна гореть». Сама этого, разумеется, не зная, бабка Вера слово в слово повторяла заповедь японского монаха, бывшего самурая Йоши Ямамото, каковой советует в одной из глав «Хагакурэ» «всегда иметь при себе красное и пудру» и употреблять, если «ты обнаруживаешь, что твой цвет плох...».

Балбес и идиот, он стал интересоваться родственниками опять, уже когда большая часть их вымерла или находится в малосвязном возрасте... К тому же, недосягаемые, живут они в СССР... Бабка Вера жива до сих пор — ей 95 лет, прабабка же Параня дожила и вовсе до 104 лет и умерла лишь оттого, что, ослабев зрением, спускаясь в подвал (служивший ей холодильником), оступилась и упала. Прабабка отличалась исключительной независимостью, жила одна — полуслепая, отказываясь от помощи даже после того, как осушила бутыль чернил, приняв их за вино. (Предмет семейной потехи)...

Фонарик прошелся по ногам мамы, в чулках и туфельках, по старому дереву лестницы в городе Дзержинске. Может быть, в это самое время редкие «мессершмитты» из низовьев Волги поднялись выше и показались внезапно из низких туч. И стали выбрасывать на город бомбы. В кинохронике возможно увидеть, как раскрывается такая цепкая штука под брюхом самолета — бомбодержатель, похожий на разрезанную бутыль, и бомба летит вниз на город, на строения и пешеходов. Позднее папа Вениамин учил сына: «Если ты видишь, что она падает прямо над тобой, тебе как бы на голову, можешь быть уверен, что она в тебя не попадет». Война к тому времени давно кончилась, но, может быть, он думал, что сыну понадобится его отцовский опыт, что будет новая война?.. Девушка и солдат прижались друг к другу при большом взрыве, отец потушил фонарик... Через закамуфляженное окно лестничной площадки видны были всполохи бомбовых разрывов. Воронежские, донские предки взяли за руку волжских. Они поцеловались.

Вот так он начался. Со встречи девушки и солдата и луча света. Да здравствует фонарик, да здравствует электричество, кто бы его ни придумал: отечественный Яблочков, заставляющий вспоминать о коне в яблоках, или далекий Эдисон, вечно сонный американский мистер Эди.

СОЛДАТ И ДЕВУШКА

Трудно сказать, как все развлекались в ту зиму с 1941 года на 1942-й. Может быть, когда другая смена солдат и девушек заступала каждый на свой пост, они шли в кино и смотрели фильмы, где девушки с плечами, ворочая зрачками, произносили трагические монологи. Поскольку американцы числились в союзниках, в кинотеатрах разбомбленной и всякий день уменьшающейся территории России показывали сплошь американские фильмы. Своих фильмов производили немного, не было средств и времени. Всяческие «Девушки моей мечты» и что там еще занимали экраны.[1] Как следствие по улицам русских городов расхаживали стаи Марлен Дитрих и Грет Гарбо. Судя по тому, что отец его боялся алкоголя в пятидесятые годы, боялся он его, очевидно, и в сороковые. Мать также как будто не отличалась любовью к алкогольным жидкостям. Это все говорится к тому, что солдат и девушка, наверное, не выпивали, а если и пили, то немного.

Ситуация на фронтах была хреновейшая. Похоже было, что России

[1] Американские фильмы заполонили наши экраны не зимой 1941—1942 годов, а позднее, к концу войны. «Девушка моей мечты» не американский, а немецкий фильм; он был снят в 1944 г. и попал к нам уже как трофейный. Здесь — один из характерных примеров смещений событий и дат в повести. Указывать на них далее мы не будем. *(Прим. ред.)*

пришел конец. Немцы, после декабря 1941 года плюнув на Москву, оставили у Курска подкову своих дивизий и нажали на Дон, поперли на Крым и Северный Кавказ. Пал пред немцами Харьков, тогда еще никакого отношения к персонажам этой семейной хроники не имевший. Напрягши жилы и вены, организм России сопротивлялся насилию, трещала шея России, хребет и глаза вылезали из орбит...

Кто им виноват? Немец, конечно, виноват, проклятый. Факт. С Гитлером во главе, упоенный собою немец попер распространяться во все стороны из Германии... Огнем тек и к голландским дамбам, и к парижским мостам, и в польскую скудную степь, и в богатую Украину — тек германский огонь. Но сами они тоже виноваты. Смертей могло быть меньше впятеро. Вчетверо меньше. Не надо было быть ... в тридцатые годы, но готовиться к войне. Все ведь тридцатые население, объединенное во фракции, дружно и упоенно изничтожало само себя. Опомнились, а враг пришел не худым троцкистом в очках, не новым бритым колчаком, но чужеземцем, сдисциплинированным в четкую машину немецким спортивным юношеством. Растерянные, не ожидали, бросились спасать себя и живую, трепещущую географическую территорию... Теперь всю ответственность валят на голову Грузина, дескать, свихнувшегося от собственной власти. А сами-то куда смотрели? Почему во всей нации не нашелся никто, не убрал Грузина, не пожертвовал собой для отечества, не выпустил ему в грудь восемь пуль из маузера, если так уж он был вреден? Ну да, пришел бы другой, но другой был бы другим. Ведь после смерти естественной Грузина пришли его же люди к власти, однако не те уже люди. Грузин был виноват в том, что хотел вести себя как государственный деятель, но должность была ему велика, слишком велика. Автор не видит в нем монстра или злодея, он лишь знает, что сыну сапожника, экс-семинаристу, было отчего офигеть, оказавшись во главе гигантской вдруг державы. Так и корсиканец, сын Летиции Буонапарте, все же прибывший из вышестоящего социального слоя, был загипнотизирован своей собственной судьбой. Вот в чем состоит опасность, когда люди из низших социальных классов приходят на Кесарево место. (Вы монархист, автор? Нет, отнюдь!) Ошеломленные расстоянием от пункта А до пылающего пункта Б, они принимают себя за Богов...

Все были виноваты, что 22 июня 1941 года оказались неспособными задержать немецкий огонь. На холодных равнинах, в холодных лесах миллионы серых шинелей согревались,, хмурые, у костров, в ледяную грязь были разъезжены дороги. Приостановленный зимой-матушкой, было ясно, что поползет с наступлением теплоты немецкий огонь по русской земле дальше на восток. Вспомнили старики прежние немецкие нашествия. Последнее, еще свежее — 1918 года. А до этого... опускалась ищущая думка солдата в седые глубины веков до самого 1242 года, до победы над Тевтонскими рыцарями на льду Чудского озера. В ту зиму вспомнили о белокуром князе Александре, ровно за семьсот лет до этого остановившем тевтонов. И учредили орден Александра Невского. И сделали фильм. Помогло? Вначале нисколько. Не орденами и фильмами останавливают дивизии. Попер уже в мае немец прямиком в Крым, на Кавказ и на Волгу. Но, стоп, товарищ, потому что именно в мае зачат был солдатом и девушкой сын...

Это исключительное счастье, что отец его не оказался на фронте. Почему он не оказался на фронте? По простой причине, что, будучи мобилизован в 1937-м, в момент, когда могущественность Народного Комиссариата Внутренних Дел достигла зенита, отец был взят в войска НКВД. (Памятью о тех славных годах в семье долгое время существовала фарфоровая солонка с зелеными буквами «НКВД» на ней, подчеркнутыми двумя красными линиями). Выбор НКВД объяснялся тем, что к 19 годам Вениамин уже был своего рода специалистом в электротехнике. Еще подростком он собирал радиоприемники, окончил курсы киномехаников. Существует фотография юного отца, улыбаясь, он висит на верхушке телеграфного столба, среди фарфоровых белых изоляторов. На ногах отца — железные рога «кошки», это с их помощью отец забрался на столб. Как феодал имел право первой ночи с женами вассалов, НКВД обладал никем не оспариваемым правом выбирать себе лучших допризывников.

Так электротехник из Воронежской области попал в войска НКВД. И оставался в них двадцать восемь лет.

Солдат был красивый. Красивый тонкой, интеллигентной красотой, казалось бы, не принадлежащей, не долженствующей принадлежать юноше из небольшого воронежского городка. На одной из фотографий трое: Вениамин, Юрий и Аля — у отца очень современная (на 1987 год) прическа, крупной волной темные волосы над лбом, темная куртка распахнута, обнажая красивую шею. Прямой нос (предмет постоянной зависти курносого, в мать, сына), деликатные, не крупные и не мелкие черты лица. В сочетании с музыкальной одаренностью (он пел и играл на гитаре, но также умел управляться с пианино и прочими инструментами и даже сочинял музыку) можно себе представить, что он производил на девушек впечатление. Ладная, тонкая фигурка, среднего по тем временам роста — метр семьдесят два. Есть фото солдата Вениамина Савенко у знамени дивизии. Отец-юноша стоит тоненький, красивый, почему-то еще в буденовке, восторженно вытянутый вверх, похожий на дореволюционного юнкера. Лишь лучших солдат фотографировали у знамени дивизии.

Девушка, недаром Казань, столица Татарской автономной республики, совсем рядом, похожа была на татарку. С возрастом татарскость чуть растворилась, но видна простым глазом и в костяке лица, и в цвете, скорее желтом, кожи, в хрящеватом, чуть поднятом вверх кончике носа, и в пропорциях тела. Сын помнит, что мать умела считать по-татарски, и даже он вспоминает смутно все эти экзотические «бер», «икэ», «дур», «биш», завалившиеся в детстве в уголки памяти, как клочки бумаги и трамвайные билеты проваливаются в дыры карманов, за подкладку... Позднее отец называл мать по-домашнему ласково «татаро-монгольским игом». Сын, уже в Нью-Йорке одно время предававшийся любовным радостям с девушкой, отец которой был настоящий монгол-степняк из Монгольской Народной республики, не раз замечая в движениях девушки, в ее поведении и характере нечто неуловимо знакомое, вдруг догадался, что она напоминает ему мать. Вставая с супружеской постели, мать проходила мимо его, мальчишки, кровати, какой-то особой, присущей им, татаро-монгольскому игу, степной походочкой. Следуя семейной традиции, он стал называть свою девушку «татаро-монгольским игом».

Мать не может сказать, когда, на каком именно этапе татарская кровь проникла в жилы Зыбиных, а татарские кости стали попадаться в их скелетах, но и то, и другое — неоспоримые факты, хотя у сына Раисы Зыбиной видимого татарства — цвет кожи да строение тела. Желтый, даже если на него годами не попадает солнце, торс его длиннее и мощнее ног. В том человеческом котле в районе Нижний Новгород — Казань народ взаимно портил расы, бурлил спокон веков, кипя племенами, и если юноша из татарской деревни переспал с чужой женой из русской, то кто это мог доказать? Да кто бы и стал доказывать. Когда в семье семеро детей, то станешь ли вглядываться в каждого до потери сознания? У крестьян было достаточно забот и без этого. О матери матери ничего не известно. Может быть, она была татаркой? Однако, верно и то, что у деда Федора и его дочери однотипные квадратные лица, так что, очевидно, не в матери матери дело. Раиса родилась в городе Сергач. А что такое город Сергач, находясь в Париже и не имея доступа к Волге, сказать трудно. Может быть, ходят там по улицам сплошь Чингиз-ханы в шароварах? Поди знай... В 1970 году сын Раи Зыбиной будет жить в Москве, в доме на Садовом кольце, у Красных ворот. (В подвале этого дома была создана в тридцатые годы первая советская ракета. Предание утверждает, что ракета была отвезена Королевым и его друзьями на испытания за город в ... трамвае.) Так вот, в одной квартире с сыном Раи Зыбиной окажется живущей татарская дворничиха с мужем и ребенком. Большая, молчаливая, краснолицая тетка с сердитым лицом. (В Москве большинство дворников были во все времена — татары.) Узнав о том, что мать соседа родилась в Сергаче, дворничиха почему-то очень обрадовалась, и с тех пор сын Раисы Зыбиной попал в друзья к дворничихе. Каждый раз, когда краснолицая тетка пекла беляши, то есть специальные татарские пироги с бараниной, несколько штук доставались соседу и его подруге того времени, еврейской женщине Анне Моисеевне.

Девушка зачала его и, если подозрения обоснованы, пыталась избавиться от плода таким же радикальным способом, как впоследствии пыталась избавиться от татуировки, — наглоталась хинину... А может быть, она действительно заболела малярией? Однако автору кажется, что для того, чтобы заболеть малярией, следовало спуститься много ниже, к Каспию, к болотам дельты Волги, где самая что ни на есть малярийная атмосфера... Если автор ошибается и зря катит бочку на свою маму, то пусть его покарают соответствующие мелкие боги. Солдат и девушка наверняка не знали, что же делать, жить ли вместе, иметь ли ребенка... Может быть, они собирались и обсуждали проблему. Может быть также (и очень похоже на это), что красивый солдат, заделав девушке ребенка, гулял с другими девушками. Ему было 24 года, и хотя народ в войну взрослел раньше, нет никаких указаний на то, что Вениамин собирался жениться. Копаясь в бумагах своих родителей много позже, сын вдруг (с удовольствием!) обнаружил, что родился «незаконнорожденным». По каким-то особым, известным только им причинам родители его зарегистрировали брак только в 1953 году. Следовательно, первые десять лет жизни он просуществовал как бастард. Короче, плод был, а брака не было.

Пока все это происходило, немцы, не остановленные, перли на восток. Утверждают, что оккупанты, расстегнув мундиры и обнажив шеи, чтобы легче было горланить, уже переделали русскую песню

Волга-Волга, мать родная,
Волга — русская река...

в немецкую и, сидя на броне танков, прущих на первой скорости по нашим степям, орали

Вольга-Вольга, мутер Вольга...
Вольга дойчланд... что-то там...

2 июля 1942 г. пал Севастополь. Немецкий огонь залил Северный Кавказ. И тевтоны вышли к Сталинграду! Плод любви солдата и девушки уже ворочался в девушке. Желал выйти в негостеприимный мир. Если бы мужчины его народа не собрали все имеющееся у них мужество, вышел бы он в мир рабства.

В ноябре война опять, как и в прошлую зиму, замерла в движении. Нужно было воспользоваться последней отсрочкой перед последним прыжком врага к горлу России. И позвали народ. Народ, не появлявшийся на исторической сцене со времен гражданской войны, вдруг вывалил на нее. И вывалил в несравненно большем количестве и составе. Никогда не спускавшиеся с гор народности спустились с гор, никогда не выходившие из азиатских жарких долин вышли из них, никогда не сходившие с лыж сошли с них, степняки бросили стада, оседлые племена — землю. Пришли все народы, входившие в состав Союза, до сих пор плохо понимавшие, а для чего им этот Союз. И вот теперь Союз только и мог спасти. Сами, одни, Россия, и Украина, и Белоруссия не смогли остановить врага, и вот позвали Союз Советских...

Враг был зол и жесток. На Востоке, где отсутствовали грандиозные архитектурные памятники, мосты, дамбы и башни, не было видимо глазу того, что на Западе понимается под словом «цивилизация», немецкие юноши чувствовали себя воинами Александра, вторгшимися к диким племенам. Богами видели себя. С варварами из размокших в грязь степей не церемонились. С низшими расами. Даже более или менее уравновешенный журналист Курцио Малапарте писал о русских пленных (он видел их на Ленинградском фронте, в Финляндии) как о щуплых, мало развитых, низкорослых и запуганных, уступающих прекраснолицым финским юношам. Заметим, что пленные всякого народа представляют из себя грустное зрелище. Бравых пленных увидеть невозможно, и вернемся к статистам, высыпавшим на историческую сцену, к народу.

Они явились на сцену вольно и невольно. Ну да, пришли и невольно. Да, бритые старые комиссары ездили по горным аулам, порой силою забирая молодых, мускулистых азиатов. В тех обстоятельствах быстрее было взять, мобилизовать, а уж потом объяснять. Забривали в солдаты насильно и правильно делали. Забривали в сибирских деревнях и в чукотских поселениях. «Надо!» Речь шла о спасении всех. «Надо!» Под слезы таджикских, казахских, сибирских матерей.

Россия и все союзные ее племена собирались в тугой кулак у Волги. Город, которому дали имя Грузина, вернее, псевдоним его, сдавать было нельзя. Было сказано, что нельзя, потому, что этот город посвящен Грузину и он его защищал в гражданскую войну. Опять-таки Грузин тут не так важен. Даже и хорошо, что был такой Грузин, которого одни боялись, другие обожествляли почти, третьи ненавидели, но боялись. Кесарем быть — дело сложное. Никогда не знаешь, что подставить народу — какой имидж — профиля или фаса. И никто Грузина быть Кесарем не учил. В любом случае он оказался, ему посчастливилось оказаться вождем народов Союза Советских в самый героический период их истории. Хотим мы этого или не хотим. И он справился с задачей, следует признать, что неплохо. Иногда он достигал высот, сравнимых разве что с бронзовым жестом римских цезарей. Чего стоит, например, его величественно-бесчеловечное и героическое, отрывистое по поводу предложенного тевтонами обмена пленного сына Якова на фельдмаршала Паулюса: «Я солдат на фельдмаршалов не обмениваю!» Так он им бросил. Я думаю, они его зауважали...

В 1942-м было хорошо, что есть фокус, в котором собирается вся (для тех, кому нужен один символ) решимость и необходимость Союза... Кулак стягивался у Сталинграда. Новые орудия и танки ночами ехали молчаливые, двигались с новых сибирских и уральских заводов к Сталинграду. И снаряды, и бомбы, сделанные дзержинским заводом и мамой, прибавлялись к общему делу. Сложились в общий штабель.

Он был неспокойным младенцем. Он ударял в маму ножками и ручками изнутри. Стучался с ноября. Декабрь, январь — уже не орудиями, но личным оружием, дом на дом, улица на улицу, уничтожали друг друга тевтоны с союзными племенами и русские с их ребятами в Сталинграде. И не перевешивал никто. А ребенок рвался из мамы, брыкался в ней, мешая ей производить снаряды. Может, он хотел помочь нашим. Она упала в обморок на заводе.

За двадцать дней до появления ребенка на свет божий, 2 февраля 1943 года Шестая армия фельдмаршала Фридриха фон Паулюса капитулировала. В первый раз зазвучал для племен Союза победный марш басистых труб. Так что он родился уже ребенком победы. Зачатый в грустном мае поражений, он родился в победном ликовании. После капитуляции Шестой армии, в феврале же нашими был взят Ростов. Дорогой ценой. Тевтоны, нужно всегда воздавать должное врагу, были хорошими солдатами. И даже ведомый ложной, с точки зрения современности (на 1987 год), идеей национал-социализма, немец дрался как зверь.

Четвертого марта 1943 года по снежной улице, закутав дитя в свободную солдатскую шинель, понесли они его записывать в живые. Солдат поскрипывал по снегу сапогами, и девушка, в шубейке из чего-то, называемого «цыгейка» (впоследствии она была переделана в шубку сыну), была в цветном платке, на косы брошенном (кос, впрочем, не было уже, были волосы рассыпчатые, которые отец в пятидесятые годы, смеясь, называл рыжими). Понесли они время от времени взвизгивающее десятидневное дитя в дом, где помещалось учреждение, длинно называемое «Отдел записей актов гражданского состояния Дзержинского городского Совета народных депутатов Горьковской области». И (спросив или не спросив у солдата и девушки свидетельство о браке?) записали ребенка под именем Савенко Эдуарда Вениаминовича.

В те времена народ больше все погибал, рождались мало, поэтому по дороге в ЗАГС, в ЗАГСе, и из ЗАГСа встреченные русские, татары и кто угодно улыбались ребенку, выставившему десятидневную физиономию в волжское небо. Настроение у народа поднималось каждый день, ибо наши войска, пусть и по нашей еще территории, но топали неуклонно на Запад. Бог войны изменил тевтонам, предпочел нас, и мы радовались этому. Новый ребенок — было хорошо. Вряд ли уже тевтон доберется до этого ребенка. Плюс солдатский ребенок хорошо. Солдат входил в моду, в почет. Недавно еще солдата жалели. Теперь он ступал твердо.

Почему такое имя вдруг? Виноват солдат. Он зачитывался в те дни Эдуардом Багрицким, «революционным поэтом-романтиком», как его называют литературные словари и энциклопедии. Впоследствии сын его набрел на стихи Багрицкого, и стихи ему понравились.

По рыбам, по звездам проносит шаланду,
Три грека в Одессу везут контрабанду.
На правом борту, что над пропастью вырос,
Янаки, Ставраки, папа Сатырос...

А ветер как гикнет, как мимо просвищет,
Как двинет барашком под звонкое днище...

— прочел вдохновенно автор, глядя на парижские крыши. И подумал, что сейчас, спустя семьдесят лет после Великой революции, пора бы уже успокоиться жителям Союза Советских и одинаково принять свою историю, и революционных поэтов-романтиков, и поэтов-романтиков контрреволюционных. И Багрицкого, и Гумилева. Другие страсти колышут пусть население. Эти-то давно мертвые. Упиваться мертвыми страстями грешно. Вот автор, передовой русский человек, только что получивший французское гражданство, одинаково гордится и красными матросами, и реакционером Константином Леонтьевым. «Все наше» — так нужно думать. Хорошо, чтобы дом Родины, ее Пантеон был полон личностей различных и интересных. Вот французская нация, ведь мудра же в этом (у нее, правда, 198 лет истекло после взятия Бастилии, и в злопамятной России за все 70 лет не случилось Реставрации) — одинаково гордится и Людовиками своими, включая Казненного, и Робеспьером и его ребятами. Каждый может по вкусу своему выбрать себе героя в истории своей Родины. Но все они, гурманы и аббаты, «либертин» маркиз де Сад и кардиналы Ришелье и Мазарини входят в кунсткамеру Родины. Поглядев в прошлое, есть, чем развлечься и погордиться, если нужно. Не следует бояться прошлого, не нужно бояться «плохих» личностей в истории. Мнение современников редко бывает сбалансированным, и, кто был плох вчера, возможно, окажется хорош сегодня. Кто знает. Вместо того, чтобы каждый раз переписывать историю, разумнее принять ее такой, какой она выясняется сама. Семьдесят лет — достаточный срок.

Летом немцы еще прилетали бомбить их. Откатываясь все дальше на запад, немецкие аэродромы с «мессершмиттами» все-таки не отдалились еще настолько, чтобы не достичь неба над Дзержинском. Мама вернулась на завод, не те были времена, чтобы выкармливать детей в свое удовольствие. Уходя, родители оставляли дитя одно. Дабы, если случится, что «мессершмитт» сбросит бомбу поблизости, дитя, крепко увязав, задвигали в снарядном ящике под стол. Солдат усилил стол, набив на него дополнительные доски. Против прямого попадания никакие доски не помогли бы, разумеется, но маме на заводе было спокойнее. В руку сыну совали не бутылку молока с соской, но, о шокинг, — хвост селедки. Оказалось, что уже тогда он решительно заявил о своих гастрономических предпочтениях. Он сосал себе хвост, лежа под столом, и думал свои младенческие думы, еще мало чем отличающиеся от грез растений и животных. Он мог подавиться хвостом и помереть к чертовой матери четырех, пяти или сколько там месячный, без вмешательства тевтонской бомбы. Но ни молодая мама-девушка, ни солдат, очевидно, об этом никогда не подумали. (Селедку он любит до сих пор. И аккуратно обсасывает хвосты, держа их за хвост. Фу, какой позор!)

Тогда же случился эпизод, многократно вспоминаемый позже матерью и наложивший вечный отпечаток на отношения выросшего младенца к народу, и, в частности, к рабочему классу. Мама с младенцем оказалась в Горьком: навещала сестру Анну. Ничего удивительного в том, что мама с младенцем поперлась в Горький, нет, ибо Дзержинск от Горького (автор приложил линейку к карте, карта приблизительная, плохая. Есть, например, к северо-западу от Москвы точка города «Риев» и, хоть ты умри, непонятно, что это за город. Французская карта) отделяют менее двадцати километров. Дзержинск — почти пригород Горького... Молодая мать пересекала знаменитое Сормово, рабочий пригород, когда взвыла вдруг сирена воздушной тревоги. Разбегался народ по бомбоубежищам. Сын Эдик, испугавшись сирены, стал выражать свой страх единственным доступным ему способом — криком. (Автор не любит младенческих криков, нет, он не находит их приятными.) Мать с не перестававшим орать свертком в руках спустилась в бомбоубежище. И что бы вы думали?! Товарищи рабочие вытолкали молодую мать через пяток минут. Один из товарищей

рабочих истерически сообщил, что «у них...— он затыкал пальцем в потолок бомбоубежища,— есть специальная техника! Они слышат! Из-за твоего...— дальше следовали ругательства, которых Раиса Федоровна никогда не сообщила,— он нас всех разбомбит. Немец все слышит!» И ее вытолкали, и она пошла по улице меж взрывов, и падали стены, горели пламенем дома, и все такое прочее.

Сын впервые услышал эту историю, когда уже учился в школе. Рассказывалась история не ему, но новопоселившейся соседке по квартире. Он, не придав особенного значения истории, запомнил ее скорее оттого, что был удивлен выражением лица матери и ее постоянной страстностью. Очевидно-таки те четверть часа, пока мать добиралась под бомбами (предположим, если даже они падали на соседнюю улицу) до другого бомбоубежища, были насыщены страстями до предела, ибо сквозь годы мать не забывала вспоминать этот эпизод. Сын ее не может без враждебности слышать песню «Сормовская лирическая». Особенно возмущают его слова «А утром у входа большого завода...» Вспоминали ли они, подлые трусы, козьи дети, у входа своего большого завода о вытолканной ими под бомбы похожей на татарку девушке с ребенком? Не ..., наверное, не думали. Эпизод этот заложил первый камень в здание антигуманизма, воздвигшееся в душе сына девушки. Реалистического антигуманизма, каковой следует понимать не как человеконенавистничество, но скорее как реакцию против сладкой любви к толпам, исповедуемой современной цивилизацией от Лос-Анжелеса до Владивостока. Толпа может быть диким зверем, если ее оставить без присмотра. Что ей дети, что ей младенцы... Типы, оказавшиеся тогда в бомбоубежище, очевидно, уж все или почти все умерли. Прекрасные наши рабочие. Я надеюсь, что онн умерли в муках и судорогах.

К весне сорок четвертого наши освободили почти всю свою территорию и вошли «к ним». Отец в это время находился далеко на юге, в Ташкенте, был послан в военное училище. Рая, с годовалым сыном, явилась к бабке Вере в Лиски — небольшой городок в Воронежской области, он же — большая узловая станция, где пересекаются железнодорожные пути на юг и на восток. Он переименован в Георгиу-Деж после смерти румынского лидера и существует теперь с этим опереточным названием, и нежное «Лиски», то есть «Лисички», стерто с карт. Там-то, в Лисичках, между бабкой и женщиной сына произошло какое-то количество столкновений. Естественно, они и не могли поладить, ибо каждая желала влиять на Вениамина. Так как Вениамин отсутствовал, он быстро узнавал в Ташкенте то, чего ему недоставало, чтобы стать лейтенантом, женщины экзерсировали поля влияний друг на друге. Кончилось все большим скандалом. Вене пришлось забрать своих, ребенка и женщину, от матери. Автор предпочитает, не имея для объективного суждения достаточных сведений, остаться в благородной нейтральной позиции, бог с ними, с матерью и бабкой. По поводу же матери, взятой отдельно, он позволит себе высказать предположение. Раиса Зыбина, ему кажется, оказалась волевой девушкой и тихо, но настойчиво захватила Вениамина. И одним из орудий захвата послужило рождение сына Эдика. То есть отец, кажется, не очень собирался жить с девушкой Раей, потому и не расписался с ней. Фотографии конца сороковых годов демонстрируют обаятельного молодого лейтенанта в более или менее фривольных позах, обняв дерево, бедро отставлено, как во фламенко, кажется, озабоченного чем-то иным, а не своей военной карьерой. Военная форма сидит ловко, аккуратно, ушита, и, о, невероятно, Вениамин очень следил за своими красивыми руками и лишь в конце пятидесятых годов перестал покрывать ногти бесцветным лаком! Лейтенант Савенко был франт.

Из училища он вышел с самым низшим возможным званием — младшим лейтенантом. Куда нормальнее было выйти лейтенантом. Если учесть, что он был прекрасным стрелком (сохранил твердую руку надолго и оставался чемпионом дивизии по стрельбе из пистолета до самого преклонного возраста), вспомнить о практическом знании электротехники (в самом начале пятидесятых годов сам собрал первый телевизор), записать в приход политическую грамотность его (впоследствии стал политруком и пользовался в качестве такового популярностью среди солдат и офицеров, что нелегко, должность собачья), то невольно напрашивается

вопрос: почему при всех своих талантах он покинул училище младшим лейтенантом? Возможно предположить, Вениамина невзлюбило начальство училища. Но почему тогда он получил, несмотря на младшелейтенантство, ответственное назначение — послан был с мандатом, подписанным самим Лаврентием Павловичем Берией, ловить дезертиров в марийской тайге, толпы их обосновались в вышеупомянутой глуши? Очевидно, Вениамин плохо учился, пренебрегал занятиями картографией или, чего там, топографией, или баллистикой... А почему он невнимательно учился? Приходит на ум объяснение, с которым никогда не согласится Раиса Федоровна, всегда настаивающая на вечной любви и гармонии между нею и мужем (на «Поль и Вирджиния» варианте семейной истории), а именно: красивый Вениамин, поющий под гитару красивым баритоном романсы, был бабником. Не из тех вульгарных, широкомордых, знаете, типов, кто бегает за женщинами с килограммами конфет. Он не бегал за ними, он имел у них успех. Помимо, может быть, даже его воли. Однако иметь успех ему льстило, и он не отказывался. Женщины липли к нему. Доподлинно известно, что, например, у него была постоянная женщина в период ловли дезертиров в марийской тайге, и женщина эта вызывала у матери серьезную ревность. Отец даже переписывался с этой девушкой из города Глазов позднее. Возможно, он собирался жить с этой женщиной? Строил с ней планы... Однако воля Раисы Зыбиной, «татаро-монгольского ига», шаг за шагом прибрала его к рукам. Даже в самой этой кличке, данной Вениамином Раисе, содержится намек на характер их отношений, ибо «иго» — то, что навязывается насильно, против воли...

ПОД СЕНЬЮ ДЕВУШЕК В ГИМНАСТЕРКАХ

Рае было нелегко захватить отца (как видите, добрый десяток лет прошел, пока Вениамин решился войти в ЗАГС для регистрации брака), а отцу было удобнее ускользать от супружеских уз, поскольку армейская служба его протекала в атмосфере искусства. Электротехник явился в армию с гитарой. Наряду со способностями в электротехнике в нем был несомненный музыкальный талант, хороший слух, и он обладал великолепной гитарной техникой. В противоположность большинству современных недорослей с гитарами, знающих три аккорда, Вениамин умел исполнять сложные музыкальные построения (кумиром его был известный гитарист Иванов-Крамской). Обхватив гриф гитары длинными сухими пальцами, отец заводил что-нибудь, вроде:

Тает луч пурпурного заката,
Серебром окутаны цветы,
Где же ты, желанная когда-то...
Где, во мне будившая мечты...

«Учись играть, всегда будут любить девушки, — шутливо сказал он как-то подростку сыну. — Давай, я тебя научу, это легко!» Кажется, в тридцатые годы цыганщина не очень поощрялась, подумал сын. Кажется, она рассматривалась как «буржуазная отрыжка»?.. Однако, что же за атмосфера была у них там, в родном городе отца, в Боброве, и потом в Лисках-Лисичках? Почему отец получился такой деликатный и такой... как бы это точнее выразить... чувственно-трагический? Пытаясь мысленно заглянуть в маленькие городки возле Воронежа, сын вспомнил, что это же земля прасола Кольцова, исконно русский поэтический плацдарм. Там за самоварами, за кончиками косынки бабки Веры, не успевшей, но хотевшей «стать барыней», за бабкиным мизинцем, отставляемым при чаепитии, за фикусами, бегониями и геранями мелкой буржуазии, рождались иногда вовсе не заурядные русские люди. Отец Вениамина Иван Иванович учился в одном классе с впоследствии знаменитым хирургом Бурденко...

Так что отец уехал в армию с гитарой. И, служа в армии, не перестал играть и петь. В конце концов эта боковая дорожка искусства при-

вела его на должность «начальника клуба», самую странную армейскую должность, каковую возможно измыслить. Когда впервые отец стал начальником клуба, сын сказать не может. Он помнит, что, когда он, сын, уже находился долгое время в сознательном состоянии, отец утерял должность начклуба, им стал его исконный враг Левитин. Левитин этот (сын никогда так и не встретил его) представал ему из разговоров отца и матери большим злодеем, мифическим типом высоченного роста, чем-то вроде смеси Понтия Пилата с Полифемом. Каково же было его удивление, когда однажды отец принес домой фотографию: старший лейтенант Савенко и Левитин стояли рядом на сцене клуба. Слева от них находилась украшенная цветами трибуна, сзади — занавес, впереди — белый цветок в горшке. Оба улыбались, и Левитин поддерживал старшего лейтенанта под локоток. Левитин оказался ...импозантным евреем, с крупным, морщинистым лицом. Он был старше отца или казался старше. То, что Левитин оказался евреем, почему-то поразило подростка. Вопреки твердому убеждению евреев, что все вокруг помнят о том, что они евреи, ни Эдик почему-то никогда не подумал, что носитель фамилии «Левитин» — еврей, ни родители его, говоря о кознях Левитина, о том, что он «подсиживает» Вениамина Савенко («Он подсиживает тебя, Вениамин!» — сказала мать убежденно, так как в тот момент Вениамин был начальником клуба), не упоминали его национальности. А кем был Левитин, когда отец был начальником клуба? Черт его знает! Из всех этих историй выясняется одно — что должность начальника клуба была хорошей должностью. И она переходила из рук в руки. Выбирали они что ли начальника? Отцу приходилось бороться с «хитрым Левитиным». Сын рано понял на примере отца, что бороться — не обязательно поносить и бить друг друга при встрече или не здороваться. Можно и улыбаться, взяв соперника под локоток. У каждого из нас, товарищи, есть в жизни свой Левитин. Иногда автору кажется, что его Левитин — это поэт Бродский...

Но с Левитиным автор забежал далеко вперед. Оставим его в покое и рассмотрим ряд фотографий еще военных годов. Фотографии пожелтели от времени и оттого, что фотографическая техника тогда была говно... На фото в два, а то и в три ряда сидят и стоят участники самодеятельности дивизии. В первом ряду, нога на ногу, сапоги сияют, тоненький, в портупеях, погоны блестят, сидит его «папка». («Папка» называл он отца, когда был маленький и еще добрый). Рядом с ним — девушка-баянист, за ней девушки с балалайками. В гимнастерках, пилотках, в армейских юбках и сапогах. Отец в центре группы на всех фотографиях, на него смотрят и по отношению к нему располагаются. Был ли уже тогда отец начальником клуба или еще просто организатором самодеятельности? Неизвестно. Но фотографий с девушками множество. Солдатки с баянами, солдатки без баянов, военные девушки, эти все как на подбор «очаровашки». Выбирал ли их Вениамин или они выбирались сами? На фото (большинство их затемненные, очевидно, самодеятельность размещалась или в очень зашторенных, закамуфляженных залах, которые невозможно было расшторить, или же в подвалах), несмотря на военную форму всех без исключения присутствующих, а может быть, благодаря ей царит этакая атмосфера ночного клуба, какого-нибудь «Крейзи Хорс салуна» или «Распутина».

Можно себе представить, что мама Раиса, с ее характером, могла «вычистить» (как Сталин вычистил партию, а вдова Достоевского — его письма) из семейного альбома «неканонические» фотографии. Не может быть, чтобы у столь популярного лейтенанта не существовало фотографий, на которых он снят с одной девушкой. (А их в альбоме нет! Сохранились лишь групповые, с коллективом девушек). Есть, впрочем, исключение. Он снят с двоюродной сестрой Лидией... Вот в каком обрезанном виде доходит до нас история, товарищи. Все апокрифы безжалостно уничтожаются, и нам достается урезанная, простая, как дважды два, версия. («Мы прожили в любви и согласии сорок четыре года», — пишет Раиса Федоровна... Семейная легенда вновь и вновь выставляется вперед, версия без изъяна «Поль и Вирджиния». «Мама! — хочется воскликнуть автору. — Я знаю, что от вас с отцом правды не добьешься, ибо вы сами, оба поверили во введенную тобой правду, в узаконенный, единственный вариант семейного мифа. А мне интересен другой вариант. Это не разоблачение, но да, попытка ревизионизма, после твоей диктаторской чистки...)

Много раз сын думал о том, что, может быть, его родители оказались друг другу вредны. Что отец его, чувствительный и мягкий («твой папа, как девушка», — обронила как-то мать), должен был быть предоставлен его судьбе, и она сложилась бы более хаотично и менее счастливо, но куда более артистично... Мать его не была какая-нибудь там деспотичная Васса Железнова, жестокая и капризная, вовсе нет. В ней была ровная татарская сила, она умела ждать и равномерно затягивать. Она не схватила отца этаким налетом хищной птицы сверху, наброском... и птица, хвать, уносит добычу. Нет, она обтекла его, как островок, и потом поднимала уровень постепенно, пока островок не оказался под водой... Что сделано, то сделано. Однако порознь, с другими партнерами, их судьбы, может быть, сложились бы интереснее. Ибо, «захватив» отца, мать не знала, что с ним делать. У нее у самой не было достаточно честолюбия или особых планов для созданной семьи. Этот захват был самым большим делом ее жизни. Захватила, и стали жить. Да, в любви и согласии, но любовь и согласие во всех книгах — это конец истории, если пара не ставит перед собой никаких завоевательских, направленных против мира целей (из семьи направленных, вовне...).

Отец глядит с желтых фотографий молоденький со своими военными «очаровашечками», и те выглядят не хуже каких-нибудь американских актрис, нацепивших в эти же годы военную форму, не хуже Марлен Дитрих, предательницы немецкого народа. Пучки мощных русских волос выбиваются из-под пилоток девушек, отец улыбается.

Впоследствии Вагрич Бахчанян, служивший в армии художником именно при клубе, рассказал сыну Вениамина поподробнее о должности начальника клуба. Во всяком случае, в самом конце пятидесятых годов, когда служил Вагрич, эта должность была чем-то средним между массовиком-затейником и директором «красного уголка» на заводе. Капитан, управлявший Вагричем, был тихо и привычно пьян с утра до вечера и не перерабатывался. В его обязанности входило культурное оформление жизни солдат. При клубе были обязательные музыкальные инструменты, солдат мог явиться в клуб в отведенное ему на досуг время и играть на инструментах, если хотел. Существовала самодеятельность, приглашались артисты из внешнего мира. Кроме художника, начальник клуба управлял киномехаником. Начальник клуба обязан был организовывать тематические вечера в день Советской Армии и в день Победы и в день Седьмого ноября. По Вагричу, выходило, что должность начальника клуба была «синекурой», как бы не бей лежачего, что в сочетании с приличной зарплатой делало ее соблазнительной. Потому так боролись за нее Левитин и Вениамин. И потому так страдал Вениамин, вдруг побежденный Левитиным и вынужденный стать политруком. Читать солдатам лекции о международном положении и выезжать с ними на учения в мясистую украинскую грязь было куда более утомительно. (Еще более застрадал Вениамин, и мать тоже, когда по каким-то невразумительным причинам ему пришлось сменить дивизию, и старший лейтенант вдруг обнаружил себя начальником конвоя, развозящим по Сибири заключенных. Насколько может судить сын, это был самый неприятный для отца период жизни. Возвращаясь через месяц из Сибири, отец ставил в угол чемодан и сразу же брал гитару, запеть свое неудовольствие службой. Он все более тяготился ею.)

Короче, должность начальника клуба являлась компромиссом между желанием лейтенанта Вениамина быть собой (а именно: быть в мире музыки, песен, девушек, концертов и представлений) и армией, в каковой он очутился случайно, и каковую, может быть, из-за этого временного, удачного компромисса — «начальник клуба» — он так и не смог покинуть. Отец и мать часто обсуждали (позднее) проблему ухода из армии. «И что я стану делать без университетского диплома, Рая? — говорил отец. — Мне никогда не заработать таких денег, какие я получаю в армии. Что я, приемники пойду ремонтировать в лавочку?» (Он бы прекрасно справился. У него было даже больше, чем нужно, умения. Телевизор и даже глушитель, глушить радио соседей, выводящих «громкость до отказу», были на его счету, так же как и бесчисленные суперприемники.) Мать была из

тех, кто выдержал бы стесненную жизнь без проблем. Но у отца не хватило решимости прыгнуть в неизвестность. Зря, заметим. Жизнь любит смелых.

Но возвратимся к желтым фотографиям и к жизни «под сенью девушек в гимнастерках». Исчезли все другие типы фотографий, никаких больше фотографий с электроникой, нет более телеграфных столбов или киноаппаратов, дружески обнявшихся с Вениамином, но только полуподвальная атмосфера военного секса. (Вдруг донесся из прошлого насмешливый, уже уверенный в себе голос матери, обращенный к отцу: «Которая из этих двух была твоя пассия?» — называлось имя. И смущенный голос отца: «Ну перестань, Рая, какая там пассия... Просто...» «Ну да, как же, просто, и в клубе в тот вечер вы оказались вместе просто...») Фотографии не были подписаны, и сыну так и осталось неизвестным каждое место происшествия, хотя бы название города. А были эти снимки сделаны не в одном, но во множестве городов. Ибо молодого лейтенанта Родина посылала служить в различные города. Иногда он пребывал в «населенном пункте» (О, очаровательная терминология войны! Во множестве населенных пунктов не насчитывалось и половины довоенного населения) всего несколько месяцев. Изгнанные свекровью, за ним следовали и младенец с матерью. Доподлинно известно, что до того, как очутиться в Харькове, отец служил в Ворошиловграде, бывшем Луганске. Младенец уже очнулся, но отдельные вспышки сознания еще не слились в процесс сознания, потому они так и останутся вспышками среди темноты. В Ворошиловграде, ввиду ограниченности жилой площади, служебный кабинет отца был перегорожен пополам ситцевой занавеской. В то время как отец «служил» — то есть находился в кабинете, куда входили и откуда выходили его подчиненные и начальники, стуча сапогами, ребенок и мать находились за занавеской и, может быть, спали или тихо играли. Оригинальная военно-полевая жизнь, не правда ли? Вокруг дитяти были исключительно голенища сапог...

До Ворошиловграда они пожили в населенном пункте с очень немецким названием Миллерово (как этот населенный пункт называется сейчас, черт его знает) и еще на полдюжине временных кочевых бивуаков. Однако уже тогда определился кусок территории, за пределы которого семья не отлучалась: Донецкий бассейн, Правобережная Восточная Украина. Родителям его так и не суждено было выбраться за пределы этого куска территории, и они лишь в конце концов остепенились вместе со временем и прекратили вынужденное номадничество. (Или же остепенился и осел отцовский военный округ?) Сын их размахнулся широко, уже в 1954 году пытаясь сбежать в Бразилию, был пойман, но бежал снова и снова. В 1967-м сбежал в Москву, а потом и вовсе так загулял по глобусу, что и вернулся бы в родные места, да только где они? Война ли тому виной и все послевоенные миграции, военная ли профессия отца, но нет у сына места, которое можно вспомнить как «дом», нет стен, которые можно было бы назвать своими. Так случилось, ничего грустного в этом нет. Натренированный с пеленок бежать, бежит он и бежит, и где обретет он последнее пристанище, неясно.

ИЖДИВЕНЦЫ

Первый пейзаж, удержанный памятью наконец очнувшегося младенца, был суров. Руины харьковского вокзала были видны из окна комнаты на Красноармейской улице. Море битого, обугленного кирпича, даже еще не заправленное в заборы. Край моря огибала собой черная, никогда не исчезающая, вечная очередь. Аккуратно, затылок к затылку подогнанные женщины в платочках, старики с палками и дети образовывали эту темную артерию жизни, стремящуюся к одноэтажному продовольственному магазину, где при свете голой лампочки под потолком можно было обменять клочки бумаги, зажатые в руках, «карточки», — на хлеб, масло и крупу. (Отсутствие абажура населяло помещение фантастическими гротескными тенями, и выглядело оно местом, куда слетелись сказочные птицы и сбежались вместе с реальными жителями Харькова кентавры и кентаврессы...) Перепоясанный портупеями синешинельный милиционер-старик в подшитых валенках похаживал вдоль очереди, и прошныривали, ругаясь в Бога, душу и мать, половинки людей, бюсты на деревянных постаментах, снабженных подшипниками, — первые «роллер-скейтэрс» в мире, — советские безногие калеки.

Война отползла далеко на Запад и сдохла в столице немца, в Берлине. (Тут, камрады, автор уступает место покойному камраду Фасбиндеру, несколько кадров из фильма «Мэридж оф Мария Браун» дадут представление о том, что происходило в Германии, как вел себя побежденный немец, и что чувствовал.) В Берлине русским пришлось принести чудовищную последнюю жертву Богу Войны. Армия Жукова пошла на город, нашпигованный миллионом тевтонских солдат, 16 апреля 1945 года и взяла его 30 апреля. В две недели боев сто тысяч русских солдат полегло там и двести тысяч солдатиков было ранено. Ни единый солдат союзников не погиб на берлинских улицах, на которые они получили доступ (после Потсдама) по разрешению Сталина. (Так что тот, кто хочет построить стену, подобную берлинской, может позволить себе удовольствие за ту же кровавую цену). Захлебнувшись кровью, еще через неделю война издохла.

Гордая собой, европейская «христианская» цивилизация дымила в мир развалинами. Заткнулись все воспеватели прогресса (увы, ненадолго) перед картиною подобного варварства. Немцы ли только были виноваты, или все приложили понемногу руку к производству идей и ситуаций, столкнувших народы в каннибальской грызне, поглотившей, согласно словарю «Петит Ларусс», 49 миллионов жизней? Сорок лет спустя обвиняют одних тевтонов. Но побежденных всегда легко обвинять. К тому же тевтоны, несомненно, виноваты больше всех.

Как бы там ни было, война издохла, перевернувшись брюхом вверх... Сожрав дедушку Федора и дядю Юру, так трогательно влюбленного в себя гиревика 19 лет. А отец остался жив. Быть живым молодым мужчиной в 1947 году на территории Союза Советских было уже большой удачей. Счастьем. Здорово было быть лейтенантом сразу после войны, и полковник Сладков, начальник штаба дивизии, храбрый боевой офицер, носивший шинель с бобровым воротником, бывший офицером еще в русской царской армии, удовлетворенно оглядывал строй своих орлов-лейтенантов и любовно останавливался взглядом на отце. Он был тонок и ловок — парень со старомодным именем Вениамин.

В здании на Красноармейской улице, чудом уцелевшей конструктивистской крепости из бетона, на первых двух этажах помещался штаб дивизии, а выше, на третьем и четвертом, жили члены семей офицеров, официально именовавшиеся в графах военных ведомостей как «иждивенцы». Интриги и любовь сотрясали серую приземистую крепость. Невзирая на карточную систему... Но автор забежал «поперед батьки в пекло», об интригах еще рано. Нужен еще один, хотя бы общий, план города.

Харьков занимали и освобождали несколько раз. В последний раз освободили на год и два дня ранее Парижа — 23 августа 1943 года. Освободив, обнаружили, что освободили развалины. По рассказам очевидцев, с балконов домов и с харьковских каштанов (преобладающая порода харьковского дерева) свисали странными плодами трупы мужчин и женщин. «Комиссаров, партизан и евреев...» Вопреки сегодняшнему взгляду на исключительную трагическую судьбу еврейского народа, на территории России евреям предоставлялось тевтонами скромное третье место. Выстроив пленных, тевтоны имели обыкновение командовать: «Комиссарэн, партизанэн, юдэн... шаг вперед!» С неевропейскими варварами тевтоны особенно не церемонились. Роскоши остаться вне игры харьковские жители не могли себе позволить, как позволяли себе парижские. Невозможно себе представить русских Кокто или Гастона Галлимара во фраках, посещающих прием немецкого коменданта, или назовем его послом...

Семья явилась из Ворошиловграда в Харьков в первых числах февраля 1947 года. Из кабины грузовика, Эдик у нее на коленях, мать с любопытством обозревала развалины. Множество вывесок «Перукарня»

бросились ей в глаза, и она спросила шофера: «Здесь, должно быть, много хлеба? Столько пекарен...»

(О чем, естественно, могла думать голодная девушка-мать. «Голодной куме — хлеб на уме».) Шофер посмотрел на девушку с ребенком, ничего не сказал и только улыбнулся. Когда они доехали и мать спросила Вениамина (он трясся в кузове), почему в городе столько пекарен, отец объяснил со вздохом, что «Перукарня» — украинское слово, «мы ведь приехали на Украину, к хохлам, Рая», и обозначает — «Парикмахерская». Прически тогда носили очень короткие, стриглись часто, так что во множестве парикмахерских была прямая необходимость.

Двор штаба дивизии образовывали, сомкнувшись углом, два здания. Уже описанная нами поверхностно конструктивистская крепость и двухэтажное здание «санпропускника». Дабы в город не завозились отовсюду эпидемии заразных болезней и блохи, все приезжающие на вокзал обязаны были проходить санобработку, самих их мыли, а одежду парили и обрызгивали раствором карболки, чем приезжающие были недовольны, часто можно было слышать их крики. Приезжающие, тряся чемоданами, ругали «санпропускник», вещи воняли и порой бывали безнадежно испорчены. Прогрызанный в теле «санпропускника» длинный сырой туннель с кирпичными боками выводил на улицу Свердлова. На Красноармейскую выход был только из штаба дивизии (у дверей стояли, всегда наехав на тротуар, несколько трофейных «оппелей» и американские мотоциклы «харлей-давидсон». Солдаты утверждали, что на самом деле владелец американской фирмы — донской казак Харлампий Давыдов, уехавший в Америку задолго до революции и ставший там миллиардером). Иждивенцы взбирались на свои этажи по крутой черной лестнице и могли выбраться из двора только на улицу Свердлова...

К стене «санпропускника» была пристроена импровизированная конюшня. Навес защищал нескольких лошадей от «атмосферных осадков». Телега с сеном постоянно стояла во дворе, воздев в небо оглобли. Лошади питались лучше и обильнее людей. Малышня — офицерские дети — с удовольствием кувыркались в сене, дергали лошадей за хвосты. Соседями конюшни была семья Соковых. Угнездившись в боку «санпропускника», всего лишь в двух комнатах, Елизавета Васильевна и Николай умудрились вывести одиннадцать детей! Елизавета Васильевна имела профессию «землеустроитель» и звание «Мать-героиня», ибо государство, которому нужны были дети, земля России обезлюдела и некому было ее устраивать, награждало мать, произведшую на свет десятерых детей, специальным орденом. «Мать-героиня», однако, не смогла уберечь одиннадцатилетнего Колю от частого несчастья тех лет: играя в развалинах с найденной гранатой, мальчишка лишился кисти руки, розовой культей кончалась рука мальчишки.

Ужас офицерских матерей — развалины — грозно молчали, лежа за заборами из свежих, сырых досок. Даже сейчас, спустя сорок лет, автор помнит лица этих досок, все сучки, их офицерские дети обожали обводить карандашами. Он помнит дактилографию этих шершавых досок лучше, чем лица любимых людей того времени. Почему, интересно? На досках жила в узорах волокон героическая эпопея, как на знаменитом байоннском гобелене рассказана история завоевания Англии герцогом Гийомом. Можно было часами тереться у заборов, разглядывая эпизоды борьбы карликов и титанов. Руки офицерских детей были в частых занозах. Сквозь щели просыпались во двор из развалин кирпичная пыль и куски кирпичей. Выбираться за заборы, бродить и играть в развалинах строго воспрещалось и до того, как Коля Соков стал инвалидом. В развалинах можно было найти сколько угодно патронов, гранат и любого оружия. Даже бомбы. У военных не хватало времени вычистить соседние лабиринты...

В один прекрасный осенний день по Свердлова пустили (это был праздник) трамвай! С появлением трамвая дети стали чаще наведываться в развалины. За патронами! Из патронов вытаскивались пули, а порох высыпался на рельсы! Это было великолепное развлечение, за неимением фейерверков. Пользуясь тем, что небольшой сквер треугольником располагался меж разветвляющихся в этом месте трамвайных путей, дети затаивались в сквере (собственно, это был лишь клочок территории, не предназначавшийся для публики, издержка топографии) и, улучив удобный момент, выскакивали, дабы осуществить свои преступные намерения. Осуществив, они располагались поудобнее и ждали жертву. Иногда малолетние злодеи перебарщивали и клали под колеса бедного калеки, только что отремонтированного от последствий войны, такое количество взрывчатых веществ, что бедняга подпрыгивал и зависал в воздухе. Пламя изрыгалось из-под колес, взрывы были такие, как будто на город опять напали немцы... Водитель и кондукторы, и пассажиры выскакивали, яростные, пытаясь поймать малолетнюю шпану. Шпана с визгом бежала в родительский двор штаба дивизии, где, они знали, старшина Шаповал сидит на крылечке и не даст их в обиду.

Было много насекомых. Удивительные, брюхастые, зелено-изумрудные мухи прилетали из развалин и опускались на лошадиный навоз. С первым теплом каждой весною тянуло из развалин гарью и сладким, неприятным запахом. Запах этот старшина Шаповал, бывший как бы консьержем двора штаба дивизии (он жил в крошечном флигеле-сарайчике в глубине, у забора), объяснял, пугая детей, оставленными в развалинах трупами фрицев. Немец назывался «фриц» или «немец», то есть немой, мычащий что-то на языке, который нельзя понять. Никто не называл «фрицев» германцами. Выйдя на Красноармейскую улицу рано утром или к вечеру, можно было увидеть колонну пленных фрицев, проводимых два раза в день на работу и с работы. Первое время офицерские дети часто ходили смотреть на фрицев, свистели, завидя их, и пытались запустить в фрицев осколками кирпича, если красноармейцы, охранявшие их, вдруг зазеваются, но вскоре это удовольствие потеряло новизну, приелось. Фрицы в обесцветившихся от времени шинелях выглядели вовсе не плохо, однако, наблюдая колонну небритых мужчин, покорно вышагивающих в сопровождении всего лишь нескольких послевоенных, юных красноармейцев с ружьями, было непонятно, как такой враг мог дошагать до самого Сталинграда и почти уже победил нас... «Ну да русский человек разозлился наконец и врезал фрицу», — объяснил старшина-консьерж, разматывая портянку. Дело происходило на крыльце, вокруг сидела малышня и внимательно слушала старшину.

«А почему русский человек не разозлился сразу?» — спросил Ленька. Ленька был на несколько лет старше Эдика и большинства малышни и вообще-то не принадлежал к офицерским детям. Мать его работала официанткой в офицерской столовой на первом этаже и потому приводила Леньку на весь день играть с офицерскими детьми.

«Гэ-гэ, — засмеялся почему-то Шаповал. — Русскому человеку, чтобы раскачаться, время необходимо. Но уж если раскачается, тогда — держись, враг!» И протерши жилистую, набухшую венами солдатскую ногу рукой (на этих ногах он дошел до Берлина), старшина стал аккуратно заматывать ее портянкой... Автор ясно, как из вчера, видит эту солдатскую ножищу, со сношенной в походах пяткой и скособоченными ногтями, белую, с синеватыми венами, и как ее, слой за слоем, накрывает размятая только что портянка. Другую с готовностью разминает в это время крошечная дочка «егроя Кзякина», Настя. О Герое Советского Союза Кузякине речь пойдет дальше, сейчас же автор торопится закончить эту трогательную сцену на закате. Настя Кузякина с портянкой, садится солнце, малышня птичками расселась на трех высоких ступеньках, ведущих в хижину старшины. Старшина казался четырехлетнему Эдику дедушкой с усами. На самом же деле старшине должно было быть не более тридцати лет. В белой нижней армейской рубахе, в обязательных подтяжках, в выгоревших хаки галифе, ну, может, он выглядел чуть старше... Вместе со старшиной в хижине жила его жена-«казачка». Почему «казачкой» называли ее только, ведь и старшина Шаповал был донским казаком, непонятно. Возможно, старшинство в Шаповале перевешивало казачество. Отношения Эдика, подающего сейчас (они все хотели дружить со старшиной, мелкие льстецы, дружить с ним было выгодно) сапог старшине, с владельцем сапога были очень хорошие. Неизвестно, объяснялись ли эти отношения личными качествами четырехлетнего Эдика или служебным положением лейтенанта Савенко (предположим, что старшина в чем-то зависел от этого именно лейтенанта), но это были отличные отношения. Ему позволялось подавать сапог старшине! Испортились отношения, только когда старшина завел себе молодую овчарку, а казачка родила ему малень-

кую крикливую девочку. Но не с одним только ребенком Савенко расстроились у старшины отношения, но с большинством малышни, ибо все стали бояться большой игривой немецкой овчарки. А заимев своего ребенка, старшина, возможно, стал меньше интересоваться чужими детьми.

Он протягивает сапог старшине. Подогнув уголок рыжей портянки, старшина берет сапог... Вообще-то ему офицерские сапоги не полагаются. По уставу он не должен носить красивые, хромовые. Но в ситуации тех лет многое сдвинулось. Пошатнулась и дисциплина. И не только в этой дивизии, но и во многих других дивизиях. И во всей стране. Привыкшие к оружию, к относительной свободе фронта, к присутствию смерти за плечами, мужики того времени неохотно впрягались в старый довоенный ритм. Нелегко было сразу заставить военных, прошедших с оружием пол-Европы, опять быть смирными и послушными. К концу сороковых годов вооруженный бандитизм был на территории Союза Советских нормальным явлением. Именно поэтому Сталин ввел в 1949 году смертную казнь. (Парадоксально, но все тридцатые и сороковые смертной казни в Уголовном кодексе не существовало.) С большим трудом к середине пятидесятых, отбирая оружие, стягивая все туже и туже солдатскую вольницу, вернули довоенное послушание.

СЕМЕЙНЫЕ МОДЫ

Запах портянок и сапог отца будет сопровождать его еще десяток лет. Голенища отцовских сапог будут сниться ему, юноше-поэту, в Москве... Несмотря на то, что самому ему пришлось проносить солдатские сапоги лишь один сезон (когда работал строителем-монтажником), навсегда врастет в него убежденность, что мужчина без голенищ, без сапог полумужчина. Что только с сапогами полное величие мужчины сияет всей окружающей гражданской братии. Офицерский сын, не взятый в армию по причине сильнейшей близорукости, он будет тайно оплакивать свою небоеспособность всю оставшуюся жизнь. И это во времена, когда профессия солдата не пользуется никакой популярностью, но пользуется презрением.

Тогда, сразу после Самой Большой Войны, солдат и тем паче офицер были в лихорадочной моде... Еще в 1944 году Сталин подарил выкатившейся в Восточную Европу, побеждающей своей Армии новую форму. Твердые сияющие погоны красиво увеличили плечи двадцатипятилетнего отца — лейтенанта. Плотно обтягивающий грудь мундир темного хаки со стоячим твердым воротником (к нему пришивалась изнутри полоска белой ткани) назывался «китель». Чистка пуговиц на кителе, так же как и пряжек и колец на ремне и портупеях, была обязательной и длительной операцией. Пуговицы, если перевернуть их, имели на тыльной черной стороне их тисненную в металле надпись «Чикаго, Иллинойс, Ю. С.» — они поставлялись Америкой по ленд-лизу. Едва ли не первый запомнившийся сыну Вениамина запах в его жизни был острый запах асидола — жидкости для чистки пуговиц. Пуговицы заправлялись, сразу несколько штук, в прорезь специальной дощечки, намазывались тряпкой, смоченной в асидоле, и, когда состав засыхал, надраивались щеткой до солнечного сияния. Соперничал с асидолом по интенсивности запах сапожной ваксы. Офицерские хромовые сапоги были скорее элегантным сооружением из семейства роялей, чем обувью. Они достигали офицеру до колена, изготовлены были из тонкой кожи. Голенища сапог, надраенные, отражали послевоенные руины, как зеркала. Сапоги должны были сиять все, от задников до голенищ. Военнослужащий, у которого были начищены только носы сапог (способ назывался «для старшины», жульничество заключалось в том, что старшина, проходящий вдоль строя солдат, мог видеть только носы сапог), был достоин презрения так же, как и неряха с тусклыми пуговицами. Немало часов провел Эдик со щеткой и гуталином, запустив маленькую руку по плечо во внутренность отцовских сапог, надраивая их (всегда добровольно!) ваксой, щеткой и — последний шик — с помощью куска бархата, «бархотки», до зеркального блеска. До чистки пуговиц его допускали реже, существовала опасность, что капля асидола, уроненная неуверенной рукой ребенка мимо пуговицы, попадет на китель или шинель. Над пуговицами часто трудилась мать... Когда отец уезжал в командировку, большую часть места в чемодане занимали щетки, бархотки, флакончики и банка с гуталином.

Короче, в запахе гуталина, асидола и портянок произрастал ребенок. И они останутся навсегда его предпочитаемыми запахами. Мужественность ассоциируется с ними. Запах табака отсутствовал. Отец никогда не курил. Не говоря уже о матери. Незримо и незаметно выкрещенный в военную веру, ребенок вырос, пересек столицы и континенты, но поймал себя на том, что ни разу не вышел на улицу, не вычистив сапог (сапоги, увы, не армейские)... Уместно сообщить тут об оплошности маленького человека, стоившей ему слез и стыда. Однажды ночью, встав писать, он вместо горшка, находившегося в дверной нише за занавеской, пописал в рядом стоящий отцовский сапог. Автору даже сейчас стыдно. Отец, впрочем, не обиделся и смеялся.

Брюки — сложнейшая конструкция, собранная из косо выкроенных кусков темно-синего сукна, относилась к семейству бриджей, но называлась почему-то «галифе». Отношения генерала Галифе, расстрелявшего коммунаров Парижа, к этому просторному в бедрах, оканчивающемуся трубочками штанин одеянию нижней части тела советского офицерства, неясны. На галифе пуговицы также были металлические, также родившиеся в «Чикаго, Иллинойс», но куда меньшего размера и плоские, черные. Чистить их не следовало. Автор уверен, что, появись сегодня галифе и кителя в магазине у Ле Халля, они были бы раскуплены в любом количестве за неповторимую оригинальность стиля.

Округ голой ноги окручивался великолепным образом куском фланели — уже тепло вспомянутая портянка. От умения закручивать портянки зависело настроение и удобство пребывания военнослужащего в мире. (Подчеркивая никогда не существовавшее равенство между солдатами и офицерами, все лживо именовались «военнослужащими», но даже качество портянок, выдаваемых солдатам и офицерам, было, разумеется, различным.) Нет нужды говорить о том, что форма и сапоги, и нижнее белье — кальсоны и рубахи белого полотна — выдавались военнослужащему армией. Бесплатно. На определенный срок. Аккуратный Вениамин всегда имел в запасе несколько пар несношенных сапог, шинелей и множество белья.

Перепоясанное поверх кителя ремнем, с пропущенной под погон портупеей (с ремня свисал денно и нощно «ТТ» в кобуре), здание советского офицера увенчивалось вверху фуражкой. В твердый головной убор этот (очевидно, скопированный с английского головного убора) по периметру была вставлена стальная лента — дабы держалась форма. Молодые офицеры, подражая высоким тульям фуражек побежденного врага, имели обыкновение вынимать ленту и набивать фронт фуражки бумагой. Невинное это подражание фашистам наказывалось гауптвахтой, но оказалось живучей офицерской молодежной модой и, по сообщениям очевидцев, существует прочно среди советской военной молодежи сегодняшнего дня.

Шинель (прославленная в литературе уже Гоголем), надевавшаяся в холодные сезоны поверх вышеперечисленных одежд, ох, шинель достойна отдельной песни в «Одиссее». Крылья, полы, борта — все было великолепно в шинели. Она сочетала в себе достоинства татарской войлочной юрты со свирепым великолепием японских ватных доспехов. Два ряда звездных американских пуговиц спускались по груди ее. Твердые погоны золотых нетускнеющих нитей украшали плечи. Полковник Сладков — начальник штаба, хранитель традиций и главный денди дивизии, как это уже было упомянуто,— украшал шинель воротником из бобра... Однако традиции русской армии со времен суворовских походов, завоевания Кавказа и Азии чтили более всего шинель солдатскую из серого грубого волосатого сукна, в сущности, почти войлока. Солдатская шинель, суровая и простая, служила солдату, если нужно, постелью («на одну полу ложится солдат, другой прикрывается»,— говорил Вениамин), на ней хорошо гляделся Георгиевский крест, в шинель солдат буйно исходил кровью после сражения, и в ней же, за неимением на месте гробов и досок, клали

солдата в могилу... Прошлою зимой привезли автору нелегально из Союза Советских в чемодане две шинели. Одна, полковничья, громадная, с подкладкой, голубая, современная — шинель невоенной эпохи — ему исключительно не понравилась. Он развернул вторую, и, о чудо, от нее крепко повеяло отцом, штабом дивизии, солдатиками, сапогами. Домом на Красноармейской, камрады, повеяло от серой, волосатой, порядком изношенной неизвестным солдатиком брони. И что там Марсель Пруст с его печеньем... Автор надел шинель с погонами «СА» и ходит в ней по Парижу, счастливый.

Мама Раиса запечатлена на фотографиях того времени обыкновенно в беретике. Из-под беретика на татаристое скуластое личико мамы выбивается кокетливо несколько завитков. На маме плечистый жакет в талию с очень большими светлыми пуговицами. На ногах мамы так называемые «танкетки» — лаковые туфли со множеством ремешков, на крупном квадратном каблуке. Танкетки — модная обувь тех лет — изготовлялись частными сапожниками и стоили дорого.

Отправляясь с Вениамином на офицерские вечера, мать чаще всего надевала платье серо-голубого шелка, узкое в талии и с накладными большими плечами. Обувью всегда были танкетки. Не обязательно лаковые, но мода на солидную, заметную (и, по всей вероятности, очень неудобную, ибо мама всегда с облегчением сбрасывала танкетки в первую очередь) обувь трагических героинь продержалась до самого конца пятидесятых годов.

Чулки «капрон», «нейлон», позднее «со швом» стоили очень дорого, надевались с предосторожностями, и дыра в капроне горько оплакивалась мамой Раей.

Если военное «обмундирование», как официально именовались одежды отца (от нижнего белья до портянок), все поступало с армейских складов, то гражданские одежды прибывали не из «домов» (скажем, с рю Франсуа Премьер или Кузнецкого моста в Москве), но с обширного пыльного поля за городом, называемого «барахолкой» (от слова «барахло») или «толкучкой» (от слова «толкаться»). Власти считали «толчок» местом стыдным и потому спрятали его далеко за город, поместили рядом с дурно воняющими во всякое время года сточными водами и обнесли забором. Там, приобретя за 20 копеек ярко-синий входной билетик, население каждое воскресенье имело право продажи любых странностей. Покупатель допускался на территорию бесплатно.

На барахолке во всякое время года было грязно и находилось по меньшей мере несколько тысяч человек. На местности оперировали банды карманных воров и вздымались обильно к небу ругательства... Ветер срывал пыль с окрестных глиняных холмов и обдавал ею народные массы. Массы матерились, отирали лица, ругали начальников-дармоедов, не позволяющих народу собираться для насущно необходимых обменов товаром в более живописном, менее пыльном и грязном месте. Повинуясь своим прихотям, толпы вдруг сгущались в неожиданных местах, визжали, придавленные к заборам, мужики понаглее пользовались свалкой, чтобы облапить баб. Играли в разных углах поля несколько гармоний или аккордеонов, не впустую, но для дела — покупатель пробовал товар. Для той же цели, поставленные на тряпку или платок в «радиоуглу» поля (позднее сын Вениамина не раз ездил туда с отцом или один) хрипели патефоны трофейными фокстротами... Обмениваясь товарами, народ немножко и «гулял». Тот народ был куда проще народа нынешнего, грубее и честнее. Большинство тех людей видели смерть во многих видах. Проверенные на зуб войной, они знали, что они не фальшивка, но люди... Режим? Правительство... Сталин... это все было абстрактно и далеко. Власть была представлена на толкучке несколькими пожилыми хитрыми милиционерами, правящими толкучкой грубо и справедливо, с помощью всемогущей коррупции и кулака...

Инвалидов было величайшее множество. (Уже через десять лет они практически исчезли. Куда они делись? Целое поколение инвалидов, ставших таковыми в солдатском возрасте, не может вымереть в десять лет.) Инвалидов милиция не трогала, и беззаконные пьяные люди без частей тела шныряли в людском море, разнося за собой запах водки и тройного одеколона и еще чего-то, — пронзительного отчаянья, что ли... Не вернуть

было утраченные члены, но еще не успели пропить оставшееся здоровье грудастые обрубки людей, и была еще сила выскакивать в народ, в толпу, в гущу... Ругаясь в Бога, в Родину, в душу и в мать. Толпа, благодаря присутствию таких элементов здесь и там, была куда яростнее нынешней.

Мать посещала толкучку, когда в этом была необходимость. На барахолках страны приземлились и пошли по рукам платья, костюмы, пальто для всех полов и возрастов — «трофейное барахло», вывезенное солдатами в вещевых мешках из покоренной Германии. Эти первые Меркурии западной моды, задолго до Сен Лорана и Кардена перелетевшие границы, дали хороший пинок в зад русской моде того времени, вестернизировали ее. Изношенное «трофейное барахло» было впоследствии распорото и послужило эталоном для сотен тысяч анонимных народных портных от Москвы до сибирских снегов и таджикских гор. Каталогом и гидом для путешествий по морю кожаных тирольских шорт, авиационных шлемов, румынских, итальянских и венгерских военных пальто и детских берлинских костюмчиков служили американские фильмы, в изобилии показывавшиеся на советской территории в горячую войну и даже в самые первые годы холодной. Глядя на голливудских девушек и суровых гангстеров в двубортных костюмах и шляпах, запоминала русская молодежь модели одежды. Если военная мода в стране, только что выигравшей войну, подавила гражданскую мужскую моду полностью, то Рая и ее подружки — жены лейтенантов — выглядели бы нормально и на берлинском или парижском фоне, перенеси их судьба вдруг туда с сурового фона харьковских развалин.

На барахолке можно было продать сбереженную пару сапог Вениамина и купить Эдику костюмчик, до этого принадлежавший немецкому мальчику. У автора нет никаких слезливых чувств по поводу оставшегося без костюмчика немецкого мальчика, как не было таковых чувств у русского народа в ту пору. Солдат должен брать в покоренных городах свою солдатскую долю добычи — мизерная плата за то, что он играет со смертью каждое мгновение. И уносить эту добычу в солдатском своем вещевом мешке. Много ли в нем унесешь, в любом случае. (На границе, у входа на Родину, суровая военная комендатура выгоняла из составов демобилизованных героев и отбирала оружие и трофеи).

В оправдание появлению на русских барахолках всех этих «трофейных костюмчиков», разминаемых с любопытством рабочими и крестьянами на пыльном поле за Харьковом, полезно вспомнить или хотя бы предположить, что отец немецкого мальчика отправил на тот свет немало наших солдатиков. Потери «фрица» в последней войне оказались ровно в четыре раза меньше. Лишь Бог судья народам в их дикости или великодушии. А русский народ далеко не самый вздорный. И что скажешь человеку без руки, предлагающему золотые немецкие женские часики, надев их сразу несколько на оставшуюся руку?

Ваш покорный слуга, камрады, имел удовольствие быть обладателем пары немецких костюмчиков. С особенным удовольствием вспоминается один: комплект темно-синего строгого габардина, прорезанного на солидных расстояниях директорской слабо видимой белой полосой. Элегантный пиджачок в талию и брючки выше колен. Костюмчик принадлежал ребенку с большим вкусом, может быть, сыну директора «ИГ-Фарбэн» или ребенку семейства Круппов. К костюмчику надевались чулки. Чулки пристегивались к поясу (как девочки, приличные мальчики носили тогда пояса) резинками. Однако происхождение чулок и пояса забыто автором. Отечественными они были или трофейными? Впоследствии Эдик носил штанишки подлиннее — брючки, застегивающиеся сразу же под коленкой на пуговицу. Брюки эти были изготовлены по трофейной модели, к ним также полагались чулки, и Эдик, попавший к тому времени в другую социальную среду, со скандалом сумел освободиться от этих детских брючек лишь в возрасте одиннадцати лет. К слову сказать, резинки постоянно растягивались, и у них портились замочки...

Голова ребенка была голая, и лишь спереди был отпущен чубчик, аккуратно подрезанный посередине лба, как у древнеримских цезарей, то есть он носил прическу а-ля маленький Калигула. Мужские прически того времени, несомненно, подверглись влиянию армейских стрижек раз-

личных стран и, конечно же, голливудского всемогущего целлулоида. Прическа, когда затылок и виски начисто срезаны машинкой и лишь на крышке черепа оставлен островок волос, чуть удлиняющийся над лбом, называлась «под бокс». (Приблизительно соответствует прическе рядового гангстера в популярной телевизионной серии «Антачиблс».) Подавляющее большинство советского мужского населения низших классов: рабочие, криминалы, крестьяне — стриглись «под бокс». По мере возрастания интеллигентности или служебного положения удлинялась и прическа, менее голым был затылок. Когда волосы с шеи не были сбриты, но, начинаясь с «ноля», удлинялись вверх к затылку постепенно, — прическа называлась «полька». (Соответствует прическе крупного гангстера в «Антачиблс».) Между «боксом» и «полькой» располагался «полубокс». Лейтенант Вениамин, естественно, стригся под «польку». У солдата выбора не было, его раз в месяц остригали под «ноль» машинкой. Лишь оставшись на сверхсрочную службу, солдат имел право на «бокс» или «полубокс». Когда Вениамин и Рая познакомились в Дзержинске, отец был острижен под «полубокс», очень смахивающий на «польку», он был уже на сверхсрочной службе.

«...ПОМЕНЬШЕ ХЛЕБУШКА, ПОБОЛЬШЕ СУПЧИКУ!»

Из офицерской столовой, из окон первого этажа, тянуло во двор запахом гречневой каши. Труба, углом выставленная в заделанное проволочной сеткой окно, была закопченнее других труб, тех, что на крыше, и популярнее их. Страна уже успешно согревалась, но питались еще скудно. На рынке буханка хлеба стоила 140 рублей.

Приезжал каждое утро аккуратный фургон, откуда дежурные красноармейцы вытаскивали крючьями несколько лотков с хлебом. Хлеб был сплошь черным и сырым, как глина или замазка для окон, и полагалось его ничтожно малое количество. Только для глав семей — военнослужащих. Для офицеров. Они должны были быть здоровы, дабы всегда быть готовыми отразить врага. «Иждивенцы» в столовую не допускались. Они получали свой хлеб по карточкам в том же магазине у вокзальных руин, где и невоенное население. Привилегий в те годы было мало. Разгрузка хлеба каждое утро собирала молчаливую группу малышни, глядящую на ровно, кирпичами уложенные буханки в лотке, как на бруски золота. Ровный кислый дрожжевой запах исходил от хлеба образца 1947 года. Вовсе не такой запах выбивается сейчас из задних окон парижских булочных... Есть хотели тогда все... И малышня, и красноармейцы, вытаскивающие лотки, и даже сам начштаба дивизии, иногда подходивший к окну кабинета на втором этаже, чтобы взглянуть во двор. За воровство хлеба карали сразу же на месте. До трибунала дело не доходило. Начфин дивизии (начальник финансовой части) подполковник Фрязин собственноручно во дворе, среди бела дня избил красноармейца, пойманного с украденной буханкой под полой шинели. Бил молча, бессловесно, стараясь ударить в голову. И молчал избиваемый солдат, белорус-альбинос, на голову выше подполковника.

Период этот семья Савенко пережила под девизом: «Эдинька, поменьше хлебушка, побольше супчику!» Очевидно, как все дети, он был бессознательно жаден и глотал свой хлеб моментально, заставляя родителей отдавать ему часть их порции. Мать покупала крупу геркулес на стаканы и картошку. Стакан геркулеса и три картошки, сваренные в воде, — это называлось «суп». Мясо отсутствовало. До такой степени, что о нем все забыли. Бывала вдруг колбаса, но почему-то взрослые никак не относили ее к мясу. Колбаса нравилась Эдику до такой степени, что на вопрос начфина Ивана Федоровича Фрязина: «Эдик, кем ты будешь, когда вырастешь?», — ребенок отвечал радостно: «Колбасником!». Естественно, что при астрономической цене хлеба мама Рая часто повторяла ребенку: «Эдинька, поменьше хлебушка, побольше супчику!». Заметьте, как ласково звали — «хлебушек», как осторожно, может быть, боясь, что от грубого обращения «он» и вовсе исчезнет, покинет стол.

Ели гречневую кашу. Начфин Иван Федорович был большим виртуозом приготовления гречки. Он поджаривал крупу до коричневого цвета, а потом варил ее на пару. (Все это происходило на общей кухне, где начфин также давал советы неопытным лейтенантским женам, его первая, гражданская, специальность была — кондитер.) Частым блюдом была фасоль с луком и постным маслом. Блюда этого все стеснялись немного, поскольку оно вызывало обильное выделение газов в ночные часы. «Ну что, опять будем ночью газовать...», — говорила мать, улыбаясь, и вонзала ложку в горку фасоли, посыпанной луком...

Уже коснувшись кухни, следует, однако, вернуться к двум этим этажам, населенным «иждивенцами». Широкий коридор (белая побелка и зеленые панели, ну, разумеется, как же иначе, военная фантазия однообразна, хаки да зелень, вдруг английская шинель углубится в желтизну больше, чем нужно, вот и все...) украшали двери, ведущие в жилища девяти семейств. Вениамин, Рая и Эдик занимали комнату в 26 кв. метров (что по тем временам очень неплохое жизненное пространство), и в комнате была «простая побелка», то есть окрашена она была раствором мела, запросто разведенным в ведре с водой.

В коридоре для мелких надобностей хозяйства стояли две кирпичные плиты. Топили углем (благо Донбасс был под боком и железная дорога функционировала), ибо дров на Украине всегда было мало. Кухня была очень большая, и в ней располагалась чудовищного размера печь, используемая населением лишь по большим праздникам. Пожирала она множество угля, а готовить в те времена, как уже выяснилось, было нечего. Потому офицерские жены держали на плите кто примус, кто керогаз. Готовили и в комнатах, на электроплитах, электричество было всегда дешевым. Поражает обилие средств производства пищи и скудность наличия продуктов питания... Впоследствии, однако, дивизии были отведены далеко за Харьковом несколько полей и огородов, и дивизия стала выращивать на них для своего лишь употребления, разумеется, овощи, в основном картошку и капусту. Увы, хлебушек выращивать посложнее, потому проблема хлебушка еще долгие годы не исчезала.

Характерен для того времени следующий эпизод. Побывав на офицерском вечере в честь годовщины Краснознаменной и прославленной отцовской дивизии, родители с горечью обсуждали при сыне Эдике (на следующий день) их неудавшуюся попытку сберечь и принести сыну кусочек гуся, а именно крылышко. Трагикомическая и трудоемкая операция матери по заматыванию крылышка в платок (предварительно ей пришлось сделать вид, что крылышко упало на пол) удалась, но в месте, куда мать спрятала узелок, ни платка, ни крылышка в конце вечера не оказалось. Или злоумышленник увел платок с крылышком, или же его убрали официантки. Родители не могли уронить свое социальное достоинство (офицерский кодекс, честь отца), запросто положив кусочек гуся со своей тарелки в сумочку матери. Ни мать, одетая в единственное выходное платье (то самое, серо-голубого шелка), но сногсшибательное и в танкетки на размер меньше, позаимствованные у подружки «Консуэло» (о ней будет сообщено далее), ни папа-лейтенант не знали, что гуся можно есть руками. Им сообщил об этом, увидев, что лейтенант и его жена беспомощно скребут по тарелке ножами, нагнувшись к уху лейтенанта, тактичный начальник штаба. Сладков знал, как есть гусей, очевидно, гусей было в свое время куда больше в мире. Сын не понял беседы родителей, мать же долго еще мучилась и вздыхала по поводу того, что ребенок остался без кусочка гусиного мяса.

Мясного мяса, кажется, вообще не существовало в те годы. Автор также не помнит, за исключением дивизионных лошадей и позднее появившейся овчарки, никаких домашних животных. Котов долгое время не было. Он не помнит котов во дворе штаба. Не приходили коты и из развалин. Зато существовало множество крыс. Они бегали у лошадей под ногами с наступлением темноты. Когда наступила зима и развалины вокзала покрылись нестерпимо сияющим на солнце снегом, отец полез в самый дальний угол комнаты, заставленный смятыми чемоданами (они были по-

крыты красивой тряпкой в огурцах) и извлек оттуда валенки. Один из валенков показался ему подозрительно тяжелым, и, перевернув его, отец потряс валенком. К его отвращению, на пол шмякнулось несколько голых, только что родившихся, розовых крысят, и одна большая — мать-крыса. Мать-крыса, утянув за собой хвост, пробежала в угол и стала там в боевую позицию на задних лапах, рылом к отцу. Зрелище было неприятное, и лишь врожденная близорукость, тогда еще не обнаруженная, предохранила мальчика от ненужных подробностей этого эпизода. Потому что лейтенант, схватив «ТТ», в те годы «ТТ» постоянно находился при отце, застрелил крысу-мать одним точным выстрелом. Недаром он был чемпионом дивизии по стрельбе из личного оружия. У радистов, говорил отец, крысы сожрали какие-то важные провода. Оказалось, что крысы любят изоляцию...

Если первым ложем Эдика был снарядный ящик, то первая постоянная кровать, на ней ему суждено было проспать целых семь лет, также имела отношение к войне, она была иностранкой, трофейной фрау, как и костюмчики ребенка. Очевидно, предприимчивый интендант сумел вывезти чудо детской спальной техники из Германии среди груды официальных трофеев, спрятав ее среди станков и автомобилей. Литая и впоследствии слесарно доработанная вручную напильником, кровать эта была гордостью семьи. В тесных пружинах ложа так никогда и не завелись клопы (их в те годы было много повсюду, и нравом они были злы). Много раз крашенные (в последний раз отцом — густо-синей эмалью), спинки постепенно заплыли и потеряли первоначальную стройность и определенность очертаний, однако сработанная из полос металла и горизонтальных пружин поверхность, чудо немецкой спальной техники, так никогда и не потеряла упругости... Из-под подушки этой кровати ребенок вынул в утра своих дней рождений немало книжек (среди прочих «Васек Трубачев и его товарищи» и «Военная тайна» любимого ребенком Аркадия Гайдара) и один футбольный мяч. В этом месте автор вынужден глубоко вздохнуть, ибо никогда больше у него не было столь перманентного ложа. Время от времени профилактически ошпариваемая кипятком и затем протираемая бензином или керосином (потому что клопы не выносили этих жидкостей), верная подружка Эдика издавала всегда легкий индустриальный запах. Как молодой мотоцикл или как пишущая машинка, на которой автор выбивает этот текст.

Забегая вперед, нужно сообщить, что об одном из важнейших событий в новейшей истории России Эдик узнал, лежа в этой кровати. Мать, стоя спиной к радиоприемнику, выдавила испуганное: «Эдик, сыночек, Сталин умер!» Между тем бархатный, трагический, единственный в мире голос диктора Левитана (не путать с Левитиным) произносил еще последние звуки сообщения. «...иссарионович... СТАЛИН», «...ИССАРИОНОВИЧ СТА...» тысячью ультразвуковыми уколами прошелся по телу, и Эдик вскочил. Опустил тонкие ножки на пол и заплакал, затоптавшись рядом с кроватью... Кровать была отдана семье Чепиг, когда Эдику стукнуло одиннадцать, по причине того, что мальчик уже не мог вытянуть на своей кровати ноги. На ней стал спать мальчик Витька Чепига. Но это уже случилось на другой улице, в другой части города и в другую эпоху.

МАЛЫШНЯ

Одиннадцать детей Соковых, мал мала меньше, — Коля с отсеченной гранатой культяпкой, находился где-то посередине возрастной лестницы, — составляли ядро группы. Малышня собиралась в сене, в соседстве с постоянно жующими ароматными лошадьми. Малышня слушала истории старшей дочки Соковых, Любки. Все называли ее Любка, а не Люба, и как любая деформация имени в русском языке, это «Любка» было чувственно обоснованным. Восклицание «ка!» донельзя полно объясняло характер тринадцатилетней девочки. Во-первых, Любка обожала ходить колесом. Обязательно переворачиваясь головой вниз, так, что платье сваливалось ей на голову, а ноги торчали в воздух. И сейчас, поглядев в окно, автор увидел не парижский старый дом с выцветшей крышей, похожей на седую голову старухи, но Любкины ноги в форме латинского V, ее маленький животик и бедра, затянутые в сиреневого цвета плотные трусики. Навечно этот портрет Любки останется в памяти автора, и никак не перевернуть Любку и не поставить ее должным образом. Выгоревшие до пепельного русые волосы Любки были беспорядочной длины, и, о, ужас, мать заставляла Любку носить лифчик! Лифчик был сшит мамашей Соковой, лифчик вызывал почтительный восторг и зависть малышни, особенно девочек, каждая хотела иметь такой лифчик... Но Любка, у которой вдруг, в одну весну, образовались груди, носить лифчик не желала. Вопреки грудям, сознание ее отказывалось еще понимать происходящие в ней изменения. Однажды, впрочем, ей пришлось это сделать. После целого дня военных операций, в которых принимали участие все дети двора, выкрутившая сотни колес за день, Любка вдруг упала в обморок. Случившийся неподалеку старшина (он возился с трофейным «оппелем», вставляя в него советские куски) поспешил к девчонке, свалившейся в сено. Вокруг, разинув рты, стояла малышня. Осмотрев Любку, старшина счастливо произнес ликующее: «А-гаааа!», — и улыбнулся. Краешком мазутной тряпки старшина аккуратно отер тонкий ручеек крови на загорелой ноге девчонки. «Где ее мать-то? Зовите мать!», — скомандовал он малышне и встал, сметая с колен галифе солому. «Девкой Любка стала, вот что», — пояснил он малышне и ушел к своему «оппелю». Он-таки слепил «оппель» из ничего, из обгорелого скелета, и стал ездить на нем в подсобное хозяйство и по другим, малопонятным малышне, своим старшинским делам. Старшина был накопитель, позднее Вениамин Иванович называл его «хорошим солдатом», но «скопидомом» и «кулаком». Через какое-то количество лет старшина стал хозяином дома с крепкими воротами на окраине Харькова. (Лейтенант же с семьей переехал в меньшую по размеру комнату.)

Но все это, так же, как и первая менструация Любки, случилось уже позже, может быть, в 1949 году или даже в 1950-м. Те годы не отделялись резко и четко друг от друга, как годы современные, они вливались один в другой, и порой кажется, что целые четыре года укладывались всего лишь в четыре длинных сезона.

Усевшись в сено с малышней, Любка пугала их историями о «Черной Руке». Следует сказать, что малышня сама очень любила пугаться. Пыхтя и страдая, они наслаждались страхом. Когда гусиные пупырышки ползли по коже, малышня сидела теплой группой пчел, покряхтывая от ужаса и нашаривая в темноте руки друг друга, чтобы найти в теле приятеля опору против страха. Все Любкины истории начинались с одной и той же присказки: «В черном-черном доме стоит черная-черная кровать (иногда это был стол), на черной-черной кровати лежит черное покрывало. На черном-черном покрывале лежит Черная Рука!» Рука эта, звучавшая, очевидно, особым образом для лишившегося кисти и части запястья Коли, братца Любки, вытворяла ужасные вещи и совершала невообразимые преступления. Она была коварна, зла и кровожадна. Могучая, она душила, резала, и... автор хотел написать «стреляла», но вовремя вспомнил, что нет, рука не прибегала к огнестрельному оружию. Все преступления руки были варварски примитивны, она предпочитала устранять противников путем разрезания, распиливания, разрывания и удушения, стрелять из «ТТ», как папа Вениамин в крысу, рука отказывалась. Рука сопровождала свои похождения пятнами крови, вдруг выступавшими на стенах или потолках. Эти сочащиеся кровавые пятна были фирменным знаком руки так же, как для знаменитого Зоро буква «зэт», начерченная в пыли дороги, на камне или на спине врага.

Вторым по популярности сюжетом были «мертвые фрицы в развалинах». Легенда о мертвых фрицах в развалинах имела множество вариантов, и в некоторых из них фигурировали вполне живые фрицы, скрывающиеся в развалинах, варящие в котелках супы и набрасывающиеся, обнажив желтые зубы, на одиноко прогуливающегося в развалинах мальчонку. Возможно предположить, что истории о злобных фрицах в развалинах были сочинены родителями в пропагандных целях, дабы запугать малышню

развалинами. Ведь если сказать малышонку: «Не ходи, там живет граната!», — то он лишь рассмеется вам в лицо... Иногда история с мертвыми фрицами заканчивалась тем, что малышня атаковала землянку, где они скрываются, захватывала фрицев в плен и победоносно шла сдавать пленных самому полковнику Сладкову. «Молодцы, малышня!», — говорил полковник. И пришпиливал каждому орден.

Существовала, однако, история, куда более ужасная, ужаснее и мертвых фрицев, и Черной Руки. Это история о гражданине, который покупает на Красноармейской улице пирожок с мясом (все это уже начиналось малоправдоподобно. Пирожков с мясом, продающихся на Красноармейской улице в те годы, автор не помнит) и, рассеянно жуя пирожок, обнаруживает в начинке человеческий ноготь. По ходу истории, следуя указаниям рассеянного гражданина, милиция выслеживает и арестовывает банду злоумышленников и убийц, наживавшуюся на продаже пирожков, сделанных из человеческого мяса. И не просто мяса, но мяса... уворованных бандой малышонков. История эта всегда повергала компанию малышат в неприятную дрожь. Уж очень ловко она была помещена в кадр реальной жизни тех лет, когда пирожок с мясом казался черт знает какой роскошью. История эта действовала не только на малышат, но и на взрослых. Время от времени женщины строго-настрого запрещали детям выходить за пределы двора штаба дивизии после наступления темноты. Хотя самым большим удовольствием было именно после наступления темноты проникнуть в сквер меж трамвайных линий и заложить на линию порох или даже патроны целиком. В темноте пламя и взрывы под трамваем были особенно красивы и радовали сердца хулиганов-малышат. Историю же о ногте, найденном в начинке пирожка, автор слышал позже и в Москве. Возможна ли такая пирожковая индустрия в действительности? Уж автор не знает... От человека как такового всего можно ожидать. В периоды голодов, наверное, может он дойти и до каннибализма. Однако послевоенный голод не был совсем уж крайним и тяжким голодом. Плюс, если уж кто-то и перекручивал малышат в мясорубке, то каким образом сохранился нетронутым ноготь, если индустриальная мясорубка мелет преспокойно даже кости?

Недавно автор прочел в одной французской книге похожую историю о двух великолепных бизнес-ассошиейтс — брадобрее и изготовителе «патэ». Произошла она, однако, не на Красноармейской улице в Харькове, но на рю Шануанэсс, в четвертом арродисмане города Парижа, в 1387 году. Датский дог пропавшего немецкого студента (как видите, и в парижской истории замешаны фрицы) обнаружен был у дома брадобрея. Собака сидела, глядя на двери, и безостановочно лаяла. Когда настойчивые средневековые власти прижали брадобрея, тот раскололся, признался, что уже несколько лет перерезает горла иностранным студентам и продает их тела соседу-патэсьеру. Подельников сожгли живыми, каждого в отдельной железной клетке. Дома злодеев были снесены, и на том месте запрещено было строить что-либо целых полтора века. Как видите, декор парижской истории ничем не отличается от харьковской: развалины, патэ — это именно и есть начинка пирожков, фрицы, лишь вместо рассеянного гражданина выступает датский дог. Впрочем, и парижскую историю оспаривают эрудиты, ибо прямых письменных актов не сохранилось. «Поскольку... в случаях экстраординарных и свирепых преступлений всегда было в обычае и в обычае сейчас предавать огню информацию и процессуальные бумаги, дабы сделать свершившееся невероятным», — объясняет историк Урто. Другой историк, Дю Брой, сообщает, что патэ рю Шануанэсс «...находили много лучше других патэ, поскольку человеческое мясо более деликатно, по причине питания, чем мясо других животных».

Малышня оценила бы эту страшную-страшную историю, если бы Эдик мог поведать ее приятелям в один из вечеров, сидя в соломе, в темноте, лишь в углу двора краснела цигарка старшины Шаповала, да тускнела лампочка у входа в подъезд. Жаль, что лишь через сорок лет удалось Эдику узнать сногсшибательную историю, с нею он стал бы популярен у малышни моментально, в один вечер. Он перещеголял бы Любку. Приходили бы слушать малышата из других дворов! Увы, знания достаются нам нелегко и постепенно.

Автор видит группу малышни, прижавшуюся к Любке, как будто прошел мимо них вчера. Подергав носом, он способен учуять запах той, послевоенной соломы. От пчелиной кучки детей несет легкой детской мочой и тем плохо разлагающимся на составные элементы запахом, каковой принято называть «молоком матери», на деле же это запах, исходящий из пор растущего тела, не пот, но как бы запах биологических дрожжей... Если немного привстать над плечом друга Леньки, можно поймать носом тонкий ветерок из развалин (очевидно, приоткрыта калитка в воротах). Ветерок пахнет как будто свежей гарью. Может быть, это жгут костер бандиты... Бандиты, в отличие от Черной Руки и мертвых фрицев, были, существовали, а вовсе не привиделись возбужденному воображению малышат. Тетя Катя Захарова (всех женщин малышня называла «тетями», всех мужчин, если не знала их звания, — «дядями»), толстая вопреки голодным годам молодая женщина, — подруга мамы и однофамилица, увидела как-то ночью костер в развалинах. (Тетя Катя была в девичестве Зыбина, как и мама. Зыбины это не Ивановы, фамилия нечастая, потому мама и тетя Катя считали себя родственницами. К тому же тетя Катя Зыбина-Захарова, мать мальчика Вальки (на два года старше Эдика), непопулярного у малышни очкарика, и девочки Ирки, на год старше Эдика, с крысиными хвостиками, родилась тоже в Горьковской области. Конечно же, родственники...) Тетя Катя сообщила об увиденном костре маме... В следующие ночи костер видели другие жены офицеров... Ну, костер и костер, «иждивенцы» высказали несколько ленивых предположений по поводу его происхождения и значения. Женщины, возясь округ огромной плиты («Плита, как в шикарном ресторане!», — говорила мать. Уж она-то знала, что такое шикарный ресторан, ее отец именно был директором шикарного), поговорили еще о костре... но цены на хлеб и масло были более животрепещущим предметом беседы. Малышня, облепив крыльцо старшины Шаповала, уделила кострам в развалинах часть своего драгоценного времени, — несколько расширенных сессий, кто-то из мальчиков постарше употребил слово «бандиты», и малышня опять отдалась ежедневным военным играм и напряженным любовным страстям своим... (Взрослый человек нагло думает, что только он способен влюбляться. Малышня влюблялась чаще и сильнее любого взрослого. Среди малышни встречались самоуверенные Дон-Жуаны, прямиком направляющиеся к понравившейся девочке и хватающие ее тут же за щеку или даже зад, не говоря ни слова! Встречались обольстители, соблазнительницы и кокетки почище взрослых...) Однако, когда одна из женщин с четвертого этажа обнаружила свежие, обильные капли крови, ведущие на считавшийся необитаемым чердак, «иждивенцы» заволновались. Жена «егроя Кзякина» слышала, как топают по потолку. Некто проходивший вдоль развалин вокзала по другой стороне Красноармейской улицы на рассвете видел в окне чердака огонь не то свечи, не то фонаря... Женщины возбужденной толпой явились к начальнику штаба дивизии и заявили, что на чердаке поселились бандиты.

Бандиты никого не бандитировали, и если жили на чердаке, то мирно. Однако что же это за штаб дивизии (да еще дивизии НКВД!) с бандитами на голове. К тому же, ожидая от бандитов непроисходящего бандитизма, население нервничало. Полковник Сладков вызвал лейтенанта Агибенина и поставил его во главе облавы на бандитов, если таковые окажутся. Из солдатских казарм был вызван взвод солдат с автоматами, и рано утром «иждивенцы» проснулись от выстрелов... Так как их окно выходило не во двор, но на развалины вокзала, пришлось одеться и выскочить на лестничную площадку. Через круглое окно (дом-то был конструктивистский) мать с сыном прежде всего увидели лысину майора Панченко без кителя, в подтяжках поверх нижней рубахи, в синих галифе, но босиком, револьвер в руке... В кузов открытого грузовика многорукая и многоногая группа красноармейцев втягивала какого-то типа... (В предтелевизионную эпоху эту ротозеи страдали неимоверно. Потому как рассмотреть группу людей в движении и борьбе было почти невозможно. В особенности ротозеям задних рядов или ротозеям с близорукостью.) Мелькали руки, ноги и приклады... И то не было футбольное поле, на каковом игроки более или менее хорошо видны с возвышающихся трибун, даже если они сплелись многоножками. Бандит, втаскиваемый в кузов, был в военной форме. Во всяком случае, видны были солдатские сапоги, которыми он пытался упереться в кузов, и несолдатские синие его гали-

фе... На мгновение порой было видимо его лицо, залепленное мокрым темным чубом. За группой красноармейцев шел, ох нет... лейтенант Агибенин ходить не умел. Гамлет, Дон-Кихот, он выпрыгнул кузнечиком, высокий, сутулый, лысый в двадцать шесть лет, (Лысых среди военных того времени было много. Может быть, из-за необходимости постоянно носить фуражки и шапки?..) Выпрыгнув, лейтенант воздел к небу руку с зажатым в ней «ТТ», призывая к подвигу следующую за ним еще одну группу красноармейцев. Плечо лейтенантского кителя было темным от крови. Впоследствии оказалось, что лейтенант был легко ранен в мякоть. И это было самое серьезное из всех ранений лейтенанта, ибо обычно он умудрялся получать куда более смехотворные ранения.

Эдик не запомнил криков, звук был выключен, память не записала звуки, но вид двора из круглого окна: лысина майора Панченко, Агибенин с пистолетом, взметенным вверх, две группы красноармейцев, в центре каждой по отбрыкивающемуся из последних сил бандиту,— запечатлелся памятью фотографически. Оформленный в зеленую круглую раму окна. Осталась за кадром третья группа красноармейцев. Она вышла во двор позднее и состояла из трех человек. Двое несли тяжело раненного бандита, и один красноармеец нес в охапке, очевидно, бандитские вещи: одеяла, ремни и торчащее во все стороны оружие.

Великий военный стратег Агибенин, получив от полковника приказ очистить чердак, но так, чтобы не перепугать «иждивенцев», выбрал шоковый метод. Он первым, со страшным криком ворвался к бандитам на рассвете. Бандиты себе мирно спали в углах. Однако Агибенин так долго танцевал перед ними в героической позе, удобной мишенью, что получил-таки пулю в плечо. Поскольку о дальнейшей судьбе бандитов или их происхождении ничего не известно, целесообразно перейти к лейтенанту Агибенину. Вне всякого сомнения это был героический тип, всегда ищущий, торопясь, героизма и попадающий вследствие своей решимости и торопливости в смехотворные ситуации.

Однажды лейтенанта с поднятыми руками под дулами автоматов голого (!) привел в штаб и сдал лично дежурному, капитану Солдатенко, военный патруль. Дабы унизить до крайности лейтенанта, матерящего их врагами народа, троцкистами и немецкими (!) шпионами, патрули потрудились раздеть его и провести через большую часть города на забаву населению. Дело же, из-за которого его задержал патруль, было пустяковое, то есть дела вовсе не было. Агибенин явился под окна вечной своей пассии Елены Вяземской, а та, обладающая еще более взбалмошным характером, чем Агибенин, отказалась его принять. Отказалась, и все. В этот вечер у нее не было настроения. Интересно то, что большинство женщин и мужчин той эпохи откликалось лишь на единственные варианты имен. Агибенин был известен как сумасшедший лейтенант Агибенин, и, лишь очень напрягаясь, автор, кажется (!), припоминает, что его звали Славой, а вот от Елены Вяземской засели в памяти обе части. О чем это говорит? О том, что Елена Вяземская была крепкая женщина, состоящая из двух спаянных глыб, как два куска гранита, составляющие один памятник. Она не только была Еленой, но еще и Вяземской. Агибенин устроил страшный трагедийный шум под окнами Елены Вяземской и угрожал, задрав голову вверх, застрелиться. Она сказала: «Валяй, стреляйся, Слава. Я всегда хотела, чтобы мужик из-за меня застрелился». Он выстрелил, сунув дуло «ТТ» под мышку, в стену. Елена Вяземская хохотала в окне. Соседи проснулись и стали давать советы самоубийце. «Ты в рот, в рот дуло-то положь!». Явившемуся на выстрелы патрулю нехотя пришлось арестовать нетрезвого лейтенанта и, продержав его ночь на гауптвахте, наутро, так как он не успокоился, подвергнуть путешествию с поднятыми руками и голяком. Они могли привезти его на «харлее» в коляске, в комендатуре было несколько, в трофейном автомобиле на выбор, но дежурный решил унизить наглого лейтенанта как можно больше. Тотчас после войны военные ссорились по-своему.

Елена Вяземская сказала, что выйдет за Агибенина замуж, только если он станет Героем Советского Союза. Трудно стать героем, если война кончилась. Агибенин пытался перевестись на Дальний Восток, где, несмотря на окончание войны, шли еще мелкие военные действия. Позже он пытался перевестись в Западную Украину, где вовсю резвились тогда «бандеровцы», украинские националисты, ушедшие «в маки». Стяжать славы и жениться на высокомерной Елене Вяземской. Ребенок Эдик не сумел увидеть прославленную кокетку, но автору кажется, что она наделена была крупным носом римлянки, сложной прической в буклях и величавой, как у женщин Пьетро де ла Франческо, статью... Агибенин, начитанный истерик, лысый аристократ Красной Армии, отчаянно завидовал майору Кузякину. Майор, полуграмотный, подписывающийся на потеху всей дивизии как «егрой Кзякин», стал Героем Советского Союза, не желая этого, случайно. В 1944-м, выйдя со своим взводом разведчиков прогуляться в тыл врага, уже на территории Польши, лейтенант Кузякин перерезал горла паре фрицев-офицеров, путешествующих небрежно без охраны. И прихватив фрицевский портфель, свалил обратно к своим через линию фронта. В портфеле, когда штабные изучили их, оказались сверхсекретные бумаги, повлиявшие впоследствии на ход войны на всем участке фронта. Результат: полуграмотный лейтенант, деревенщина, по мнению Агибенина, взлетел сразу через две ступени в звании — получил майора. И звезду Героя Советского Союза в придачу. Агибенин презирал «егроя Кзякина». Презирал его красивую зеленоглазую жену с деревенским (по тем временам) именем Дуня, презирал даже ребенка Кузякиных. Обязанный по Уставу первым отдавать старшему по званию честь, Агибенин, избегал «егроя» и однажды спрятался в туалет, чтобы не приветствовать майора.

АФРОДИТЫ, УДУШЛИВАЯ И ЛЕГКАЯ

Отец Вениамин дразнил сына странной частушкой-песенкой, сочиненной, наверное, им самим, кем же еще?

Эдя-бредя
Съел медведя,
Поймал чушку
За пичужку...

Что имел в виду отец под «пичужкой»? Исследования позволяют предположить, что под пичужкой скрывается свинкина «писька», говоря на языке малышни, а по-взрослому — член чушки, свиной член. Автор не станет углублять терминологию, грубость была свойственна его первым, юношеским книгам, зрелому писателю грубость не к лицу. Так вот, отец, значит, связывал разбушевавшегося Эдю с такими странными вещами, прямо-таки бесчинствами, как хватание чушки за пичужку. Ударившись в доморощенный психоанализ, автор подумал, а не предвидел ли двадцативосьмилетний офицер, сидя в мундире, наброшенном на нижнюю рубашку, и перебирая струны гитары (автор любовно ласкает взглядом своего отца), а не предвидел ли он будущие приключения своего сына в Нью-Йорке, пустырь и пичужку негра? Ох, кто знает! Множество дельфийских невнятностей произносили близкие автору люди, и многие из этих невнятностей впоследствии расшифровались самым неожиданным образом. Что же касается непристойностей, то они всегда происходили и будут происходить. Малышня была по горло в непристойностях.

Его «пичужка» пострадала еще до того, как ему исполнилось пять лет. Развалины начали приводить в порядок, во всяком случае, во дворе каждый день стали возиться красноармейцы, вгрызаясь в них кирками и лопатами, штаб решил отвоевать у развалин хотя бы часть территории. Новый, временный забор было легче преодолевать, чем прежний — высокий, и малышня стала углубляться в развалины, встречаясь там с представителями соседних племен малышни. Во время одной из этих встреч, закончившейся межплеменным бросанием камней, камень угодил Эдику в пах, и ребенок свалился от боли. Приведенный из похода, раненый схватился руками за самую драгоценную часть тела мужчины и заплакал. Мать поглядела на состояние пичужки и ужаснулась. Пришедший в конце дня домой отец ужаснулся тоже. Через много лет после эпизода родители

признались, что очень боялись тогда, «что мальчик останется на всю жизнь импотентом». Пичужка через несколько дней стала черной, а еще через несколько — желтой. Мальчик импотентом не стал.

Первой женщиной (разумеется, кроме мамы, мама мазала его черную пичужку выписанным доктором кремом), коснувшейся его пичужки, была дочь начфина Фрязина, Ида. Она появляется на сцене под звуки тамбуринов и восточных дудок, эдакой чернявой, босоногой, в шароварах (или как в 19 веке говорили, «шальварах»), танцуя с подносом (из офицерской столовой, красный, с тисненными «НКВД» буквами). Кстати говоря, не был ли начфин дивизии, несмотря на имя, отчество «Иван Федорович», евреем? Откуда «Ида», почему такое имя дано девочке? Поглядев в словарь Вебстера, обнаруживаем, что происходит оно от имени богини юности «Идунн». Национальность богини юности не указана, вместо нее в словаре помещен вопросительный знак. На месте национальности Иды Фрязиной тоже останется вопросительный знак, ибо в те времена народ еще не разложился для Эдика на национальности. Сколько было лет богине юности? Такое впечатление, что она была в возрасте вдруг заменструировавшей Любки. Если так и было, то возможно объяснить развращение малолетних вспышкой уже не детского интереса к проблеме «дочки-матери», но скорее уже вполне взрослого интереса к противоположному сексу, вспышкой страстей, еще полуподавленных и ищущих пока что безобидный объект. Обидным объектом впоследствии послужили «богине юности» несколько молодых солдат, всегда блуждавших поблизости, возле штаба и возле офицерской столовой, но «скандал на всю дивизию» находится уже за пределами Красноармейской улицы и книги.

. . . .

«Богиня юности» в шальварах (аллегорических, на самом деле — в школьном платье) не принадлежала к миру малышей, а лишь пересекала его время от времени. Если Любка отказывалась быть взрослой, то Ида отказывалась быть ребенком. В то время, как случайные авантюры связывали Эдика на моменты с Афродитой Удушливой, он был постоянным поклонником Афродиты Легчайшей. Сказать — платонической — будет неточностью. Именно легчайшей, то есть Светлой. Пожалуй, он был влюблен в Любку, в крутимые ею колеса, в загорелые ноги, трусики и гривку выгоревших волос. И в Любкину популярность, так как в мире малышни она была «стар». Выходить с ней «аут», к киоску мороженого на Красноармейской улице он не мог, был мал. Однако никто не мог помешать ему фантазировать об их совместных посещениях киоска с мороженым. (Разница в возрасте его не смущала.) Если бы возможным стало воспроизвести его фантазии на целлулоид, вышло бы нечто среднее между свадьбою Аль Капоне (цветы, все «оппели» и «харлеи» харьковского гарнизона, бравая малышня в офицерских мундирах...) и военными похоронами. На красных подушечках подносили ему и Любке мороженое (на таких за почившим в бозе военным несли заработанные им ордена, каждый отдельно...).

Любовей всегда бывает, по меньшей мере, две одновременно. Одна — к недостижимому идеалу, другая — к доступному объекту. Доступным была Настя Кузякина, существо, еще меньше его самого, унаследовавшее от деревенской красавицы-мамы феноменально зеленые тигриные глаза. Если Любку, трус, он обожал издали, даже не пытаясь завоевать, Насте Кузякиной он напевал, соблазнитель, о своем скрытом могуществе, о подземелье в развалинах, вход в него знает только он один (как полагается, существовало кольцо, вделанное в плиту, за которое следовало потянуть, ступени...). В подземелье у него спрятаны красноармейцы с автоматами и даже танки. На танках он обычно останавливался. «А авиация?» — спросила Настя, еще не сознававшая силы тигриных зрачков своих, покрыла их веками и обнажила. «И авиация, ястребки... Ж-ж-жжжжж!» — зажужжал он, звукоизображая свои самолеты.

Он не лгал. Реальное и воображаемое в нем еще не успели договориться о прохождении границы. Он был уверен в существовании входа в такое подземелье, где его ждут его солдаты и его танки. Следовало лишь отыскать этот вход. Здоровая фантазия существа маленького и хрупкого о могуществе, желание доминировать малоизвестный ему мир и понимание того, что он один, в штанишках с бретельками, достигающий взрослому человеку чуть выше сапога, не может возобладать над миром, что ему нужна подмога. Нужны солдаты, армия. Он употреблял нагло армию с суетной целью — похвалялся вооруженными силами перед красавицей. Так диктатор, какой-нибудь новый Маркос, соблазняет новую Имельду своими армиями. Менее честные, чем дети, диктаторы не объявляют, что у них 75 тыс. солдат и 800 танков, но лишь подразумевают, и армия вырисовывается, грозная, за плечами диктатора, обедающего с девушкой в ресторане.

ТРУДЫ И ДНИ

Коридоры в доме были неуместно широкими. Именно в них протекала общественная жизнь «иждивенцев». В коридорах прыгали зимой и в плохую погоду дети. Собирались и расходились в группы офицерские жены, абсурдно наименовавшиеся в графе «профессия» — «домашними хозяйками», как мыло мыльное. «Домашние хозяйки» были в большинстве своем женщины очень молодые. Даже жене командира дивизии не могло быть больше 35 лет. Мальчику Эдику она казалась, окутанная лисой (лисы были шиком того времени, у мамы лисы не было) и в фетровой, завитой раковиной шляпке... старухой. Но когда вам четыре или пять лет, все окружающие кажутся вам старыми великанами. Молодые женщины передавали друг другу (или скрывали от) выкройки платьев, затрепанные сентиментальные книги, предметы обихода, делились на кланы, дружили, сплетничали и враждовали. Мужья вскакивали по побудке в шесть пятнадцать, когда Шаповал дергал несколько раз бронзовый колокол неизвестного происхождения, подвешенный у входа во флигель на миниатюрной виселице, и в ответ на колокол выскакивал из каптерки дежурного горнист и трубил побудку. Трубил недолго, поскольку трубил не для солдат и будил не казарму, но всего лишь временное офицерское гнездо. Офицерье вскакивало, натягивало галифе, накручивало портянки, разводило в мыльницах (хорошая жена вставала на четверть часа раньше и успевала вскипятить воду на плитке) из куска мыла пену. Пеною намазывались щеки и скреблись после этого опасной бритвой. Вениамин Савенко правил свою бритву время от времени на ремне. Душился он после бритья одеколоном «Шипр» или «Кармен» (этикетка «Шипра» была благородно-зеленая, на «Кармен» была изображена фольклорная цыганка-грузинка посреди сидящих по-арабски татар), чтоб краснела и стягивалась кожа.

После бритья отец влезал в китель. К воротнику аккуратный офицер подшивал каждый день полоску холстины, сложенную вдвое, складкой вверх. Она должна была выступать над воротником на несколько миллиметров. Отец доверял операцию жене Рае. Мать родилась 16 сентября, и, возможно, подчиняясь влиянию созвездия Девы, была практична и аккуратна, как немка. Шесть белых холстин сушились всякий день на веревке у окна... Для кителя были предусмотрены твердые пластмассовые воротнички, но большинство офицеров не пользовались ими, ибо пластик до крови раздирал шею. Туго, барабаном натянутая фуражка водружалась на голову. Портупея просовывалась под погон через плечо, «ТТ» был всегда на месте и надевался вместе с поясом. Ремешок портупеи отец застегивал уже на лестнице, по дороге в столовую. Офицер исчезал на весь день. Работал. «Иждивенцы» оставались предоставлены сами себе.

Где работал отец, в те времена не интересовало Эдика. Так же, как и остальная малышня оставляла без внимания эти девять или десять часов, во время которых их папки отсутствовали, за исключением чьего-нибудь дежурного папки, сидящего в каптерке в окружении посыльных и караульного сержанта... Но, ... о, позор! автор почти забыл, что в нескольких комнатах штаба шевелились офицеры и тарахтела пишущая машинка! Забыл только потому, что вход в штаб находился на Красноармейской, а дети проводили большую часть времени во дворе и видели порой лишь фигуры офицеров, подходящих к окнам. Почти забыл он и водонапорную колонку, вылезавшую из стены флигеля, где обитало семейство

Шаповалов. К апрелю уровень почвы у колонки повышался на добрых полметра за счет слоя льда, так что едва возможно было подставить под струю ведро, дабы напоить лошадей. В конце всей этой истории, к 1950 году, лошадей навечно выселили из двора штаба, к крайнему огорчению малышни. Некоторое время старшина держал на месте конюшни свой слепленный из кусков, постоянно ломающийся «оппель», пока командир дивизии не запретил старшине использовать территорию штаба в личных целях.

Куда девались офицеры на протяжении дня? Много позднее они както шли с отцом, оба взрослые, по скверу, спускающемуся террасами от улицы Свободной Академии (ну и названьице!) к речке Харьков, на другом берегу высился Благовещенский собор, отец сказал ему: «Ты знаешь, что твой батя строил этот сквер. То есть не я лично, но мои солдатики... Да и мне пришлось глыбы поворочать. Не будешь же стоять, сложив руки, когда с солдата три пота сходит... Между прочим, настоящие граниты...» — добавил он, показав на мавзолейные поверхности заборов, разделяющих террасы. Из-под заборов падали на следующий уровень маленькие водопады. Сын подумал, что, наверное, вся эта роскошь была неразумным вложением труда в разбомбленном городе, но, поглядев на гордое лицо отца, ничего не сказал... Получается, что офицеры руководили в те годы солдатами, занимающимися восстановлением народного хозяйства в свободное от собственно военной службы время. Служба же сама состояла в учениях, в тренировочных стрельбах. Стрельбы проводились ежедневно, ибо захваченный немцами врасплох советский народ боялся быть захваченным врасплох еще кажим-нибудь народом и потому упражнялся. Эдику пришлось много раз поучаствовать в солдатской службе, когда у отца в роте появился сержант Махитарьян. А может быть, сержант Махитарьян и был у отца в роте давным-давно и всегда, но сын лейтенанта, вдруг придя в сознание, увидел сержанта Махитарьяна позже, чем старшину Шаповала, и потому ему показалось, что Махитарьян вдруг появился...

Автору иногда кажется, что где-то все это до сих пор существует. Сидит на крыльце усатый Шаповал, накручивая на солдатскую ногу портянку, стоит в окне штаба, скрестив руки на груди, полковник Сладков... балансирует на руках, платье вниз, латинским «V» Любка в сиреневых трусиках, длинную жердь, лейтенанта Агибенина, ведут голого по самой середине Красноармейской, по трамвайным рельсам, с поднятыми руками, конвоиры...

Но возвратимся к солдатской службе и сержанту Махитарьяну. Он был настолько надежен и положителен, этот чернявый парень из армянской деревни, что в эпоху слухов о пирожках из малышатского мяса и куда более распространенных, реальных гранатах и бомбах, взрывающихся у любопытных малышат в руках, сержанту позволяли брать мальчишку с собой, куда бы вы думали... на стрельбище, в место, где мальчишкам всего интереснее и опаснее. Мешки с песком, лежащие среди них солдаты, мишени в виде фрицев в касках плохо помнятся автору, лишь в желтом, пыльном тумане, как бы во время экскурсии во внутренности мельницы, различаются лица под пилотками, но без деталей, без бровей, ртов или глаз... Однако звуки стрельбища запомнились ему навсегда. Он убедился в этом в 1982 году, в Париже, когда, живя в еврейском квартале, в августовский день вдруг услышал за окнами знакомые серийные «тат-тат — тат-тат» автоматического оружия. Преодолев тридцатипятилетнее расстояние в долю секунды, память отнесла его на стрельбище. Он увидел себя — маленького типчика, сидящего на мешке с песком, в выгоревшей солдатской гимнастерке поверх легкомысленного немецкого костюмчика... В полуметре двадцатилетний парень в пилотке с удовольствием управлял рылом ручного пулемета Калашникова (калибр 7,65 мм, магазин коробчатый в 40 патронов, магазин дисковой — 75, дальность прицельной стрельбы — 800 — 1000 метров: гордые цифры эти, как объем талии, груди и бедер голливудской красавицы, соблазняли собой, должны были соблазнять солдат)... «тат-тат-тат-тат»... Мужественные звуки автоматического оружия, оказывается, не выветриваются из памяти младенцев, но, крепко схваченные, живут в них до могилы. Тут уместно будет вопросить с недоумением: «Почему?» Почему одни события запоминаются в виде фото или фильмов (двор, увиденный из круглого конструктивистского окна в момент вывода бандитов, без единого звука), а от других остаются звуки, в то время как фотография памяти не удалась, заплыла вся мутными пятнами, как будто подул в этот момент пыльный ветер и захлестнул объектив. (Виден лишь положенный в ложбинку меж грубой лосящейся мешковины ствол Калашникова, пилотка да разинутый в восторге рот солдата, содрогающийся вместе с телом ручного пулемета...) Почему? Нет ответа. Как не было Гоголю, римскому жителю, на вопрос его, куда несется Русь, так нет ответа жителю парижскому на вопрос о законах памяти.

Демобилизовавшись, Махитарьян женился и нарожал себе кучу детей, и лет через десять приезжал навестить своего лейтенанта и похвалиться фотографиями детей. В ту эпоху он таскал лейтенантского сына повсюду, даже с чрезмерным усердием. За что получил однажды строгий выговор с несколькими ругательствами (небывалое дело!) от любимого лейтенанта... Следует сказать, что сержант был не виноват, виноват был грузовик. Подобрав в штабе дивизии какой-то чрезвычайно нужный инвентарь, Махитарьян со взводом солдат сманили ребенка от матери за город в подсобное хозяйство. (Интересно, что делала Раиса Федоровна в моменты, когда сына умыкали на стрельбище и в подсобное хозяйство? Читала книги, готовила суп, стирала, беседовала у плиты с подругами или училась у начфина — отца развратной Иды — печь в «чуде» хлеб? Надеемся, что она вела себя прилично и совершала что-нибудь полезное для страны и города, а не для своего личного блага...) Поездка предполагалась короткой, отвезти инвентарь, привезти картошку, но затянулась до позднего вечера, до густой темноты из-за того, что по дороге обратно грузовик вдруг встал и не захотел ехать дальше... Во время вынужденной стоянки маленький человек имел случай наблюдать мистерию захода солнца в сельской местности. Процесс был ярко раскрашенным, глубинно-синие тени и полеты пчел и птиц в этот кульминационный момент дня поразили лейтенантского сына своей торжественностью. Природа волновалась перед приходом ночи, как зрители перед концертом в клубе. Заросли украинского бурьяна на пустыре у дороги, где, чертыхаясь, облепили грузовик солдаты, пахли так могуче, как, очевидно, некогда пахли хвощи и папоротники того пышного периода земли, который позднее будет интригующе завлекать его с цветных вкладышей в учебнике ботаники. (Увы, теперь поля, леса и дороги пахнут автору слабо. Огрубилось обоняние, вынужденно притупилось от табачного дыма и выхлопных газов города...)

Короче говоря, когда взвод бравых солдат подкатил к воротам, у зеленых ворот бегали, встревоженные и злые, лейтенант с женой. Тут-то лейтенант, обычно старомодно вежливый, выругался. Автор не станет повторять ругательство, он достаточно грязно ругался в своих книгах. Так как Эдик был цел (по нему скользнул луч семейного заслуженного фонарика) и передан, спящий, в гимнастерке, волочащейся по полу кузова, смущенным армянином лейтенанту, сверху вниз, часть гнева и все беспокойства улетучились. Отношения таким образом почти тотчас же восстановились... От старта этого эпизода осталась фотография: военно-полевой ребенок стоит на краю заднего открытого борта грузовика с группой башибузуков-солдат вокруг. Он в махитарьяновской гимнастерке. Была ведь осень, и предполагалось, что через несколько минут они помчатся сквозь харьковский ветер... Автор подумал, как хорошо начиналась его жизнь, хорошо бы она точно так же и кончилась, с бравыми солдатиками, обступившими его, прикрывающими тыл и фланги...

Что касается Махитарьяна, то сознание того, что «армянин — друг», настолько прочно въелось в его сознание, что когда в его жизни появился вдруг человек по имени Вагрич Бахчанян, то самым естественным образом он принял его в друзья. Ведь отец и мать тысячу раз все детство твердили: «Армяне — очень хорошие люди». Оказывается, то, что говорится и делается вокруг тебя в нежном возрасте, выучивается само собой. Каждый из нас обязан своему младенчеству куда более, чем он в это верит. И потому, унаследовав, как заповеди, «армянин — хороший человек», «поляк — плохой человек», ты уже потом и в тридцать, и в сорок лет, имея свои убеждения и наблюдения, все же подсознательно бываешь подвластен этим, родительским ли, окружающей ли среды, приговорам... Фриц —

с тем дело было сложнее. Фриц выходил за пределы «хороший — плохой». Фриц был фриц, он был сильный и потому достойный враг. Русский человек радовался тому, что он победил фрица. Радовался так, как охотник радуется, победив, скажем, тигра в обстановке, близкой к рукопашной. Втайне русский человек считал себя недисциплинированным, не таким умным и не таким наглым, как фриц. Обнаружив, что оказался сильнее фрица, русский человек не запрезирал его, но напротив, оставив фрица на том же уровне, где фриц был и до этого, лишь поднял себя — русского человека — вровень с фрицем.

Автор поездил позднее по фрицевским городкам и городам и деревням и выяснил, что и фриц поднял русского человека, по меньшей мере, до своего уровня после этой войны. Фриц знает, кто его победил на самом деле, как бы ревизионисты всего мира ни старались вытолкнуть русский народ из войны. Не будучи слепорожденным патриотом, чему свидетельство его биография и французское гражданство, автор предлагает ревизионистам посетить фрицевские кладбища. Там на могильных плитах солдат (автор с уважением вглядывался в могильные плиты!) фрицевские солдатики отцовского возраста, имея заведомые и неудивительные места рождения, поражают однообразностью мест смерти: «Москва», «Сталинград», «Курск» или более обширно: «Украина», «Восточный фронт»... — и дат от 1941 до 1945. И ничтожно мало было, сколько автор ни разглядывал, мест гибели в Италии или Нормандии. Так чего зря ... .

СИНЕНЬКИЙ СКРОМНЫЙ ПЛАТОЧЕК...

День стрельб и строительства позади, собирались в офицерском доме в компании. Патефон, чаще всего трофейный, с ручкой, подобной рукояти, которой заводились автомобили того времени, собирал вокруг себя офицеров и их жен так же верно, как позднее проигрыватель, а еще позднее магнитофон. Танцы под пластинки, разбавленные алкоголем, назывались запросто — «вечеринка». Долгоиграющие пластинки появились позже, тогда технология звукозаписи позволяла уместиться на одной стороне пластинки лишь одному музыкальному номеру, и сами пластинки были крупными. В центре пластинки был наклеен яркий круг с названием песни и эмблемой фирмы (рисунок граммофона, из коего вылетают музыкальные ноты, изображение лающей собаки и тому подобные старомодные привлекательности). Советские пластинки были все рождены на «Апрелевском заводе граммофонных изделий». Существовало большое количество пластинок трофейных, но русских почему-то, очевидно, выпущенных эмигрантами за границей и найденных и привезенных в Союз Советских осведомлеными о существовании таких пластинок офицерами... (Вообще-то автор не является специалистом по граммофонным изделиям того времени, и его малоосведомленность, может быть, покажется специалистам смешной, но писатель всегда рискует. Каждое слово уже большой риск, уже атака на настоящее, прошлое или будущее.) Никто, разумеется, эмигрантские пластинки у офицеров не отбирал. Да и кто мог бы это делать? КГБ не существовало тогда в природе. НКВД? Но они сами и были НКВД, эти офицеры. Начальник штаба дивизии следил за их духовным здоровьем, но офицерские вечеринки находились вне его сферы деятельности. Поэтому хрипели свободно в коридорах офицерских этажей Лещенко и Вертинский. Пользовались, как и во всем мире, популярностью танго и фокстроты, и эмоциональное, в стиле кабаре, исполнение. Советские Бунчиков, Нечаев, Лемешев, Бейбутов, Александрович... кажется, все были тенора и кошачьими голосами блеяли и мяукали к удовольствию офицерских жен, и, кажется, полному недоумению офицеров. Они уже больше принадлежали следующей эпохе. Великую же, и именно ее конец, куда лучше выражали женщины. Упомянув Веру Красовицкую и Изабеллу Юрьеву, отдадим должное самой блистательной певице того времени Клавдии Ивановне Шульженко. Клава озвучила русский фронт песней «Синий платочек», бывшей на русском фронте во Вторую мировую эквивалентом

«Лили Марлен», и, может быть, далеко забивавшей «Лили Марлен» по популярности. Автор не жил, не привелось, в осыпающихся траншеях, полных воды, не хоронил друзей на опушке осеннего леса... Не обедал с другом у костра, когда, опустившись к костру прикурить, поднимаясь, обнаруживаешь, что друг твой сидит с ложкой в руке, но без головы, снесена вчистую невесть откуда прилетевшим осколком металла, валяется в кустах голова; но... при звуках холодного, хрипловатого голоса Клавдии Шульженко, странно-отдаленного, откуда-то из сердца распространяется по телу нервная сыпь. Самая банальная страсть заставляет сжиматься сосуды, и слезы выступают из глаз у автора, хотя он лишь сын выжившего солдата и внук и племянник солдат погибших.

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила, что не забудешь
Милых и ласковых встреч...

Девушка, оставшаяся в тылу, любовь, разлука, смерть, все было в этой песне... И, окинув взором милую жизнь и ждущую его Лили Марлен с синим платочком на плечах, яростно вцепляется солдат в свой ручной пулемет Калашникова,

...строчит пулеметчик за синий платочек...

Фронтовики утверждают, что на Белорусском фронте фриц использовал «Синий платочек» в прямо противоположных целях. Весной по ночам фриц атаковал, урезав пару куплетов, «Синим платочком» через громкоговорители советские позиции, перемежая песню призывами девических голосов. «Ваняя! — взывала какая-нибудь молоденькая актриска, спутавшаяся с немцами. — Май наступил, земля расцветает, любить хочеться..! Ваняяя... Бросай винтовку, иди домой!» Свидетели, слышавшие эти кошачьи б... продавшейся тевтону русской девки, говорили, что бралотаки, забирало. Что подрывная работа немца, может, и имела бы успех, если бы не политрук (в начале войны он еще назывался комиссар). Политрук ругался матом ночи напролет и пытался сшибить их ящик выстрелами. У наших не было громкоговорителей, но снайперам был отдан приказ, засечь их б... идеологические приборы и обезвредить, и, если возможно, пристрелить б...-актриску... Дабы солдатские сердца менее склонны были искуситься призывами русской девки, за спинами солдат варили свои каши заградительные отряды.

Но вернемся от плохих русских женщин к блистательным. Клавдия Шульженко была певицею народной. В те времена источник народной музыки не был еще замутнен влияниями джаза или же других буржуазных течений в музыке и давно переварил влияние стиля кабаре, освоив его. Клавдия Шульженко, бывшая ученица профессионально-технического училища в Харькове (ПТУ слыло и, кажется, слывет и сейчас самым презренным заведением. Оно переделывало вчерашних обитателей деревень в рабочих), выдувала из легких и диафрагмы, или чем там поют женщины, совершенно умопомрачительные звуки, каковые прямиком шли в суровые мужские русские души и умело пощипывали их именно там, где надо. По причине языка и удаленности русского б а н л ь е от центра мира, Клава не могла получить такой интернациональной популярности, какую получила фамм-фаталь французской песни Эдит Пиаф. В России же она пользовалась суперпопулярностью, была мего-стар, одновременно исполняя функции не только певицы, но и женщины-Идола. Сменив поклонников в серых шинелях, в пятидесятые годы на Шульженко, «нашу Клаву», молились суровые ворюги-паханы в сапожищах и кепках, «жиганы» подворотен. Как в войну таял фронтовой мужик от синего платочка, так в пятидесятые текли мужики маслом от с придыханием, страстно выдуваемой «нашей Клавой» кубинской народной песни «Голубка». Революция на Кубе произошла в самом конце пятидесятых, и, когда она произошла, ее всенародное одобрение русскими (чего не скажешь о революциях китайской или вьетнамской) можно объяснить тем, что Клава подготовила «Голубкой» своей почву для завоевания кубинцами русских сердец. Ох, Клава была настоящая женщина. Ее высокомерный, вамповый голос вызывал в представлении гордую, суровую, но чувственную женщину, какую нелегко победить,

но уж если полюбит... Радости, обещающиеся от такой женщины, превышали воображение русского мужчины.

Они танцевали и под «Платочек», и под «Бьется в тесной печурке огонь», равно как и под ресторанного Лещенко:

Встретились мы в баре ресторана,
Мне так знакомы твои черты.
Где же ты теперь, моя Татьяна,
Моя любовь, мои прэжние мечты...

Всем нравилось это шикарное, декадентское и иностранное «прэжние»... В «прэжние», в словах «бар-ресторана» была экзотика, а лейтенантам тех лет никому не было больше тридцати. Надерганные в офицеры из всех сословий юноши и жарко надушенные девушки в крепдешиновых платьях с плечами (плечи подкладывали сами), обнявшись, горячо раскачивались в полумраке. Девичьи груди были так же нежны, хороши и округлы, как и в любую эпоху, алкоголь туманил головы, и чужие жены заглядывались на чернявых красавцев, ничьих или чужих мужей... Военные любовные страсти тех лет пару раз в год кончались выстрелами, оружие-то было под рукой. За столом в углу оставались еще сидеть офицеры постарше. Расстегнув мундиры, закурив папиросищи, они спорили о возможностях нового оружия — атомной бомбы, какой радиус она «берет», или о том, станет или не станет полковник Сладков генералом. Папироса была куда более независимым и мужественным, и интересным объектом, чем сигарета. Папиросу можно было закусить зубами, и передвигать ее языком было легко. Возможно было освободить руки и, скажем, тасовать руками карты. Обыденными офицерскими папиросами считался «Казбек», голубая пачка с темным всадником в бурке, скачущим на фоне снежной горы. Сталинские, предпочитаемые вождем, или, как иногда его называли военные, Хозяином, «Герцеговина Флор» были признаком высшего класса, лейтенанту глуповато было вынуть и положить на стол тщательно сделанную зеленоватую коробку. Не по чину. Майор с пачкой «Герцеговины» смотрелся нормально. (Вообще в бесклассовом обществе народ стремился всеми силами обозначить свой класс. Воры предпочитали папиросы «Беломорканал». Рабочие — «Шахтерские» и позже простые, как «Житан», бесфильтровые сигареты «Шипка».) Давно известно, что у разных обществ и их классов во все времена вырабатываются коды поведения, свои представления о том, что красиво, и что некрасиво, и что элегантно. Очень элегантно было сидеть, расстегнув мундир (новая форма и особенно твердые погоны всем безоговорочно нравились), обнажив белизну нижней рубахи. Сознательно и бессознательно они подражали в этом дореволюционным офицерам и фильмам о них. Форма имеет бо́льшую власть над человеком, нежели принято считать. Они не могли подражать расхристанным башибузукам короткого периода революции, они подражали форме и дисциплине, армии, потому обнаруживали себя наследниками царской армии, сами этого не желая. Парадокс, с которым так они и существовали. Точно известно, что их дивизии завидовали офицеры других дивизий гарнизона, потому что их начальник штаба был «из бывших царских офицеров», то есть настоящий офицер. Себя они считали только пытающимися стать «настоящими офицерами». Шинель с бобровым воротником, право носить каковой полковник отстоял у начальника гарнизона из сумасбродства или личной прихоти, была этаким шикарным символом «настоящей» армии, где офицеру позволялось иметь одну индивидуальную причуду при условии, что он храбрый офицер. Характерно, что начальник дивизии генерал-майор никакой популярностью не пользовался, считался выскочкой вроде «егроя Кзякина», и Хозяином (куда чаще, чем Сталина) называли не генерал-майора, но начальника штаба. Так как мальчишки всегда ищут примера для подражания, вся военная молодежь изучала и копировала начальника штаба, даже его походку, и копировала еще пару старших офицеров, казавшихся достойными подражания.

Однако сословие, «кшатрии», воинов не лишено было и критического взгляда на самих себя. Даже малышня знала частушку про молодого лейтенанта:

Лейтенант молодой,
В жопу раненный,
Пошел на базар
За баранной...

Что случилось с лейтенантом на базаре, автор запамятовал. Кажется, опять пострадала нижняя часть его тела. Лейтенантам вообще доставалось в военном фольклоре, поскольку это, самое низшее из офицерских званий считалось и самым легкомысленным. Сатирический негатив прекрасной песни «Бьется в тесной печурке огонь» имел в себе и такие циничные строки:

Ты меня ждешь...
А сама с лейтенантом живешь...

В данном случае лейтенант выступал в роли тыловой крысы — соблазнителя жены фронтовика-солдата.

Военная молодежь, первое послереволюционное поколение, связано было пуповиной с мифологией низших сословий. В каком-то смысле они и были народной действительно армией. Из гигантской человеко-мешалки революции вывалилась в опоки армии народная гуща... Перевалив за сорок, все чаще и чаще автор обнаруживает всплывающие из него слова, пословицы, поговорки, запавшие в него без его ведома и разрешения. Теперь они вдруг всплывают. Снимая галифе перед тем как лечь в постель, отец говорил порой шутливо:

Вениамин Иваныч,
Снимай портки на ночь,
Клади в уголок,
Чтобы черт не уволок...

Ну откуда могли прийти эти симпатичные «портки»? Из деревни Масловки, конечно же, протолкались они, и через все утолщающийся слой времени всплыли в памяти внука и правнука крестьян — автора этой книги.

Когда отцу надоедало разговаривать, он, зевая, произносил: «Так, сказал бедняк, а сам полез на печку». Лишь недавно выяснилось, что строчка эта, сделанная отцом поговоркой, принадлежит одному из произведений Демьяна Бедного, крестьянского поэта. Речь шла о том, что бедняк устраняется от социальной жизни, предпочитая, чтоб за него хорошую жизнь устраивал кто-то. Вспомнив о Демьяне, автор позволит себе привести здесь большой кусок песни на его слова, распеваемой красноармейцами тех лет с таким же удовольствием, как и красногвардейцами двадцатых годов.

Как родная меня мать провожала,
Сразу вся моя родня набежала.
Ну куда ты, паренек, ох куда ты,
Не ходил бы ты, Ванек,
Во солдаты...
В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся...

А Ванек, сознательный деревенский парень, отвечает родне:

Будь такие все, как вы,
Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи!

Отец исполнял эту песню под гитару с несколько насмешливым выражением лица, как бы желая подчеркнуть расстояние между собой и ею, не очень охотно, очевидно, считая ее устаревшей и наивной. Однако судьба его недалеко отстояла от судьбы «Ванька». На «сверхсрочную службу» в армии он остался в 1940 году, вопреки воле матери Веры. Сын его был более благосклонен к маршам и солдатским песням. Личико сына светилось, если папа Вениамин вдруг выкаблучивал на гитаре быстрое, плясовое:

Что ты, что ты, что ты, что ты,
Я солдат девятой роты,
Тридцать первого полка,
Ламца-дрица гоца-ца!

Хулиганы-солдаты, копая картошку или нарезая подсолнухи в подсобном хозяйстве, пели на ту же мелодию неприличное (Судя по всему, солдат тогда все время думал о девушках. Так же, как и сейчас.):

Лиза, Лиза, Лизавета...
Я люблю тебя за это,
И за это, и за то,
Что ты подняла пальто...

Появлялся, ругаясь, сержант, и солдаты, пристыженные, заводили старую, может, двухсотлетнюю:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жены?
Наши жены — ружья заряжены,
Вот где наши жены...

В форме вопросов и ответов, «зондаж» этот не оставлял в покое ни единого родственника и кончался, кажется, на дедах:

Наши деды — славные победы,
Вот где наши деды...

Деревней, Россией и стариной пахли многие отцовские и материнские словечки. Отец, приличный, заменял матерные слова на абракадабровые скороговорочные. Так он восклицал: «Пикит твою мать!» или говорил «Ё-пэ-рэсэ-тэ!», последнее — чистейшая абракадабра, очевидно, заменяла «... твою мать!», но звучала отрывком из алфавита. В тех случаях, когда мать, раздраженная какой-нибудь бытовой несправедливостью, скажем, грубостью милиционера, наблюдавшего за хлебной очередью, предлагала отцу предпринять что-либо, он успокаивал жену, говоря: «Рая, не стоит связываться, не трогай «г», не будет «в»!» Сознавая, что отец кодирует свой мессидж, возможно, из-за него, он однажды, любопытный, упросил мать раскодировать фразу. «Не трогай говно, не будет вони»,— расхохоталась мать и тут же посоветовала ребенку забыть услышанное. Но разве такое забудешь.

Мама Рая, если ребенок капризничал, восклицала: «На тебя, Миш, не угодишь!» Если по радио пел ненравящийся хор или трио, мать смеялась: «Голосят, как свиньи в дождь!» Когда однажды обворовали магазин на улице Свердлова, вместо того чтобы выразить соболезнование, мать почему-то обрадованно сказала: «Вор у вора дубинку украл! — и пояснила вытаращившему глаза ребенку, которого усердно учили, что чужое брать неприлично, и поставили на целый час в угол за то, что он явился со двора с чужим мячиком: — Директор — жуткий жулик, сынуля». Сын сделал из этого эпизода интересный вывод, что воровать у жуликов прилично, и вывод этот оказал некоторое влияние на его последующую жизнь. Впрочем, даже начало какой-нибудь великой реки, Амазонки или Волги, достоверно определить трудно, как же можно с определенностью сказать, какие мелкие случаи приводят к каким выводам?

По поводу концерта, на котором отец исполнил сложную музыкальную пьесу на гитаре, не получив за это ни одного хлопка, в то время как наградой за исполнение популярного романса на несложную мелодию разразилась буря аплодисментов, мать философски заметила: «Зачем ты мечешь бисер перед свиньями, Веня?»

Загадочное «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет!», сказанное по поводу поднимания слишком услужливым солдатом этажерки для книг (мать его об этом не просила и намеревалась не спеша поднять нетяжелое сооружение сама), он не понял. Солдат застрял в дверях с этажеркой и умудрился повредить две планки. Выражение было непонятным, так как и слово «Бог», и слово «молиться» ему были незнакомы. Мать сказала ему, что «молиться» — значит стоять на коленях и кланяться. Он решил, что это еще более тяжелый вид наказания, чем просто стояние на коленях, которому его подвергали несколько раз в неделю. Когда проступок был особенно тяжелым, мать приказывала снять чулки. Колени у него были и остались костлявыми, и стояние на коленях было-таки для него наказанием. В экстраординарных случаях мать грозилась поставить его «на горох», но так никогда и не рискнула высыпать на пол из драгоценного холщового мешочка его содержимое. Горох был дорогой. Она могла поставить его на фасоль, которая была куда дешевле и распространеннее, но, очевидно, не догадалась.

Вообще стояние на коленях было делом скучным и унизительным, потому как и без того маленький, он становился крошечным. Впрочем, если приходили вдруг посторонние, мать щадила его гордость и позволяла встать. Стоять полагалось лицом к стенке, чтоб было совсем неинтересно. От скуки он водил пальцем по известковой побелке, воображая сцены, лица, людей и животных или битвы. «Опусти руки!» — говорила мать за спиной. Наказаниями ведала мать, отец побил сына только один раз, в одиннадцать лет, и сам испугался содеянного. Но тогда уже была другая эпоха.

ШПИОНЫ И АМЕРИКАНЦЫ

Подростком и юношей он взбунтовался против родителей и в конце концов покинул их. Он не сходился с ними во взглядах на семью, на общество, на политику, на государство. Однако... и с годами это стало ясно, каким-то образом они сумели заронить в его душу все эти пословицы, поговорки, мнения, определения — десятки тысяч осколков информации — и с их помощью сделали и его не только плоть от плоти и кровь от крови двух российских деревень, Новь да Масловка, но и дух от духа их, деревень этих. Чему учили его лейтенант и молодая женщина-мать? Тому же, чему учат детей крестьяне Бургундии, Рейна или фермеры Миссисипи. «Нехорошо брать чужое», «не обижай тех, кто меньше тебя, это неблагородно», «делись с другом тем, что у тебя есть», «не бери пример с Васи Кузьменко, он, как волчонок, пожирает свои яблоки один», «давай сдачи, если тебя обидели, больше никогда не являйся к нам жаловаться!». Заповеди отца-коммуниста, лейтенанта НКВД, ничем, он обнаружил позже, не отличались от заповедей родителей-католиков или родителей-протестантов в других странах мира. И важнейшей среди них была заповедь: «Никогда не выбрасывай хлеб в мусор».

Хлеб занимал большое место не только потому, что за ним всегда были очереди. Но фольклор семьи отводил хлебу специальную центровую роль в жизни. Поминалось тысячу раз, что Никита Зыбин резал хлеб торжественно, когда все семь детей и жена, и старые родители (и, очевидно, работники, но советская мама деликатно молчала о работниках. Однако у зажиточного старосты должны были быть работники. Да и что ж тут плохого!) собирались вокруг стола. «Взяв буханку вот так! — мать показывала, как,— прижав одним концом к груди, ведя лезвие ножа на себя, резал дедушка хлеб. Хлебные крошки сметал в ладонь и высыпал к себе в рот... Не потому, что был жаден или голоден,— считала нужным объяснить мать,— но потому, что крестьянин хлеб уважал и знал, как тяжело он достается». Никита Зыбин нарезáл семье и мясо.

«Прадед Никита был очень хороший»,— учила мать и противопоставляла прадеда бабке Вере с ее легкомысленным заветом «Бог даст день, Бог даст пищу». От Никиты Зыбина никакого сжатого афористического завета не осталось, увы, или же Эдик, выродившийся в автора, забыл его. Но это маловероятно, так как прадед Никита ему нравился. Деду Федору подражать не предлагалось, очевидно, по причине его многоженства и непутевости, приведшей его в штрафной батальон и к гибели. Но дед, получается, «кровью искупил вину», и его часто поминали, погибшего солдата в семье солдата.

В углу комнаты, на чемоданах (позже на тумбочке), находился прием-

ник и постоянно каркал, играл, вещал и пел. Зеленый глазок приемника то щурился до кошачьей узкости, то растягивался на всю возможную округлость окислившимся пятаком. Звуки из приемника поступали через уши в голову не подозревающего о процессе ребенка и откладывались там слоями, как, говорят, знание иностранного языка откладывается в мозг спящего со включенным магнитофоном студента. Если бы возможно было звукососом (что-то вроде пылесоса) высосать мозг автора сейчас, то с самого дна высосались бы мешки песен, симфоний, опер, радиопостановок, докладов и балетов... Балетов и опер, и симфоний транслировалось все большее количество, ибо, убедившись в собственном величии, власть вскоре замкнулась в одиночестве, почила в спокойствии где-то на аллегорических вершинах Кремля и самовыражалась уже не в военных маршах, но в «Спящих красавицах», «Князе Игоре» и прочих сладколягих пышностях пыльного классицизма. Кто-то умно и тихо сменял уже декорации. Пылких и слишком энергичных подростков Сашу Матросова и Зою Космодемьянскую (какая фамилия! «космос» и «демоны»!) сменял инфантильный и послушный Пятнадцатилетний капитан или вовсе сливающиеся с фоном дети капитана Гранта. То есть народ спешно выпихивали со сцены. Война прошла, и вся эта публика была не нужна, статисты должны были очистить площадку. Однако оставались еще простые и честные полчаса, час в радиорепертуаре. Был в радиопостановке по повести Гайдара «Военная тайна» эпизод, флаш-бэк, когда поет сыну отец песню:

Эх, дороги... пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян...

«Ну какая же это солдатская песня?..— говорит мальчишка.— Ты же обещал солдатскую...»

«Как же не солдатская. Представь себе... Едет отряд по степи. Пыль. Бурьян. Глубокая осень. И вдруг...

Выстрел грянет, ворон кружит,
Мой дружок в бурьяне неживой лежит...
А дорога дальше мчится,
Клубится, дымится.
А кругом земля чужая,
Чужая земля...

А ты говоришь, не солдатская. Подстрелил солдата враг».

В «Военной тайне» мальчишка подружился с «врагами народа», фальшивым «дядей» и другим типом. Они же оказались и шпионами. Не очень часто, но в сентиментальные минуты, два раза в год, посещают автора мысли о том, что судьба его похожа на судьбу персонажа «Военной тайны», мальчишки, сбившегося с пути. С той значительной разницей, что никакой военной тайной он никогда не обладал. А, может, это не он сбился с пути, а они, государство Союз Советских? Не нашлось у них кубометра бумаги для русских стихов внука и племянника погибших солдат. Как защищать отечество с устаревшей трехлинейкой в снежных полях — мы годились, и Зыбины, и Савенко... Не всякому дано жить в чужой земле, считая ее своей. Автор скребет седой чуб и улыбается. Ну уж, если попал ты, дядя Эдик, в окружение к другим племенам (одни сплошные немцы, по-нашему если кто и говорит, то некрасиво) — веди себя смело. Робость солдату никогда не помогала.

Степной же бурьян был на Украине самого наилучшего качества. Толстоствольй, могучий, достигал он в рост не только мальчишке, но порой и взрослому человеку. И ко времени, когда выкапывали картошку, высыхал бурьян до такой степени, что жгли его солдаты в кострах, разведенных на поле подсобного хозяйства, и пахло очень хорошо. Если заглянуть в учебник ботаники, то травы такой — «бурьян» — нет. Это множество степных старых трав, буйных и рьяных, это его Величество Сорная Трава, свергнутая с трона оседлыми поселенцами, изгнанная, но никогда не сдававшаяся. Ведь еще в семнадцатом веке было на территории Украины дикое поле, по которому вольно гуляли казак с крымским татарином, отряд ясновельможных поляков в поисках приключений или осторожный москаль пробирался с отрядом, строя коварные планы. И под всеми разноплеменными копытами жил Бурьян.

Выстрел грянет, ворон кружит...

«Болтун — находка для шпиона»,— часто повторял отец по всяческим несерьезным поводам, например, когда сын надоедал ему своим лепетом. Присутствуя таким банальным образом в ежедневной жизни, слово «шпион» рано потеряло для мальчика остроту. Говорили, что до войны было много шпионов, но после войны их не стало. Хотя о них продолжали упоминать, но куда меньше, в основном как «о нарушителях государственной границы». Их в этом случае всегда спаривали с «диверсантами». «Шпионы и диверсанты». А уж видеть их и вовсе никто не видел. Вновь слово «шпион» вынырнуло только в 1953 году, когда сам Лаврентий Берия оказался английским шпионом. И хотя его арест и расстрел находятся уже за пределами Великой Эпохи, автор не может отказать себе в удовольствии привести здесь частушку по поводу печального конца отцовского начальника, большого босса.

Лаврентий Палыч Берия
Не оправдал доверия.
Осталися от Берия
Лишь только пух да перия...
. . . .
В горах цветет алыча
Не для Лаврентий Палыча.
Не для Лаврентий Палыча,
А для Петра Иваныча...

Петр Иваныч сменил Лаврентия Палыча на посту большого босса НКВД. Дабы даже самые буквы эти стереть из истории, организм НКВД разделили на две части и обе переименовали: министерство внутренних дел и Комитет государственной безопасности. Новый Хозяин Хрущев не жаловал Великую Эпоху, в которую он не был главным действующим лицом...

Лет в пять Эдик совершил свой первый патриотический поступок. Случилось это в театре на представлении балета Глиэра «Красный мак». Они сидели с матерью в третьем ряду. От сцены, пригоняемый, может быть, вентилятором, на них приносило крепкий запах новеньких декораций, ибо балет Глиэра был новинкой. Русский корабль прибыл в китайский порт и стоял вдали, на фоне ярко-синих и кое-где зеленых волн. Русский матрос, ничего себе не подозревая, сидел себе спиной к зрителям, к маме и сыну с удочкой в руках. Но под зловещую китайскую музыку от рампы, с ножом в зубах, вдруг увидел ребенок, ползет к нашему матросу китаец. Извивается телом, как ящерица, а ничего не подозревающий матрос не видит опасности, но глядит на воду, на поплавок удочки. Трудно сказать, что подумал офицерский сын, но ужас охватил его. Не делая уже тогда разницы между искусством и жизнью, ребенок вдруг заорал, желая предупредить нашего моряка об опасности. Так как актер, следуя роли, не обернулся, ребенок сорвался с места и побежал к рампе, вереща еще сильнее. Зрители, оправившись от неожиданности, стали смеяться, мать поймала слишком страстного Эдика и бегом вынесла его из зала. «Это все неправда, дурачок маленький, это же представление! Неужели ты не понимаешь, это не матрос и китаец, это актеры».

«Но нож, мама! — ребенок, вытирая слезы, глядел снизу вверх, не понимая.— Он же с ножом!»

«И нож, наверное, картонный или какой там, папье-маше...»

В антракте старый дядька в гражданском костюме, но с медалями нагнулся и, потрепав карлика по плечу трофейного пиджачка, улыбнулся и сказал: «Молодец, малыш, своих надо выручать». А матери он сказал, что из мальчика получится «человек что надо». (Мнение того дяди резко расходится с мнением об этом же мальчике, но выросшем, высказанным в декабре 1973 г. Юрием Андроповым: «Убежденный антисоветчик». Впрочем, дядя Юрий Андропов, лично не зная объект, лишь резюмировал досье КГБ. Дочь Андропова уступила просьбе друга студенческих лет Александра Морозова — узнать мнение организации, каковой ее отец только что сделался главой, о поэте Савенко (Лимонове)...)

По окончании спектакля актеры вышли на авансцену поклониться публике, и матрос и таки убивший его китаец с косичкой, взявшись за ру-

ки, поклонились зрителю. Поклонившись всем, они глазами нашли в зале возмутителя спокойствия и, подбежав к рампе как можно ближе, поклонились ему в отдельности. «Видишь, — сказала мать и помахала актерам рукой, — наш матрос жив. В этом и заключается театр. Это когда актеры представляют матросов или китайцев».

Мать хотела потащить его за кулисы, дабы он убедился, что китаец на самом деле русский. Что коса его — это парик, и глаза нарисованы в щелочки тушью. Он не пошел и, стесняясь, закрыв лицо локтем, попросился домой. Они вышли из театра и на двух трамваях поехали домой на Красноармейскую. Харьков был уже темный, и, сидя против матери в трамвае, он смотрел, как по деревянным настилам вдоль заборов гулко топали редкие уже прохожие. Заборов было в городе множество километров, ибо Харьков особенно пострадал в войну, его несколько раз отбивали друг у друга «наши» и немцы, бомбили и били по нему артиллерией. Военный отец сказал как-то, отложив гитару, что в эту войну «гражданским досталось не меньше, чем фронту. — Отец вздохнул. — Если в первую мировую войну потери среди гражданского населения составляли только пять процентов от общего количества потерь, то в эту... никто еще не посчитал, но процентов тридцать будет... Американцы особенно хороши воевать с мирным населением... — Отец поморщился. — Бомба — самый трусливый вид оружия. Ты понимаешь, Рая, когда немец по ним в Арденнах долбанул, они ведь нас упросили помочь, начать зимнее наступление, чтоб немца отвлечь... Они тогда, союзнички ... иху мать, — отец смущенно посмотрел на ребенка. Тот, лежа с книжкой с картинками, сделал, однако, вид, что не слышит, слушая во все уши. — Они с шоколадом привыкли воевать, с теплым сортиром, с борделем и под джаз. А немец — он противник суровый. У него удар, помнишь, как Некрасов писал: «Удар искросыпительный, удар зубодробительный, удар скуловорот!», у немца. Только наше зимнее наступление и спасло союзничков... Теперь вот у них атомная бомба есть, воевать не надо... Без атомной бомбы японец бы их переполовинил. Японец очень хороший солдат, хотя и не такой выносливый, как немец, питание не то... Американец — солдат говно, потому они так любят воевать чужими руками...» Так первый ветерок холодной войны прошелся по комнате на Красноармейской и оторвал его от картинок в книжке.

Малышня во дворе, следуя изменившимся нравам взрослых, пела кривляясь:

Один американец,
Засунул в попу палец
И думает, что он
Заводит граммофон!

Лихая частушка эта, возникшая черт знает когда, но всплывшая на поверхность именно в 1948 — 1949-м, как нельзя лучше выражала карикатурный имидж американца, созданный русским народом: личность, верящая в прогресс до глупости, до абсурда. Народ дружно хохотал над фильмом «Волга-Волга», где популярный актер Леонид Утесов, облокотившись на трубу американского парохода, сшибает ее. Да и весь пароход — американский подарок — разваливается на части. «Америка России подарила пароход», — пел Утесов, и зал хохотал с особенным удовольствием, несмотря на то, что фильм был сделан давно, еще в тридцатые годы, тема американских подарков была актуальна. Соединенные Штаты, вдруг сообразив, что сделали в Ялте, Тегеране и Потсдаме плохой бизнес, были недовольны «дил» и хотели бы его перенегосировать. Холодная война возникла от досады по этому поводу. Невозможно всерьез верить в пропагандируемую тогда «русскую опасность» теперь, когда опубликованы материалы, бывшие в тот период недоступными.

Ворчание лейтенанта Савенко вечером в семье выглядит совершенно невинным в сравнении с опубликованной в журнале «Лук» в 1948 году историей: «Могут ли русские захватить Детройт?», сопровожденной карикатурными рисунками, изображающими уничтожение толп русских варваров. Ожидали вторжения русских в Западную Европу. Считалось, что только обладание американцами атомной бомбой сдерживает русских от вторжения. Это утверждали (сукин сын) Черчилль и военный преступник Трумэн (за Хиросиму и Нагасаки, за уничтожение гражданского населения его следовало судить и послать на электрический стул. Если бы существовала справедливость...). Это же утверждали журналисты той эпохи. И это было абсолютнейшей ложью. Секретный рапорт «Ю. С. Джойнт Интеллидженс Коммитти» конца 1945 года дает реальную картину состояния Советского Союза и его армии, отмечает «важные слабости» и определяет время, необходимое для их устранения.

a) Потери в живой силе и индустриальной мощи, учитывая то, что СССР и до войны не обладал полностью развитой индустрией (15 лет на восстановление).

b) Недостаток техников (5 — 10 лет).

c) Отсутствие стратегической авиации (5 — 10 лет).

d) Отсутствие современного флота (15 — 10 лет для ведения войны, включающей важные морские операции).

e) Плохое состояние железнодорожной и военной транспортных систем и оборудования (10 лет).

f) Уязвимость советских нефтяных, железнодорожных и жизненно важных индустриальных центров для бомбардировщиков длинного радиуса действия.

g) Отсутствие атомных бомб (5 лет или меньше).

h) Сопротивление в оккупированных территориях Вост. Европы (5 лет или меньше).

i) Количественная военная слабость на Дальнем Востоке — в особенности военно-морская (15 — 20 лет).

Рапорт хладнокровно заключает, что «Советы вряд ли рискнут решиться на большую войну по меньшей мере еще 15 лет».

Друг Эдика, официанткин сын Ленька, мальчик попроще офицерских детей, пел частушку про американца жестче и вульгарнее, очевидно, выражая мнение низших социальных слоев об «американце»:

Один американец
Засунул в жопу палец
И думает, что он...

Прочитав зимний номер 1982/83 гг. журнала «Интернэшнл секьюрити» со статьей Мэттью Эвангелиста «Переоценка сталинской послевоенной армии», откуда и взят вышеприведенный, когда-то секретный текст, именно Ленькин вариант частушки спел автор.

ТИГРО-МАКСИМЫ

Есть фотография, где Эдик, Ленька и мальчик, имени его не сохранило время, стоят у афиши, на которой лохматый пыльный лев тяжело перемахивает сквозь пылающее огнем кольцо. Стенд с афишей Харьковского государственного цирка много лет помещался у подножия того самого необитаемого сквера, где скучивалась малышня для набегов на несчастные трамваи. Сквер, имевший форму утюга, нес афишу на заднице, на седалище. Эдик на фотографии стоит в круглой шапке, Ленька тоже в меховой шапке, но у Ленькиной шапки невозможно длинные уши. Ленька на шапку выше Эдика. В цирк он ходил с Ленькой и с мамой, а потом только с Ленькой, когда мать убедилась, что дитя трудового народа — существо предприимчивое и надежное, наглое и заботливое. На кой черт Ленька возился с ним, малышонком, ему до сих пор непонятно, неужели ему было интересно с только что просыпающимся к жизни лейтенантским сыном, ведь он был не только на два года старше физически, но, пожалуй, еще на пару-тройку лет более развит. Мать приводила Леньку к офицерским детям, но вовсе не следила за тем, сидит ли он во дворе, и не обязывала его сидеть. Гаврош этот харьковский, Ленька, таскался где хотел, как взрослый. Бывают, следует сказать, такие дети, как бы уже рожденные с отцовским комплексом, вечно опекающие млад-

ших, солидные, разбитные и самостоятельные. У Гавроша-Леньки не было младших братьев или сестер, потому он вытирал Эдику нос, завязывал только что отболевшему под шапкой сбившийся платок, катал его, выпросив у дворника своего, соседнего двора, в тачке (за этот подвиг он, впрочем, получил нагоняй и от мамы Раи, и от своей матери. Тачка была угольная, и шубка лейтенантского сына, когда он скатился с тачки, довольный после катания, впитала угольную пыль так прочно, что маме Рае пришлось стирать ее).

В цирк они ходили по меньшей мере раз в неделю. Во-первых, цирк — серое непострадавшее здание с бетонным куполом — был всего лишь в сотне метров от афиши цирка, на той стороне улицы Свердлова. Во-вторых было куда более важно, чем во-первых. Директор Харьковского цирка был приятелем лейтенанта Савенко. Сын лейтенанта, мама и друг сына были в цирке желанными гостями. Их знали, да не только контролерши, но даже униформисты.

Он навсегда запомнил цирк как «вонючий». Это оттого, что сидел в цирке он всегда в первом ряду партера, на лучших местах, по блату, и все запахи зверей и человеческого обильного пота цирковых артистов были рядом. К тому же нос маленького человека расположен на метр ближе к земле и опилкам, чем нос большого. Звери пахли ужасно. Особенно едко пахли хищники, мясоеды — львы и тигры. Эпоха была голодная, не самая, получается, лучшая для мясоедящих зверей, если человек, офицер, и тот считал мясное блюдо праздничным. Что ели звери, остается загадкой, может быть, каких-нибудь умерших от эпидемий коров, но в результате хищники все были худые и очень злые. С худым и злым, голодным хищником работать трудно: его не усладишь куском мяса, сахар же они, кажется, не любили, потому звери все время рычали, подтягивали зады к передним лапам, готовились к прыжку на дрессировщика, обнажали клыки, шипели... Арена с дикими зверьми, разумеется, была оцеплена металлическими решетками с прутьями хорошей толщины, однако глядеть на раздраженных львиц с явственно видным набором ребер было страшновато. Даже Ленька нервно ерзал на сиденье кровавого бархата. Дрессировщик, разряженный и темнобородый, выходил с обязательным револьвером в кобуре, а со стороны зрителя к прутьям прижимались в тревоге с полдюжины молодцов-ассистентов с длинными стальными копьями. Дабы в случае, если зверь накинется на дрессировщика, так что тот не успеет выстрелить, вколоть пику в агрессора. Напряжение царило на арене, звери отказывались работать, бледнел до трупности дрессировщик, взмокали от страха и напряжения широкие спины мускулистых ассистентов, писал вдруг, выражая свое презрение к мучающему его роду человеческому, рослый медведь...

Писали звери едко и много, когда потом, в конце представления униформисты спешно сгребали с арены опилки, они были сплошь мокрыми. Вцепившись друг в друга или в маму Раю, Эдик и Ленька неотрывно следили за каждым движением лапы и каждым оскалом. Знаменитый Дуров (какой уже по счету из семьи Дуровых, большой вопрос) всех разочаровывал. Принесший на арены гуманный способ общения со зверьми, он не пользовался успехом у зрителя. Сомнамбулически задумчивые звери его плохо рычали и несерьезно скалились. В фаворе были злодеи-молодчики с итальянскими и венгерскими фамилиями, практиковавшие интенсивное физическое подчинение зверей, свистевшие бичами, коловшие пикой отказавшегося прыгать в огонь тигра. Поединок «человек — зверь» интересовал толпу. Харьковский зритель желал от дрессировщика подвигов матадора или гладиатора, а не гладкого исполнения. С восторгом рассказывали о представлениях, в которых тигр «откусил руку дрессировщику» или «сломал шесть ребер». Однако Эдику и Леньке не пришлось побывать на тех блистательных представлениях. В их присутствии случались смешные скорее случаи. Однажды хулиганистый старый, весь потрескавшийся слон, его проводили по кругу арены, чтобы он здоровался со зрителями, вылил, лукавый, ведро воды из хобота на ни в чем не повинную бабушку, сидевшую в первом ряду, приведшую внучку в цирк. Эдику тоже пришлось получить однажды из хобота слона кубометр дурно пахнущего теплого воздуха. Мать объясняла крепкие запахи тем, что «звери много работают и их плохо содержат». Отдельно от матери, сидя на при-

гревающем весеннем солнышке, приятели обсудили звериную жизнь и сошлись на том, что зверям следует убежать. «Если бы меня мамка так содержала, я бы давно убежал, — сказал Ленька. — Но она, в общем, справедливая, моя мамка, иногда только даст затрещину. — Ленька улыбнулся задумчиво. — Тебя твои, я так понимаю, еще не лупят».

«Не, не лупят», — согласился Эдик и поскреб стену дома, у которого они сидели, ногтем. Скорлупка штукатурки отвалилась от стены. То, что не было разрушено бомбежкой немцев, было старое и валилось само.

«Может, и никогда не будут, — сказал Ленька. — Они у тебя что надо, не нервные. У меня мамка нервная, потому что одна. Но она не очень нервная и не каждый день. Есть куда хуже родители. А от затрещин я научился уворачиваться...»

Там был один тигр, который, они были оба согласны, их гипнотизировал. Чего он хотел от Леньки с Эдиком? Может, он хотел, чтобы они его выпустили, помогли сбежать? А может, он хотел съесть их, наесться наконец до отвала двумя малышатами, хотя бы перед тем, как быть застреленным, ибо зверей за убийство наказывали, как и человеков, расстрелом. Сидя на своей тумбе, этот тигр глядел на малышат, не мигая, обнаженными зелеными зрачками такой силы и яркости, что ничто живое на планете не могло быть с ними сравнимо. Этим зрачкам нельзя было подобрать пары в живом мире, только свежая новая лампа, «глазок» радиоприемника, подходила в пары глазам тигра. Но лампа-то из мира техники, а тигр из мира джунглей.

Возникал вопрос: может быть, этот тигр на тумбе не тигр? В любом случае дети под его взглядом чувствовали себя нехорошо. Глаза львов, львиц и других тигров их, однако, не беспокоили.

С клоунов сваливались штаны, а под ними были смешные трусы, из глаз клоунов брызгала вода, на руках клоуны ходили лучше, чем на ногах. Фокусники всегда выбирали в жертвы Леньку и никогда Эдика, это у Леньки в карманах обнаруживались пропавшие колоды карт, часы или бумажники сидевших в другом конце цирка граждан.

Осетинские джигиты в папахах с кинжалами и патронташами (лейтенантский сын еще не знал, что в жилах его течет и их кровь) вытворяли со своими лошадьми трюки не хуже, чем Вася и его Буян в популярном фильме тех лет, этаком сентиментальном советском вестерне. (Автор забыл его название, а напомнить некому. Немцы конфискуют у Васи Буяна и везут его в вагоне, Вася отцепляет вагон и освобождает любимую лошадь. В другом эпизоде Вася на лошади обгоняет поезд. Короче, детям было на что посмотреть. Немцы в фильме были глупые и злые, а русские хорошие, добрые и сильные.) Осетины делали сальто на спине скачущих лошадей, повисали под брюхом, прячась от невидимых пуль, под жаркие аплодисменты цирка. Однако даже самый дохлый и маленький малышонок знал, что кавалерийские полки расформированы и отошли в прошлое. Танк — это да, и авиация. В кавалерию дети поиграли некоторое время после того, как прошел опять по экранам Харькова пожилой фильм «Чапаев». Трое малышат в лошадях, один красноармеец-малышонок с вожжами и один пулеметчик, носились тачанки по двору штаба. «Тра-тат-тат-та!» — кричали пулеметчики, поводя деревянными дулами. «Тра-тат-та-та-та!» Однако уже через неделю малышата вернулись к «харлеям» с коляской, модерновое средство проведения небольших военных операций было и более удобным для малышни, каждая движущаяся огневая точка требовала участия не пяти, но всего лишь двух человек. Однако вопреки исторической правде малышня устанавливала на «харлеи» пулеметы Максима, очень уж прославленным было название. И если «харлей» реальный (можно было в этом убедиться, выйдя со двора и завернув за угол на Красноармейскую) все же был американским мотоциклом, поставленным в войну по ленд-лизу (никто не знал, что это такое, но все так и говорили: «по ленд-лизу»), то уж Максим, ни один малышонок даже не задавался этим вопросом, конечно же, был русским пулеметом! Если бы пришел во двор дядя, собрал малышню и прочел им лекцию об американском мальчике из штата Мэн, по имени Хайрем Ма́ксим, первым изобретением его была мышеловка, потом он занимался электричеством, как папа Вениамин, и, наконец, в восьмидесятых годах прошлого века изобрел (в Париже) новый вид автоматического оружия,

малышня бы не поверила и продолжала бы считать Максима русским. Единственная русскость этого хорошего оружия состояла в том, что Россия действительно предпочитала пулемет Максима и была его особенно ревностной покупательницей. Историки утверждают, что половина японцев, убитых в русско-японской войне, была убита с помощью маленького пулемета этого, а не из больших орудий. Во вторую мировую Союз Советских воевал уже с помощью своего отечественного оружия, изобретенного Токаревым, Калашниковым и другими специалистами. Малышня, отстав от жизни на одну войну, стреляла из воображаемых Максимов (кусков дерева), а уже жила знаменитая модель автомата Калашникова сорок седьмого года. И ей суждена была слава не меньшая, чем Максиму. Прошло уже сорок лет, а интернациональная слава эта не угасла, но разгорается.

Отец прятал свой пистолет «ТТ» в кобуре всего лишь в «шифоньер». Собственно, простой платяной шкаф этот не заслуживал пышного французского названия, бог весть каким способом зацепившегося и оставшегося в русском языке. Прятал он «ТТ» от сына не потому, что боялся, что тот употребит его в криминальных целях, но лишь дабы малышонок-сын случайно не убился. Позднее сын заметил, что отец обладает не одним, а двумя «ТТ», в то время как один уходил с отцом, плотно застегнутый в кобуру, другой оставался дома, лежал под чистыми простынями на полке шифоньера. Но ему еще не приходило тогда в голову воспользовался «ТТ» в личных целях.

Не меньше, чем раз в неделю, лейтенант разбирал пистолет и смазывал. Обычно эта операция производилась вечером. Отец усаживался за стол, придвигал к себе близко настольную лампу, клал неиспользованный портяночный кусок фланели под лампу и разбирал «ТТ», часть за частью. Кисточкой протирал малодоступные уголки. Масленкой с носиком он достигал в узкие прорези, роняя, где нужно, каплю масла. Сын сидел обычно напротив и, положив подбородок на стол, глядел, не моргая, на обряд. Пахло крепко индустриальным чистым маслом. Мама Рая читала за тем же столом книгу и время от времени взглядывала на руки отца. С хорошо остриженными ногтями (у отца был дорогой швейцарский ножик с четырнадцатью инструментами, в том числе и для ногтей), с хорошо обнаженными белыми лунками, ухоженные отцовские длинные музыкальные пальцы управлялись с деталями пистолета ловко и с видимым удовольствием. Ласка и нежность к черной машинке, может быть, большая, чем к грифу гитары, видна была мальчику в руках папки. Лицо же его уходило в полумрак над лампой и было плохо видно. «Слишком много масла — плохо»,— говорил отец, обращаясь ни к кому, но, может быть, к сыну, имея в виду «ТТ», и подбирал уголком фланели излишек масла — фланель благородно всасывала излишек. «Плохой офицер,— продолжал отец,— не чистящий личное оружие, однажды может поплатиться за это жизнью»,— словно читал лекцию курсантам военного училища, а не пятилетний сын сидел напротив. «Ну ладно в мирное время, как сейчас,— отец с крепким хрустом вгонял одну деталь в другую,— а на фронте, если оружие вдруг отказывается стрелять, заклинивает,— верная смерть. Враг перед тобой, ты выхватил пистолет, клац, клац, а пистолет твой заклинило...» Эдик с ужасом представил себя с заклинившим пистолетом перед врагом. «Личное оружие должно быть всегда безукоризненно вычищенным, а содержаться должно в сухом и чистом месте»,— заключал лейтенант. — Понял?»

«Да, пап...»

«Нельзя так говорить, «да», это — по-граждански. Нужно отвечать: «Так точно, понял, товарищ лейтенант». Забыл уже все, чему я тебя учил. Ну-ка проверим, что ты должен сказать, если хочешь задать вопрос старшему по званию?..»

«Товарищ лейтенант, разрешите обратиться?..»

«Разрешаю, рядовой,— отец расхохотался.— Молодец, запомнил. Объявляю тебе благодарность с занесением в личное дело».

«Слушаюсь! Разрешите идти?» — сын стоял перед отцом навытяжку.

«Тут ты уже напутал,— сказал отец.— За благодарность полагается поблагодарить, «слушаюсь» тут ни к чему. Можно сказать: «Рад стараться. Служу Советскому Союзу!»

В ГОРОДЕ И В МИРЕ

Ну, разумеется, он уже знал, что Советский Союз — это страна, в которой он родился и живет. Карта висела у них на стене, и хотя его ставили в угол в метре от карты, опасно изогнувшись, он мог в нее заглядывать. Так как он рос и совершал, вернее, пробовал совершать всякие недозволенные поступки, то стоять на коленях приходилось часто, и, как результат, он выучил дальневосточную часть Союза с Камчаткой и Сахалином и куском японской территории. И даже спустя много лет, сейчас, он с закрытыми глазами может нарисовать очертания острова Хоккайдо. Наш Советский Союз был нежно-сиреневым, как Любкины трусики, японская территория была густо-зеленой, под Советским Союзом располагался канареечного цвета Китай... Однако он никак не связывал карту с территорией. Карта существовала как абстрактное, отдельное понятие. Он не связывал ее и с глобусом. Глобус был одно, карта — другое, а его территория — двор, улицы Свердлова и Красноармейская — никак для него не были связаны ни с картой, ни с глобусом...

Как раз у ворот двора, на Свердлова, трамвай, идущий на Холодную гору, переключал скорость. Ему предстоял длинный подъем, гора была холмом. Мальчики постарше любили вскочить на подножку замедлившего ход трамвая, и, проехав немного, спрыгнуть. (Это серьезное преступление влекло за собой надирание ушей одновременно с повествованием о судьбе мальчика «из другого двора», которому отрезало ногу именно при таких же обстоятельствах. Был ли мальчик выдуман, создан из воздуха в поучение родителями? А может быть, такой несчастный мальчик без ноги жил-таки в «другом дворе», но впоследствии съехал?) А медленно идущий трамвай попадал-таки на Холодную гору в конце концов. На Холодной горе находились солдатские казармы дивизии, так же как и казарма для неженатых офицеров. Эдик представлял себе мир (иногда он пытался это сделать) в виде множества штабов дивизии, затерянных оазисами жизни среди моря развалин... Оазис на Красноармейской, оазис на Холодной горе. На горе он никогда не был, и, следуя неизощренному детскому воображению, представлял ее как возвышенный обледенелый холм. Там всегда холодно, как зимой. Еще он знал, что на Холодной горе находится тюрьма. Что такое тюрьма, было не совсем понятно. Он знал о тюрьме лишь побочные, вторичные признаки. Так, например, он твердо знал, что тюрьма желтая. Отец говорил ему, что она желтая. И, соединяясь с Холодной горой, тюрьма представлялась ему как желтая и холодная. На тюрьму, и это уже ничем не объяснишь, он распространял также чувство тяжести. Почему? Тяжести удельной, не воображаемой, но реальной, как у сейфа, который неизвестно кто и когда поставил в коридоре, возле двери в комнату Савенко, так неудачно, что сейф загораживал им часть света, падающего из коридорного окна. Дабы вставить ключ, приходилось наклоняться к замочной скважине. Отец долгое время забывал вызвать солдат и передвинуть сейф или удалить его вовсе, бесполезный (ключи были потеряны, и никто в штабе понятия не имел, что это за сейф), пока однажды, рассердившись, не рванул его единолично так, что сдвинул-таки его с места. И поплатился за это болями в животе. Мать ахала и качала головой, говоря, что «у Вениамина теперь будет грыжа, он заработает себе грыжу».

Ребенок сжимал мячик из очень плохой, вязкой и тяжелой резины (он плохо подскакивал) и думал с тоской о том, как удручающе много у взрослых понятий и слов. Если ясно было, что сейф — это тяжелый металлический куб с ручкой, то что такое грыжа, которую его отец может заработать или заработал, передвигая сейф, он не понял и после пространного объяснения матери.

Если на гору шел один номер трамвая (в Харькове их вопреки здравому смыслу звали «марками»), то к развалинам вокзала, на Красноармейскую, поворачивал другой. Когда он «сходил с рельс» на повороте, а случалось это довольно часто, кондуктор истошно злоупотреблял трамвайным звонком, громким и звонким, как куранты на Спасской башне (их звук ребенок знал по каждому Новому году, главные куранты страны

исправно звучали из приемника). Он никогда не бывал на станциях, откуда отправлялись трамваи, ему был знаком лишь кусок Красноармейской, отрезок Свердлова с цирком и кинотеатром «Спорт». Это была его вселенная. Подсобное хозяйство уже находилось на другой планете, и туда нужно было мчаться, держась за солдатские ноги, среди прикладов автоматов и черенков лопат и кирок. В театры с матерью они ездили вечером, когда было уже темно и из трамвая видны были только плохо освещенные заборы. Или в трамвае было так много пассажиров, что всю дорогу приходилось видеть чью-нибудь ногу в грубой штанине... а то и с неудовольствием ударяться носом в чей-нибудь пах.

Однажды вселенная чуть расширилась. На улице Свердлова сняли забор, и за забором оказался юный новый сквер. С совсем молоденькими деревьями и скамейками. Этот сквер, в отличие от дикого «утюга» меж трамвайными линиями, был предназначен для публики и выходил сразу на две улицы, Свердлова и параллельную ей, о существовании ее Эдик не подозревал, улицу. Туда он стал ходить с мамой. Неохотно, следует сказать. Он предпочитал дворовую компанию ребят и девочек, в новом сквере же его знакомили с какими-то детьми-ломаками, те дети подавали тебе руку, невнимательно смотря в сторону, или неуважительно подгибая в это время ногу. То есть это были дети-воображалы, о которых малышня в родном дворе пела, дразнясь:

Воображуля первый сорт,
Куда едешь? На курорт!
Шапочка с бубончиком,
Едешь под вагоичиком!

В новом сквере он, однако, познакомился впервые с садовыми цветами. Он быстро запомнил пахнущие густо медом, бархатные на ощупь «майоры» (военный ребенок принял первыми, конечно, «майоры»), большие, жирные, с ладошку размером георгины (название тоже было армейским. Георгиевский крест был военной наградой в царской армии. Многие выдающиеся русские люди могли похвалиться «Георгием»). Георгины пахли мокрым. И совсем, казалось бы, незначительные, мелкие сине-серые цветочки, они сотнями сидели на своем кусте, как брызги на полу после побелки,— маттиолы — удивили его. Маленькие, да удаленькие, маттиолы пахли крепко и удушающе, особенно к вечеру, перед самым закрытием сквера...

На благородные цветы собирались и благородные насекомые. Не вульгарные крестьянские синие мухи развалин, грубые здоровяки на тяжелых крыльях, но пчелы и изящные в талии осы, пестрые «божьи коровки» и даже одутловатые трутни в волосатых модных халатах. Небо над цветами было оживленным, как небо над большим аэродромом.

Он не любил ходить в этот сквер еще и потому, что его всякий раз наряжали и чистили перед походом. Он не был грязным ребенком, но выход на парад несколько раз в неделю его раздражал. Кажется, мать считала, что выходить в этот сквер прилично. Не обладая полными сведениями о структуре общества сквера, в обществе этом мать хотела, а он не хотел, общаться: он помнит, что рядом с мамой часто сидела жена командира дивизии. Командир и его семья жили неизвестно где, и жену его Эдик видел только в сквере. Она являлась с двумя совсем крошечными младенцами, но казались они скорее внуками ее, а не детьми. Из прошлого к Эдику вдруг приседает растянутое кожаное лицо со шляпкой над ним. «Уу, какой сердитый маленький мальчик...» Он помнит, что почувствовал несправедливость этого заявления, но так как не мог сформулировать свои чувства во фразу: «Я не сердитый, а просто вы мне не нравитесь. Сердитым мое лицо делается, когда вы ко мне так вот наклоняетесь, ибо у вас очень пахнет тухлым изо рта...»,— он повернулся и убежал к забору. Вот тут он увидел первую в его жизни кошку.

Дрожа, серая, длинношерстная, она обнюхивала цветы на клумбе. Мокрый серый нос кошки подрагивал, и подрагивали белые, редкие, как примусные иголки, усы. На шее шерсть кошки примял ошейник, и от него туго натянутый поводок, теряясь в цветах, заканчивался в руках старухи...

Кошка его потрясла. Она показалась ему ослепительно красивой. Она вовсе не была похожа, как это принято считать, на тигра. Тигры в цирке были большие и опасные, страшные, как трамвай, когда он не подскакивает на порохе, но неожиданно выскакивает на тебя из-за поворота. Кошка же была сногсшибательно, женственно привлекательна, и размеры ее позволяли почувствовать к ней нежность. Он рванулся к кошке, и кошка его оцарапала, шипя. Он заплакал беззвучно, но все же пошел за ней. Она не перестала ему нравиться. Старуха, подтянув поводок, убрала кошку из клумбы и положила ее к себе на колени. Открыла рот и произнесла протестующую речь.

Мама Рая уже тогда проявляла свою натуру во всей ее полноте. Во всех ранениях и царапинах сына, считала мама, виноват он сам. Кошка ли, шипя, смазала когтями по его дружески протянутой руке, государство ли дало ему в нос, походя, просто так, для острастки, потому что подвернулся, виноват Эдик. «Извините его, пожалуйста, он никогда не видел кошки». Старуха продолжала открывать рот, а рядом сидящий дядька что-то сказал о детях, судя по выражению лица, отрицательное. Он не одобрял, что такое количество детей суетится, бегает и кричит в сквере и в Харькове. Прожужжали и просвистели слова «рожать», «следить»...

Ребенок не умел еще ругаться. Ленька приносил ему ругательные слова, но он еще не выучил их употребления. Посему он повернулся и отошел от старухи и дядьки. Вообще-то говоря, только мужчина в сапогах и военной форме достоин был внимания. Солдат, офицер (тогда обобщали, настаивая на равенстве, разумеется, несуществующем, и слава богу, говорили «военнослужащий»). Мнение гражданских лиц не имело никакого значения. «Дядьки», «тетки», «старухи» (они же «бабушки») и «дедушки» были людьми третьего сорта. Почему третьего, а не второго? Потому что после солдат вторым сортом шли дети, населяющие двор штаба дивизии, дети военнослужащих, а уж потом вся эта невоенная шушера.

И сегодня, о, как глубоко и сильно влияние среды первых лет младенчества: выросший дядя Эдик подсознательно считает «гражданских» людьми второго сорта. (Дети как категория временная исчезли, растворившись.) «Гражданские», считает он, суетливы, визгливы, недисциплинированны и чрезвычайно бестолковы. Что можно от них требовать, если они даже ходить по улицам не умеют, внезапно, без всякой причины, останавливаются, так что на них налетаешь, или еле плетутся, вцепившись друг в друга кусками колючей проволоки, загораживают, сомнамбулы, бодро и ровно (шесть километров в час!) идущему сыну солдата путь.

Зато бравый генерал вне зависимости, за какое дело он генерал, приятен ему. Подтянутый курсант на улице заставляет его оглянуться. Военная форма для солдатского сына — признак избранной отдельности, и не исправить его искривленного мировоззрения никогда...

У него были эмоции, но он уже понял, что нужно их скрывать. Отец после несчастливого сейфа страдал животом, но стонал только во сне. Может быть, мужчине в деревне Масловка не полагалось болеть. Ведь дед Иван встал после трех дней болезни, побрился, должно быть, стеснялся лежать, да только вот умер... За всю его жизнь с родителями он помнит отца в постели, больного (но вдребезги, с температурой под сорок!), только дважды. И оба раза по два дня. Мать, облив руку кислотой, сжегши ее до кости, повторяла: «Ничего страшного, ничего страшного, Эдик, сынок, не волнуйся...», правда, стараясь не глядеть на руку... Когда у тебя такие железные люди в родителях, то сам ты тоже стараешься быть не бледнеющим перед опасностью самураем... Он вспомнил, чей он сын, простил мать, принявшую сторону врага, и проглотил слезы... Кошка глядела на него с колен старухи, как ему показалось, с симпатией. Может быть, они бы подружились, если бы их оставили наедине. О'кэй, в момент открытия сквера ему было всего четыре года, а кто не заплачет, если впервые увиденный тобою красивый зверь, к которому ты рванулся по велению сердца, вдруг тебя когтями по руке... Скорее от обиды выступили у него две-три слезы, а не от страха. Вот овчарки Шаповала он испугался по-настоящему. Не зная природы собак, испугавшись двух коротких «аф! аф!», зубов и красного молодого языка сучки, он совершил ошибку, побежал от нее не в дом, дурак, не к людям, но между облупившимися стенами сырого кирпича побежал к воротам, выходящим

на улицу Свердлова. Кто же убегает от немецкой овчарки... Погоня у нее в крови. Молодая, рослая сучка с удовольствием пустилась за перепуганной фигуркой в шубейке. Она не куснула его, но навела на него страху, он очень кричал, и старшине пришлось бежать к воротам оттаскивать радостно рычащую и наскакивающую на младенца собаку. Мать сказала, что Эдик сам виноват, ему была, оказывается, прочитана лекция о собаках, о том, как следует себя вести с собаками, «а немецкую овчарку Шаповал завел не по прихоти, но для дела», заключила она. С мамой ему давно все стало ясно. Мама его любила (не приторно, но как следует), однако, заботясь о том, чтобы из сына получился «хороший человек», мама настаивала на объективной справедливости.

МАМИНЫ КНИГИ И БОЛЕЗНИ ЭДИКА

Вокруг были книги. Всегда. Доступ к пониманию книг, однако, был закрыт алфавитом. Нужно было выучить тридцать три буквы. Он знал их все тридцать три, но тогда пользовалась популярностью такая теория, что вредно учить ребенка читать до школы, ему будет, мол, неинтересно ходить в первые классы. Ему, говорили,— нечего будет делать, и он от скуки станет хулиганом. Потому, зная по отдельности буквы, отличая их по виду, он ходил рядом с многочисленными родительскими книгами в шкафу, каждая скрывала по меньшей мере одну интересную историю, и завидовал взрослым.

Материны книги были пухлые, желтые и старые. Каждая, как взбитая подушка. Мать сидела прямо, укрепив локти на клеенке стола, и глядела некоторое время на одну страницу, затем поворачивала чуть голову и изучала пристально соседнюю. Изучив, переворачивала лист. «Что там, мам?» — спрашивал он, стоя на коленях на стуле и изучая лицо матери с не меньшим интересом, чем она страницы. «А?» Мать, отметил он, выглядит так, как будто он ее разбудил. «Ох...» Мать, может быть, хотела взмолиться или выругать его, чтоб он ее не отвлекал, но, вспомнив, что это ее единственный, все еще чуточку глухой после кори сын, начинала терпеливо объяснять. «Ну, музыкант, о котором я тебе уже рассказывала, путешествует по Германии пешком. Он остановился отдохнуть под деревом, он идет в Италию, этот музыкант. Там очень красиво, течет ручей, омывая корни могучих старых деревьев...» И мать опять опускала лицо к желтым страницам. (Они были не только желтые, но почти на каждой было по меньшей мере одно жирное пятно, отпечаток чернильного или выпачканного в графите пальца.) Он замолкал, раздумывая над феноменом. Там, разнообразным образом составленная из тридцати трех знаков, была Германия, по ней, по южной Германии, идет музыкант. Там шумит, выбиваясь из корней, ручей, и мать находится сейчас там, вот почему у нее был такой вид, как будто он ее разбудил. «А что он теперь делает, а, мам... Музыкант?»

«К нему направляется путник... Старик...— Мать подняла на него глаза, уже полностью вернувшись из южной Германии, из-под дерева над ручьем.— Сядь нормально — ты сейчас упадешь со стула. И подтяни чулок, посмотри, он у тебя слез с пятки и весь перекрутился». Мать закрыла книгу. Вздохнув, он стал выполнять приказание.

Мать брала свои странные книги у девушки Розы. Почему странные? Потому что пухлые и старые. У отца, например, книги были совсем другие: крепкие, хорошо стянутые переплетами, на каждой странице был или рисунок, изображающий военного с оружием в различных позах, заряжающего оружие или выполняющего какую-нибудь команду, или на целую страницу была помещена карта местности, или схема, или летящий снаряд и пунктирный путь, по которому летит снаряд... Девушка Роза сидела в киоске на углу улиц Красноармейская и Свердлова. Киоск был выстроен из дерева на каменном фундаменте и окрашен светло-зеленой масляной краской. Днем в нем было много окон, и в окнах были выставлены одеколоны «Шипр», «Кармен» и дорогой «Красная Москва», пульверизаторы с красными резиновыми грушами, разные мыла, пудра для женщин, кисточки и стаканчики для бритья для военнослужащих (и «гражданских», хотя они бриться и не заслуживали, презренные), медикаменты, бинты, йод, горькие и сладкие лекарства. Только став прямо перед киоском и поднявшись на две ступени к отверстию, в нем возможно было увидеть там, в глубине, девушку Розу. О, у нее было очень много волос на голове, черные и пышные, пучками колючей проволоки они вздымались над головой Розы. У Розы были розовые щечки и маленькие розовые лапки-ручки, ими она держала одну из своих книг в момент, когда не было покупателей. Читая, Роза часто вздыхала. Именно эти книги подымались с мамой в комнату на третьем этаже, и, сидя перед ними, мать извлекала оттуда музыканта, путника, ручей, разбойников даже... «Ну что, всю Жорж Санд уже прочли с подружкой? — подсмеивался отец над книгами Розы.— И где она только их достает, эти древности?..» У книг были ненормальные, не наши названия. Одна под названием «Консуэло» произвела на мать очень большое впечатление, отец говорил, что после «Консуэло» мать «стала спать на ходу, ударилась в мистику». Что значит «удариться в мистику», он так и не понял тогда и решил, что, может быть, это синоним «спать на ходу». Другая книга называлась «Графиня фон Рудельштадт», и от нее мать не ударилась в мистику, но ее вдруг одолела странная прихоть одеть Эдика в платье. Она принесла от тети Кати Захаровой с четвертого этажа Иркино платье и пыталась напялить его на мальчишку. Он наотрез отказался. «До трех лет я одевала тебя в платьица...— обиженно сказала мама.— Я хотела, чтоб у меня родилась девочка...» Он подумал, что, слава богу, он не помнит этого позорного периода своей жизни. Очнулся он от бессознательности, как мы знаем, уже на Красноармейской... А девушку Розу и папа, и мама в конце концов стали называть Консуэло... «Ну как там Консуэло, все вздыхает?» — спрашивал отец. «Я была весь день дома, только вышла на полчаса к Консуэло...» — говорила мама. Повздыхав, Консуэло вышла замуж за коллегу, за аптекаря по фамилии Славуцкий. Этот бравый аптекарь прославился вскоре на весь Харьков, выступив в харьковской печати со статьей, осуждающей хищения социалистической собственности в харьковском аптекарском тресте. Аптекарь Славуцкий, хлопнув дверью, ушел из аптекарского треста и устроился на завод, на конвейер. История наделала много шума в кухне на Красноармейской. Одни считали аптекаря сумасшедшим, другие, напротив, утверждали, что вот нашелся хоть один честный человек среди жуликов. Население двух этажей, «иждивенцы» офицерской касты, были уверены, что в торговле работают только жулики. Отец резонно заметил, что «Консуэло выбрала себе мужчину столь же сумасшедшего, как и она, и, очевидно, они будут счастливы, так как два сумасшедших не могут не быть счастливы».

Когда они переселились на окраину и Эдик пошел в школу, то и мать, и сын забыли фамилию мужа Консуэло. И только когда в 1956 году одноклассник Яшка Славуцкий пригласил Эдика в гости к себе домой, Яшкина мама, привстав с дивана, переспросила его: «Повтори, пожалуйста, твою фамилию, мальчик!» И радостные, они узнали друг друга. Девушка Роза родила Яшку, оказывается. То есть у нее, когда она сидела в киоске, уже был сын Яшка, но не от сумасшедшего Славуцкого, но от другого мужчины. Однако автор предпочитает думать о ней и сохранить ее в памяти как девушку Консуэло.

В пять лет он заболел корью, причем в очень тяжелой форме. Температура поднялась до 41,6 градуса. Взрослый человек при такой температуре отправляется прямиком на тот свет. Военный фельдшер по имени Слава был вызван к ребенку, когда температура достигла этих роковых градусов. Пощупав раскаленное тельце, Слава сказал лейтенанту и его жене, что «дети, бывает, переносят такую температуру». Бог ли хотел, чтобы он выжил, или у бактерий не оказалось достаточно огневой мощи, короче, бунт бактерий был подавлен. Температура покатилась с вершины вниз, и ребенок выздоровел, сделавшись, однако, стопроцентно глухим.

Можно представить себе мир близорукого и абсолютно глухого маленького человека. Была зима, Красноармейская улица, он глядел на нее, держась за прутья своей кровати, сделалась черно-белой и даже с безопасного расстояния, из теплой кровати, казалась на ощупь мокрой и ледяной

одновременно. Беззвучные, сходили с рельс трамваи, вокруг них суетились водители и кондукторы, повисая на крепких вожжах, отводили от проводов над трамваем трамвайную дугу. Открывали рты широко, но безуспешно. Глядя на их старания, он улыбался, и чего стараются, все равно не выходят звуки из замерзших ртов, разевай или не разевай. Каждый день мать, по совету фельдшера Славы, заставляла его садиться в постели и грела неработающие уши его рефлектором. Синяя лампа горела в зеркальной полусфере и нещадно, рассеянным светом пустыни, топила его уши, как асфальт. Однажды уши вдруг потекли. Может быть, испугавшись, что он весь вытечет через уши, мать повела ребенка в железнодорожную поликлинику к отоларингологу доктору Абрамову. Доктор брал ребенка на колени и, блестя пенсне, учил его, чтобы он слушался маму. Эдик, глядя на усы и бороду доктора Абрамова, думал что-то приблизительно соответствующее: «Ну что ты мне, Айболит, заливаешь, а? В любом случае в пять лет человеку ничего не остается другого, как слушаться свою маму. Ибо без мамы ему не прожить, я даже защитить себя не могу, ножом ударить мне еще слабо, так что, хочешь не хочешь, я сижу тут и веду себя, как полагается». Айболит Абрамов стал доктором еще в Старой России, и ему нравилось не все население Новой, о чем они с матерью, может быть, и беседовали. В одно из возвращений из железнодорожной поликлиники — нужно было пересечь действующие пути, шлагбаум срочно и с воем закрыли, и приближался грозный, черный на белом снегу, в парах, сотрясая почву вокруг, поезд — его посетил первый в жизни приступ паранойи. Мать держала его на руках, и ему вдруг представилось, что она хочет бросить его под поезд. Может быть, она ругала его до этого или же даже такой малейшей причины для приступа не было, а он лишь испугался поезда, его массы и шума, им издаваемого?.. Как бы там ни было, он заорал, вцепившись в мамину шею: «Мамочка, не бросай меня под поезд! Не бросай меня, пожалуйста, под поезд!» Автор настаивает на этом, далеко не второстепенном «пожалуйста», свидетельствующем о природной вежливости дитяти. Если даже в момент крайнего испуга он не отказался от вежливой частицы, то, очевидно, она имела для него большое значение, он уже верил, что с ее помощью можно уговорить взрослого человека не бросать маленького под железные грубые колеса...

Мать была шокирована этим проявлением недоверия и переосмыслила свои отношения с сыном. Тогда не верили еще в генетику, да и самой науки о наследственности еще, кажется, не существовало, потому мать решила, что она проглядела что-то в воспитании сына. Что, может быть, следовало было его чаще целовать и ласкать. Что, может быть, ей и Вениамину следовало быть менее сдержанными в проявлении чувств в присутствии посторонней публики, особенно если эта публика — их же сын. А лейтенант и его жена-таки были сдержанными. Самая крайняя фривольность, на каковую они были способны, это сесть рядом на диване, очень близко, и отец мог закинуть руку за спину матери и она положить ему руку на колено в синих галифе. Таким образом они именно и сидели и шептались специально, чтобы проверить полностью ли вернулся к ребенку слух: он же, стоя у двери и отлично слыша разговор родителей, улыбался им.

Унаследовали ли его родители сдержанность от своих родителей генетически, или же она следствие офицерской вышколенности, то есть не самурайский ли кодекс чести и поведения советского офицера заставлял лейтенанта и его жену быть такими «приличными»? Даже если учитывать расовый темперамент (ясно, что они оба не пылкие неаполитанцы или сицилийцы, но жители монотонных степей), все же... Майор Захаров и тетя Катя были другие, веселее и как-то насмешливо наглее. Может быть, виной тому обильные телеса крупной и задастой тети Кати, как пылко ни желай быть приличной, тяжело соблюдать пуританское нерушимое равновесие с таким задом и боками (полуголодная эпоха странным образом не влияла на тетикатину комплекцию). Их дети, Валентин и Ирка, всегда целовали маму Раю, если приходили в гости. Мать попыталась научить своего вновь открытого «индивидуалиста» (так она сказала отцу, «я боюсь, что он у нас вырастет индивидуалистом, Веня...») сына целовать хотя бы родителей и тетю Катю с дядей Ваней. «Зеро» результата, увы. Всякий раз следовало руководить целованием железной рукой, под давлением он целовал, кого требовали, зажмурив глаза. Без давления он себе стоял у окна, глядя на входящих в комнату гостей, и улыбался приветливо, не делая никаких попыток коснуться тел пришельцев даже рукой. Хитрый, он стал даже употреблять в преступных целях свою прошедшую глухоту. Мать говорила ему: «Поцелуй тетю Катю, сынок», — а он себе стоял и улыбался безмятежно. «Да он не слышит, Рая», — говорила в таких случаях тетя Катя. «Все он слышит, — возражала мать, — он просто упрямый такой...»

Ему самому было непонятно, почему он не хочет никого целовать. Ну, положим, были люди, которых ему было просто неприятно касаться. Но тетя Катя ему нравилась, с ней было все в порядке, веселая здоровая, приветливая тетка... Почему же... Однако он стоял себе и не шел целоваться.

Потом он заболел коклюшем. Отец вставал до горна побудки, подымал сына и шел с ним гулять, пока воздух был чистый и влажный. Так, во всяком случае, сказал доктор Абрамов: «По утрам воздух чистый и влажный». И они гуляли, город с миллионным населением еще досыпал и не начинал еще своей преступной активности, в результате которой город становился душным и сухим Харьковом. От этих прогулок у него в углу правого глаза навечно осталась взлетающая и опускающаяся пола отцовской шинели и рояльный лак сапога.

Болезни всякий раз настраивали его на философский лад. Они отрывали его от коллектива малышни, помещали в ситуацию беспомощного ожидания и заставляли думать. Закутавшись в одеяла, завернутый в косынки и шарфы, он стоял на коленях в кровати и не только наблюдал уличные сценки, но наблюдал их отстраненным взглядом неучаствующего существа. Может, тогда и сформировался, и закрепился прочно его характер «индивидуалиста», то есть, может, индивидуалистами становятся в какие-нибудь всего шесть месяцев болезни корью, а не вырастают постепенно? Во всяком случае, впоследствии он сохранил этот взгляд из постели, взгляд человека, не участвующего в жизни, рассматривающего жизнь с высоты третьего этажа из окна... Когда он уставал от людей, он забирался в воображаемую свою мальчиковую кровать и лежал себе тихо, разглядывая их переполох...

ЭЛЕКТРОТЕХНИКА

Отцу его больничной кроватью (он не болел, Вениамин), убежищем от коллектива служил не только мир старинных русских романсов или лихих цыганских песен, но и мир радиотехники. С наступлением очередного радиозапоя отец вынимал вдруг свои ящики и баночки, и оттуда выходили на свет божий: большие, тяжелые и пузатые трансформаторы. Маленькие, похожие на морских животных с двумя усиками «сопротивления». Конденсаторы (если конденсатор «перегорал» и становился негодным, отец отдавал его сыну, и тот, разломав оболочку, выматывал во дворе многие метры серебристой станиолевой ленты вместе с прокладкой из провощенной или пропарафиненной бумаги. Малышня радостно гоняла по двору, обвитая этими шелестящими красотами). Лампы того времени были сложными и элегантными сооружениями, заключенными в баллон из закопченного или даже зеркального стекла, каждая была как бы миниатюрной электростанцией под колпаком. Из богатств своих отец время от времени собирал новое чудо: суперприемник или же вдруг прибор, необходимый ему при строительстве новых приемников. Позднее отец построил и радиокомбайн и даже телевизор. Уже в 1953 году в Харькове существовала (тогда еще любительская) телевизионная станция, и именно к ее открытию отец изготовил телевизор.

Сын с любопытством сидел рядом и глядел во все глаза на действия «папки». Он испытывал удовольствие от всех этих точных миниатюрных предметов — отцовских сокровищ, все ведь богатства отцовские были кра-

сочно разноцветными: сопротивления были зеленые, красные, голубые, желтые... Разноцветными были и хлорвиниловые оболочки проводов, а под ними желтели золотом или серебром сами проводки. Или же проводинки были покрыты черным или цвета вишни лаком, который следовало аккуратно содрать ножиком. «Учись, как зачищать провода», — говорил отец. — «Не забивай ему голову, Вениамин, — говорила мать, готовя на электроплитке перловую кашу — ужин семье. — Он все равно забудет». — «Не забудет, — возражал отец. — И умение зачистить провод необходимо любому человеку в этой жизни. Чтоб умел починить проводку в будущем. Не электромонтера же вызывать всякий раз...»

Вечер за вечером Вениамин, однако, увел ребенка далеко в глубь радиотехники, и банальное умение зачистить провод сменилось преподаванием куда более сложного умения спаивания проводов, а позже и металлов. Эдик вдыхал с большим удовольствием запах древесной смолы — канифоли, тыкал паяльником в концы зачищенных им же проводов, «залуживая» их.

«Вениамин, он обожжется!» — время от времени любопытная мать, отличный оппонент, всматривалась в занятия двух мужчин. — «Что же он, глупый, что ли! Я в его возрасте уже собрал свой первый детекторный приемник...» — «Ты смеешься, Веня. Ему шестой год, ты что же, в шесть лет собрал детекторный приемник?» — «Ну, это я чуть-чуть подзагнул, — смеялся отец. — Ну, не в шесть, так в десять». — «То-то, — говорила мать. — Между шестью и десятью годами — большая разница. Может быть, такая же большая, как между двадцатью и тридцатью годами».

Вениамин изготовлял свои приемники полностью. То есть не только их электрическую часть, но и механические части. Он сгибал нужным образом дюралевые или алюминиевые листы, образуя шасси, размечал на них циркулем отверстия для цоколей ламп, для брюшек трансформаторов и сопротивлений. Сверлил отверстия ручной дрелью, опиливал большие набором напильников. Отцовские красивые пальцы ловко просовывали нужный новый яркий провод в невообразимое сплетение проводов и так же ловко с помощью пинцета и паяльника присоединяли провода к нужному лепестку лампы или группе проводов. Время от времени отец сверялся с вычерченной им же схемой.

Сын привык к зрелищу разверстых кулис радиоприемников, и они ему нравились куда больше, чем суровые фасады. Они выглядели празднично. Ему иногда хотелось вдруг сделаться совсем маленьким и поселиться жить среди проводов и электроламп в сухом красивом запахе хлорвиниловых одежд проводов, ходить, подобно мухе, как угодно, и вниз головой по алюминиевому потолку. Он знал, что сделаться маленьким и ходить подобно мухе невозможно, однако тогдашнее «невозможно» еще не обладало определенностью сегодняшнего «невозможно». Еще была какая-то надежда на то, что, а вдруг, проживя еще немного, я обнаружу (родители этого не сумели, но вдруг мне удастся!) секрет хождения вниз головой по потолку. А вдруг? В тот период жизни ему еще важны были вещи микромира, которые теперь совсем не важны. Например, дядю Эдю-автора не интересует ничуть рисунок на покрывале кровати, в те же времена, четырех- и пятилетний, он мог часами путешествовать по стеблям и листьям покрывала, вполне реально воображая черт знает какие джунгли, которых не осталось давно даже в Амазонии. Так что для него внутренности приемника были этаким Метрополисом. Точно так же он охотно раз пять или шесть прослушал радиопостановку по сказке Одоевского «Городок в табакерке», в которой действующими лицами были жестокая царевна-пружинка, ужасные полицейские-молоточки и бедные мальчики-колокольчики. Революционная ситуация, странным образом изображенная умершим задолго до революции автором — князем Одоевским, его не трогала, ему нравился мир внутренностей табакерки, там, среди его миниатюрных деталей, он чувствовал себя так же нормально, как и во дворе штаба. Размеры и пропорции еще не поселились в его сознании, каждая в нужном месте, но были перемешаны.

Чуть запачканные в пыльце канифоли, в металлических опилках, пальцы отца, умные и чуткие, снились ему позже во всех городах мира, даже в те времена, когда он публично декларировал свою неприязнь к семье и родителям. А сеансы вечерних наблюдений за действиями «папки» и отцовские не настойчивые, но скорей случайные попытки научить сына «простейшим навыкам», как он говорил, привели к тому, что сын собрал свой первый детекторный приемник («детектор» был красивым легким камешком, похожим на кусочек искрящегося серого угля) раньше десяти лет. Вершиной его радиотехнических достижений впоследствии стал шестиламповый приемник. Когда однажды в школе ввели трудовое образование, сын лейтенанта удивил слесаря Мишу и соучеников полной компетентностью в вопросах нарезания резьбы, опиливания поверхностей, умением владеть ножовкой и напильником. Только классовая неприязнь, которую стал испытывать слесарь-преподаватель к офицерскому сыну, не позволила Эдику получить высший балл по производственно-трудовому обучению. Впоследствии на многочисленных работах советские и американские боссы отмечали, что у анархиста Эдуарда-Эдварда, Эдди-Эдички «руки не из жопы растут». И если за это полагается благодарность, то адресовать ее следует «папке» его, советскому офицеру Вениамину Савенко, который прожил свою жизнь, любопытствуя, не ленясь, каждый день личным примером доказывая сыну преимущество золотых рук перед дырявыми. Отец никогда не сидел сложа руки, если в его руках не было пистолета или гитары, то в них был паяльник или напильник. Сын впоследствии вменял отцу в вину некоторую слабость характера (а может быть, это было полное отсутствие тщеславия?), но разнообразную талантливость своего отца он всегда признавал и ею гордился.

Однажды, когда отец паял вот так вот в грозовой летний день воскресенья, а сын бегал в это время в запрещенных развалинах, в открытое окно комнаты на Красноармейской спокойно, как задумчивый воздушный шар, влетела шаровая молния. Ярким диском она поплавала в углу над головой застывшего с паяльником в руке лейтенанта, прошла по периметру потолка в другой угол, к двери (там, белая, застыла вошедшая только что с кулечком драгоценной манной крупы мама). «Не шевелись и не кричи! Каждое движение воздуха может ее...», — прошептал отец. Постояв у потолка над головой матери, красный шар покатился обратно, ткнулся в угол над отцом и, подумав, вышел в окно. Мать почти упала на пол. «Это ты со своими приемниками ее привлек, Вениамин! — сказала она. — Ты!»

«Глупости! — сказал отец. — Шаровая молния — явление природы. Никакой связи между моими занятиями электротехникой и шаровой молнией я не вижу. Ты перечитала слишком много глупых старых книг...»

Мать, однако, с ним не согласилась. Она считала, что паяльник, плавящий металлы, обладает и свойством привлечения атмосферного электричества. Отец высмеял материны предрассудки и сказал, что еще немного — и мать, и ее подружка Консуэло «скатятся к спиритизму». Они уже готовы для вызывания духов. «А что, — сказала мать, — кое с какими духами я бы не отказалась побеседовать...». «Вот-вот, — сказал отец. — Только этого нам и не хватало».

Если отец отстаивал с небольшими оговорками науку и технику, прогресс, то мать явно тяготела к чувственно-мистическому объяснению мира.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА

Сельскохозяйственная выставка всегда открывалась осенью. В самом центре города, в небольшой плоской долине сразу же за холмами, на которых заложили уже и строили Харьковский университет (он был спланирован фасадом к площади Дзержинского), возникла выставка. В полуголодной, но болезненно гордой стране выставка эта являла из себя зрелище сюрреалистическое. Отец и его солдаты выполняли всякий раз функцию жандармскую: они «стояли в оцеплении», то есть располагались по краям долины, готовые вмешаться, если толпа вдруг вспыхнет, озлобится, лишится ума и примется топтать себя же самое или грабить временные стенды и убивать выставочных животных. Отец и его ребята выполняли те же функции при всех массовых мероприятиях, проводимых в Харько-

ве, они как бы пасли стадо. Сказать, что обслуживающие овец овчарки и пастухи не нужны стаду и противны природе вещей, — значит сказать глупость.

Пасти бестолковых и злобных гражданских удовольствия армии не доставляло. Во-первых, и солдаты, и офицеры вставали в такие дни (обычно пять раз в году: 1 Мая, 9 Мая, 23 августа — день освобождения Харькова, день открытия выставки плюс 7 Ноября) на пару часов раньше обычного. Садились невыспавшиеся бедняги в грузовики с затянутым брезентом кузовами и отправлялись на место происшествия. Было еще темно, и утренняя заря настигала их или уже на месте выпрыгивающими из грузовиков, или являлась даже чуть позже, когда они уже стояли, плотно сдвинув грузовики один к другому в пространствах, где грузовиков не было, своими телами готовясь преграждать дорогу толпе. Оружия солдатам не полагалось, разве что тесаки — штыки в ножнах, у отца и других лейтенантов были в кобурах револьверы. Но что такое личное оружие — револьвер — против толпы? Хлопушка. Пока ты выстрелишь в одного, навалится на тебя сотня.

Солдаты и отец вставали так рано и занимали позиции вокруг площади Дзержинского не для того, чтобы толкать толпу и бить ее, но чтобы направлять бестолковых гражданских. Чтобы, выбираясь с площади тысячными потоками, бараны стада человеческого не передавили друг друга взаимно, а ровно лились по нескольким выходам и затем равномерно рассеивались в городе. Однако гражданские никакой благодарности к оберегающим их солдатикам не испытывали. Они напирали то тут, то на другом участке фронта могучими волнами на солдат, тискали их и мяли, если им удавалось прижать солдат к грузовикам или (если таковые были) стенам зданий, они обзывали солдат «душегубами» и «жандармами», и, если им попадался офицер, они пользовались моментом, чтобы прижать его особенно сильно, задавить, если возможно, до смерти и увести в суматохе его «ТТ». Группы гражданских все время пытались пробраться сквозь оцепление под колесами грузовиков и под ногами солдат, отдельные индивидуумы, как-то: инвалиды, смазливые девушки, беременные женщины, старики и дети — постоянно атаковали солдат психологически, уговаривая пропустить именно их «в виде исключения». И, получая резонный отказ, начинали ругаться.

Короче, «стоять в оцеплении» было работой нервной. Отец уставал в такие дни очень. Из его длинных и сбивчивых монологов, он произносил их перед матерью в конце дня, разматывая портянки и стягивая сапоги, иногда мать вызывалась сделать это, сын лейтенанта запомнил и унаследовал отвращение к толпе и страх перед нею. Хорошо аргументированный и обоснованный страх жандармского офицера перед чудищем с тысячью голов. Однажды толпа-таки прорвалась сквозь заслоны солдат, опрокинув несколько грузовиков и, дикая, докатилась до стены, ограждающей обрыв (эта часть города была выше нормального уровня Харькова). Передовые части толпы в смятении остановились, но отступать им было некуда. Через некоторое время многих раздавили о стену, «как клопов» (выражение лейтенанта Савенко, «как клопов, Рая!»). В нескольких местах дряхлая стена обрушилась, и часть толпы свалилась с обрыва. В своем самоубийственном движении к стене толпа разметала несколько загонов с лошадьми, и, дикие и более сильные, чем люди, они метались в месиве народа...

Отец был сторонником сильных мер. Анализируя кровопролитный эпизод на выставке, он объяснял матери, что следует вооружить хотя бы нескольких солдат в каждом взводе дробовиками с обрезанным дулом, что они, мол, являются самым эффективным средством против толпы, что «у дробовика-обреза кучность стрельбы едва ли не метр в диаметре. И это у каждого ствола, Рая. Сицилийские бандиты употребляют это оружие испокон веков. Называется оно «лупара». Убить дробью можно, если только выпалить с совсем близкого расстояния в живот или в голову, но отличное средство для разгона негодяев». К сожалению, выбор оружия для оцеплений находился вне компетенции не только отца, но даже и начальника дивизии. Даже начальник Харьковского гарнизона не мог решать такие вещи. Решал сам Лаврентий Палыч Берия в Москве. И он ограничил офицеров «ТТ» и нескольких солдат во взводе штыками.

Они влезли с матерью в кузов грузовика и, устроившись там среди полусонных солдат, вышли через полчаса под алую утреннюю зарю. «Попрыгай, чтобы согреться, — сказала мать. — Ох, как деревней пахнет!» Он, следуя примеру матери, втянул воздух сельскохозяйственной выставки. Пахло чуть-чуть как в цирке, но слабее и приятнее. Под ногами прыгающего по совету матери ребенка захрустели льдинки, — вчерашнюю грязь затянуло пленками. Отец расставил солдат, и, взяв ребенка за руки, семья пошла на выставку.

Ребенок никогда не был в деревне. Он даже плохо себе представлял, что это такое, деревня. А тут, следуя по проспектам выставки, еще не наполнившимся народом, он увидел сразу и деревенский люд, крестьян, привезших свои достижения в город, и домашних животных. За перегородкой из толстых досок, массивные и, по-видимому, теплые (от них шел пар, как от паровозов), наклонившись над сеном, кушали его коровы. «Это коровки, Эдик, — сказала мама. — Они дают молоко. Ты помнишь, когда ты болел, я тебе кипятила молочко?» «Корова, — сказал отец, — главное действующее лицо в деревне. Она дает молоко, из молока делают масло и сыр, и корова же дает мясо...» «Ну об этом ему еще рано, — сказала мать. — Узнает, когда будет нужно...»

«Ой, який же он у вас бледненький, хлопчик ваш...» — сказала стоявшая в загоне тетка-крестьянка. Тепло одетая во много шалей и платков, с кирпично-красным лицом, тетка жалостливо сморщилась и перегнулась через ограду к Эдику. «Погодите, военный, я счас ему молочка парного дам. Только что надоила. Их же все равно и на выставке доить нужно», — сказала тетка и трусцой пробежала к временному домику под парусиной. Появилась с алюминиевой кружкой, над которой плавал парок. «Ты думаешь, ему можно это молоко, Вениамин? — спросила мать. — Оно ведь у них не кипяченое?» Городская девушка, мать мало что знала о столь редком тогда продукте. «Внутри коровы оно кипяченое, Рая!» — сказал отец и улыбнулся. «Пий, хлопчик, — сказала тетка и протянула ему кружку, — дуже полезный продукт. Пийте швидко», — прибавила она, обращаясь к родителям Эдика и быстро оглянулась. Может быть, председатель колхоза, который она представляла, ругал тетку за выдачу кружки молока бледным городским хлопчикам.

Он выпил. Скорее из вежливости, чем по желанию. Отправляясь на выставку, они поели. Пыхтя, он глотал теплую жирноватую жидкость. Он никогда не был и не стал поклонником молока, потому он не допил и протянул тетке кружку. «Допийте, дамочка, — сказала тетка. — Будь ласка», — прибавила она и улыбнулась. «Пей, Рая», — сказал Вениамин. Мать выпила молоко. Отдала кружку. «Большое вам спасибо».

«Да, вот это молоко, — сказала мать, когда они отошли от загона с коровами. — Густое какое...» — «Таким оно и должно быть, — сказал отец. — Ты забыла просто, каким оно должно быть...»

Бык-чемпион состоял из тугих, вздутых, как автомобильные шины, мышц, нагроможденных одна на другую. Ребенку никто не объяснил, какую роль выполняет бык в деревенском хозяйстве, в какой области он является чемпионом, потому ребенок простодушно отнес чемпионство быка к той же категории, что и чемпионство скаковых лошадей. Он решил, что ужасный бык этот с кровью налитыми карими глазами быстрее всех бегает. Его несколько смутили висящие у чудища меж ног ярко-красные неприличные шары, но он не спросил о шарах ни отца, ни мать — постеснялся. На прочных, в три раза более высоких, чем принадлежащих загону с коровами, воротах висела грамота, выданная быку-чемпиону, и фотографии медалей, которые он, бык, заслужил. «У него больше наград, чем у Агибенина!» — смеясь, воскликнула мать. — «Да, на три колодки наберется!» — согласился, улыбаясь, отец. Было непонятно, чему они оба так радуются. Что такое колодка, ребенок знал. Вместо того, чтобы носить ордена и медали, офицер мог носить их эмблемы, соединенные в секции, называемые «колодками», они прикалывались к груди мундира, над сердцем.

У быка, поглядывая на него время от времени, но вовсе не смеясь, стояла группа гражданских, одетых, однако, в одежду, напоминающую военную. В сапогах, в синих галифе, но без кантов по шву, ориентирующих галифе в роде войск, в толстых, синего сукна гимнастерках, подпоясанных

в животах военного стиля ремнями. Головы их были покрыты синими же фуражками, но околыши фуражек были не из лакового пластика, как у военных, а обтянутые той же материей. Выправка у этих полугражданских была не военная, у всех без исключения нависали над ремнями брюшка.

«Пап, это кто? — спросил ребенок. — Милиционер? Но почему без погон?»

«Я думаю — они председатели колхозов, — сказал отец. — Или же какие-нибудь сельские партийные руководители... Да кто угодно может так одеться, и ходи себе, если тебе нравится. Это у них мода такая, а не форма...»

«Ты забыл, мы же с тобой, Эдинька, ходили смотреть фильм «Кубанские казаки». Помнишь, там многие герои так одеты». Он вспомнил, что да, верхом на лошадях или же в бричках там разъезжали именно так вот одетые люди, только красивее и выше ростом.

«Казаки, — сказал ребенок. — Они казаки!»

«Под Харьковом нет казаков, — сказал отец. — Они есть на Дону, на Кубани, есть в Забайкалье, когда-то были на Урале, но уж никак не в Харькове...»

«Веня, не забивай ребенку голову, он все равно не запомнит». — Мать остановилась и наклонилась, чтобы застегнуть кнопку на ботике. Резиновые узконосые ботики эти на тонком каблучке выпускала оставшаяся неизвестной великолепная харьковская фабрика, не подозревавшая, что опережает жизнь на сорок лет. Сейчас в Париже пост-панк девочки носят такие же трогательные ботики, и потому автор испытывает к этим девочкам подсознательную приязнь. Однако что-то с кнопкой не ладилось, и, присев, мама не сумела ее застегнуть. «Дай я попытаюсь», — сказал отец и, подобрав полы шинели, присел тоже. Теперь родители находились на его уровне и даже ниже. Сыну это не понравилось, потому что ему хотелось быть окруженным большими родителями, с ними, не сложенными в коленях, он чувствовал себя надежнее. «Заржавела кнопка», — сказал отец, вставая. И они, увильнув от разбрасывающих с тачки опилки рабочих выставки, пошли дальше. Опилки предназначались для толп посетителей. Их вот-вот должны были начать пускать на выставку, и уже через полчаса скованные морозом лужицы будут разбиты сотнями тысяч ног и превратятся в грязь. Предназначение опилок было неясным. Или грязь становилась, смешавшись с опилками, грязью лучшего качества, или же опилки делали ее менее липкой, но в любом случае образованию грязи они не препятствовали. «Глупо, — сказал отец, проводив взглядом тачку и рабочих. — Это же не пол магазина. Лучше бы досок настелили, как в прошлом году».

Не страшась грязи, народ, однако, пер на выставку массами. Чтобы посмотреть, каким будет сельское хозяйство, если все колхозники будут работать, как нынешние передовые колхозники. Сверху, с неба, на выставку слетались городские птицы, ибо деревня привезла с собой овес и сено животным, и воробейные отряды ловко атаковали коровьи и лошадиные стойла и не страшились даже быка.

У чудовищной свиньи с поросятами уже стояли городские посетители и каннибальими взглядами следили за колыхающейся розовой небритой массой свиньи-мамы. Поросята, повизгивая, тихо уткнулись носами под живот матери, может быть, для того, чтобы не видеть глаз двуногих хищников. «Такое впечатление, что каждый сейчас вытащит нож и ринется к свиноматке, отрезать от нее кусок», — хмуро сказал жене лейтенант, когда они отошли.

Ярко-алый трактор урчал, оседланный усатым колхозником. Двое других стояли на прицепленном к трактору ярко-алом же механическом плуге, готовые перепахать небольшое поле, огражденное забором. Чуть дальше машина для выкапывания колодцев, уже чихая едким дымом, выскребывала и вывозила вверх в чашечках вертикального конвейера жирную и черную украинскую землю.

«Самое ужасное, Рая, то, что они не запрещают колхозникам продавать вино. Во второй половине дня будет много пьяных. — Отец вздохнул. — Дешевое вино, бочковое... Стаканами продают. Я ничего против вина не имею, но при таком скоплении народа...» Рая сказала что-то, чего сын не услышал. Он загляделся на тыкву-чемпион. Бугристая, шишастая, как голова Сократа, тыква лежала на пьедестале из дерева. Вокруг хохотал и спорил вовсе не опасный по виду народ. Мальчик подумал, что отец, возможно, преувеличивает свирепость харьковской толпы. Вот стоит вполне симпатичный дядька с усами и в старой кожанке, рядом старуха с потасканной лисой вокруг шеи. Чего же в них страшного...

«Ворам раздолье! — сказал лейтенант. — Карманникам. За неделю выставки они зарабатывают столько, сколько за год работы в трамваях...» «Зато риск какой! — заметила мать. — Если поймают, убьют ведь... В такой толпе...»

Воняя цигарками, хохоча, расстегнувши ворота фуфаек и пальто, подвыпивший или бледный, подавленный или лихой, плескался вокруг лейтенанта, мамы Раи и Эдика народ. «При царе, Рая, тоже народ старались ублажить, — сказал лейтенант. — Знаменитая Ходынка, ты знаешь, когда последнего царя короновали, там ведь сотни, а может, и тыщи людей передавили, так ведь отчего, думаешь. Водкой народ угощали, ну он и озверел». Из комментария лейтенанта было ясно, что народ способен озвереть при любом режиме и, более того, он всегда готов к тому, чтобы озвереть. Зная это нехорошее свойство народа, следовало избегать ставить его в удобные для озверения ситуации. Лейтенант не одобрял сельскохозяйственной выставки.

НОВЫЙ ГОД

Новый год отцу нравился. Хотя бы потому, что не нужно было «стоять в оцеплении». Похоже было, что Новый год нравится вообще всем без исключения, потому как он нравился и матери, и другим женам офицеров, и Шаповалу, и красноармейцам, уж не говоря о малышне, которая была от Нового года в полном восторге.

Из подсобного хозяйства красноармейцы привезли такую елку, что малышня во дворе, когда елку стали вынимать из грузовика, чтобы внести на третий этаж, гулко, не сговариваясь, десятками малышатских глоток сдавленно ахнула. И все остались стоять с открытыми ртами. Шаповал гордо и независимо спрыгнул последним и в ответ на одобрительные вскрики жен офицеров и подобострастные заглядывания в глаза снизу вверх малышни солидно признал, что да, в этот раз елка «кажется, ничего себе», «н-да, елка, кажется, что надо». «Дерево срублено отменное». Малышня, основываясь на сведениях, полученных от родителей, утверждала, что неделю старшина блуждал по лесу, пока нашел «подходящее дерево». Неделю — не соответствовало истине, ибо старшину не видели во дворе каких-нибудь два дня кряду, и то было неизвестно, блуждал ли он эти два дня в лесу или был на другом боевом задании. Однако факт, елка была не хуже, чем на Советской площади, у главного универмага, а «иждивенцы», побывавшие на площади Тевелева, — там обычно стояла самая большая елка города, — утверждали, что «наша» пушистее тевелевской. «Нашу», увы, пришлось обрезать, ибо, хотя потолок третьего этажа висел высоко вверху, конструктивистский, елка была на пару метров выше. Малышня предлагала устанавливающему елку Шаповалу пробить лучше дыру в потолке, так, чтобы верхушка елки красиво торчала из пола на четвертом, но старшина сказал, что он «не имеет такой власти, чтобы испортить государственное здание».

Игрушек было мало, и были они по нынешним стандартам убоги. Шары ценились чрезвычайно, как и стеклянные игрушки вообще. Большинство игрушек изготовлялось из крашеной ваты, обтянутой закрахмаленной тканью, или из штампованного картона. Те, которые из штампованного картона, были вынужденно плоскими. Штампованные игрушки обычно представляли зверей: медведей, лис, зайцев, слонов. Животный мир был разбавлен небольшим количеством балерин или клоунов. Картон был выкрашен в серебристую или золотую краску. Поверх серебристой губы и уши зверей были как бы политы клюквенным жидким соком,

а глаза — жидкими чернилами. От шей, словно веревки повешенных, отходили петли. Петли набрасывали на елкины иголки или, если игрушка тяжелая,— на мелкие ветви. От елки, едва ее внесли в теплое помещение и она согрелась, стал исходить всеподавляющий, перекрывающий даже запах из общей кухни, елочный кисловатый аромат. Шаповал стоял на раскладной лестнице, и малышня подавала ему из ящиков игрушки. Игрушки были еще прошлогодние, и только подкупили в этом году немного шаров и гирлянд. На зачищенной верхушке красовалась уже красная звезда, составленная из лампочек, и от нее замаскированные в ветках провода разносили по елке другие еще лампочки, обвиваясь вокруг ствола, провода бежали вниз к спрятанному в вате трансформатору и реле. Лампочки и реле в те годы нельзя было купить запросто в магазине, лейтенант Савенко подпаял множество лампочек для карманного фонаря к проводам и сам кропотливо выкрасил их в разные цвета. Внес свой вклад в украшение жизни коллектива.

За день до Нового года сержант Махитарьян сделал лейтенантскому сыну подарок — притащил ему личную, первую в жизни елку. Она не была такой большой, как коридорная, но, однако, была достаточно большой, даже мать не могла с пола достать до ее верхушки. На елке висела уже одна-единственная игрушка, серебристый красноухий картонный заяц. «Нельзя без игрушки дарить»,— сказал Махитарьян и, сняв шапку, пригладил черный чубчик. И он ушел служить дальше. «Повезет женщине, которая выйдет за него замуж,— сказала мать сыну.— Какой хороший парень...»

Эдик пошел на четвертый этаж и объявил о том, что у него есть «своя елка», Ирке и Вальке Захаровым. Старшие дети скептически заулыбались. Когда он предложил им спуститься и убедиться самим, Ирка пошла с ним, Валька же остался клеить из бумаги коробку, может быть, он готовил подарок родителям. Елка произвела на Ирку впечатление. «Давайте тогда гулять у вас»,— сказала Ирка.— «Конечно,— сказал он,— давайте. Только лампочек нет и игрушек нет...» — «Можно покрасить грецкие орехи,— сказала Ирка.— Мы красили в прошлом году. У нас есть и орехи, и золотая краска».

Мама Рая сказала, что можно повесить на елку мандарины. Что она долго стояла в очереди и купила целых три килограмма мандарин. Под шкурку продевается иголка с ниткой, и потом нитка завязывается — и мандарин готов к елке. «Я это делала, когда была маленькая,— сказала мама и вздохнула.— Только сегодня этого делать не следует, сделаем завтра. Если повесить их сегодня, мандарины успеют засохнуть».

Валька Захаров спустился, отложив коробку, и нашел елку очень привлекательной. Он был вынужден признать, что елка привлекательная. Валька был старше большинства ребят и соблюдал дистанцию между собою и малышней. Однако признав елку и дав согласие участвовать, он сразу же (хотя и не будучи сыном радиотехника) дал дельный совет: «Половину орехов можно не красить, но обернуть станиолью, если дядя Веня даст нам негодный конденсатор. И в станиоль же можно обернуть конфеты. У нас есть целая коробка шоколадных конфет, но они голые, без оберток.— И, отвечая на неодобрительный взгляд сестры, любовь Ирки к конфетам была известна, добавил: — Все равно их же есть, дура. Но в обертках и красивее, и интереснее. А больше тебя все равно никто не съест...»

Тридцать первое декабря выдалось снежным. Еще с кровати он увидел падающие не спеша, как пух из подушек, на город снежинки. Он вскочил и надел шаровары (они назывались «лыжные», хотя лыж у него не было), валенки с калошами, шубку и шапочку. На Свердлова, куда ребенок вскоре вышел с отцом отыскать или купить кусок дерева для крестовины, акации оказались стоящими по колено в снегу. Сквер, зажатый трамвайными линиями, набрался уже снегу до уровня проволочного забора. Однако, как всегда, до рассвета вставшие дворники успели расчистить дорожки для пешеходов. Им пришлось быстро отказаться от идеи найти кусок дерева под таким толстым одеялом. Отец, оглянувшись по сторонам, оторвал плохо держащуюся доску от забора на Свердлова. «Этого делать нельзя,— сказал он сыну,— но лежачих досок не найти. Снег. Вообще-то запасливый солдат всегда должен иметь НЗ, неприкосновенный запас».

Вернувшись в дом, они обнаружили, что он уже проснулся и полон красивых запахов. По-видимому, «иждивенцы» приберегли на последний день года самые исключительные и редкие пищевые припасы и теперь готовили из них праздничные завтраки. «Надо же, наши уже готовят вовсю»,— заметил отец. Из кухни, когда они проходили мимо, на них пахнуло крепким жаром и выплеснулся ровный, как из пчелиного улья, гул голосов. «Большую печку догадались на праздник затопить,— сказал отец одобрительно,— оттого и жар». У коридорной елки несколько малышонков, кое-как одетых, репетировали, неумелые, «В лесу родилась елочка...». Это были совсем маленькие, зеленые малышонки, и то был их первый вертикальный Новый год... Не останавливаясь, мужчины прошли с доской в свою комнату. Елка стояла у кровати в нише окна, прислонившись боком. Так она провела ночь, и он во сне слышал ее лесной запах.

Отец и сын отряхнули одежды от снега. Отец снял шинель и китель, остался в нижней рубашке и стал пилить доску пилой. Доска лежала на табурете, на один ее конец отец поставил колено в галифе. Из-под пилы на сапог отца падали обильно сырые опилки, такие, какими посыпают пол в продовольственном магазине на Красноармейской. Закончив с пилением, отец извлек дрель и выбрал самое большое по диаметру сверло. «Эх, жаль, сверл по дереву у меня нет,— сказал отец,— только по металлу. Сделаем и этим, но дольше будет».— «Сделаем и этим»,— согласился сын.

Высверлив отверстие (кусочек доски вывалился сам), они затем расширили его напильником. Напильника по дереву у отца опять-таки не было, но нашелся напильник с достаточно крупными заусенцами, «драчевый». Опилок на полу еще прибавилось, и запахли они сильнее, ибо им пришлось опилить сучок, заплывший янтарной древесной смолой. Покончив с отверстием, отец туго свинтил два куска крестовины шурупами. «Вот,— сказал он, глядя на крестовину,— теперь мы можем поставить нашу красавицу».

«Ну как, работники, дела,— сказала мать, войдя.— Помочь?»

«Мы уж все сделали».— С ножом в руке (он зачищал елкин ствол от коры, дабы ствол вошел в отверстие) отец выпрямился.

«Что хотите на завтрак? — спросила мать.— Есть выбор: манная каша с маслом или яичница...»

«А можно и то, и другое?» — Отец был веселый, заметил сын. В этот Новый год он остался с ними, прошлый он провел в поезде, служил службу в командировке.

«Ради праздника можно и то, и другое,— сказала мать.— Разрешите выполнять приказание?»

«Разрешаю»,— сказал отец. Мать ушла на кухню.

Ко времени наступления темноты он устал. Целый день Валька с Иркой, он, Ленька и Настя Кузякина заворачивали орехи, красили, приделывали нитки к мандаринам, развешивали игрушки на ветки. Нельзя сказать, что это была неприятная работа, очень даже приятная и возбуждающая, но когда он, получив от матери всю имеющуюся в наличии вату, залез под елку, чтобы укладывать ее на крестовину,— вата должна была символизировать снег,— он почувствовал, что устал. Он полежал некоторое время, положив щеку на вату, и, может быть, даже заснул бы, если бы Валька не потянул его за ногу. «Эдь,— сказал Валька,— оставь немного на снежинки. Мы их по веткам разбросаем, будет очень красиво». Он нащипал с крестовины снега для снежинок и выполз из-под елки.

Они уже были уверены, что елка останется без освещения, у папы Вениамина не было достаточно лампочек для карманного фонаря, дабы соорудить им хотя бы маленькую гирлянду, подобную той, что он сделал для коллективной елки, но вдруг... к матери спустилась тетя Катя, похвалила елку и, узнав, что нет лампочек, сказала: «Ладно уж, я вас выручу, так и быть. Я вам дам свечки. Настоящие елочные, в подсвечниках. Я их от своих башибузуков спрятала, чтоб дом не сожгли... Только, Рая, ты уж за ними смотри, пожалуйста. Свечки — дело серьезное, не уследишь чуть, и елка моментально займется огнем...»

«Ничего не случится, Катя,— сказала мать.— Мы их без пяти двенадцать зажжем и где-нибудь в час ночи задуем...»

Они доделали елку, даже нарезали из станиоли и нанизали на веревочки две серебряные гирлянды и разбрелись по дому «переодеться». Переодевшись или нет, все вскоре собрались в коридоре у большой елки, и оказалось, что еще куча времени, целых два часа до полуночи. Нужно было занять время. Взрослые, те были совершенно не собраны еще. Из комнат в кухни носились женщины в наброшенных поверх завитых в крепкие бигуди косынках. Несколько офицеров стояли у перил лестницы со стаканами в руках, полуодетые, в галифе и подтяжках, чокались и смеялись. Хлопали двери. И вдруг раздался крик.

Оказывается, тетя Катя стояла с мамой и женой начфина Евгенией Андреевной у входа на кухню (она еще так и не ушла к себе на четвертый этаж за свечами для елки), увидев дочку капитана Солдатенко Евку, та пробегала уже в бог знает какой раз мимо с тяжелым утюгом из кухни, остановила ее: «Эй, Ева, что ты все бегаешь, отца с матерью выглаживаешь, а я неглаженая стою...» — «Давайте, теть Катя, что вам погладить?» Серьезная, Евка остановилась. «Да вот платье на заднице мятое».— Тетя Катя отставила зад, показывая, где у нее измято платье.

Услужливая Евка исполнительно приложила к большому заду тети Кати утюг. Тут-то тетя Катя и закричала от боли.

Вообще-то тетя Катя сама была виновата. Все знали, что семнадцатилетняя Евка девушка трудолюбивая и серьезная, однако думает медленно и тяжело. До нее не дошло, что утюг, только что снятый с плиты, горяч, а платье тети Кати растянуто не на гладильной доске, но на пышной живой плоти.

Ожог оказался несерьезным, жена капитана Солдатенко утащила Евку, грозясь снять с нее штаны и выпороть здоровую дуру ремнем, офицеры у лестницы покатывались от хохота, пробежал по коридору, отряхивая на ходу снег, взволнованный, в шинели и шапке Агибенин, он искал начальника штаба... «Айда, ребята, кататься с горы!» — предложил Ленька, которому надоело ожидание. И, прихватив пальто, Ленька побежал по коридору к лестнице. «Эдик, оденься!» — крикнула мама. Он торопливо, боясь отстать от Леньки, натянул шубейку...

Снаружи так себе и шел снег, и было потому светло. Сооружать во дворе ледяные горы строго воспрещалось, но отступившие во время летнего наступления на них красноармейцев развалины обнажили природный наклон почвы, почти холм, с которым так и не решили, как поступить. Срывать его или использовать в хозяйстве? Нерешенный, он уже в ноябре с помощью дождей и мороза покрылся коркою льда, и с ледяного языка этого дети с удовольствием катились, доскальзывая к самому жилищу лошадей, с хрустом ударяясь санками о его ограду. Если строить гору было запрещено, то скатываться с уже готовой запрещено не было.

Санки были все самодельные, из бросового дерева. Никаких алюминиевых легкостей промышленность еще не производила. Плоскости санок асов сгорокатания были обиты жестяной полоской (полоску добывали, срывая ее с ящиков у продовольственного магазина). У лошадей имелись свои сани: очень большие, но тоже самодельные — продукт плотничьей фантазии некоего сибиряка-сержанта, уже отслужившего свой срок. На те сани возможно было усадить всех малышат двора, и могучее сооружение не прогибалось даже. Однако всякий раз, когда возникала необходимость соединить сани и лошадей, появлялась проблема. Сибиряк предусмотрел в конструкции такое количество веревок, узлов и прочих хомутов, что, когда изобретатель отбыл в свою Сибирь, никто уже не мог расшифровать его заветов, касающихся процесса запряжения. Запрягали как придется, и потому сани функционировали нечасто. В любом случае три четверти года они проводили в стоячем положении, у стены конюшни... так что с ними было больше хлопот, чем толку от них, с этими санями...

Оказалось, что в спешке никто не захватил санок. Потому первые несколько съездов им пришлось совершить на подсобных предметах, обнаруженных во дворе. На ящике, на крыле «оппеля», забракованном Шаповалом и еще не вынесенном куда следует, на двух дощечках и без подсобных предметов, присев на корточки, обняв для устойчивости колени руками, и просто на попе, лишь подтянув под нее пальто. Спуск, хотя

и не крутой, сопровождался визгами восторга. Прислушавшись, можно было услышать эхо со стороны другого двора, через развалины. Может, там тоже катались с горы. Или это развалины отразили детский визг и вернули?.. Ленька сказал, что нет, горы в его дворе не построили, да и если бы гора была, тамошняя малышня слишком труслива, дабы должным образом использовать гору...

Странно было находиться в столь поздний час во дворе. Только Леньку мама-официантка не обременяла регламентированным часом «отбоя», и он похвалялся, что порой, как взрослый, не спит до полуночи. Нормально малыш обязан был в девять часов, хочешь не хочешь, забираться в постель. Потому вся малышня без исключения, даже самые сонные сони, мечтала не спать до полуночи. Эдик никогда еще не испытывал, что такое не спать до полуночи. Он пытался фантазировать на тему этой самой полуночи. Ему казалось, что в этот час суток должны происходить (пока малышата спят) именно самые интересные события, их жадные взрослые сберегают только для себя. Может быть... (его всегда интересовала проблема прохода сквозь стены так же, как и проблема летания), ты нажмешь на стену, а в ней аккуратненько открывается дверь. А за дверью... там очень тепло и живут волшебники и чудесные животные невиданной красы. Искаженную, возможно, кто-то рассказал малышне историю о рождении Христа, потому от полуночи Нового года ждали появления волшебников в шелках и масках (волхвы?) и животных. Но не злых и голодных, как в цирке, но красивых и исполненных величия. Там... Эдик прикидывал, кто может оказаться за дверью. Обязательно лев с долгой гривой (он позволяет садиться на себя малышонку-красноармейцу), чудесный бык со множеством светлых глаз... Но не черный, как на сельскохозяйственной выставке, но снежно-белый...

Флигель Шаповала светился тусклым огнем сквозь замерзшие пятнами стекла. Из трубы над флигелем, держась ближе к стене, шел дым. Хорошо пахло от флигеля... Вышел, привлеченный, должно быть, особенно сильным взрывом взвизгов, на крыльцо Шаповал. Не в сапогах, но в толстых носках, надетых поверх трубочек галифе. Без полушубка, но в шапке. «К елке пора бежать,— сказал Шаповал.— Пятнадцать минут осталось до полуночи. Новый год прозеваете».

Так как ни один малышонок не хотел «прозевать» Новый год, они, приводя себя на ходу в порядок, отряхиваясь от снега, устремились к подъезду. Эдику уже некоторое время хотелось в туалет «по-большому», но, не желая отрываться от малышатской компании, он медлил уходить, и только старшина напомнил ему о времени. Следовало торопиться. Он закарабкался по крутым ступеням, обгоняя приятелей. «Ты куда так чешешь?» — спросил, карабкаясь рядом, Ленька. «Мне в туалет давно пора»,— сообщил он другу. «По-маленькому или по-большому?» — «По-большому»,— признался он, стесняясь.— «Что же ты раньше терпел?» — заметил Ленька. И то верно, подумал он, что же я раньше терпел, ведь чувствовал, что хочу.

На рысях вместе с верным Ленькой он пробежал мимо коридорной елки, мимо пробежавшего в кухню в красных штанах и в сапогах, но еще без бороды и блузы лейтенанта Агибенина. Все знали, что в полночь он выйдет к малышне в виде Деда Мороза, дабы раздать им подарки. От имени дивизии.

В их комнате было темно, лишь горело несколько свечей на его елке и, прижавшись друг к другу, танцевали мужчины и женщины. Офицеры и их подруги. Шипел трофейный диск «Встретились мы в баре ресторана» — модное танго. То, что взрослые зажгли свечи без него на его елке, ему не понравилось, но у него существовала куда более насущная и срочная проблема, чтобы начать обижаться на взрослых... Не могло быть и речи о том, чтобы в их присутствии выдвинуть из-под кровати горшок и усесться на него. Еще год назад он, может быть, так бы и сделал...

Они выскочили из комнаты в коридор. «Давай ко взрослым?» — предложил Ленька. То, что друг не покидает его в трудную минуту жизни, было ему приятно, но в Ленькином присутствии он, однако, страдал от позывов желудка сильнее, чем если бы был без него. Часть усилий уходила у него, чтобы удерживать лицо в более или менее нормальном,

неискривленном состоянии. Кака, кажется, скопилась у выхода из организма и отчаянно толкалась, желая выйти. Бегом пересекая коридор, у елки уже играла на аккордеоне Снегурочка, они рванули к общему туалету. «Кто Снегурка-то? Не Идка Иван Федоровича?» — спросил Ленька на ходу, запыхавшись. Приятель не ответил ему, ему было, естественно, не до загадки Снегурочки. Во взрослом туалете обе двери были закрыты, и за ними, слышно было, кто-то плескался. Занято! Маленький человек в беде и страдающий вместе с ним приятель нервно забегали у дверей.

«Эдик! — закричала мама Рая, выйдя из-за елки и постепенно увеличиваясь в размерах. — Где вы бегали с Леней? Я вас ищу, пошли скорее!» Мама Рая выглядела сногсшибательно. Она зачесала волосы волной на одну сторону, встала на каблуки и надела новый костюмчик. Она сшила его сама, «перелицевав», то есть перевернув для этого на другую сторону два отцовских кителя. Получился оригинальный, узкий в талии и широкий в плечах «а ля Дина Дурбин или Марика Рокк» костюмчик. Куплеты, включающие имена этих американских актрис, распевали офицеры и их жены. В куплетах шла речь о Чарли Чаплине.

На палубе матросы
Курили папиросы,
А бедный Чаплин Чарли
Окурки подбирал...

Подбирая окурки, голодранец, однако, мечтал о том, что женой у него, у бедного, будет

Сама звезда экрана,
Волшебница Моргана,
Пожалуй, Дина Дурбин
Или Марика Рокк...

Увеличившись полностью, Дурбин/Рокк сделалась мамой и протянула сыну руку. «Я какать очень хочу», — сообщил он, отбросив условности. Было уже не до условности. Кака толкалась в двери, уже грубо напирая. Личико страдальца сморщилось.

«Ох, Господи, угораздило же тебя. Уже ведь без пяти Новый год...» Подтверждая слова матери, в одной из комнат включили мощный радиоприемник и, откашлявшись, старый голос начал читать текст. «Ворошилов уже поздравляет!» — ахнула мать и забила кулаками в двери туалетов. «Эй, ребенок обкакается!» Сквозь двери донеслось невразумительное бурчание, но дверей не открыли.

«Не могу больше...», — прошептал ребенок. И стоя на одной ноге, оплел ее другой, может быть, желая таким образом крепко запереть свое кака.

«Бежим на четвертый!» — воскликнула мать, ухватила его за руку и потащила ребенка к лестнице. Верный Ленька метнулся за ними.

На лестнице он и обкакался. И расплакался от стыда. Единственным утешением служило то обстоятельство, что на нем все еще были надеты «лыжные» штаны, а не праздничный костюмчик. И то, что он обкакался в «лыжных» штанах, было менее заметно со стороны, и костюмчик не пришлось испортить. Когда, влетев в комнату тети Кати, мать стащила с него «лыжные» штаны и, налив в таз воды, стала обмывать опозорившегося ребенка (она так и говорила: «Что же ты так опозорился, Эдик!»), то из всех радиоприемников всех двух этажей (офицер обязан был иметь радиоприемник) забили празднично куранты Спасской башни, оповещая жителей Советского Союза о наступлении Нового года. «Бом!... Бом!...» Двенадцать раз.

Остаток празднования он провел, заползши глубоко под елку. В темноте танцевали взрослые, ибо решено было «танцевать у нас», а «выпивать и закусывать — у вас». Он лежал лицом вверх и видел над собой перепутавшиеся ветки елки, золотые орехи, конфеты и мандарины. Свечи догорали, однако догорали хорошо, грустно и ароматно. Один раз на него свалилась остывшая по пути, но еще теплая восковая капля. «Кап!» — на щеку. Хорошо видимый, грустно висел над ним махитарьянский подарок — заяц, и он думал, что заяц — это он сам, одинокий, с красными ушами. Почему кто-то перевесил зайца, повесил его ближе к полу? Согнувшись к малорослой Снегурочке, Агибенин протангировал мимо и неловко задел дедморозовской штаниной ветку. Заяц заколыхался, подрагивая. «Я, как этот заяц», — подумал он, протянул руку, осторожно снял зайца и, прижав его к груди, заплакал. Совсем тихо. В первый раз в жизни ему было жалко себя.

ВОЕННЫЕ ПОХОРОНЫ

Майор Солдатенко (ему дали майора весной) умер в самую сильную жару в июле. Посему тело долго на открытом воздухе не держали: выставили в вестибюле штаба для прощания всего на несколько часов.

Узнав, что Солдатенко «лежит в штабе», мать одела его в хлопчатобумажный костюмчик, носочки и сандалеты, сама принарядилась в неудобные туфли, и они пошли «прощаться с майором». «Ты никогда еще не видел мертвых, — сказала мать, — так вот запомни, что к ним нужно относиться с уважением. И так как ты не знаешь, как себя вести, то смотри на меня и делай то, что делаю я. И ни в коем случае не говори громко. Если хочешь что-нибудь спросить, дерни меня за платье». Дождей не случилось уже месяц, и акации на Свердлова трепетали под знойным ветром полусожженной листвой.

Гроб помещался в самой глубине вестибюльной площадки, головой к навсегда закрытым дверям во двор, так что два крыла лестниц располагались по обе руки майора. Лестницы застелили кровавой «ковровой дорожкой». Гроб был обтянут красным шелком. И большие кумачовые банты, как кремовые розы на торте, красовались на гробе. Эдик посчитал: их оказалось шесть. Красноармейцы с винтовками стояли за гробом, в головах его, застыв по стойке «смирно». Четыре офицера с траурными повязками на рукавах стояли в углах гроба и тоже по стойке смирно. Знамя дивизии чуть колыхалось, должно быть, от невидимого жаркого сквозняка за гробом. Древко, наклонив его вперед, держал знаменосец-сержант. Первое впечатление было такое, что военнослужащих загипнотизировал специалист и ушел. Но после нескольких минут наблюдения возможно было заметить, что знамя чуть-чуть подрагивает вместе с руками сержанта, как видно, уставшего стоять в неудобной позе, что из-под фуражек офицеров стекают по лбам и вискам капли пота, что старший лейтенант Сидельников безостановочно двигает крупным адамовым яблоком так мощно, что двигается и дергается все его лицо. И, пусть и самые крошечные участники церемонии, подозрительные мухи с ярко-синими брюшками, непрошеные, летали и ползали повсюду, раздражая и будучи предметом внимания. Они отказывались соблюдать молчание, не желали относиться «к мертвому с уважением», как наказывала мама. Мухи атаковали майора, пытаясь сесть ему на нос или заползти по руке в рукав кителя. Красноармеец с еловой веткой время от времени подходил к гробу и обмахивал веткой лицо майора. Сам майор был спокоен и бледен.

Вслед за другими «иждивенцами» мать с сыном прошли к гробу и остановились на мгновение. Мать наклонилась над майором, тронула рукою рукав кителя. «Прощайте, Иван Иваныч!» — прошептала мать. И они отошли. Он держался за материно платье. Так как он был ниже уровня гроба, то смог увидеть только кумачовый бант, а по банту бесстыдно расхаживала, конечно же, муха. Вздохнув, мать крепко стиснула его руку, и они вышли на Красноармейскую, где под акацией, шелестящей листьями, как станиоль, собралась кучка «иждивенцев»...

Обсуждалась болезнь, от которой умер майор. Болезнь называлась «белокровие». Стоя рядом с бедром матери, — мать нервно подергивала поясок своего крепдешинового платья, — он прислушивался к тому, что они говорят. По правде говоря, он не совсем представлял себе, что происходит. Он множество раз слышал уже слова «убит», «умер», «помер» и знал даже несколько арготических синонимов к этим словам: «дать дуба», «окачуриться», «сыграть в ящик». Однако слова эти не связывались для него ни с какими конкретно происшествиями. Например, он знал, что

его дедушка Федор «погиб на фронте». И что «погиб на фронте» нехорошо для матери и отца, потому что их лица при произнесении этого выражения становились грустными и серьезными. Однако он долгое время думал, что дедушка потерялся где-то далеко, на нехорошей территории, негостеприимной земле, называемой «фронт», и родители не могут его увидеть, потому им и грустно. Уничтожения тела смертью он себе не представлял. Необратимость смерти тоже. Он думал, что умереть — это временно. На кладбище он еще никогда не был. Он знал, что тех, кто умирает, едят «черви», однако думал, что процесс этот сродни процессу, который обозначается выражением «мухи кусают», то есть ведь на самом деле мухи не кусают человека, но, садясь на него, щекочут его, досаждают ему... Короче, он был в полном недоумении и жаждал объяснений. До майора Солдатенко в дивизии никто не умер, большинство офицеров были молодые люди.

«Питался он плохо... — осторожно начала старая женщина, которая не жила в их доме, — вот в чем все дело. При белокровии первое дело — питание. То есть я, конечно, его заставить не могла, но девочки всегда его просили: «Иван Иваныч, что же вы опять все в тарелке оставили». Он говорил, что он дома ест, но и дома он не ел...» «Мам, — дернул ребенок маму за платье, — что такое белокровие?» Мать нагнулась к нему: «Это такая болезнь крови, сынок, когда белых шариков в крови намного больше, чем красных...» Заметив, что сын не понял и, возможно, представил себе шарики белые и красные, плавающие в крови, мать вздохнула. «Тебе сложно будет понять, однако белокровие — это нарушение баланса состава крови». По лицу было видно, что сын не понял опять (он не знал, что такое «баланс»), и мать спустилась к простейшему объяснению, вернее, к утверждению: «Иван Иваныч умер от болезни крови».

«Нужно всегда хорошо питаться, мальчик, — сказала незнакомая женщина. И, вспомнив, в какое время она живет, заведующая офицерской столовой (а это была именно она) поспешно добавила: — Разумеется, по возможности. Однако основные продукты питания всегда имеются в наличии. Рыбий жир, например. Вы даете ребенку рыбий жир, дамочка?», спросила она маму. (Маму всегда уважительно называли дамочкой, то есть она, очевидно, производила этакое впечатление представительницы высшего класса советских женщин, ибо большинство женщин называли «гражданками»). «Даю, — сказала мама. — Он очень не любит».

Ребенок внизу поморщился и тотчас же возненавидел заведующую офицерской столовой. Отец говорил ему, что повара и работники питания все воруют. И иногда пел шутливый куплет какой-то старой песни, представляющей поваров плохими:

Тепло на сердце от каши перловой,
Она скучать не дает никогда.
И любит кашу директор столовой,
И любят кашу обжоры-повара...

Однажды сын, спрятавшись за плотную портьеру, прикрывающую дверную нишу, сумел услышать, как отец спел более «взрослый» вариант песни. Обжоры остались на своем месте, однако первые две строчки звучали так:

Тепло в желудке от каши перловой,
Она пердеть не дает никогда...

И отец засмеялся. Он смеялся, однако слово «пердеть» спел виновато, как видно, стесняясь его. От Леньки Эдик уже знал, что оно значит.

В 13.00 стали формироваться похороны. Тогда было в обычае гордо везти покойника в открытом гробу через весь город, неторопливо на кладбище. Покойника не прятали стыдливо, как в нынешние времена, но гордились им. Дабы мог он попрощаться со своим городом, а народ города, привлеченный траурными маршами, все время пути исполняемыми могучим духовым оркестром, мог узнать, что умер человек, и, выглянув из окна или сойдя на улицу, мог попрощаться с умершим. Военные же похороны были мероприятием особенно грандиозным и великолепным. Раз и навсегда установленный регламент управлял военными похоронами.

Сын сказал матери, что он хочет с ней на кладбище. «Нет, — сказала мать. — Тебе будет очень грустно там». — «Ну, мама, я же никогда не был еще на кладбище. Ты меня никуда не берешь». — «Неправда, — сказала мать, — на прошлой неделе кто смотрел балет «Красный мак»? А до этого «Сказку о рыбаке и рыбке»? И ты не думай, что кладбище, как цирк или театр, это очень грустное, тяжелое даже для взрослых место». — «Ну, мам!»

Мать почему-то ошибочно полагала, что дети психологически более уязвимы, нежели взрослые, что, попав на кладбище, сын ее расплачется. Это был ее первый (и единственный, увы) сын, и мать не имела опыта, не знала еще, что ребенок прочно прикрыт броней непонимания. «Хорошо, — сказала мама, — но не плачь потом, что у тебя болят ноги, это очень далеко, а нести тебя на руках я не буду, ты уже тяжелый». «Как в детстве?» — спросил он. — «В детстве ты был толстый, потому мы тебя и звали «дядя Пуд», сейчас ты худенький, но ты вырос... Впрочем, что я говорю, ты и есть в детстве и еще, слава богу, долго будешь в нем. Толстым ты был, когда тебе был годик. Если хочешь на кладбище, беги быстрее и надень старые сандалики. Эти натрут тебе ноги».

Он побежал и влетел в комнату, застал там тоже, оказывается, идущего на кладбище отца. И отец тоже переодевался. Он сменил портянки. Переодевшись, вдвоем они побежали вниз. Характерная деталь, не закрывая двери на ключ. В военном доме презирали семьи, запирающие комнату на ключ. Даже те, кто, может быть, и хотел бы закрывать, не закрывали, опасаясь остракизма коллектива.

В подъезде было прохладно, но когда из подъезда они выскочили в раскаленный полдень, жара по-новому обожгла их. «Не самая лучшая погода для транспортировки покойных, — сказал отец. — Сидел бы ты дома, играл бы в коридоре. Я бы на твоем месте сидел бы дома». «Мама сказала, что мне можно на кладбище». — «Ну, раз мама сказала... Приговор окончательный и обжалованию не подлежит, — и отец улыбнулся каким-то своим мыслям. — Я бы не пошел, но я ответственный за похороны. Служба, — отец показал на траурную черную повязку на рукаве. — Я бы лучше всхрапнул минут шестьсот», — сказал отец.

«Минут шестьсот — это сколько?» «Это десять часов», — ласково сказал отец. — Десять часов сна — это очень хорошо...»

На Красноармейской они расстались. Надев фуражку, отец пошел в голову колонны, а сын побежал в хвост ее, где вместе с другими «иждивенцами» стояла мама. Из штаба вышли вдруг музыканты и, став у штаба, заиграли гулко во все мощные трубы, большие литавры и гулкие барабаны. «Пам-бам-пабам! Пам-бам-пабам». «Это траурный марш, — сказала мать. — Сейчас будут выносить тело».

С другой стороны Красноармейской, от вокзала, из-за угла, с улицы Свердлова стали сходиться привлеченные звуком труб гражданские. Став под акацией на тротуаре, спиной к выстраивающейся процессии и лицом к музыкантам, в белых перчатках, сжимая палочку, взмахивал ею дирижер майор Кулаков. При каждом движении палочкой твердый воротник кителя врезался в шею дирижера и оставлял на ней красный след. Большие трубы были надеты на музыкантов, лежали у них на плечах и, может быть, сквозь кителя обжигали грудь. Солнце как раз било в музыкантов, в то время как противоположная сторона улицы была в тени. «Бедные лабухи, — сказала мама. — Трубы, наверное, раскалены. Хоть бы дождь пошел».

Он не знал, что такое «баланс», но что «лабухи» это музыканты, он знал прекрасно, сын музыкального отца. У отца было множество отношений с лабухами, и лабухи приходили к ним в комнату. Некоторых лабухов сын лейтенанта знал в лицо...

Мимо оркестра в штаб прошел отец и еще несколько офицеров с озабоченными лицами. Дирижер остановился, оркестр остановился вместе с ним, капитан Приходько, показавшись в дверях штаба, поднял руку, дирижер поднял палочку, и новая, еще более грустная мелодия выструилась из труб оркестра. Половинки дверей широко открыли, и из них вышел тот же капитан Приходько, в руках он держал красную бархатную подушку с траурной лентой по краю. На подушке лежала фуражка. Медленно ступая, четко кладя подошвы сапог на мягкий асфальт, капитан, держа перед собой подушку, направился в голову колонны. За ним на расстоя-

нии в несколько метров стали выходить по два офицера дивизии, и у каждого в руках была красно-траурная подушка с орденом или медалью майора Солдатенко. В войну майор успел навоевать много орденов и медалей, поэтому офицеров и подушечек было много больше десятка.

Вслед за офицерами с наградами вышли с подобающе мрачными лицами начальник дивизии генерал-майор Малышев и полковник Сладков. За ними четверо офицеров почетного караула. Дойдя строевым шагом до края тротуара, они остановились и без команды совершили четкий поворот «кругом!». Подняли руки к фуражкам, отдавая воинскую честь показавшемуся в дверях гробу. В первой паре, подставив под гроб плечо, шел отец. Оркестр издавал мрачные и низкие звуки. Не имея никакого музыкального образования, ребенок не мог знать, что именно играет военный оркестр. Однако духовой военный оркестр, что бы он ни играл, всегда великолепен: благородные, звенели, напоминая о могущественном Риме и его легионах, литавры, злые, жалящие тоской флейты, бархатные трубы заливали сладостью боль от потери товарища.

Возлежа на плечах шестерых офицеров, майор Солдатенко поплыл вдоль тротуара под пыльными акациями, разрезая белым носом раскаленный полуденный воздух, и ребенок испугался, что низкие сучковатые ветки акаций исцарапают майору лицо. Иссушенная лапка акации отвалилась от дерева и упала майору на закутанные кумачом ноги. Теперь ребенок сумел увидеть, что майор лежит в мундире, и погоны всеми золотыми нитями, поймав солнце, казалось, горели на плечах майора.

«Куда папка его несет, мам?» — «К пушке, сынок. Он ведь на пушке на кладбище поедет». — «Мам, можно я посмотрю?» Он получил разрешение и последовал за гробом. Дисциплинированные «иждивенцы» все остались на своих местах в колонне. Но многочисленные гражданские неорганизованно столпились, и рассмотреть происходящее человеку вынужденно маленького роста было нелегко. Он увидел, как гроб дрогнул и накренился кумачовыми ногами вниз, и его сложили ниже уровня голов. Протолкавшись меж гражданских поближе, он сумел, однако, рассмотреть фрагменты: зеленое крашеное железо пушки, дутые, как на «оппеле», новые резиновые шины ее, и пушкин щит со щелью у ствола для наводки. Гроб установили за щитом. Пушка, он увидел, прицеплена к мощному грузовому автомобилю (американскому «студебеккеру» с открытым кузовом). Два офицера пронесли в кузов крышку гроба. Красноармейцы с траурными повязками стали по двое выходить из штаба дивизии с еловыми венками, украшенными цветами и лентами, и занимать место в колонне.

Он вернулся к матери. Вдова Марья Григорьевна и Евка, обе в черных платьях и черных платках, вышли из штаба, и начальник дивизии и полковник Сладков прошли вместе с ними вперед колонны и встали непосредственно за пушкой и гробом. Колонна вздрогнула, «иждивенцы» чуть сдали назад, музыканты заняли место перед «студебеккером», и под еще более мрачный, но мужественный марш, оповещающий Харьков о том, что герой войны умер, шествие тронулось, подымая пыль. Из окон выглядывало население и считало подушечки с орденами и медалями и венки. Подушечек было много, и население мысленно благодарило майора Солдатенко за его военную доблесть.

Сияющая бронза духовых инструментов, начищенные пуговицы и золотые погоны парадной формы офицеров, латунные, надраенные части затвора пушки, грузовик, затянутый в кумач и траур, венки в цветах и лентах с надписями золотыми буквами — все это великолепие жарко пылало в июльском зное... И пусть не Цезаря Августа, но майора НКВД везли через Харьков, но можно было ослепнуть от сияния...

От пышности похорон зависел в определенном смысле престиж дивизии. Ведь в городе стояли и другие «воинские части», как называл их отец. В них также кто-нибудь время от времени умирал или «погибал при исполнении служебных обязанностей». «Воинские части» негласно наблюдали за похоронами других частей, соревновались между собой — у кого похороны будут грандиознее. Разумеется, многое зависело от звания покойного. Скажем, похороны генерал-лейтенанта не могут быть сравнимы с похоронами простого пехотного лейтенанта, какого-нибудь «Ваньки-взводного». Генеральские похороны были зрелищем экстраординарным, и побывавшие на таковых помнили их и четверть века спустя. Однако майор

Солдатенко имел репутацию отличного служаки. Пусть он и не дослужился до высших званий и майора получил уже больным, но на бархатной подушке, вслед за головным убором и личным, маршалом Рокоссовским подаренным немецким шмайсером, несли Звезду Героя Советского Союза! Честно добытую кровью на Втором Украинском фронте, а не высиженную на заднице где-нибудь в Москве.

Милиция обязана была останавливать весь транспорт и давать похоронам дорогу. Военный патруль ехал в сотне метров впереди на «оппеле», оповещая о грядущем прибытии кортежа. В нынешние времена покойника стыдливо прячут в глубину темного автобуса и спешно везут, как мясо в холодильнике, скорее с глаз долой. Сорок лет назад покойник был близок живому, и народ останавливался ради него, попрощаться, глядел, считал ордена, сожалел, разглядывал вдову и детей (если много детей шло за гробом, народу становилось легче). Если кто хотел, то мог прошептать что-нибудь индивидуально, вроде «До свидания, солдат...», или по-старому «Мир праху твоему», или даже перекреститься мог, если умел и считал необходимым. «Кого хороните?» — спрашивали гражданские с тротуаров.

«Майора хороним. Героя Советского Союза. Солдатенко зовут», — отвечали «иждивенцы». С тротуаров сходили и присоединялись к шествию старухи, оставшиеся без всех сыновей, вдовы, их было ужасающе много, безрукие инвалиды с пустыми рукавами. Безногие инвалиды катились вдоль тротуара рядом с процессией и сзади — проводить немного своего брата, солдата и героя. Про таких, как майор, умерших через несколько лет после войны, говорили: «Война его догнала...»

Ко времени, когда началась гроза, ребенок, конечно, устал. Но так как он обещал матери «не плакать потом», а «потом» именно уже и наступило, то он молчал и шагал, слушая оркестр. Может быть, когда он решил бы, что «потом» кончилось, он бы и разнылся, но гроза и дождь отвлекли его от усталости.

Гроза началась вдруг, без приготовлений. Лишь захрустело внезапно небо над похоронами. Один раз захрустело. Второй. Раскаленная, зашипела верховная твердь. Ясно возник на дневном небе всполох, как будто в коридоре перегорела вдруг электролампочка. Задул ветер, схватив все ленты венков и косынки женщин и дернув их... Загремел неторопливо артиллерийский как бы гром. Еще один... Еще... После четверти часа такой артподготовки из нагнетенных за пятнадцать минут спешно туч полилось...

Но никто никуда не побежал. Остановились. Вдова, пробравшись к пушке, накрыла лицо мужа черным платком, сорвав его с головы. Крышкою майора решено было не покрывать. «Он природу любил», — сказала вдова. Двинулись дальше под дождем. Лишь сбившись было, захрипев, но выплюнув воду из мундштуков труб, вновь зазвучали музыканты инструментами оркестра. Не траурный марш на сей раз, но любимую песню майора «Катюшу», дабы было ему весело ехать в последний раз под дождем по природе.

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша
На высокий берег, на крутой...

И сопровождая духовые и ударные, гвардейскими «катюшами» громыхало вверху небо.

Шагая рядом с матерью — сандалики давно прилипли к носочкам, — он размышлял о гвардейском ракетном мнномете «катюша». Если бы его спросили о происхождении имени, он бы, не задумываясь, сказал, что, конечно же, веселое имя Катюша (так же, как и красивое имя Максим для мальчиков) дали счастливым маленьким девочкам их военные папы в честь грозного военного оружия, а не наоборот...

После того, как на веревках опустили гроб в глинистую землю, на кладбище прогремел салют из винтовок. В воздух, подняв стаи разнообразных кладбищенских птиц, провожая майора, разрядили винтовки крас-

ноармейцы. Начальник дивизии, став на колено, бросил на гроб горсть мокрой глины. Вслед за ним бросили офицеры и красноармейцы и затем «иждивенцы» и имевшиеся в наличии дети. Вдова Марья Григорьевна сухо заплакала — ибо в этот момент полагалось плакать. Слез у нее оставалось мало, они все израсходовались за время болезни. Евка, может быть, не понимая, почему они с матерью оказались в центре внимания после того, как отца опустили в глинистую яму, улыбалась, смущенная.

Вдову и дочку увез в «оппеле» начальник дивизии. Детей посадили в грузовик. Детей оказалось немного, потому матери тоже нашлось место в грузовике. Держась за борта, они быстро ехали по булыжному шоссе совсем не знакомого им пригорода.

«Мам...—сказал он.—А что же майор?.. Он когда вернется на Красноармейскую? Он ведь полежит и вернется, да?»

«Глупый ты какой еще...—Мать вдруг улыбнулась, подумав, что, может быть, и хорошо, что сын ничего не понял. Она оправила прилипшее к телу платье.—Он там навсегда останется. На кладбище».

«Навсегда...»—повторил он. Он не спросил, что такое «навсегда», побоявшись, что мать сочтет его очень глупым. Она ведь произнесла это слово уверенным тоном, предполагая, что объяснения не требуется. Он стал размышлять о «навсегда», глядя на проносящийся город. Они уже ехали через город. Развалин стало меньше. За многими заборами высились краны и возились с инструментами рабочие. Туловища новых зданий высунулись до талий из-за заборов...

В августе 1950 года штабу дивизии отвели здание на Холодной горе. Офицерские семьи расселили. Вокруг Харькова вырастали первые популярные уродливые дома. Семья лейтенанта Савенко переехала в один из них. Там, на Салтовском поселке, лейтенантский сын пошел в школу. Великая Эпоха спешно заканчивалась, освобождая место для другой эпохи.

* * *

Об Эдуарде Лимонове до последнего времени мы почти ничего не знали. Вспоминали его разве что в связи с промелькнувшей в начале 80-х газетной статьей: она была посвящена роману «Это я — Эдичка», снискавшему скандальную славу скабрезного, натуралистического и т. п. Статья как бы иллюстрировала всю глубину падения бывшего советского гражданина, вставшего на путь эмигрантства и диссидентства. Любопытно, что этот первый роман Лимонова — до того были стихи и стихи — американским критикам тоже не понравился, ибо был воспринят ими как антиамериканский (нечто похожее произошло когда-то и с «Лолитой» Набокова). «Самое спорное произведение современной русской литературы», согласно одному из наиболее мягких определений, повествовало о жизни нью-йоркского дна, где оказался автор, не по своей охоте, заметим, покинувший в 1973 году Советский Союз.

Несмотря на все перипетии эмигрантского бытия, Эдуард Лимонов стал известным и признанным автором русского зарубежья: книги его раскупают, читают, о них говорят. Более того, на Западе его воспринимают как *своего* писателя, включая в компанию таких анфан терриблей западной литературы, как Генри Миллер, Селин, Жан Жене. Однако и это еще не вся правда, поскольку эпатажный «Эдичка» представляет лишь одну из ипостасей писателя Эдуарда Лимонова, в чем читатель «Знамени» только что мог убедиться, добравшись до последних строк повести «...У нас была Великая Эпоха».

Публикация повести по сути первая серьезная встреча Лимонова с советской аудиторией. И встреча, надо сказать, неожиданная, взламывающая изнутри тот карикатурно-газетный образ. Главная задача для писателя: воспроизведение — через личные, ностальгические воспоминания о детстве — коллективного сознания нации на закате «Великой Эпохи». Повесть представляет собой нечто вроде апокрифа, со всеми присущими ему смещениями и неточностями в датах, событиях, реалиях (что может смутить читателя), но с сохранением главного — духа, атмосферы эпохи. Является ли взгляд автора и в самом деле взглядом «из толпы народной»? Да, если смотреть со стороны тех, кому, по нашим российским меркам, *повезло* (в чем, разумеется, нет ни вины, ни заслуги). Инстинктивно ли, осознанно ли, бытие их отторгало от себя все, происходящее в другом — ночном, лагерном — измерении. «У поколения... было множество секретов», «эпоха заставляла Вениамина и Раису скрывать „раскулаченного" дядю и „сумасшедшего" брата». Возникала неспособность (или невозможность?) представлять реальность такой, какой она была,— своего рода коллективный солипсизм (так назван подобный феномен в романе Оруэлла «1984»), при котором только и можно было превратить страну на долгие годы в огромный концлагерь. Иначе, размышляет Лимонов, почему не было попыток убить Сталина, «почему во всей нации не нашелся никто, ...не пожертвовал собой для отечества, не выпустил ему в грудь восемь пуль из маузера?..»

Было время, были люди, они просто жили, любили, страдали, умирали, уходили на войну, возвращались, не возвращались. Они же — мы знаем теперь это очень хорошо — шли по этапу или, наоборот, конвоировали этап, но в повести о том почти не говорится. «Режим? Правительство... Сталин... это все было абстрактно и далеко...». «Великая Эпоха» представлена здесь без лагерей, ссылок, без Лубянки, Крестов — такой, какой она виделась живущим обычной жизнью людям. Как писал Юрий Левитанский:

Я рос в те незабвенные года,
овеянные пафосом начала,
где музыка ударного труда
так чисто и возвышенно звучала.
Хотя уже тогда в моей стране
внедрялся стиль наветов и допросов,
я оставался как бы в стороне
от этих сокрушительных вопросов.

Отец героя повести — лейтенант НКВД. Но откуда они взялись, «отец и его ребята»? Они — из той же «толпы народной», они из того же «стада», «пастухами» которого себя мнят... Автор не сходился с родителями «во взглядах на семью, на общество, на политику, на государство», однако... «каким-то образом они сумели заронить в его душу... десятки тысяч осколков информации — и с их помощью сделали и его не только плоть от плоти и кровь от крови двух российских деревень. Новь да Масловка, но и дух от духа их, деревень этих».

Декор эпохи, если воспользоваться слогом Лимонова,— все эти плечики и беретики, шпионы и диверсанты, «один американец...», Васек Трубачев и Аркадий Гайдар, „Герцеговина Флор" и «Беломорканал», «Эдик, сыночек, Сталин умер», Марлен Дитрих и Грета Гарбо, «Лаврентий Палыч Берия не оправдал...» — питает историческую память и историческое самопознание. Автор «Великой Эпохи» не хочет поступаться реальностью — той, пусть мифологизированной, реальностью, которая, как это ни горько признавать, существовала и преобладала в сознании нашего народа.

Кого-то, не без оснований, покоробят рассуждения писателя о Сталине, кого-то — о «стаде» и «пастухах», но... «Все наше,— так нужно думать»,— считает Лимонов. Он не стремится примкнуть к какому бы то ни было «лагерю» (идеология преходяща, искусство вечно). Здесь может прозвучать привычно ироничное «над схваткой»... Что ж, пусть так — или «над», или «в стороне от», или даже в конце концов «под схваткой». Ведь писатель всегда рискует, «каждое слово — уже большой риск, уже атака на настоящее, прошлое или будущее». Но если мы, в пылу идеологических страстей, не сумеем услышать и его, то неизбежно получим новейшее искажение новейшей истории — которая в таком случае нас никогда ничему не научит.

В. ШОХИНА

МАРШАЛ ЖУКОВ, ЕГО СОРАТНИКИ И ПРОТИВНИКИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И МИРА

(ЛИТЕРАТУРНАЯ МОЗАИКА)

ВОЙНА С ФИНЛЯНДИЕЙ

Граница Финляндии проходила не так далеко от Ленинграда, и город, в случае войны, могли обстреливать финские орудия крупных калибров. Финское правительство того времени, которое возглавлял Рюти, вело недружественную Советскому Союзу политику.

В томе Советской Военной Энциклопедии, вышедшем в 1979 году, сказано: «Правящие реакционные круги Финляндии с помощью империалистических государств превратили территорию страны в плацдарм для нападения на СССР. В приграничных районах и главным образом на Карельском перешейке, в 32 километрах от Ленинграда, при участии немецких, английских, французских и бельгийских военных специалистов и финансовой помощи Великобритании, Франции, Швеции, Германии и США была построена мощная долговременная система укреплений, «линия Маннергейма».

Это распространенное у нас объяснение возможности агрессии Финляндии против СССР выглядит крайне неубедительно. Может быть, все эти страны и были заинтересованы в столкновении Финляндии и СССР, но наступательную агрессивную доктрину характеризуют совсем другие способы подготовки к войне, нежели строительство долговременной оборонительной линии. Вести наступательные действия можно, подготовив обычную местность, на которой сосредоточивают войска, и после соответствующей подготовки начинают боевые действия. Затрачивать огромный труд и миллиардные капиталы, да еще стольких государств, чтобы построить могучую линию якобы для наступления, это по военным понятиям просто безграмотно. Даже не посвященный в военное искусство человек и тот понимает наивность подобного объяснения. Конечно же, линия Маннергейма строилась для того, чтобы защитить маленькую Финляндию от такого грозного соседа, каким ей представлялся Советский Союз.

Летом 1939 года в Финляндии побывал начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Гальдер, особый интерес он проявил к ленинградскому и мурманскому стратегическим направлениям. У.-К. Кекконен позднее писал: «Тень Гитлера в конце 30-х годов распростерлась над нами, и финское общество в целом не может отрекаться от того, что оно относилось к этому довольно благосклонно».

Правительство Рюти действительно вело недружелюбную политику по отношению к Советскому Союзу. Президент страны в 1931—1937 годах П. Свинхувуд заявлял: «Любой враг России должен быть всегда другом Финляндии». На территории Финляндии с помощью немецких специалистов в 1939 году были сооружены аэродромы, которые способны были принимать количество самолетов во много раз большее, чем то, которым располагали финские воздушные силы. На Карельском перешейке линия

Продолжение. Начало см. «Знамя» № 10 за 1989 г.

Маннергейма протянулась от Финского залива до Ладожского озера как перемычка через весь Карельский перешеек, она имела три полосы укреплений общей глубиной почти в 90 километров.

В октябре—ноябре 1939 года между СССР и Финляндией проходили переговоры по вопросам взаимной безопасности. Однако финское правительство, подогреваемое своими западными доброжелателями, не пошло на заключение предлагаемого оборонительного союза. Свою поддержку финнам обещали как Германия, так и Англия, Франция и даже Америка. В Германии финских представителей уверяли, что в случае войны с СССР финны только выиграют (немцы не открывали свои планы, но, видимо, имели в виду свое решение о нападении на Советский Союз). Они даже гарантировали, что помогут впоследствии Финляндии возместить возможные территориальные потери. Хочется при этом еще раз обратить внимание читателей на вероломство руководителей третьего рейха. Давая такие гарантии дружественной Финляндии, они ведь прекрасно знали, что уже подписан секретный дополнительный протокол, в котором обещано Советскому Союзу не вмешиваться в какие-либо конфликтные ситуации, которые могут у него возникнуть не только с Эстонией, Латвией и Литвой, но и с Финляндией! И действительно, когда началась советско-финская война, Германия строго соблюдала нейтралитет.

Сталин, имея секретную договоренность с Гитлером, решил воспользоваться этим и отодвинуть границу от Ленинграда, тем более что Ворошилов уверял Сталина: если дело дойдет до военного конфликта, то Красная Армия разделается с финской армией в несколько дней.

Правда, в советских руководящих кругах поначалу считали, что военного конфликта не будет, что Финляндия примет наше предложение. Предложение же состояло в том, чтобы финны мирно уступили нам часть Карельского перешейка, взяв себе взамен определенную территорию на нашем севере. Однако обмен был явно неравноценный: на Карельском перешейке находились мощные укрепления, обеспечивающие прикрытие границы, а то, что мы предлагали взамен, было землей, не имевшей никакой ценности — ни экономической, ни военной.

Финское правительство отказалось от такого обмена. Тогда Сталин решился на военный конфликт.

Осенью 1939 года был проведен Главный Военный совет, на котором был разработан план военных действий против Финляндии. План этот был составлен под руководством начальника Генерального штаба маршала Шапошникова. Шапошников, зная характер укреплений на финской границе, учитывал в плане и те реальные трудности, которые неизбежно возникнут в связи с необходимостью их прорыва, а также силы, которые потребуются для этого. Сталин, настроенный Ворошиловым на легкую победу, резко раскритиковал этот план, и он был отвергнут. Было поручено штабу Ленинградского военного округа разработать новый. Такой план был разработан, и ориентирован он был на мнение Сталина, что война будет недолгой и победа будет одержана малой кровью. Поэтому в плане даже не предусматривалось сосредоточение необходимых резервов.

Вера в то, что война будет завершена буквально в течение нескольких дней, у Сталина была настолько сильна, что начальника Генерального штаба даже не поставили в известность о ее начале: Шапошников в это время был в отпуске.

Финское правительство открыто просило защиты у Германии, о чем свидетельствует хотя бы обращение финского посланника Вуоримаа к имперскому министру иностранных дел Германии. Он писал: «Есть основание предполагать, что Россия намерена предъявить Финляндии требования, аналогичные предъявленным прибалтийским государствам». И спрашивал: «Остается ли Германия безразличной к русскому продвижению в этом районе, и, если найдутся подтверждения тому, что это не так, какую позицию намерена занять Германия?»

Как повела себя в этих условиях Германия, мы уже знаем.

Советская же сторона в соответствии с принятым планом, о котором шла речь выше, и главным образом в соответствии с желанием лично Сталина, искала предлог для военного конфликта. 26 ноября Нарком иностранных дел Молотов пригласил к себе посланника Финляндии Ирие-Коскинена и вручил ему ноту правительства СССР по поводу якобы имев-

шего место провокационного обстрела советских войск финляндскими воинскими частями, сосредоточенными на Карельском перешейке.

Вот текст этой ноты с некоторыми сокращениями:

«Господин посланник!

По сообщению Генерального штаба Красной Армии сегодня, 26 ноября, в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться на провокации, воздержались от ответного обстрела... Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам...

Ввиду этого советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 километров и тем самым предупредить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершеннейшем к Вам почтении.

Народный комиссар иностранных дел
В. Молотов.

26 ноября 1939 г.».

Отвести войска на Карельском перешейке на 20—25 километров — это означало оставить все мощные укрепления линии Маннергейма пустыми и как раз в тот момент, когда возникла реальная угроза вторжения — а финское правительство, несомненно, имело соответствующие разведывательные сведения. Трудно было бы ожидать этого от Финляндии, как, впрочем, и от любой другой страны.

29 ноября поступила ответная нота финского правительства. Вот несколько выдержек из нее:

«В связи с якобы имевшим место нарушением границы финское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых упоминает ваше письмо, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной полосы, близ упомянутого вами селения Майнила».

Далее в ноте говорится о том, что Финляндия согласна на то, чтобы войска были отведены, но — с обеих сторон. Предлагалось также, чтобы советские пограничные комиссары совместно с финскими на месте, по воронкам и другим данным, убедились, что обстреляна была именно их территория.

Интересное свидетельство по поводу начала войны есть в воспоминаниях Н. С. Хрущева. Он говорит, что в тот день его пригласил Сталин к себе на обед. Когда он пришел, то за столом продолжался, видимо, ранее начатый разговор, и Хрущев из него понял, что уже сформировано правительство новой Финляндии, возглавил его Куусинен, и что наша Карело-Финская автономная республика объединится с ныне существующей Финляндией, и будет новая советская союзная республика.

Сталин во время обеда все ждал какого-то важного сообщения и даже сказал вдруг такую фразу: «Ну вот, сегодня будет начато дело». Как выяснилось позже, на границу с Финляндией был послан маршал Кулик, который должен был произвести артиллерийский обстрел территории Финляндии. Предполагалось, что после этого обстрела Финляндия сразу же спасует и запросит пощады. Но после наших выстрелов финны тоже ответили артиллерийским огнем. По этому поводу Хрущев замечает: «Вот обычно так и бывает, говорят, что ты первый выстрелил, а противник говорит, нет, ты первый выстрелил, а на самом деле было вот так».

Однако все было не так просто, как об этом рассказывает Хрущев, он не знал многих подготовительных мероприятий, но это не значит, что их не было.

О том, что широкие боевые действия были подготовлены с нашей стороны заранее, свидетельствуют сегодня и документы и сосредоточение войск, которые уже были готовы к активным боевым действиям.

В своих воспоминаниях маршал К. А. Мерецков пишет: «В конце июня 1939 года меня вызвал И. В. Сталин. У него в кабинете я застал видного работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) и мирового коммунистического движения О. В. Куусинена... Меня детально ввели в курс общей политической обстановки и рассказали об опасениях, которые возникли у нашего руководства в связи с антисоветской линией финляндского правительства...»

Далее К. А. Мерецков излагает известную концепцию о том, что Финляндия «легко может стать плацдармом антисоветских действий для каждой из двух главных буржуазных империалистических группировок — немецкой и англо-франко-американской» и тем самым может превратиться «в науськиваемого на нас застрельщика большой войны...». В этой связи Мерецкову предлагалось подготовить докладную записку с «планом прикрытия границы от агрессии и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации с их стороны».

Как видим, Сталин говорил Мерецкову лишь о возможном нападении финской стороны, умалчивая о том, что нападение маленькой Финляндии на такого гиганта, как Советский Союз, маловероятно, и явно скрывая, что он сам намеревается первым нанести удар. Видимо, поэтому он, предлагая Мерецкову составить докладную записку о прикрытии границы от агрессора и о контрударе как противодействии возможному нападению, при этом все-таки приказал готовить войска к боевым действиям — скрытно, не вызывая никаких подозрений у окружающих.

Далее Мерецков пишет:

«Во второй половине июля я был снова вызван в Москву. Мой доклад слушали И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов. Предложенный план прикрытия границы и контрудара по Финляндии в случае ее нападения на СССР одобрили, посоветовав контрудар осуществить в максимально сжатые сроки. Когда я стал говорить, что несколько недель на операцию такого масштаба не хватит, мне заметили, что я исхожу из возможностей ЛВО[1], а надо учитывать силы Советского Союза в целом. Я попытался сделать еще одно возражение, связав его с возможностью участия в антисоветской провокации вместе с Финляндией и других стран. Мне ответили, что об этом думаю не я один, и предупредили, что в начале осени я опять буду докладывать о том, как осуществляется план оборонительных мероприятий».

В своих воспоминаниях Мерецков указывает на то, что «имелись как будто бы и другие варианты контрудара. Каждый из них Сталин не выносил на общее обсуждение в Главном Военном совете, а рассматривал отдельно, с определенной группой лиц, почти всякий раз иных». Одним из таких вариантов был уже упоминавшийся план Шапошникова. «Борис Михайлович,— подтверждает Мерецков,— считал контрудар по Финляндии непростым делом и полагал, что он потребует не менее нескольких месяцев напряженной и трудной войны даже в случае, если крупные империалистические державы не войдут прямо в столкновение».

Итак, после инцидента в Майниле, после советской ноты и ответной ноты Финляндии, 30 ноября в 8 часов утра части Красной Армии перешли в наступление.

Наше командование сосредоточило против Финляндии четыре армии на всем протяжении ее границы. На главном направлении, на Карельском перешейке, была 7-я армия в составе девяти стрелковых дивизий, одного танкового корпуса, трех танковых бригад, плюс очень много артиллерии, авиации. Еще 7-ю армию поддерживал Балтийский флот.

Имея перед собой огромную протяженность фронта (всю советско-

[1] Ленинградский военный округ.

финскую границу) и располагая четырьмя армиями, советское командование не нашло ничего более разумного, как ударить в лоб по мощнейшим, пожалуй, самым мощным для того времени в мире сооружениям — по линии Маннергейма. За двенадцать дней наступления, к 12 декабря, армия с огромными трудностями и потерями преодолела только сильную полосу обеспечения и не смогла с ходу вклиниться в основную позицию линии Маннергейма. Армия была полностью обескровлена и не могла дальше наступать.

На севере 14-я армия продвинулась в глубь территории Финляндии на 150—200 километров, левее ее 9-я армия вклинилась на глубину до 45 километров, а 8-я армия — на 50—80 километров.

Финская армия, хотя и значительно уступала нашей в силах, но, охваченная большим патриотическим подъемом, защищалась упорно и умело. Она нанесла советским частям огромные потери.

Мировая общественность отнеслась к действиям Советской страны резко отрицательно. Лига Наций исключила Советский Союз из числа членов и призвала все страны мира помогать Финляндии. Определенные круги в правительствах Франции и Англии надеялись, что этот конфликт разгорится в большую войну, что в поддержку Финляндии вмешается Германия, и даже, может быть, Гитлер посчитает этот момент удобным для нанесения своего удара по России.

Пораженное неожиданным упорным сопротивлением маленькой страны, советское командование было вынуждено приостановить боевые действия, создать на Карельском перешейке еще одну новую — 13-ю — армию и образовать Северо-Западный фронт под командованием командарма первого ранга С. К. Тимошенко, члена Военного Совета А. А. Жданова, начальника штаба командарма 2-го ранга И. В. Смородинова. Таким образом, к пополнившимся дивизиям 7-й армии прибавилась еще 13-я армия, в которую входили 9 дивизий, много артиллерии и танков.

Командование вновь созданного Северо-Западного фронта тоже не нашло никаких более гибких форм военного искусства и продолжало лобовое наступление на линию Маннергейма. Главный удар наносился смежными флангами двух армий. Артиллерии на Карельском перешейке было столько, что участники боев говорят — места для орудий не хватало, они стояли чуть ли не колесом к колесу. Почти вся советская авиация была сосредоточена здесь и наносила удары на главном направлении.

После трехдневных кровопролитных боев, понеся огромные потери, наша армия прорвала первую полосу линии Маннергейма, но вклиниться с ходу во вторую линию ей не удалось.

Опять началась подготовка к новому удару — пополнялись обескровленные дивизии. 11 февраля советские части возобновили наступление. Наконец-то командование использовало возможность сделать обход правого фланга противника по льду замерзшего Выборгского залива. Выйдя в тыл Выборгского укрепленного района, наши части перерезали шоссе Выборг — Хельсинки. К 12 марта прорыв линии Маннергейма был наконец завершен.

После окончания этой тяжелейшей, кровопролитной и самой бесславной войны, которую когда-либо вела Красная Армия, в марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором К. Е. Ворошилов доложил об итогах войны с Финляндией. На этом заседании было рекомендовано провести расширенное совещание Главного Военного совета совместно с участниками войны, что и было осуществлено. Главный Военный совет заседал в Кремле 14—17 апреля 1940 года. На нем выступил и Сталин. Он говорил о том, что командному составу необходимо изучить особенности современной войны, что культ опыта гражданской войны помешал нашему командному составу перестроиться на новый лад.

Главный Военный совет принял ряд постановлений по улучшению вооружения, оснащения, обобщения боевого опыта и других мер укрепления боеспособности Красной Армии.

Любопытно воспоминание Хрущева о психологическом состоянии Сталина после финской войны и разбора итогов на Главном Военном совете: «Сталин буквально перетрусил, он оценил в результате войны с Финляндией, что наша армия слабая, что наш командный состав слаб и что вооружением мы слабы... После войны с Финляндией Сталин буквально

дрожал перед Гитлером, он, видимо, пришел к выводу, что наша армия не может противостоять гитлеровской армии...»

Добавлю к этому еще одну причину растерянности Сталина — он, видимо, увидел последствия массовых репрессий среди военных. После финской кампании начался известный спад в арестах, хотя репрессии продолжались до последнего дня жизни Сталина. И еще: «вождь» убедился в полной некомпетентности в военном искусстве своего ближайшего соратника, Наркома обороны Ворошилова.

Как это ни странно, прорыв линии Маннергейма был объявлен выдающейся заслугой Семена Константиновича Тимошенко. Если учесть, что все население Финляндии составляло немногим более трех миллионов человек и примерно такой же численности была Красная Армия, да вспомнить огромные потери, понесенные нашей армией, то можно сказать: оценка этого периода деятельности Тимошенко явно преувеличена. Но Сталина это не смущало. Кроме звания Героя Советского Союза за действия в этой позорной войне, С. К. Тимошенко было присвоено звание маршала. Вызванному на заседание Политбюро Тимошенко Сталин сказал:

— Война с финнами показала слабость в подготовке высших командных кадров и резкое снижение дисциплины в войсках. Все это произошло при товарище Ворошилове. И теперь ему трудно будет в короткие сроки выправить эти крупные вопросы. А время нас поджимает: в Европе Гитлер развязал войну. Политбюро решило заменить товарища Ворошилова другим лицом и остановилось на вас.

Тимошенко стал отказываться, ссылаясь на то, что у него нет нужных знаний и государственной мудрости для работы на таком высоком и ответственном посту. Говорил он и о том, что он едва ли достоин заменить товарища Ворошилова, которого не только армия, но и весь народ хорошо знает и любит.

— Все это верно,— сказал Сталин.— Но народ не знает, что у товарища Ворошилова не хватает твердости. А сейчас твердость особенно нужна во всем. У вас она есть. Беритесь прежде всего за дисциплину и за подготовку кадров. А насчет государственной мудрости — это дело наживное. Где нужно — мы вам поможем.

Так наркомом обороны был назначен С. К. Тимошенко, а для Ворошилова была создана престижная должность заместителя Председателя Совета Министров.

Поскольку нам придется в этой книге довольно часто встречаться с Тимошенко, познакомлю читателей с краткой его биографией. Семен Константинович Тимошенко родился в 1895 году. В год назначения наркомом обороны ему было 45 лет. Боевой путь он начинал с первой мировой войны. В 1915 году был призван в царскую армию, окончил пулеметную школу, участвовал в боях на Западном фронте. С первых дней революции защищал ее с оружием в руках: в 1917 году участвовал в ликвидации корниловщины, а затем разгроме калединщины. Принимал участие в обороне Царицына. Командовал взводом, эскадроном, полком. С октября 1919 года командир 6-й кавдивизии в Первой конной армии Буденного.

В дни гражданской войны в кавказских предгорьях не раз сходились в сабельной рубке Тимошенко и Шкуро. Тогда Тимошенко разбил корпус Шкуро, гнал его до моря и выбил за пределы советской земли. Награжден двумя орденами Красного Знамени. С 1925 года командовал 3-м кавалерийским корпусом, в котором служил и Жуков. Тимошенко высоко ценил Георгия Константиновича как командира полка и в дальнейшем, будучи старше по должности, всегда продвигал Жукова по службе. Фундаментального образования не имел, окончил только Высшие академические курсы в 1922 и 1927 годах, а также курсы командиров-единоначальников при академии им. В. И. Ленина в 1930 г. Командовал военными округами — Киевским, Харьковским. В сентябре 1939 г. командовал войсками Украинского фронта, совершавшими поход в Западную Украину.

Жуков в одной из своих позднейших бесед с К. М. Симоновым так отзывался о Тимошенко:

— Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискива-

ющего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой, образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока он был, кое-что успели повернуть в армии к лучшему.

Наверное, я не ошибусь, если скажу, что на полях сражений финской войны мы показали бездарность нашего военного руководства, потеряли международный авторитет как страна, допустившая агрессивные действия. Один факт исключения Советского Союза из Лиги наций чего стоит! И еще очень важны психологические последствия этой неудачной войны. Сталин, как уже говорилось, настолько внутренне разуверился в возможностях Красной Армии, что стал всячески и во всем уступать гитлеровской Германии, которая к этому времени показала, как молниеносно она может громить очень сильных противников.

И заключение хозяйственного договора с Германией, согласно которому мы снабжали Германию многими видами стратегического сырья, Хрущев объясняет неудачей в финской войне. Говоря об охватившем Сталина страхе перед гитлеровской армией, он добавляет: «Поэтому он (Сталин.— **В. К.**) все делал для того, чтобы угодить Гитлеру, пунктуально выполнял договор, а выполнение договора — это поставка многих материалов, я не знаю, что там было. Ведь порядок был такой: я был членом Политбюро, но этот вопрос конкретно не обсуждался, и я этого договора не видел; я думаю, что, кроме Молотова и Сталина и, конечно, чиновников иностранных дел, которые были к этому договору непосредственно причастны, никто этого договора не видел. Сталин боялся,.. он буквально дрожал и требовал от всех выполнения с тем, чтобы не показать себя перед Гитлером, что он не выполняет взятых на себя обязательств».

Вот видите, об ответственных международных договорах, которые, можно сказать, решали судьбу нашего государства, не знали даже члены Политбюро. Кстати, до сих пор в нашей печати не опубликован договор о наших поставках Германии, хотя за рубежом он широко печатался. Думаю, пора уже познакомить советских людей с этим историческим парадоксом, когда мы обеспечивали стратегическим сырьем Германию перед началом войны против нас же.

13 февраля 1940 года было опубликовано «Коммюнике о заключении Хозяйственного Соглашения между Германией и СССР». «Это соглашение,— говорилось в коммюнике,— отвечает пожеланиям Правительств обеих стран о выработке экономической программы товарообмена между Германией и СССР...» Соглашение предусматривало вывоз из СССР в Германию сырья, компенсируемый германскими поставками в СССР промышленных изделий.

Что́ за этим соглашением последовало, чего стоила стране недальновидность Сталина и других тогдашних руководителей, мало кому известно. Люди видели только, как шли эшелоны в Германию вплоть до последней ночи, когда произошло нападение на нашу страну!

Вот что гнали тогда в эшелонах: в соответствии с Соглашением Советский Союз в течение первых 12 месяцев поставил Германии сырья на сумму примерно в 500 млн. марок, в том числе 1 000 000 тонн кормовых злаков и стручковых плодов на сумму в 120 млн. марок; 900 000 тонн нефти на сумму примерно в 115 млн. марок; 100 000 тонн хлопка на сумму примерно в 90 млн. марок; 500 000 тонн фосфатов; 100 000 тонн хромовой руды; 500 тонн железной руды; 300 000 тонн железного лома и чугуна; 2 400 кг платины, а также марганцевую руду, металлы, лес и прочее сырье...

Выкачивая из СССР стратегическое сырье, Германия всячески оттягивала и срывала ответные поставки. 15 мая 1941 года, когда немецкие войска уже выходили в районы сосредоточения для наступления, Шнурре докладывал из Москвы в Берлин:

«Положение с поставками советского сырья до сих пор представляет удовлетворительную картину...

У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, могущие обеспечить германские потребности в продуктах и сырье в пределах больших, чем обусловлено договором...»

Что же касается ответных поставок Германии, приведу только один пример. Нами был куплен крейсер «Лютцов», он стоил огромных денег. Но крейсера как такового мы не получили, немецкий буксир доставил в Ленинград корпус корабля без механизмов и вооружения. До начала войны его строительство так и не было завершено.

Вот так дурачили нашего «мудрого и гениального вождя народов» и так бездарно он отдавал столь необходимое нам самим стратегическое сырье, созданное великим трудовым перенапряжением народа.

НА ВОСТОК ИЛИ НА ЗАПАД?

После того как была оккупирована Польша, перед Гитлером встал вопрос — осуществить нападение на СССР или же сначала разгромить Францию и Англию? Если бы Гитлер пошел на восток и овладел жизненным пространством, о необходимости которого он открыто говорил, то это усилило бы Германию до такой степени, что Франция и Англия оказались бы неспособными ей противостоять. Они, конечно, не стали бы этого дожидаться, и, вероятно. наконец началась бы и на западе настоящая, а не «странная» война, то есть началась бы война на два фронта, то, чего так боялись и от чего предостерегали все стратеги Германии в прошлом и настоящем. Поэтому элементарная логика подсказывала Гитлеру: надо ликвидировать сначала западных противников. Но Франция не была похожа на те страны Европы, которые так легко были захвачены Гитлером до 1939 года. С Францией Германия в прошлом вела многолетние войны, причем бнтвы шли на равных, иногда верх одерживали французские вооруженные силы, иногда — германские. Это был серьезный противник, причем имеющий такого могучего союзника, как Англия.

К 9 октября 1939 года в ставке Гитлера была разработана «Памятная записка и руководящие указания по ведению войны на Западе». Этот секретнейший документ Гитлер доверил сначала только четверым, а именно — трем главнокомандующим видами вооруженных сил и начальнику штаба верховного главнокомандования. В этой «Памятной записке» были проанализированы возможные действия всех европейских государств в случае нападения Германии па Францию, изложил и варианты военных действий против Франции. Основной замысел заключался в том, чтобы обойти долговременные линии обороны Франции, созданные ею на своих границах, через территории Люксембурга, Бельгии и Голландии, чем избежать больших потерь и затяжных боев. Стремительным ударом танковых механизированных войск ворваться на территорию Франции, сокрушить этим прежде всего волю противника к сопротивлению, окружить и уничтожить главные силы французской армии и экспедиционные части Англии.

На основании указаний Гитлера генеральный штаб и главнокомандующие начали разрабатывать план ведения войны, в результате чего был принят окончательный план вторжения во Францию, получивший условное название «Гельб».

10 мая 1940 года немецко-фашистские войска начали наступление в обход французской линии Мажино через территорию Голландии и Бельгии. С помощью воздушных десантов они захватили важные районы, аэродромы, мосты. 14 мая нидерландская армия капитулировала. Бельгийские войска отошли на рубеж реки Маас. На этот же рубеж выдвинулись части англо-французских войск. Но немецкая армия прорвала слабую оборону союзников и к 20 мая вышла к побережью. Особую роль сыграла танковая группа Клейста, которая прижала войска союзников к морю. Здесь произошла трагическая дюнкерская операция, в ходе которой англо-французско-бельгийские войска, понеся огромные потери, эвакуировались.

Быстро проведя перегруппировку сил, гитлеровская армия 5 июня начала осуществлять вторую наступательную операцию — «Рот», в которой

участвовало 140 дивизий. Эта операция ставила задачу — разгром французских вооруженных сил и выведение Франции из войны окончательно.

Французское правительство и командование были деморализованы. 14 июня по приказу Вейгана без боя был сдан Париж. Гитлеровские войска беспрепятственно продвигались в глубь страны. 17 июня на смену полностью беспомощному правительству пришел маршал Петен и тут же обратился к командованию вермахта с просьбой о перемирии.

Гитлер упивался одержанной победой, он пожелал, чтобы подписание капитуляции Франции было оформлено в том самом вагоне, в котором 18 июня 1919 года был подписан Версальский мирный договор. Вагон разыскали, привели в порядок, пригнали в Компьенский лес, на то самое место, где он стоял в девятнадцатом году, и здесь, 22 июня 1940 года, капитуляция была подписана.

Таким образом в течение 44-х дней, с 10 мая по 22 июня, была разгромлена французская армия и армии ее союзников — Англии, Голландии и Бельгии.

Командование союзников не смогло организовать сопротивление, хотя и обладало достаточными силами для активной обороны. Со стороны немцев в осуществлении операции «Гельб» участвовало 136 дивизий, 2580 танков, 3824 самолета, 7378 орудий. А союзники имели 147 дивизий, в том числе 23 танковых и механизированных, 3100 танков, 3800 боевых самолетов и более 14 500 артиллерийских орудий. Нетрудно заметить по этим цифрам, что силы союзников превосходили силы гитлеровской Германии. О причинах быстрого поражения французской армии правильнее всего, на мой взгляд, узнать у самих французов. Вот что писал об этом генерал де Голль: «...командные кадры, лишенные систематического и планомерного руководства со стороны правительства, оказались во власти рутины. В армии господствовали концепции, которых придерживались еще до окончания первой мировой войны. Этому в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что военные руководители дряхлели на своих постах, оставаясь приверженцами устаревших взглядов... Идея позиционной войны составляла основу стратегии, которой собирались руководствоваться в будущей войне. Она же определяла организацию войск, их обучение, вооружение и всю военную доктрину в целом».

Таким образом, быстрое поражение французской армии и армий союзников зависело не только от силы германской армии и умения ее военачальников, но также и от беспомощности командования и войск союзников. Что касается плана германского наступления на Францию, то он не представлял собой какого-то нового открытия в области военного искусства, разве только мощные удары танковых группировок отличали его от действий германской армии в других войнах против Франции. Вот, например, что пишет Манштейн о плане «Гельб»: «Оперативные замыслы в основных чертах напоминали знаменитый план Шлифена 1914 года. Мне показалось довольно удручающим то, что наше поколение не могло придумать ничего иного, как повторить старый рецепт, даже если он исходил от такого человека, как Шлифен. Что могло получиться из того, если из сейфа доставали военный план, который противник уже однажды проштудировал вместе с нами и к повторению которого он должен был быть подготовлен».

Большие опасения по поводу очень многих рискованных положений, заложенных в плане «Гельб», высказывал и командующий группы армий «Б» генерал-полковник фон Бок. Он даже написал по этому поводу официальный доклад в апреле 1940 года на имя командующего сухопутными войсками генерал-полковника фон Браухича. В этом докладе были и такие рассуждения: «Мне не дает покоя ваш оперативный план. Вы знаете, что я за смелые операции, но здесь перейдены границы разумного, иначе это не назовешь. Продвигаться ударным крылом мимо линии Мажино, в 15-ти километрах от нее, и думать, что французы будут смотреть на это безучастно! Вы сосредоточили основную массу танков на нескольких дорогах в гористой местности Арденн, будто авиации не существует!.. И вы надеетесь сразу же провести операцию до побережья с открытым южным флангом, растянувшимся на 300 километров, на котором находятся крупные силы французской армии! Что вы будете делать, если французы умышленно дадут нам переправиться по частям через Маас и затем перейдут основными силами в контрнаступление против нашего южного фланга... Вы играете ва-банк!»

Да, если бы союзники во главе с французским командованием осуществили хотя бы только то, что предвидел фон Бок, германское наступление против Франции захлебнулось бы. Но, как мы уже говорили, французское и английское командования оказались неспособными организовать сопротивление больших сил, находившихся в их распоряжении.

Я хочу подчеркнуть здесь и то обстоятельство, что все вышеописанные действия проходили, как говорится, на глазах и у нашего советского военного руководства, но, к сожалению, оно тоже не сделало должных выводов и не организовало подготовку частей и соединений Красной Армии для противодействия именно такой тактике гитлеровской армии.

* * *

После сокрушительного поражения Франции Гитлер и его стратеги ожидали, что Англия пойдет на заключение перемирия, однако этого не случилось — Англия продолжала войну. Поэтому Гитлер начал поиски решения английской проблемы. В цепочке стран — Франция, Англия, Советский Союз — Германия вышла, как видим, на последнюю прямую. Франция пала, и, если Англия будет нейтрализована, можно будет начать осуществлять главную цель — захват восточных пространств, то есть войну против СССР.

Гитлеровское руководство искало возможности вывести Англию из игры путем политических интриг и давления. Однако это не привело к успеху. Много было по этому поводу разговоров, совещаний, предложенных вариантов, в конечном счете Гитлер склонился к мнению генерала Йодля, которое генерал изложил в своей «Памятной записке» от 30 июня 1940 года «Дальнейшее ведение войны против Англии». Наиболее целесообразный и обещающий победу стратегический вариант виделся ему следующим:

1. Осада — воспрепятствование флотом и авиацией всякому ввозу и вывозу из Англии, борьба против английской авиации и источников военно-экономической мощи страны.
2. Терроризирующие налеты на английские города.
3. Высадка десанта с целью оккупации Англии.

Вторжение в Англию он считал возможным только после завоевания немецкой авиацией полного господства в воздухе и дезорганизации экономической жизни страны. Десантирование в Англию рассматривалось как последний смертельный удар. Но даже тогда, когда были отданы распоряжения на разработку этой операции, названной «Морской лев», Гитлер не терял надежды на компромиссный мир с Англией. Однако, несмотря на все старания, политические и дипломатические, на действия пятой колонны и пропагандистские уловки, гитлеровцам все же не удалось добиться примирения с Англией. 4 и 18 июня Черчилль заявил в Палате общин, что Британия будет продолжать войну до конца, даже если она останется одна.

Теперь гитлеровскому командованию оставалось только воздействовать на Англию силой. Была проделана большая — скажем так, исследовательская — работа главнокомандованием военно-морских, военно-воздушных и сухопутных сил по прикидке всевозможных вариантов вторжения в Англию. Все понимали, что это дело непростое, и добиться молниеносного успеха, как это было перед тем на сухопутном театре, здесь едва ли удастся.

После многих совещаний и размышлений 16 июля 1940 года Гитлер подписал директиву ОКВ № 16 «О подготовке операции по высадке войск в Англии». В ней было сказано: «Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к взаимопониманию, я решил подготовить и, если нужно, осуществить десантную операцию против Англии. Цель этой операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если потребуется, полностью захватить ее».

Как видим, в этой даже общей установке уже нет той решительности и определенности, которая была в директивах при действии на сухопутных театрах: «если нужно осуществить десантную операцию», «если потребуется...» и еще много таких «если».

Приготовления к операции «Морской лев» намечалось завершить в середине августа. Все предыдущие военные акции были хорошо продуманы Гитлером и генеральным штабом, но на этот раз к моменту, когда были уже отданы распоряжения о подготовке операции, у Гитлера еще не было какого-либо твердого плана, поэтому он запрашивал у своих военных стратегов их мнение. Первое время поддерживал и даже пытался осуществить то, что изложил в своей записке Йодль от 30 июня. При этом Гитлер все еще ждал, что Англия пойдет на заключение мирного договора. Чтобы добиться этого, Гитлер и многие его советники надеялись поставить Англию на колени с помощью блокады с моря и с воздуха. Но вскоре Гитлер пришел к выводу, что решающих успехов от подводной войны и воздушной блокады можно добиться лишь через год-два. Это никак не соответствовало его концепции быстрого осуществления победы. Потеря времени была не в пользу Германии, и Гитлер понимал это.

В середине мая Берлин был взбудоражен сообщением о неожиданном полете в Англию Рудольфа Гесса — первого заместителя Гитлера по руководству нацистской партией. Гесс, сам пилотируя самолет «Мессершмитт-110», вылетел 10 мая из Аугсбурга (Южная Германия), взяв курс на Даунгавел Касл — шотландское имение лорда Гамильтона, с которым был лично знаком. Однако Гесс ошибся в расчете горючего и, не долетев до цели 14 километров, выбросился с парашютом, был задержан местными крестьянами и передан властям. Несколько дней английское правительство хранило молчание по поводу этого события. Ничего не сообщал об этом и Берлин. Только после того, как британское правительство предало этот полет гласности, германское правительство поняло, что секретная миссия, возлагавшаяся на Гесса, не увенчалась успехом. Тогда-то в штаб-квартире Гитлера в Бергхофе решили преподнести публике полет Гесса как проявление его умопомешательства. В официальном коммюнике о «деле Гесса» говорилось: «Член партии Гесс, видимо, помешался на мысли о том, что посредством личных действий он все еще может добиться взаимопонимания между Германией и Англией».

Гитлер понимал, какой моральный ущерб причинил ему и его режиму неудачный полет Гесса. Чтобы замести следы, он распорядился арестовать приближенных Гесса, а его самого снял со всех постов и приказал расстрелять, если он вернется в Германию. Тогда же заместителем Гитлера по нацистской партии был назначен Мартин Борман. Нет сомнения, однако, что гитлеровцы возлагали на полет Гесса немалые надежды. Германский империализм рассчитывал, что ему удастся привлечь к антисоветскому походу противников Германии, и прежде всего Англию.

Из документов Нюрнбергского процесса и других материалов, опубликованных после разгрома гитлеровской Германии, известно, что с лета 1940 года Гесс состоял в переписке с видными английскими мюнхенцами. Эту переписку помог ему наладить герцог Виндзорский — бывший король Англии Эдуард VIII, который из-за своего увлечения разведенной американкой вынужден был отречься от престола. В то время он жил в Испании. Используя свои связи, Гесс заранее договорился о визите в Англию. (Характерно, что документы о его пребывании в стране до сих пор не рассекречены.)

Очень не хотелось гитлеровскому командованию осуществлять непосредственное вторжение на территорию Англии, но после неудачного полета Гесса оно оставалось единственным способом решения задачи.

Однако при разработке различных вариантов осуществления вторжения главный морской штаб пришел к выводу, что следует отказаться от проведения операции в этом году и что даже через год он сможет осуществить десантирование необходимого количества войск лишь при условии, что немецкая авиация завоюет господство в воздухе.

Кроме того, Гитлеру доложили, что военно-промышленная подготовка к войне против Англии потребует годы и не по силам Германии, если

помнить о необходимости дальнейшего развития сухопутных войск для предстоящего похода на восток.

Гитлер понял, что ему не удастся осуществить операцию «Морской лев», и колебания его отразились в нескольких перенесениях срока проведения этой операции.

30 июня было принято решение провести приготовления к великой битве германской авиации против Англии. В директиве № 17 от 1 августа Гитлер говорит: «С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме. Для этого приказываю: германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию». В директиве от 2 августа перед германскими ВВС ставилась задача за четыре дня завоевать господство в воздухе над Южной Англией. Здесь также видно стремление Гитлера осуществлять свои планы молниеносно. Но воздушная стихия внесла свои коррективы: из-за плохих метеорологических условий тотальное воздушное сражение началось лишь в середине месяца. 15 августа был совершен первый крупный массированный налет, в котором участвовали 801 бомбардировщик и 1149 истребителей.

Одновременно с бомбардировками гитлеровское руководство оказывало на англичан максимальное пропагандистское воздействие, желая деморализовать население не только воздушными бомбардировками, но и угрозой предстоящего вторжения войск на английский остров, и тем самым заставить все-таки англичан пойти на подписание мирного договора.

Особое внимание с 5 сентября германские ВВС стали уделять бомбардировке Лондона, и это тоже был не только бомбовый, но и психологический нажим. Но гитлеровцам так и не удалось добиться господства в воздухе, как не удалось им сломить моральный дух англичан. 14 сентября на совещании главнокомандующих в Ставке Гитлер мрачно констатировал: «Несмотря на все успехи, предпосылки для операции «Морской лев» еще не созданы».

Гитлеровцы недооценили и английскую истребительную авиацию: во время воздушных налетов немецкая авиация понесла значительные потери. Таким образом, в сентябре 1940 года уже было очевидно, что заключение мира не состоялось, что морская блокада оказалась не под силу Германии, а воздушное тотальное наступление на Англию провалилось.

Оставалась неиспробованной так называемая периферийная стратегия, которая тоже обсуждалась, и не раз. 12 августа 1940 года отдается распоряжение о переброске танковых сил в Северную Африку для наступления на Суэцкий канал. Средиземноморские позиции имели, конечно, для Англии огромное значение, здесь проходила связь метрополии с Индией, Дальним Востоком, Австралией, Восточной и Северной Африкой. Суэцкий канал выполнял роль важной стратегической коммуникации, через которую осуществлялось снабжение британской армии. Снабжение нефтью с Ближнего Востока тоже шло этими путями. Потеря средиземноморских коммуникаций поэтому очень чувствительно била по Англии.

В апреле 1941 года Германия оккупировала Грецию. 12 февраля высадился на африканском побережье корпус Роммеля. Гитлер намеревался захватить и Гибралтар, послав туда войска с испанской территории, но Франко занял выжидательную позицию, не желая ввязываться в борьбу с великими державами. Гитлер предложил Муссолини послать на помощь итальянским войскам в Ливию один танковый корпус, на что дуче тоже долго оттягивал ответ и согласился с большой неохотой.

Все эти и другие действия на Балканах и в бассейне Средиземного моря имели целью не только ослабить Англию. Это была и маскировка самого главного, самого решающего, к чему готовились Гитлер и гитлеровский генеральный штаб, — подготовки нападения на Советский Союз. Гитлер понимал, что в Европе теперь не было государства, способного создать или организовать коалицию для открытия второго фронта против Германии, а Англия в этом смысле, находясь за морским проливом, не представляла реальной угрозы. Теперь Гитлер обеспечил себе спокойный

тыл (заветная мечта всех немецких полководцев в прошлом!), он развязал себе руки. Больше пугая Англию, а самое главное — дезинформируя всю Европу и в первую очередь Советский Союз сообщениями о намерении провести операцию «Морской лев», гитлеровский генеральный штаб начал разработку плана «Барбаросса».

30 июня 1940 года, на пятый день после прекращения огня во Франции, Гальдер записал в своем дневнике: «Основное внимание — на восток...» Начальник генерального штаба, хранивший свой дневник в личном сейфе, был абсолютно уверен, что в него никто никогда не заглянет, поэтому его дневник можно считать вполне достоверным документом. Эта запись была одной из самых больших тайн того времени, и она выдает подлинные планы Гитлера, о которых он, конечно, сказал начальнику генерального штаба. Генерал Кейтель в приказе ОКВ «О начале планирования десантной операции против Англии» 2 июля тоже написал: «Все приготовления должны вестись, исходя из того, что само вторжение является всего лишь планом, решение о котором еще не принято». Все мероприятия по операции «Морской лев» превратились в ширму для прикрытия подготовки агрессии против советской страны. Маскировка эта проводилась весьма убедительно, потому что планы десантирования разрабатывались, изменялись, все время шел разговор о переправе через Ла-Манш, как о действительно предстоящей. О том, что все это фикция, знали лишь немногие. Для большей убедительности на побережье проводились даже такие действия (цитирую из воспоминаний В. Крейпе): «Французские, бельгийские и голландские порты были забиты всевозможными судами. Непрерывно велась тренировка по посадке на суда и высадке десанта». Для этих тренировок были сосредоточены многочисленные суда германского военного флота и подводные лодки, а также артиллерия и авиация, которые прикрывали все эти тренировочные занятия.

Планы агрессии против государств Европы, о которых рассказывалось выше, действительно в свое время представляли для всех тайну. Но действия Гитлера и гитлеровского генерального штаба в осуществлении главного намерения были настолько последовательны, что не надо было ничего разгадывать. Главная, можно сказать, цель жизни Гитлера была изложена им в «Майн кампф», книге, которая была издана и переиздана в миллионах экземпляров, на всех языках, во всем мире. Вот что там сказано: «Если мы сегодня говорим о новых землях и территориях в Европе, мы обращаем свой взор в первую очередь к России, а также к соседним с ней и зависимым от нее странам... Это громадное пространство на востоке созрело для гибели... Мы избраны судьбой стать свидетелями катастрофы, которая будет самым веским подтверждением правильности расовой теории».

Надо, ох как надо было все это учесть нашим государственным и военным руководителям, проанализировать, оценить и готовить страну к отражению нашествия, но...

Ответ на вопрос, куда направить свои армии — на восток или на запад, был дан Гитлером четко, точно и определенно, надо было только услышать его и принять необходимые меры, но...

Этих «но» было так много, и порой так парадоксально было поведение руководства нашей страны, что даже сегодня не берусь объяснять эти «но» — оставим их историкам, идущим нам на смену. Однако давайте все же вспомним то, что известно уже сегодня и что проясняет понимание предвоенной ситуации, тем более что некоторые события ранее были закрыты плотным занавесом. Сегодня можно этот занавес приоткрыть.

* * *

Не будем терять из вида будущих противников Жукова, они за эти годы выросли в должностях, званиях, да и опыта набрались, прямо скажем, немалого и очень современного.

Начнем с начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера, потому что именно он руководил непосредственной разработкой агрессивных планов войны Германии против многих стран Европы, а затем против Советского Союза.

Франц Гальдер родился в Вюрцбурге 30 июня 1884 года в семье, в которой многие поколения были военными. Получил образование в Мюнхене. Начал военную карьеру офицером в 3-м Баварском полевом артиллерийском полку. Учился в Баварском военном колледже с 1911 до 1914 года. Почти постоянно находился на штабной работе и постепенно поднялся до генерального штаба, заместителем начальника которого стал в апреле 1938 года. Некоторые сослуживцы описывают его как флегматичного человека, напоминающего профессора. На самом деле Гальдер был эмоциональным, но умел себя сдерживать. По многим источникам, когда назревал кризис с Чехословакией, Гальдер был готов пойти против Гитлера, даже искал себе поддержку среди военной верхушки, но отступил после того, как Гитлер одержал бескровную дипломатическую победу, которая необыкновенно подняла престиж фюрера и, по мнению Гальдера, сделала невозможной в такой момент его замену. В то же время Гальдер в своем кругу высказывал замечания по поводу военного дилетантизма Гитлера. У него были споры с Гитлером из-за планов наступления на западном фронте в Европе в конце 1939 года. Гитлер, испытывавший вообще подозрительность к генералам генерального штаба, даже запретил Гальдеру приносить с собой на совещания тетради, которые позднее стали основой его известного военного дневника.

Согласие Гальдера с гитлеровскими планами росло по мере укрепления военной силы Германии. Успехи на скандинавском и западноевропейском фронтах укрепляли его веру в Гитлера, хотя традиционные концепции старой школы Гальдера еще не раз столкнулись с волюнтаристскими концепциями Гитлера. Эти противоречия стали еще более резкими во время подготовки планов завоевания России. Гальдер не был против агрессивных планов Гитлера, но он считал, что было бы лучше, если бы Гитлер занимался политикой, а осуществление своих планов полностью передал бы военным, не мешал им.

Главнокомандующий сухопутными войсками Вальтер фон Браухич после первой мировой войны был инспектором артиллерии, затем командующим Восточно-Прусским военным округом. В апреле 1937 года назначен командующим 4-й армейской группы в Лейпциге. Браухич не высказывал оппозиционных настроений по отношению к Гитлеру и поэтому после чистки армии 4 февраля 1938 года был назначен главнокомандующим. Он добросовестно осуществлял все указания и планы Гитлера, командовал войсками во время нападения и оккупации Польши, Франции, балканских стран. 19 июля 1940 года Гитлер удостоил его звания фельдмаршала. Браухич участвовал во всех подготовительных мероприятиях по нападению на Советский Союз.

Успешно складывалась и карьера Федора фон Бока. В 1935 году он был уже полным генералом, по нашим рангам — генералом армии. В 1938 году командовал войсками, оккупировавшими Австрию и Чехословакию. Возглавлял северную армейскую группу при нападении на Польшу и армейскую группу «Б» в 1940 году. В этом же году за все одержанные победы получил звание фельдмаршала. В планах войны против СССР фон Бок был предусмотрен в качестве командующего группой армий «Центр», которая наносила главный удар на Москву.

Выросли, сформировали и апробировали свои теории нанесения сокрушительных ударов танковыми клиньями три кита бронетанковых войск гитлеровской армии: Гудериан, Клейст, Гёпнер, которым предстояло командовать танковыми группами, сыгравшими решающую роль в успехах гитлеровцев и в наших неудачах в 1941 году.

Ганс Гудериан родился в 1888 году в семье офицера. Воспитывался в кадетском корпусе. Окончил военное училище в 1907 году, военную академию в 1913 г. В годы первой мировой войны был офицером генерального штаба в нескольких корпусах и дивизиях. В 1922 г. назначен в отдел автомобильных войск министерства рейхсвера, где и начинается его рост как теоретика механизированных и танковых войск. В 1933 году он уже полковник, начальник управления бронетанковых войск. В 1936 году командир танковой дивизии, генерал-майор. В 1938 году командир армейского корпуса, генерал-лейтенант, участвовал в оккупации Австрии, Судетской области. В ноябре 1938 года он — командующий бронетанковыми войсками.

В сентябре 1939 года в Польше, будучи командиром 19-го корпуса, он испытал на практике теорию блицкрига. Поддерживал идею о нападении на Францию. В 1940 году провел через Арденны свой бронетанковый корпус, переправил его через реку Маас и с огромной скоростью ворвался на территорию Северной Франции, чем еще раз доказал, что бронетанковые войска способны быстро и самостоятельно выполнять стратегический прорыв и окружение противника. В июле 1940 года Гудериану присвоено звание генерал-полковника. По плану «Барбаросса» Гудериан, командуя 2-й танковой группой, входившей в группу армий «Центр», должен был наносить главный удар на направлении Минск, Смоленск, Москва.

Я уже знакомил читателей со службой Клейста в годы первой мировой войны. В 1928 году он начальник штаба 2-й кавалерийской дивизии, затем 3-й кавалерийской дивизии. В 1929 году — полковник, в 1932 году — генерал-майор и командир 2-й кавалерийской дивизии. Клейст не симпатизировал нацистам и не скрывал этого, за что к нему очень плохо относился руководитель отрядов СА Найнес. После того как Гитлер сам разгромил отряды СА, он приласкал талантливого генерала, присвоил ему звание генерал-лейтенанта, а в 1936 году — генерала кавалерии и назначил командиром 3-го корпуса в Бреслау. Но все-таки Клейст продолжал относиться к нацистам по-прежнему и в 1938 году был даже снят с должности командира корпуса. В армии за Клейстом удерживалась репутация знающего и энергичного генерала, и поэтому Гитлер вернул его на службу. В войне против Франции Клейст командовал танковой группой, в которую входили 19-й танковый корпус Гудериана, 41-й танковый корпус Рейнхардта, объединенные с 12-й полевой армией Листа. Когда отстала пехота, Клейст решил продолжать самостоятельный удар, чем, по сути дела, впервые в истории продемонстрировал успешность действий танково-механизированных войск, если их применять не как поддержку пехоты, а как самостоятельно действующий в глубине ударный кулак.

За короткий срок — с 1933 по 1939 год — Гитлер привлек на свою сторону образованных и опытных генералов старой армии и создал мощные военные силы. Благодаря своей энергии и стратегической дерзости, порой переходящей в наглость, он оккупировал почти всю Западную Европу и накопил силы для осуществления главной мечты — захвата восточных пространств. В результате победных войн Гитлер приобрел огромный авторитет в своей стране и стал неограниченным диктатором.

В предвоенные годы Жуков, став генералом армии и командующим Киевским особым военным округом, догнал и сравнялся в звании и должности с будущими своими соперниками. Однако даже после победы на Халхин-Голе он не имел такого большого опыта ведения современных операций, какой получили немецкие генералы и фельдмаршалы, покорив многие страны Европы.

БЕССАРАБИЯ И ПРИБАЛТИКА

В секретном протоколе — приложении к советско-германскому договору о ненападении — есть, как вы помните, абзац: «Касательно Юго-Восточной Европы советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях».

К осуществлению этого пункта договора советская сторона приступила почти через год, в июне 1940 года. Хотелось бы, конечно, чтобы план этот осуществился мирным путем, но так как не было уверенности, что Румыния согласится вернуть эту территорию добровольно, была подготовлена армия.

В это время генерал армии Жуков был командующим Киевским Особым военным округом. На базе управления округом было создано полевое управление Южного фронта. В состав этого фронта, кроме войск Киевского, вошли многие части Одесского военного округа. Командующим Южным фронтом назначается Жуков.

Вот что рассказывал мне исполнявший обязанности начальника штаба 49-го стрелкового корпуса И. И. Баранов:

— В июне 1940 года наш корпус сосредоточился в районе Каменец-Подольска с задачей: быть в готовности для воссоединения Бессарабии и Северной Буковины, захваченных боярским правительством Румынии в 1918—1920 годах. Так была сформулирована нам задача в приказе. В эти дни в Москве, как мы знали, велись переговоры с румынской делегацией об освобождении Бессарабии мирным путем. Поэтому мы имели указания не переходить границы и не проявлять никаких действий против румынской армии. Однако командование корпуса, сориентированное на возможные боевые действия, проводило рекогносцировки местности и готовило части на тот случай, если придется осуществлять задачу, применив оружие. Вот в один из таких дней, когда все были на рекогносцировке, на командный пункт неожиданно приехал генерал армии Жуков. Он попросил меня доложить обстановку. Я подошел к карте и показал расположение частей и задачи, которые мы намерены им поставить в случае боевых действий. Жуков приказал: «Подготовьте разработку, и мы с вами дней через пять проведем занятия с командирами дивизий и частей корпуса». Я подготовил разработку для проведения командно-штабного учения по выполнению предстоящей задачи, это учение было проведено, только сам Жуков не приехал, а проводил его заместитель генерал-лейтенант Герасименко.

В Москве между тем в эти дни происходили тайные переговоры между Молотовым и послом Германии фон Шуленбургом. 23 июня Молотов в очередной раз встретился с Шуленбургом. Вот что сообщает об этом германский посол в своей телеграмме в Берлин от 23 июня 1940 года:

«Срочно!

Молотов сделал мне сегодня следующее заявление. Разрешение бессарабского вопроса не терпит дальнейших отлагательств. Советское правительство все еще старается разрешить вопрос мирным путем, но оно намерено использовать силу, если румынское правительство отвергнет мирное соглашение. Советские притязания распространяются и на Буковину, в которой проживает украинское население...»

На эту телеграмму Риббентроп ответил Шуленбургу телеграммой от 25 июня 1940 года:

«Пожалуйста, посетите Молотова и заявите ему следующее:

1. Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Но на этих территориях живут примерно 100 000 этнических немцев, и Германии, естественно, их судьба небезразлична, она надеется, что их будущее будет гарантировано...

2. Претензии Советского правительства в отношении Буковины — нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев тоже чрезвычайно заботит Германию...

4. Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, имперское правительство вместе с тем надеется, что в соответствии с московскими соглашениями Советский Союз в сотрудничестве с румынским правительством сумеет решить этот вопрос мирным путем. Имперское правительство, со своей стороны, будет готово, в духе московских соглашений, посоветовать Румынии, если это будет необходимо, достигнуть полюбовного урегулирования бессарабского вопроса в удовлетворительном для России смысле.

Пожалуйста, еще раз подчеркните господину Молотову нашу большую заинтересованность в том, чтобы Румыния не стала театром военных действий...»

Не стоит думать, что последняя фраза была продиктована какими-то гуманными соображениями. Дело в том, что из Румынии Германия получала нефть и сельскохозяйственную продукцию, в которой была очень заинтересована, и поэтому опасалась, чтобы в случае военных действий этот источник сырья не пострадал.

Выполняя указания своего министра иностранных дел, Шуленбург встретился с Молотовым, о чем доложил телеграммой от 25 июня 1940 года.

«Срочно!

Инструкции выполнил, встречался с Молотовым сегодня в 9 часов вечера. Молотов выразил свою признательность за проявленное германским правительством понимание и готовность поддержать требования Советского Союза. Молотов заявил, что Советское правительство также желает мирного разрешения вопроса, но вновь подчеркнул тот факт, что вопрос крайне срочен и не терпит дальнейших отлагательств.

Я указал Молотову, что отказ Советов от Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине Советское правительство придает важность разрешению этого вопроса одновременно с Бессарабским. Молотов обещал учесть наши экономические интересы в Румынии в самом благожелательном для нас духе...»

Молотов и Сталин очень торопились. Германский посол ие успел еще получить ответа на свою телеграмму об очередной беседе, как его опять пригласили в Кремль. Шуленбург докладывает об этом Риббентропу в телеграмме от 26 июня:

«Очень срочно!

Молотов вызвал меня сегодня днем и заявил, что Советское правительство, основываясь на его (Молотова) вчерашней беседе со мной, решило ограничить свои притязания северной частью Буковины с городом Черновицы (Черновцы). Согласно советскому мнению граница должна пройти... (дальше указываются пункты, через которые должна пройти граница.— **В. К.**). Молотов добавил, что Советское правительство ожидает поддержки Германией этих советских требований.

На мое заявление, что мирное разрешение вопроса могло бы быть достигнуто с большей легкостью, если бы Советское правительство вернуло Румынии золотой запас румынского национального банка, переданный в Москву на сохранение во время первой мировой войны, Молотов заявил, что об этом не может быть и речи, поскольку Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию».

Следует сказать несколько слов о золотом запасе румынского национального банка. Это золото было вывезено во время войны, ибо Румыния боялась, что оно будет захвачено противником. Но после революции, когда румынские войска заняли Бессарабию, Советское правительство наложило арест на это золото и заявило, что оно будет передано Румынии лишь после того, как она вернет Бессарабию. Однако, как видно из заявления Молотова германскому послу, он считал, что Румыния, владея Бессарабией до 1940 года, уже получила от этого достаточно прибыли и что о возвращении золота не может быть и речи. Много позже, уже после того как гитлеровцы были изгнаны из Румынии совместными силами румынской и советской армий, этот золотой запас был возвращен полностью правительству Румынской Народной Республики в 1948 году.

В беседе 26 июня Молотов высказал Шуленбургу следующее соображение: Советское правительство представит свои требования румынскому правительству через посланника в Москве в течение нескольких ближайших дней и ожидает, что германская империя безотлагательно посоветует румынскому правительству подчиниться советским требованиям, так как в противном случае война неизбежна.

И опять Сталин и Молотов очень спешили. Не прошло даже нескольких дней, о которых Молотов говорил Шуленбургу, как в тот же день, 26 июня, он вызвал к себе румынского посланника Г. Давидеску и заявил ему следующее: «В 1918 году Румыния, пользуясь военной слабостью России, насильственно отторгла от Советского Союза (России) часть его территории — Бессарабию... Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии, о чем правительство СССР неоднократно и открыто заявляло перед всем миром. Теперь, когда военная слабость СССР отошла в область прошлого, а создавшаяся международная обстановка требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить наконец основы прочного мира между странами, Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче Советскому Союзу той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью исторической судьбы, так и общностью языка и национального состава».

Молотов потребовал ответа не позднее завтрашнего дня, то есть 27 июня.

После беседы с румынским посланником Молотов немедленно сообщил Шуленбургу о состоявшемся разговоре и требованиях, предъявленных Советским правительством Румынии. Шуленбург тут же телеграфировал об этом Риббентропу. Риббентроп незамедлительно позвонил в Бухарест своему посланнику и дал ему такое указание:

«Вам предписывается немедленно посетить министра иностранных дел и сообщить ему следующее:

Советское правительство информировало нас о том, что оно требует от Румынского правительства передачи СССР Бессарабии и северной части Буковины. Во избежание войны между Румынией и Советским Союзом мы можем лишь посоветовать румынскому правительству уступить требованиям Советского правительства...»

Как известно, возвращение Бессарабии произошло без кровопролития. Румынская армия получила приказ своего правительства отходить без боя, организованно. Поскольку население Бессарабии составляли главным образом молдаване, встал вопрос о соединении ее с Молдавией. 2 августа 1940 года это было оформлено юридически и Указом Президиума Верховного Совета СССР образована Молдавская Советская Социалистическая Республика.

* * *

Почему же так торопились Сталин и Молотов с возвращением Бессарабии? После того как капитулировала Франция, а английских солдат ни одного уже не было на материке, трудно было не увидеть, что война в Европе заканчивается, что, по сути дела, у Гитлера не осталось там противников. Вот Сталин и спешил, понимая, что после завершения войны в Европе вероятность нападения Германии на Советский Союз, о чем трубила вся мировая пресса, становится все более реальной, несмотря на имеющийся договор. Поэтому Сталин хотел побыстрее реализовать до конца свой сговор с Гитлером.

То, что касалось Бессарабии, было осуществлено за короткое время. Но в секретном дополнительном протоколе была предусмотрена еще, как уже говорилось, передача Прибалтики в сферу влияния Советского Союза. Напомню этот пункт:

«1. В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литве), северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР...»

Посол фон Шуленбург в своем письме в министерство иностранных дел от 11 июля 1940 года среди прочего отмечал:

«Политические интересы Москвы сфокусированы сейчас целиком на событиях в прибалтийских государствах и на отношениях с Турцией и Ираном.

Большинство западных дипломатов считают, что все три прибалтийских государства будут преобразованы в организмы, полностью зависящие от Москвы, то есть будут включены в состав Советского Союза. Диплома-

тические миссии этих государств в Москве, как ожидается, будут распущены и исчезнут в самое короткое время...»

Беспокойство советского руководства в стратегическом отношении по поводу прибалтийских республик было связано с тем, что их территория в случае войны представляла собой широкий и удобный плацдарм для вторжения в нашу страну. Причем нельзя было не учитывать, что с 1919 года, когда контрреволюционные силы свергли Советскую власть в Литве, Латвии и Эстонии, там в течение двадцати лет существовали режимы, проводящие политику, враждебную Советскому Союзу. В этих странах были и профашистские круги, которые твердо держали курс на сближение с Германией, особенно после прихода Гитлера к власти.

Советский Союз в сентябре 1939 года предложил правительствам Эстонии, Латвии и Литвы подписать договоры о взаимной помощи. Такие договоры были подписаны в Москве в сентябре и октябре 1939 года. Советская сторона по этому договору обещала названным странам в случае нападения или угрозы нападения на них со стороны любой европейской державы оказать помощь всеми средствами, включая и военные. Для того чтобы выполнить это обязательство, Советский Союз получал право разместить в прибалтийских странах свои войска и создать на их территории морские и воздушные базы.

Буржуазные правительства прибалтийских республик, конечно же, не хотели дальнейшей советизации своих государств и прилагали всяческие усилия к тому, чтобы избавиться от советской опеки. Собирались секретные конференции министров иностранных дел, генеральные штабы разрабатывали планы, как действовать в случае военного столкновения с советскими частями, профашистские организации устраивали провокации против советских воинов, проживавших на территории этих республик.

В конце февраля 1940 года литовский президент А. Сметона направил в Берлин директора департамента государственной безопасности министерства внутренних дел А. Повилайтиса с секретной миссией — получить согласие Германии на то, чтобы она установила над Литвой протекторат или взяла ее под свою политическую опеку. Германское правительство обещало сделать это осенью 1940 года после завершения военных операций на западе. В общем, отношение властей этих стран к советским гарнизонам, мягко говоря, было недружественным.

В то же время коммунистические партии и прогрессивные круги прибалтийских республик вели большую агитационную работу, что в конце концов завершилось установлением в них Советской власти: 21 июля 1940 года эти республики были провозглашены советскими социалистическими республиками, избранные новые правительства заявили о своем присоединении к Советскому Союзу.

Послы бывших прибалтийских правительств искали помощи у Германии, они обратились с нотами в министерство иностранных дел, просили защиты, выражали свое негодование, называли происходящее незаконными действиями. Но, как мы знаем, сговор между Гитлером и Сталиным, оформленный соответствующим секретным протоколом, уже существовал, и Германия ничего не предприняла для оказания помощи прибалтийским республикам. Представитель министерства иностранных дел Германии 24 июля 1940 года от имени МИД Германии оповестил их об этом. Вот как сказано в его меморандуме:

«Сегодня я дружески вернул литовскому и латвийскому послам их ноты относительно включения их стран в состав СССР и в свое оправдание заявил, что мы можем принимать от посланников только те ноты, которые они представляют от имени своих правительств...

Эстонский посланник тоже хотел вручить мне сегодня аналогичную ноту. Я попросил его воздержаться от этого, указав вышеупомянутые причины...»

Таким образом, официальный Берлин заявил своим недавним друзьям о том, что они уже, собственно, не представляют никаких правительств.

Несмотря ни на какие протесты и просьбы своих соседей о помощи, союзники — Германия и СССР — продолжали за кулисами решать свои проблемы.

МОСКВА — БЕРЛИН, 1940 ГОД

К концу 1940 года Германия, оккупировав основные страны Европы, по сути дела, провела все подготовительные меры к своей главной большой войне — против СССР. Последней очень весомой акцией в этом явился пакт Берлин — Рим — Токио, который объединял антисоветские силы и ставил СССР под угрозу нападения с Запада и с Востока.

Верный своей тактике — предварительной политической и дипломатической подготовке,— Гитлер начинает (конечно, скрытно) новый этап действий. Для маскировки удара ему надо было предпринять убедительные отвлекающие внимание Советского правительства шаги. Именно такую игру и начал Гитлер через своего министра иностранных дел Риббентропа. 13 октября 1940 года Риббентроп послал Сталину пространное письмо. Вот выдержки из него:

«Дорогой господин Сталин!

Более года назад по вашему и фюрера решению были пересмотрены и поставлены на абсолютно новую основу отношения между Германией и Советской Россией. Я полагаю, что это решение найти общий язык принесло выгоду обеим странам, начиная с признания того, что наши жизненные пространства могут соседствовать без претензий друг к другу, и кончая практическим разграничением сфер влияния, что привело к германо-советскому пакту о дружбе и границе...»

Далее Риббентроп сделал обзор событий, происшедших за минувший год. Он убеждал Сталина, что пакт Берлин — Рим — Токио вовсе не направлен против Советского Союза. «Три державы в одинаковой степени придерживались того мнения, что этот пакт ни в коем случае не нацелен против Советского Союза, что, напротив, дружеские отношения трех держав и их договоры с СССР ни в коем случае не должны быть этим соглашением затронуты...»

Затем Риббентроп излагал главную мысль, ради которой было написано такое пространное письмо:

«В заключение я хотел бы заявить в полном соответствии с мнением фюрера, что историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направить по правильному пути будущее своих народов...»

Если говорить прямым, недипломатическим языком, Германия предлагала Советскому Союзу вступить в союз с тремя государствами, образовавшими ось Берлин — Рим — Токио, и таким образом превратить эту ось или треугольник в четырехугольник, договориться о разделении сфер влияния в мировом масштабе или если не в мировом, то уж, во всяком случае, на континенте Европы и Азии.

Далее Риббентроп писал:

«Мы были бы рады, если бы господин Молотов нанес нам в Берлин визит для дальнейшего выяснения вопросов, имеющих решающее значение для будущего наших народов и для обсуждения их в конкретной форме... Его визит, кроме того, предоставит фюреру возможность лично высказать господину Молотову свои взгляды на будущий характер отношений между нашими странами... Если затем, как я с уверенностью ожидаю, мне придется поработать над согласованием нашей общей политики, я буду счастлив снова лично прибыть в Москву, чтобы совместно с Вами, мой дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить, возможно, вместе с представителями Японии и Италии, основы политики, которая сможет всем нам принести практические выгоды.

С наилучшими пожеланиями, преданный Вам

Риббентроп».

Шуленбург передал это письмо Молотову, за что получил настоящую головомойку от Риббентропа, тот просто негодовал: почему же он отдал Молотову письмо, адресованное лично Сталину?! Шуленбург оправдывался перед министром, и мне кажутся любопытными некоторые его аргументы — приведу отдельные выдержки из его телеграммы:

«Письмо, предназначенное Сталину, я вручил Молотову потому, что хорошо знаю существующие здесь деловые и личные отношения... Предложение с моей стороны вручить письмо непосредственно Сталину вызвало бы серьезное раздражение господина Молотова. Мне казалось необходимым избежать этого, так как Молотов — ближайшее доверенное лицо Сталина и нам придется в будущем иметь с ним дело по всем крупнейшим политическим вопросам...

То, что письмо не было вручено до 17 октября, объясняется тем, что я не смог прибыть в Москву до вечера 15 октября из-за опоздания самолета. Перед тем как вручить письмо, мы должны были сначала перевести его на русский язык, поскольку мы знаем из опыта, что переводы, сделанные советскими переводчиками, плохи и полны ошибок. Учитывая чрезвычайную политическую важность письма, было необходимо передать его Сталину в безупречном переводе, так чтобы в его содержание не вкрались бы неточности. При самых энергичных усилиях было невозможно в более короткий срок перевести это длинное и важное послание на русский язык и отпечатать по-русски окончательный экземпляр».

Молотов действительно передал это письмо Сталину, как и обещал, и 22 октября вручил ответное письмо Сталина в запечатанном конверте. Но при этом у Молотова была и копия этого письма. Вот это письмо:

«Дорогой господин Риббентроп!

Я получил Ваше письмо. Искренне Вас благодарю за Ваше доверие, а также за содержащийся в Вашем письме ценный анализ недавних событий.

Я согласен с Вами в том, что, безусловно, дальнейшее улучшение отношений между нашими странами возможно лишь на прочной основе разграничения долгосрочных взаимных интересов. Господин Молотов согласен с тем, что он обязан отплатить Вам ответным визитом в Берлин. Поэтому он принимает Ваше приглашение.

Нам остается договориться о дате его прибытия в Берлин. Для господина Молотова наиболее удобно время с 10 по 12 ноября. Если это также устраивает и германское правительство, вопрос можно считать решенным.

Я приветствую выраженное Вами желание снова приехать в Москву, чтобы подвести итог обмена мнениями, начавшегося в прошлом году по вопросам, интересующим обе страны, и я надеюсь, что это желание будет претворено в жизнь после поездки господина Молотова в Берлин.

Что касается обсуждения ряда проблем совместно с Японией и Италией, то, в принципе не возражая против идеи, я считаю, что этот вопрос должен будет подвергнуться предварительному рассмотрению.

С совершенным почтением, преданный Вам

Сталин».

* * *

Дальше я буду рассказывать о встрече с Гитлером и договоре, используя то, что мне стало известно из бесед моих с Молотовым. Большая удача для писателя — получить такой материал, как говорится, из первых рук от одного из двух участников совершенно секретных переговоров. В этом деле мне действительно очень повезло, и я могу порадоваться еще одному не менее важному источнику информации о такой сугубо конфиденциальной встрече. Молотова — в числе других — сопровождал и присутствовал на беседах в качестве переводчика Валентин Михайлович Бережков, отличный дипломат и талантливый литератор. В своих книгах он подробно рассказал о многих годах дипломатической работы, в том числе и о поездке с Молотовым в Берлин в ноябре 1940 года. Я расспросил его о деталях, которые были мне необходимы для описания этой поездки.

Опускаю обстоятельства пышной встречи Молотова на вокзале в Берлине с почетным караулом, со всеми почестями, которые полагается главе правительства, и другие подробности. Меня больше интересовала чисто человеческая, психологическая сторона этой встречи. Ну, во-первых, я расспросил Молотова о внешности Гитлера, о манере его говорить. Он сказал следующее:

— На этих встречах, пожалуй, был не столько диалог, сколько монолог. Гитлер уже привык, чтобы его слушали, он был вождь, он уже был приучен к тому, чтобы изрекать. Вот и при первой встрече он очень много говорил о своих планах и показывал широту, масштабность своего мышления, свободно делил мир, распоряжался странами и народами.

Я спросил Молотова, какой был главный смысл этих переговоров.

— Главным было то, что Германия хотела втянуть нас в военный пакт. То есть из того, что называлось треугольником Берлин — Рим — Токио, сделать четырехугольник, четвертую сторону которого составлял бы Советский Союз. Гитлер откровенно предложил поделить сферы влияния, себе он оставлял Европу, Японии — Дальний Восток и прилегающие острова Океании, Италии — средиземноморские страны, а Советскому Союзу он предлагал устремить свое внимание на юг, то есть искать выход к Персидскому заливу и Индийскому океану через территории прилегающих в этом месте к нему стран.

Я поинтересовался:

— Если бы мы согласились на такую комбинацию, может, не было бы и Великой Отечественной войны?

Молотов, прищурив глаза, с улыбкой посмотрел на меня и иронически сказал:

— Сразу видно, что вы не политик и не дипломат. Разве могли мы, Советская страна, пойти на такой сговор с империалистами и делить мир для его последующего захвата силой оружия? Как бы мы выглядели перед народами мира с нашими заявлениями об интернационализме? Нет, мы не могли пойти на такой сговор, несмотря на то, что Гитлер предлагал нам очень выгодные дополнения — например, то, что будем владеть проливами, соединяющими Черное море со Средиземным. Ну и еще одно из главных тайных намерений Гитлера заключалось в том, чтобы привязать нас к себе в борьбе с Англией, в войне, которую он тогда вел.

В то время мне не были известны секретные протоколы, подписанные Молотовым, относительно Польши и других стран, поэтому я ничего не мог ему возразить. Не знал я и стенограмм бесед Молотова и Гитлера, а Молотов, так твердо заявляя о своих интернационалистских взглядах, очевидно, не предполагал, что эти документы станут когда-либо достоянием широкой общественности.

* * *

Первая беседа Молотова с Гитлером состоялась в новом здании имперской канцелярии. Его построили недавно, уже при Гитлере, в духе величественности и военной строгости. Кабинет Гитлера был очень большой, на стенах висели огромные гобелены, на полу лежал толстый ковер, слева в углу стоял тоже очень большой письменный стол, там же находился большой глобус на подставке из черного дерева, тот самый глобус, о котором позднее так много писали журналисты, говоря о претензиях Гитлера на мировое господство.

Когда вошли Молотов и сопровождавший его на первой беседе переводчик Павлов, Гитлер был в кабинете один, сидел за столом. Он встал и быстрыми шагами пошел навстречу Молотову к середине кабинета. Фюрер в этой огромной зале казался маленьким, он был одет в бледно-зеленую гимнастерку, на груди железный крест, на рукаве широкая красная повязка с черной свастикой в белом кружке.

В это же время через боковую дверь вошли министр иностранных дел Риббентроп, советник германского посольства в Москве Хильгер и личный переводчик Гитлера Шмидт. Гитлер пригласил всех к диванам и столу — что-то вроде гостиной в одном из углов кабинета. Гитлер сел напротив Молотова, их разделял стол.

Гитлер говорил без подготовленного текста, четкими фразами, прерывая свою речь паузами для перевода.

Шмидт раскрыл большую папку с линованной бумагой и стенографировал разговор. С этой стенограммой (несколько сокращенной мною) я и познакомлю читателей. Она опубликована в числе тех немецких документов, о которых речь шла выше. Я не буду перерабатывать эту стенограмму

в прямую речь, придумывать психологические комментарии к каждой реплике собеседников, мне кажется, здесь более всего важна подлинность сказанного, поэтому приведу сам документ, а не пересказ его.

«Фюрер заявил, что главной темой текущих переговоров, как ему кажется, является следующее: в жизни народов довольно трудно наметить ход событий на долгое время вперед; за возникающие конфликты часто ответственны личные факторы. Он тем не менее считает необходимым попытаться навести порядок в развитии народов, причем на долгое время, если это возможно, так, чтобы избежать трений и предотвратить конфликты, насколько это в человеческих силах. Это тем более нужно сделать, когда два народа, такие, как немецкий и русский, имеют у кормила государства людей, обладающих властью, достаточной для того, чтобы вести свои страны к развитию в определенном направлении. В случае России и Германии, кроме того, две великие нации по самой природе вещей не будут иметь каких-либо причин для столкновения их интересов, если каждая нация поймет, что другой стороне требуются некоторые жизненно необходимые вещи, без которых ее существование невозможно...

Молотов высказал свое полное согласие с этими соображениями...

Фюрер сказал далее, что, возможно, ни один из двух народов не удовлетворил своих желаний на сто процентов. В политической жизни, однако, даже 20—25 процентов реализованных требований — уже большое дело... Во всех случаях два великих народа Европы добьются большего, если они будут держаться вместе, чем если они будут действовать друг против друга.

Молотов ответил, что соображения фюрера абсолютно правильны и будут подтверждены историей и что они особенно применимы к настоящей ситуации.

Фюрер затем сказал, что в момент, когда военные операции фактически закончились, он еще раз трезво обдумал вопрос о германо-русском сотрудничестве и о том, какое направление оно примет в будущем. В этом деле для Германии важны следующие пункты:

1. Необходимость жизненного пространства. Во время войны Германия приобрела такие огромные пространства, что ей потребуется сто лет, чтобы использовать их полностью.

2. Необходима некоторая колониальная экспансия в Северной Африке.

3. Германия нуждается в определенном сырье, поставки которого она должна гарантировать себе при любых обстоятельствах.

4. Она не может допустить создания враждебными государствами военно-воздушных и военно-морских баз в определенных районах.

Интересы России, однако, ни в коем случае не будут затронуты. Российская империя может развиваться без малейшего ущерба германским интересам.

Молотов сказал, что это совершенно верно.

Фюрер продолжал. Обе страны, Германия и Россия, всегда будут существовать отдельно друг от друга как две могучие части мира. Они обе могут сами построить свое будущее, если при этом они будут учитывать интересы другой стороны. У Германии нет интересов в Азии, кроме общих экономических и торговых интересов. В частности, у нее там нет колониальных интересов. Она знает, кроме того, что вероятные колониальные территории в Азии скорее всего отойдут к Японии...

В Европе есть несколько точек соприкосновения между интересами Германии, России и Италии. У каждой из этих стран есть понятное желание иметь выход в открытое море. Германия хочет выйти к Северному морю, Италия хочет уничтожить «засов», поставленный на Гибралтаре, а Россия стремится к океану. Вопрос сейчас состоит в том, насколько велики шансы этих трех держав действительно получить свободный доступ к океану без того, чтобы конфликтовать друг с другом по этому поводу. Это также является той исходной точкой, с которой он рассматривает приведение в систему европейских отношений после войны...

Кроме всего этого существует еще проблема Америки. В настоящее время Соединенные Штаты ведут империалистическую политику. Они не борются за Англию, а только пытаются овладеть Британской империей. Они помогают Англии в лучшем случае для того, чтобы продолжать свое собственное перевооружение и, приобретая базы, усиливать свою военную мощь. В отдаленном будущем предстоит решить и вопрос о тесном сотрудничестве тех стран, интересы которых будут затронуты расширением сферы влияния этой англосаксонской державы, которая стоит на фундаменте куда более прочном, чем Англия. Впрочем, это не тот вопрос, который предстоит решать в ближайшем будущем; не в 1945 году, а только в 1970-м или 1980 году, самое раннее, эта англосаксонская держава станет угрожать свободе других народов...

Фюрер затем вернулся к германо-советским отношениям. Он вполне понимает старание России получить незамерзающие порты с безопасным выходом в открытое море... Германия будет готова в любой момент помочь России улучшить ее положение в проливах.

Молотов ответил, что перед его отъездом из Москвы Сталин дал ему точные инструкции; и все, что он собирается сказать, совпадает со взглядами Сталина. Он сходится во мнениях с фюрером о том, что оба партнера извлекли значительные выгоды из германо-русского соглашения. Германия получила безопасный тыл; и общеизвестно, что это имело большое значение для хода событий в течение года войны. Вместе с тем Германия получила существенные экономические выгоды в Польше... Германо-русское соглашение от прошлого года можно, таким образом, считать выполненным во всех пунктах, кроме одного, а именно Финляндии. Финский вопрос до сих пор остается неразрешенным. И он просит фюрера сказать ему, остаются ли в силе пункты германо-русского соглашения относительно Финляндии. С точки зрения Советского правительства, никаких изменений здесь не произошло. К настоящему времени возникли и новые проблемы, которые также должны быть разрешены.

Молотов затем поднял вопрос о значении Тройственного пакта. Что означает новый порядок в Европе и Азии и какая роль будет отведена в нем СССР? Эти вопросы должны быть обсуждены во время берлинских бесед и во время предполагаемого визита в Москву имперского министра иностранных дел. Кроме того, должны быть уточнены вопросы о русских интересах на Балканах и в Черном море, касающиеся Болгарии, Румынии и Турции. Советское правительство также хотело бы иметь представление о границах так называемого великого восточноазиатского пространства.

Фюрер ответил, что Тройственный пакт имел целью урегулирование состояния дел в Европе в соответствии с естественными интересами европейских стран, и во исполнение этого Германия теперь обращается к Советскому Союзу, чтобы он мог высказать свое мнение относительно интересующих его районов. Без содействия Советской России соглашение во всех случаях не может быть достигнуто. Это относится не только к Европе, но и к Азии, где сама Россия будет участвовать в деле определения великого восточноазиатского пространства и заявит о своих притязаниях...

В заключение фюрер подвел итог, заявив, что в некотором смысле это обсуждение представляет собой первый конкретный шаг к всеобъемлющему сотрудничеству с должным рассмотрением как проблем Западной Европы, которые должны быть урегулированы между Германией, Италией и Францией, так и проблем Востока, которые в первую очередь затрагивают Россию и Японию, но для решения которых Германия предлагает свои добрые услуги в качестве посредника. Это служит делу противостояния попыткам, предпринимаемым со стороны Америки, «зарабатывать на Европе деньги». У Соединенных Штатов не должно быть деловых интересов ни в Европе, ни в Африке, ни в Азии.

Молотов выразил свое согласие с заявлениями фюрера относительно роли Америки и Англии. Участие России в Тройственном пакте представляется ему в принципе абсолютно приемлемым при условии, что Россия является партнером, а не объектом».

Беседа продолжалась два с половиной часа. Гитлер посмотрел на часы, и ввиду возможной воздушной тревоги переговоры были перенесены на другой день.

Многочисленным фото- и кинокорреспондентам было разрешено войти и сфотографировать участников беседы.

Молотов, прощаясь, обратился к Гитлеру:

— Сегодня вечером прием в Советском посольстве, я приглашаю вас.
Фюрер ответил не очень определенно, что постарается быть. На прием он не пришел, но была вся нацистская верхушка во главе с Герингом, Риббентропом. При первых же тостах вдруг завыли сирены, возвещая о приближении английских бомбардировщиков. Гости быстро разъехались, потому что в посольстве не было бомбоубежища.
Ночью шифром было доложено Сталину содержание первой беседы, и в эту же ночь был получен ответ с указанием Сталина пока отклонить предложение Гитлера о нашем участии в разделе «британского наследства». Рекомендовалось настойчивее прояснять вопросы, связанные с европейской безопасностью и другими проблемами, затрагивающими интересы Советского Союза.

* * *

Вторая встреча Молотова с Гитлером состоялась на следующий день, 13 ноября, в том же кабинете. На этот раз она длилась почти три часа.
Вот ее — опять-таки сокращенная — стенограмма.
«Фюрер вернулся к замечанию Молотова, сделанному во время вчерашней беседы, что германо-русское соглашение выполнено «за исключением одного пункта, а именно Финляндии».
Молотов пояснил, что это замечание относится не столько к самому германо-русскому договору, сколько к секретному протоколу.
Фюрер ответил, что в секретном протоколе зоны влияния и сферы интересов были определены и разделены между Германией и Россией. Поскольку вопрос стоял о фактическом получении территории, Германия действовала в соответствии с соглашением, что было не совсем так со стороны русских...
(Здесь имелся в виду эпизод, когда по просьбе советской стороны часть литовской территории, предназначенная по соглашению Германии, осталась за Литвой, уже объявленной советской, за что Германии была предложена плата 3 860 000 долларов и территория Люблинского воеводства в Польше. Подразумевалась также и Буковина, не оговоренная ранее.— **В. К.**)
Аналогичной является и ситуация с Финляндией. У Германии нет там политических интересов. Русское правительство знает это. Во время русско-финской войны Германия выполняла все свои обязательства по соблюдению абсолютного благожелательного нейтралитета... Германия признает, что политически Финляндия представляет для России первостепенный интерес и находится в ее зоне влияния... Однако Германия должна принять во внимание два момента:
1. Пока идет война, она крайне заинтересована в получении из Финляндии никеля и леса.
2. Она не желает в Балтийском море каких-либо новых конфликтов, которые еще больше ограничат ее свободу передвижения в одном из немногих районов торгового мореплавания, все еще остающихся открытыми для Германии. Было бы совершенно неправильно утверждать, что Финляндия оккупирована германскими войсками. Войска лишь транспортируются через Финляндию в Киркенес, о чем Германия официально информировала Россию... Как только транзитная перевозка военных контингентов будет закончена, никаких дополнительных войск через Финляндию посылаться не будет. Он (фюрер) подчеркивает, что как Германия, так и Россия заинтересованы в недопущении того, чтобы Балтийское море снова стало зоной войны. Со времени русско-финской войны произошли существенные изменения в перспективах военных операций, так как Англия имеет в своем распоряжении бомбардировщики и истребители-бомбардировщики дальнего действия. И у Англии, таким образом, есть шанс захватить небольшой плацдарм на финских аэродромах.
Существует и чисто психологический фактор, который крайне обременителен. Финны мужественно защищали себя, и они завоевали симпатии всего мира, особенно Скандинавии. В Германии между тем во время русско-финской войны люди были в некоторой степени недовольны той позицией, которую в результате соглашения с Россией должна была занять и в действительности заняла Германия. По вышеупомянутым соображениям Германия не желает новой финской войны. Однако это не затрагивает законных притязаний России.

В своем ответе Молотов подчеркнул, что соглашение 1939 г. имело в виду определенную стадию развития, которая завершилась с окончанием Польской войны, вторая стадия закончилась поражением Франции, и теперь они находятся уже в третьей стадии. Он напомнил, что в соответствии с текстом соглашения и его секретным протоколом была определена общая германо-русская граница и были урегулированы вопросы относительно прибалтийских государств, Румынии, Финляндии и Польши...»
Далее Молотов и Гитлер снова долго выясняли отношения по поводу уступки Германии в вопросе литовской территории, затем Молотов перешел к Буковине.
«Он (Молотов) признал, что вопрос о Буковине затрагивает территории, не упомянутые в секретном протоколе. Россия сначала ограничила свои требования Северной Буковиной. В нынешней ситуации, однако, Германия должна понять заинтересованность русских и в Южной Буковине. Но Россия не получила ответа (Германии) и на этот запрос. Вместо этого Германия гарантировала целостность всей территории Румынии, полностью пренебрегая планами России в отношении Южной Буковины.
Фюрер ответил, что даже если только часть Буковины останется за Россией, то и это будет значительной уступкой со стороны Германии. В соответствии с устным соглашением бывшая австрийская территория должна войти в германскую сферу влияния...
Молотов, однако, настаивал на ранее изложенной точке зрения, что изменения, произведенные Россией, незначительны.
Фюрер ответил, что для того, чтобы германо-русское сотрудничество принесло в будущем положительные результаты, советское правительство должно понять, что Германия не на жизнь, а на смерть вовлечена в борьбу, которая при всех обстоятельствах должна быть доведена до успешного конца. Необходимый для этого ряд предпосылок, зависящих от экономических и военных факторов, Германия хочет обеспечить себе любыми средствами... Чем больше Германия и Россия, стоя спиной к спине, преуспеют в борьбе против внешнего мира, тем бо̀льшими будут их успехи в будущем, и те же успехи будут меньшими, если две страны встанут против друг друга. (В первом случае) впервые на земле не будет силы, которая сможет противостоять (этим) двум странам.
В своем ответе Молотов заявил о согласии с последним заключением фюрера. В связи с этим он хотел бы обратить внимание на желание советских лидеров, в частности Сталина, укрепить и активизировать отношения между двумя странами. Однако для подведения под эти отношения прочного фундамента должна быть наведена ясность в вопросах второстепенной важности, отравляющих атмосферу германо-русских отношений. К ним относится вопрос об отношениях между СССР и Финляндией. Если Россия и Германия достигнут понимания по этому вопросу, он может быть урегулирован без войны. Но не может быть и речи о пребывании в Финляндии германских войск и проведении в этой стране политических демонстраций, направленных против советского русского правительства.
Фюрер ответил, что вторая часть заявления не подлежит обсуждению, так как Германия к этому не имеет отношения. Между прочим, демонстрации организовать очень легко, а потом уже крайне трудно выяснить, кто был их действительным подстрекателем. Что касается германских войск, то он может заверить, что, как только будет достигнуто общее соглашение, германские войска перестанут появляться в Финляндии.
Молотов ответил, что под демонстрациями он также имеет в виду отправку финских делегаций в Германию или приемы, организованные в Германии в честь видных финнов. Кроме того, присутствие германских войск поставило финнов в двусмысленное положение. Так, например, появились лозунги типа: «Те, кто одобряет последний русско-финский мирный договор,— не финны!», и другие.
Фюрер ответил, что Германия всегда оказывала лишь сдерживающее влияние и что она рекомендовала как Финляндии, так и, в особенности, Румынии согласиться на требования русских...»

Дальнейший ход беседы я перескажу, так как разгорелась долгая дискуссия по поводу финского вопроса и возможной новой войны между Финляндией и СССР. Гитлер нервничал, повторял, что ему нужна спокойная обстановка в районе Балтийского моря, чтоб не прервалось снабжение Германии стратегическим сырьем. Он пугал возможным вмешательством Америки. Обещал содействие СССР в овладении проливами, выходящими из Черного в Средиземное море. В общем, он говорил довольно долго, а Молотов при возможности вставить реплику опять возвращался к необходимости убрать немецкие войска из Финляндии. Гитлер не привык слышать возражения. А тут Молотов еще упомянул о том, что Советский Союз недоволен срывом ответных поставок из Германии по хозяйственному соглашению, которое СССР добросовестно исполняет. Но, опять уклоняясь от прямых ответов, Гитлер заговорил о мировых проблемах.

Беседа вновь вернулась к обсуждению, как сказано в стенограмме, «великих планов сотрудничества стран, интересующихся обанкротившимся хозяйством Британской империи». Говорилось, что после того, как эти вопросы будут предварительно обсуждены по дипломатическим каналам, они должны быть еще раз рассмотрены в Москве министрами иностранных дел Германии, Италии и Японии совместно с Молотовым.

В этом месте беседы Гитлер обратил внимание присутствующих на позднее время и сказал, что ввиду возможных воздушных атак англичан будет лучше закончить переговоры сейчас, поскольку основные вопросы уже достаточно обсуждены.

Подводя итог, он заявил, что возможность гарантировать интересы России как черноморской державы подлежит дальнейшему рассмотрению и что в целом требования России относительно будущего ее положения в мире будут приняты во внимание.

В своем заключительном слове Молотов заявил, что Советский Союз, как мощная держава, не может стоять в стороне от важных европейских и азиатских дел.

На этом вторая беседа закончилась.

* * *

В тот же день в 21 час 40 минут состоялась заключительная беседа Молотова с Риббентропом в министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе.

Бережков так описывает эту встречу.

— Его кабинет, значительно меньший, чем у Гитлера, был обставлен с роскошью. Узорчатый паркетный пол так блестел, что в нем, словно в зеркале, отражались все предметы. На стенах висели старинные картины, окна обрамляли портьеры из дорогой гобеленовой ткани, вдоль стен на подставках стояли статуэтки из бронзы и фарфора.

Державшийся в присутствии Гитлера в тени Риббентроп вел себя теперь совсем по-иному. Он разыгрывал вельможу-аристократа, но манеры его были скорее развязными, нежели величественными. Его окружала многочисленная свита и фоторепортеры, перед которыми он охотно позировал. Во время взаимных приветствий и общей беседы, длившейся несколько минут, Риббентроп стоял посреди комнаты со скрещенными на груди руками и вскинутой вверх головой. Наконец он сказал, обращаясь к свите и репортерам:

— Господа, вам придется нас покинуть. Нам предстоят еще важные дела. Надеюсь, вы нас извините...

Все быстро откланялись и вышли из кабинета.

Риббентроп пригласил участников беседы к стоявшему в углу кабинета круглому столу и, когда все расселись, заявил, что в соответствии с пожеланием фюрера было бы целесообразно подвести итоги переговоров и договориться о чем-то в принципе. Затем он вынул из нагрудного кармана своего серо-зеленого кителя сложенную в четверть листа бумажку и, медленно развернув ее, сказал:

— Здесь набросаны некоторые предложения германского правительства...

Держа листок перед собой, Риббентроп зачитал эти предложения. Это были проекты договора о присоединении Советского Союза к пакту Берлин — Рим — Токио и секретного протокола о разделе сфер влияния.

Мне кажется, читателям будет интереснее узнать содержание последнего документа не в пересказе, а прочитать в подлиннике. Привожу те части его, которые отражают главный смысл.

«Проект

Секретный протокол № 1

В связи с подписанием Соглашения, заключенного между нами, Представители Германии, Италии и Японии и Советского Союза заявляют следующее:

1) Германия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Центральной Африке.

2) Италия заявляет, что, без учета тех территориальных изменений, которые произойдут в Европе после заключения мира, ее основные территориальные интересы лежат в Северной и Северо-Восточной Африке.

3) Япония заявляет, что ее основные территориальные интересы лежат в районе Восточной Азии к югу от Японской империи.

4) Советский Союз заявляет, что его основные территориальные интересы лежат к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре Державы заявляют, что, сохраняя за собой право регулировать отдельные несущественные вопросы, они будут взаимно уважать территориальные интересы друг друга и не станут создавать препятствий для их осуществления...»

Молотов, заслушав проекты договора и секретных протоколов (их было два, второй касался проливов), сказал, что сейчас нет смысла возобновлять дискуссии на эту тему, но нельзя ли получить зачитанный текст? Риббентроп ответил, что у него только один экземпляр, что он не имел в виду передавать эти предложения в письменном виде, и поспешно спрятал бумажку в карман.

Оцените, уважаемые читатели, — я вас знакомлю с выдержками из той бумаги, которую Риббентроп спрятал в карман, не вручив копии даже Молотову!.. Разумеется, это шутка — огромным секретом было тогда, позднее же проекты были опубликованы за рубежом.

Неожиданно завыл сигнал воздушной тревоги. Все переглянулись, наступило молчание. Где-то поблизости раздался глухой удар, в высоких окнах кабинета задрожали стекла.

— Оставаться здесь небезопасно, — сказал Риббентроп. — Давайте спустимся вниз, в мой бункер. Там будет спокойнее...

В одном из подвальных помещений был оборудован подземный кабинет Риббентропа. На полированном письменном столе находилось несколько телефонных аппаратов. В стороне стояли круглый столик и глубокие мягкие кресла.

Когда беседа возобновилась, Риббентроп снова стал распространяться о необходимости изучить вопрос о разделе сфер мирового влияния. Есть все основания считать, добавил он, что Англия фактически уже разбита...

Когда я расспрашивал Молотова об этой беседе, он, улыбаясь, сказал:

— Я поддел Риббентропа вопросом: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом бомбоубежище?» Риббентроп был явно смущен. Я постоянно хотел заставить Гитлера и Риббентропа решать более злободневные сегодняшние проблемы, а не болтать о переделе карты Европы и Азии.

Я спросил Молотова напрямую:

— Может быть, вы подписали те проекты договора позднее?

— Ну, что вы, разве могли мы, интернационалисты, пойти на такой сговор против других народов! — ответил твердо Молотов.

Кривил душой старый политик! Стенограмма, бесстрастно отражающая содержание разговора, не подтверждает его слова. Молотов не дал согласия на вступление в пакт, но и не отверг напрочь это предложение. Риббентроп в конце той беседы еще раз напомнил о германском предло-

жении «сотрудничать в деле ликвидации Британской империи». Он сказал:

«Как ясно заявил фюрер, интересы Советского Союза и Германии требуют, чтобы партнеры стояли не друг против друга, а спина к спине с тем, чтобы поддержать друг друга в своих устремлениях. В сравнении с этими большими и главными вопросами все остальные являются абсолютно незначительными и будут автоматически урегулированы сразу же после того, как будет достигнута общая договоренность. В заключение он хотел бы напомнить господину Молотову, что последний должен ответить ему на вопрос, привлекает ли Советский Союз в принципе идея получения выхода к Индийскому океану.

В своем ответе Молотов указал, что немцы считают войну с Англией уже выигранной. Если поэтому, как было сказано по другому поводу, Германия ведет войну против Англии не на жизнь, а на смерть, ему не остается ничего иного, как предположить, что Германия ведет борьбу «на жизнь», а Англия — «на смерть». Он вполне одобряет идею о сотрудничестве с той оговоркой, что стороны должны прийти к полному взаимопониманию. Эта мысль уже была выражена в письме Сталина. Разграничение сфер влияния также должно быть продумано. По данному вопросу, однако, он, Молотов, не может в настоящее время занять определенную позицию, так как не знает, каково мнение Сталина и других его друзей в Москве. Однако он должен заявить, что все эти великие вопросы завтрашнего дня не могут быть отделены от вопросов сегодняшнего дня и от проблемы выполнения существующих соглашений. Прежде чем приступить к решению новых задач, нужно закончить то, что уже было начато. Беседы, которые он, Молотов, имел в Берлине, без сомнения, были очень полезны. И он считал бы уместным, чтобы поднятые вопросы в дальнейшем обсуждались через дипломатические каналы послами обеих сторон».

Молотов, как видим, оставлял за нашей страной право и обсуждать и, возможно, участвовать в осуществлении глобальных агрессивных замыслов, предусмотренных секретным протоколом.

Любопытный эпизод, подтверждающий это мнение, рассказал Бережков.

— После заключительной встречи Гитлер шел с Молотовым по анфиладам имперской канцелярии к выходу. Я следовал вплотную за ними, чтобы переводить беседу, носившую общий характер. Остальная свита оставалась на почтительном расстоянии. Перед тем, как попрощаться с советским гостем, Гитлер сказал:

— Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да и сам я рассчитываю войти в историю. Поэтому естественно, чтобы два таких политических деятеля, как мы, лично встретились. Я прошу вас, господин Молотов, передать господину Сталину мои приветы и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем...

Молотов поблагодарил и пообещал передать это Сталину.

Представляется, что предложение о встрече, рассчитанное, как теперь ясно, на дезориентацию советского руководства, также сыграло роль в просчетах Сталина.

Дух дальнейшего сотрудничества с Берлином проявился и в сделанном Молотовым на сессии Верховного Совета заявлении: «Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе... Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и миру, а Англия и Франция стоят за продолжение войны».

А вот что сказал А. И. Микоян по поводу поездки Молотова в Берлин:

— Нам было ясно, что война неизбежна, но Сталин не верил в это. Неизвестно, какой вывод сделал для себя Молотов из бесед с Гитлером, но, зная, что Сталин не верил в скорое нападение, он и не пытался переубеждать его... Так получилось, что после поездки Молотова в Берлин не только не было сделано выводов о необходимости готовить страну к скорому неизбежному столкновению с гитлеровской Германией, но, наоборот, был сделан вывод о возможности дальнейшего развития советско-германского сотрудничества. Поэтому нападение Гитлера на СССР представляло собой удар огромной силы по всей концепции Сталина. Было потеряно драгоценное время между поездкой Молотова в Берлин в ноябре 1940 года и июнем 1941 года...

А теперь я вас познакомлю с тем, чего не знал Молотов в те дни, когда вел беседы с Гитлером.

В день прибытия советской делегации 12 ноября 1940 года Гитлер отдал распоряжение:

«Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начинаются. Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана».

Так что все разговоры Гитлера с Молотовым, проекты договоров, секретных и открытых, предложения о разделе сфер влияния — все это было фикцией, направленной на усыпление бдительности советского руководства и особенно Сталина. И надо признать, этот обман, в комплексе с другими мерами дезинформации, полностью достиг цели, намеченной Гитлером.

С доверием Сталина к Гитлеру во многом был связан и его просчет в определении возможных сроков нападения нацистской Германии на СССР. Сталин считал, что такой умелый политический игрок, как Гитлер, не начнет войны против Советского Союза, пока не решит проблемы Англии, либо оккупировав ее, либо добившись перехода ее правящей элиты на свою сторону. Иначе война Германии на два фронта в конечном счете неизбежна. И чтобы избежать ее, считал Сталин, Гитлер и послал в мае 1941 года своего заместителя Рудольфа Гесса вести переговоры в Лондоне. Переговоры неизбежно будут длительными, а следовательно, нападение на СССР пока не произойдет. К тому же половина лета почти прошла, а конец июня, как показывает исторический опыт (например, поход Наполеона), не очень-то подходящее время для начала вторжения в Россию. Отсюда следует — война начнется не ранее весны 1942 г., если не удастся сохранить мирные отношения с Германией...

Вот еще повод для размышлений о роли личностей в истории, причем личностей, как говорится, по обе стороны баррикады. И действуют они, прекрасно сознавая свое положение: не случайно Гитлер прямо называл Сталина и себя выдающимися историческими личностями.

СОВЕЩАНИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ИГРА

Жуков не участвовал в боевых операциях против Финляндии, но из Киевского округа, которым он командовал, было отправлено на фронт несколько соединений, кроме того, все госпитали, в том числе и Киевского военного округа, были переполнены ранеными, доставленными с финского фронта. В эти месяцы среди военных, естественно, шло живое обсуждение происходящего, и немалое удивление вызывали те неудачи, которые преследовали наши войска. Жуков, как и все другие командиры, много думал об этом, искал причины неуспехов Красной Армии.

Как уже говорилось, после окончания боевых действий в марте 1940 года состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), где были разобраны и обсуждены довольно откровенно итоги финской кампании и особенно причины наших неудач, а в следующем месяце, апреле, было проведено расширенное совещание Главного Военного совета. В нем принимали участие как высший командный состав с финского фронта, так и командующие округов и армий, в том числе, следовательно, и Жуков. После этого совещания был издан приказ новым наркомом обороны С. К. Тимошенко «О боевой и политической подготовке войск на летний период 1940 года». Жуков в своих воспоминаниях писал об этом времени: «Учитывая итоги советско-финляндского конфликта, а самое главное характер боевых действий начавшейся мировой войны, перед войсками была поставлена, остро и во всем объеме, задача учить сегодня тому, что завтра будет нужно на войне. Началась реорганизация всех видов вооруженных сил и родов войск,

серьезные меры были приняты для укрепления единоначалия, порядка и дисциплины в войсках. От командиров и начальников всех степеней, а также штабов приказ потребовал изменения системы боевой подготовки и воспитания войск под одним углом зрения — так, как этого требует война. Обучение войск приблизить к условиям боевой действительности, тренировать личный состав для действий в обстановке, требующей длительного физического напряжения. Тактические занятия проводить днем и ночью, в любую погоду, то есть с учетом фактора внезапности, следуя принципу — всегда быть в состоянии боевой готовности».

Я в те годы уже служил в Красной Армии — в сентябре 1939 года поступил в Ташкентское пехотное училище имени Ленина. Хорошо помню те изменения, которые произошли в боевой подготовке армии после издания этого приказа. Армейская жизнь с ее регламентированным порядком во всем всегда не была легкой, а после издания этого приказа в армии начались такие трудности, вспоминая которые сегодня, я думаю: как же мы все это могли выносить? Приказ Тимошенко не только выполнялся от буквы до буквы, но строгие контролеры и проверяющие при выезде в части беспощадно наказывали командиров, которые, как им казалось, в чем-то недовыполняли требований наркома. И командиры, как это часто бывает в армии, опасаясь за свою репутацию, в чем-то и за карьеру, настолько повышали требовательность, что она порой становилась просто невыносимой. Принцип учить на трудностях выполнялся в максимально усложненных условиях. Как только начинался дождь, немедленно объявлялась боевая тревога и нас выводили на поле на учение. И под дождем, в грязи, без горячей пищи, на концентратах, которые нам выдавали, мы проводили несколько суток. Копали траншеи в ограниченные сроки, была жесточайшая норма времени, за которую надо было отрыть окоп полного профиля. Затем эту оборону оставляли и совершали продолжительные марши. Я участвовал даже в стокилометровом марше, это была настоящая пытка. Как известно по уставу, суточный переход не должен превышать 40—45 километров. Нетрудно представить, что значит совершить за сутки стокилометровый марш в условиях среднеазиатской жары, под палящим солнцем, когда и обычный-то марш дается очень тяжело.

Дисциплина была доведена до крайней педантичности, за опоздание из увольнения на 15—20 минут красноармейцев отдавали под суд. Помню, однажды на учениях двое курсантов из нашего училища, утомленные до изнеможения, сорвали по веточке винограда, который рос недалеко от обочины дороги, где мы расположились на привал. Тут же, через час, состоялось заседание трибунала. Несмотря на то, что сторож этого виноградника и другие колхозники (их привели на суд, чтобы они видели, как наказывают красноармейцев) просили не наказывать молодых ребят, трибунал с этим не посчитался. Курсантам дали по шесть лет.

Каждую субботу и воскресенье устраивались двадцатипяти — тридцатикилометровые кроссы, наше училище бегало до своего лагеря в Чирчике (35 километров) и назад с полной выкладкой. Полная выкладка — это значит ранцы (у нас были не вещмешки, а ранцы) с полагающимся запасом всего нехитрого солдатского имущества, а вместо продовольственного пайка, так называемого НЗ, клали в ранец кирпичи. Станковые пулеметы несли по очереди. Эти марш-броски были настолько изнурительны, что, возвращаясь в свое расположение, мы падали в полном изнеможении рядом с кроватями, потому что, не почистившись, на кровать ложиться было нельзя. Многие курсанты теряли сознание еще на дистанции, их подбирала санитарная машина, которая следовала за нашими колоннами. В училище было немало случаев самоубийства, некоторые курсанты не выдерживали такой нагрузки и уходили из жизни.

Во всех округах шли постоянные учения, днем и ночью, зимой и летом, и все время в поле, с главной задачей, чтобы было как можно труднее. Это считалось приближением к условиям войны.

С 25 по 27 сентября в 99-й стрелковой дивизии, входившей в состав Киевского особого военного округа, которым командовал Жуков, были проведены смотровые учения в присутствии нового Наркома обороны. На многих учениях в других округах чаще всего отмечались недостатки, командиры наказывались за послабление подчиненным. А тут вдруг впервые была отмечена очень высокая подготовленность дивизии и умелая требовательность его командования. «Красная звезда» была несколько дней заполнена статьями об успехах 99-й стрелковой дивизии. Я прекрасно помню эти сентябрьские номера газеты за 1940 год, такие ее статьи, как «Новые методы боевой учебы», «Партийная конференция 99-й СД», «Командир передовой дивизии». Был опубликован приказ наркома обороны от 27 сентября 1940 года, в нем среди прочего было сказано: «...Красноармейцы и начальствующий состав дивизии в процессе учений показали умение решать боевые задачи в сложных условиях.

За успехи в боевой подготовке и образцовые действия на смотровом тактическом учении награждаю:

1. 99-ю стрелковую дивизию — Переходящим Красным знаменем Красной Армии;

2. Артиллерию 99-й стрелковой дивизии — Переходящим Красным знаменем артиллерии Красной Армии...»

На политзанятиях во всей Красной Армии изучались статьи об этой прославленной тогда дивизии. Вот одна из них передо мной — «Командир краснознаменной дивизии». В этой статье воздавалось должное командиру дивизии, который в условиях невероятной требовательности отличился перед всеми другими своей сверхтребовательностью. Я умышленно не называю пока его фамилии, чтобы это стало более неожиданным для читателей. Вот что писалось в той статье о командире дивизии: «За двадцать один год службы в Красной Армии он приобрел ценнейшее для военачальника качество — понимание людей, которых он призван воспитывать, учить, готовить к бою. Это понимание не книжное, не отвлеченное, а реальное. «Я люблю службу»,— часто говорит генерал. И он умеет раскрывать и поощрять в людях рвение к службе. Он ищет в человеке и развивает в нем военные способности, закаляя их в постоянных упражнениях, испытаниях полевой жизни... Человек бывалый, неприхотливый, приученный к суровой боевой жизни, которая и является для него родной стихией, он всей душой приветствовал новое направление в боевой подготовке войск. Военный профессионал, он давно убедился на практике в могучей силе требовательности... Генерал вывел дивизию в болото и леса под открытое небо. Учил для боя, для войны».

Нарком обороны наградил командира 99-й дивизии золотыми часами, а правительство — орденом Ленина. 99-я стрелковая дивизия стала образцом для всей Красной Армии. А теперь я скажу читателям, кто же был этот прославленный и требовательный командир — генерал-майор А. А. Власов. Да-да, тот самый Власов, который позднее станет изменником Родины.

Командующий округом Жуков тоже высоко ценил работоспособность и требовательность Власова. Вот какую он подписал ему аттестацию в те дни. Я считаю необходимым ознакомить с ней читателей, потому что «власовщина» не такое простое явление, как его трактуют в нашей литературе, нам придется разобраться с этим делом подробнее и глубже.

«Аттестация за период с 1939 по октябрь 1940 года на командира 99 стрелковой дивизии генерал-майора Власова Андрея Андреевича. 1. **Год рождения** — 1901 г. 2. **Национальность** — русский. 3. **Партийность** — член ВКП(б) с 1930 г. 4. **Соц. положение** — служащий. 5. **Общее и воинское образование** — общее среднее, военное — 1 курс вечерн[ей] военной академии. 6. **Знание иностранных языков** — немецкий, читает и пишет со словарем. 7. **С какого времени в РККА** — 1920 г. 8. **С какого времени на должностях начсостава** — 1920 г.; в занимаемой должности — с 1940 г. 9. **Участие в гражданской войне** — в гражданской войне участвовал. 10. **Награды** — юбил[ейная] медаль XX лет РККА. 11. **Служба в белых и буржуазно-националистических армиях и антисоветских бандах** — не служил.

Предан партии Ленина—Сталина и социалистической Родине.

Прекрасно всесторонне развит, военное дело любит, много работает над собой, изучает и хорошо знает военную историю, хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой.

В генерале Власове удачно сочетается высокая теоретическая подготовка с практическим опытом и умением передать подчиненным свои знания и опыт. Высокая требовательность к себе и подчиненным — с постоянной заботой о подчиненных. Он энергичен ,смел в решениях, инициативен.

Хорошо знает жизнь частей, знает бойца и умело руководит воспитанием их, начиная с мелочей; любит войсковое хозяйство, его знает и учит части заниматься им.

Дивизия, которой генерал Власов командует с января 1940 года, под его непосредственным руководством много и упорно работает над отработкой отделения, взвода, роты, батальона и полка и добилась в этом больших успехов.

Вникая во все детали отработки мелких подразделений, генерал Власов сделал дивизию крепкой, высоко тактически отработанной, физически закаленной и вполне боеспособной.

Дисциплина в частях 99 СД на высоком уровне.

Генерал-майор Власов непосредственно руководит подготовкой штабов дивизии и полков. Он уделяет много внимания состоянию учета и хранения секретных и мобилизационных документов и хорошо знает технику штабной службы.

Его авторитет среди командиров и бойцов дивизии высок. Физически здоров и к походной жизни вполне годен.

Вывод: Занимаемой должности вполне соответствует. В военное время может быть использован в должности командира корпуса.

Командир 8 стрелкового корпуса, генерал-майор Снегов.

Заключение старших начальников:

Согласен

Командующий войсками КОВО	Член Военного Совета КОВО
Генерал Армии	Корпусный Комиссар
Жуков	Вашугин

26 ноября 1940 г.».

* * *

В конце декабря по указанию Центрального Комитета партии состоялось совещание высшего командного состава Красной Армии. Жукову было поручено сделать один из главных докладов на этом совещании: «Характер современной наступательной операции». Это было очень серьезное поручение, и, пожалуй, впервые в жизни Жукову предстояло выступить в качестве теоретика. До этого он показал себя блестящим практиком в организации боевой подготовки и руководстве боевыми действиями крупного масштаба на Халхин-Голе. Это поручение взволновало Георгия Константиновича, потому что он внутренне постоянно ощущал как свой недостаток отсутствие фундаментального военного образования. Правда, этот недостаток он возмещал упорной самостоятельной учебой и, как уже говорилось, в военном отношении он был высокообразованным человеком, но сам он, не имея академического диплома, втайне все-таки сомневался в своей теоретической оснащенности.

Жуков готовился к этому докладу основательно, много работал сам и привлек некоторых офицеров штаба.

Мне хочется здесь особенно отметить порядочность Жукова, проявившуюся в том, что он в своих воспоминаниях упоминает добрым словом тех, кто помогал ему подготовиться к докладу. После успешного выполнения поручения, после того, как прошло очень много лет, кто-то другой мог бы уже об этом просто забыть или не посчитать нужным упомянуть. Но Жуков вспомнил и написал: «Ввиду сложности темы и высокого уровня совещания пришлось работать над докладом целый месяц по многу часов в сутки. Большую помощь при этом мне оказал начальник оперативного отдела штаба округа Иван Христофорович Баграмян».

На совещание, которое состоялось в Москве в конце декабря 1940 года, были приглашены все командующие округами и армиями, начальники штабов округов и армий, члены военных советов, начальники академий, профессора, доктора военных наук, руководящий состав Генерального штаба и некоторые члены Центрального Комитета и Политбюро. Доклад по общим вопросам боевой и оперативной подготовки Красной Армии сделал начальник Генерального штаба, генерал армии К. А. Мерецков. Он особенно отметил недостаточную подготовленность высшего командного состава и штабов всех степеней.

Доклад Жукова «Характер современной наступательной операции» был актуальным и вызвал большой интерес участников совещания. Основной тезис доклада Жукова состоял в следующем: «...вполне законно ожидать, что первоначальные исходные операции скорее всего начнутся с фронтальных ударов. Проблема наступления будет состоять в том, чтобы сначала прорвать фронт противника, образовать фланги и затем уже, во второй фазе, перейти к широким маневренным действиям. Условия для оперативного обхода, охвата и ударов по флангам будут создаваться в ходе самой наступательной операции». Жуков проанализировал наступательные операции в предыдущих войнах и сделал обобщения и выводы, приводящие к современным понятиям о наступательной операции.

По докладу Жукова выступило семь человек, разгорелась даже дискуссия.

Начальник штаба Прибалтийского особого военного округа генерал-лейтенант П. С. Кленов подчеркнул, что надо обратить особое внимание на операции начального периода войны. Очень важно, как в этот период противник будет воздействовать на мероприятия, связанные со стратегическим развертыванием, то есть на отмобилизовывание, подачу по железным дорогам мобилизационных ресурсов, сосредоточение и развертывание войск. Этот период — период начала войны — является наиболее ответственным с точки зрения воздействия противника, так как он будет стремиться не дать возможности планомерно провести необходимые мероприятия.

Как видим, генерал Кленов мыслил очень дальновидно, что подтвердил начальный период боев после нападения гитлеровцев.

Было еще одно интересное выступление командира механизированного корпуса из Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта П. Л. Романенко. Он напомнил о том, что гитлеровцы составляли сильные ударные армии из нескольких механизированных корпусов, поддерживаемых авиационными корпусами и артиллерийскими средствами усиления.

— Если на внутренних и внешних флангах двух фронтов, — сказал он, — будут действовать две такие ударные армии, они сумеют сломить фронт противника, не дадут ему возможности опомниться до завершения операции и превращения операции в стратегический успех.

Большинство участников совещания согласилось с мыслью Романенко о необходимости укрепления танковых и механизированных войск.

В заключительном слове Жуков сказал:

— Со стороны выступавших здесь не было особых принципиальных расхождений с моим докладом. Ряд товарищей высказали свои соображения и дополнения. Их надо серьезно продумать для того, чтобы с пользой для дела прийти к определенным серьезным выводам...

Вопросам теории и практики использования танковых и механизированных соединений был посвящен доклад генерал-полковника танковых войск Д. Г. Павлова, командующего войсками Западного особого военного округа, на тему: «Использование механизированных соединений в современной наступательной операции». Павлов построил свой доклад на опыте первой мировой войны, когда впервые были использованы танки на реке Сомме, а затем в битве при Камбре. Он проанализировал затем и операции немцев в 1939—1940 годах, когда гитлеровцы разгромили Польшу за семнадцать суток, операции в Бельгии и Голландии закончились через шестнадцать суток, а во Франции — через семнадцать суток. Павлов объяснил эти успехи тем, что у немцев были механизированные и танковые соединения, которые, не встречая особенно прочной обороны, прорывались в глубину и достигали оперативных целей. Опираясь на этот опыт, Павлов говорил, что надо и нам создавать механизированные корпуса, хотя он сам, Павлов, в 1939 году и предлагал их расформировать.

По докладу Павлова выступили в прениях десять человек. Некоторые генералы старой школы, как, например, И. Р. Опанасенко, упрекали докладчика в том, что он ничего не сказал о коннице и о взаимодействии ме-

ханизированных корпусов с конницей, которая еще не утратила, по их мнению, своего боевого значения.

Был заслушан доклад командующего войсками Московского военного округа, генерала армии И. В. Тюленева: «Характер современной оборонительной операции». Проанализировав оборонительные операции первой мировой войны, Тюленев основной упор сделал на укрепленных полосах и долговременных оборонительных сооружениях, очевидно, находясь еще под впечатлением войны с Финляндией. Он детально проанализировал построение линии Маннергейма и других мощных долговременных полос и рекомендовал строить оборону, опираясь в первую очередь на прочные, хотя и дорогостоящие сооружения. Но оборона в те годы в нашей теории была, как говорится, не в чести, потому что наша доктрина носила исключительно наступательный характер.

Очень интересный и по-современному прозвучавший доклад сделал начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов. Этот молодой летчик, участник боев в Испании, хорошо представлял специфику современного воздушного боя и вопросы, которые должна решать авиация сегодня.

Итоги совещания подводил нарком Тимошенко. Он сказал:

— Мы начинаем создавать новые предпосылки для дальнейшего роста нашей Красной Армии. Мы углубляем и расширяем ту перестройку, которую начали осуществлять по директиве товарища Сталина полгода тому назад... Мы начали по-настоящему выполнять указания товарища Сталина о поднятии военно-идеологического уровня наших командных кадров и положили начало созданию собственной военной идеологии.

Коротко проанализировав, а вернее, перечислив операции на Западе, нарком пришел к заключению, что в области военного искусства происходят большие сдвиги в связи с усовершенствованием боевых средств вооруженной борьбы. Однако в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, по его мнению, не дает ничего нового. Что касается тактики, оперативного искусства — фронтовых и армейских операций, то в нем происходят крупные изменения. К этим изменениям Тимошенко отнес массированное применение танков и пикирующих бомбардировщиков в сочетании с моторизованными, мотоциклетными и авиадесантными войсками.

Это были, конечно, правильные мысли, но нарком не развил их, а основную часть заключения посвятил боям и операциям на Карельском перешейке в 1939—1940 годах. Недавно прошедшие бои, очень нелегко доставшиеся лично Тимошенко, явно господствовали в его сознании, и, видимо, поэтому он пришел к такому заключению:

— Если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно: границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, опоясаны железобетонными укреплениями.

Тимошенко продолжал развивать прежнюю нашу наступательную доктрину:

— Оборона не является решительным способом действий для поражения противника: последнее достигается только наступлением. К обороне прибегают тогда, когда нет достаточных сил для наступления, или тогда, когда она выгодна в создавшейся обстановке для того, чтобы подготовить наступление.

После военного совещания большинство его участников разъехались, но командующие войсками округов и начальники штабов округов были оставлены для участия в большой двухсторонней оперативно-стратегической игре на картах.

Игра начиналась на следующий день.

— Кто у вас играет за «синюю» сторону, кто за «красную»? — спросил Сталин у Тимошенко.

— За «синюю», западную,— генерал армии Жуков, за «красную», восточную,— генерал-полковник Павлов.

По сути дела, состоялось две игры, но у нас и в мемуарах военачальников, и в исторической литературе обычно говорится об одной игре, наверное, потому, что первая игра действительно была актуальна и очень для всех интересна, а вторая отражала опыт только что закончившейся финской войны с прорывом долговременных сооружений. Хотя она и состоялась, в памяти участников она почему-то не отложилась. Но я расскажу об обеих играх.

Первая игра проводилась со 2 по 6 января. Как говорит Жуков, эта игра преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны. Исходя из этого, разработчики показали на картах реальной местности (там, где была наша советско-германская граница) расположение и силы сторон, приближенные к тем, которые были в действительности. «Западные», например, наносили удар силами до 140—150 дивизий. Жуков, командуя «западными», расположил свои главные силы в Восточной Пруссии и решил наступать в направлении Рига — Двинск вдоль побережья Балтийского моря. Он ввел сначала шестьдесят дивизий, а затем, когда «восточные» нанесли ему контрудар и стали теснить назад, Жуков, как он это и предусмотрел, отвел свои войска, участвовавшие в первоначальном ударе, на мощные приграничные позиции, усилил их здесь своими главными частями, которые держал в резерве, и затем перешел в стремительное наступленние.

Обычно на всех играх побеждали «красные», посредники и руководители учений уже традиционно привыкли делать выводы в пользу своих, «восточных», войск. Но в этой игре Жуков так распределил и направлял свои войска, что при всем желании нельзя было отдать предпочтение действиям «красных». Жуков «нанес» такой сильный удар, что пришлось, хотели того или не хотели руководители, признать: успех — на стороне «западных».

Я не вдаюсь в детали игры, она была напряженная, сложная, подчас драматическая, длилась пять дней и давала возможность каждой стороне и особенно их командующим проявить свое оперативно-стратегическое мышление.

Вторая игра была проведена с 8 по 11 января 1941 года. Здесь тоже Жуков командовал «западной» стороной, а Павлов — «восточной». Но тема, как я уже сказал, была не очень актуальная, она представляла собой отработку овладения укрепленным районом с преодолением предполья и, после преследования противника, форсирование реки Вислы. Во второй игре в исходной обстановке противникам было дано равенство сил, причем «восточным» предписывалась активная наступательная тактика с попыткой окружения «западных», но Жуков сумел, создав сильные резервы, не допустить этого окружения.

В целом игры принесли большую пользу, они способствовали расширению кругозора и совершенствованию навыков в организации наступательных операций высшего командования. Была еще одна положительная сторона: даже по играм на картах командующие поняли необходимость применения механизированных корпусов и очевидность их успешных действий в современной операции. Позднее стало ясно, что действия, которые предпринял Жуков в первой игре, сложились очень похожими на те, которые возникли 22 июня 1941 года.

После окончания игр Сталин предложил провести разбор операций в Кремле, куда были приглашены все участники и руководство Наркомата обороны. На этом разборе присутствовали члены Политбюро. О ходе игры доклад сделал начальник Генерального штаба генерал армии К. А. Мерецков. Когда он сообщил, как сложилась игра и что успех был на стороне «синих», Сталин явно был недоволен тем, что «красные» потерпели неудачу. И он даже сказал по этому поводу:

— Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск.

Затем Сталин предложил высказаться самим участникам игры. Первым выступил Тимошенко. Затем попросил слово генерал-полковник Павлов. Сталин сразу же спросил его:

— В чем кроются причины неудачных действий войск «красной» стороны?

Павлов попытался отделаться шуткой:

— В играх такое бывает, на то она и есть игра.

Сталину не понравилась такая несерьезность, и он строго сказал:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные решения, чего у вас в проведенной игре не получилось.

После Павлова выступил Жуков, он отметил большую поучительность таких игр для высшего командного состава, пожелал, чтобы такие игры проводились чаще, несмотря на то, что организовывать их непросто. И еще Жуков сказал:

— Для повышения военной подготовки командующих и работников штабов округов и армий необходимо начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба.

Затем Жуков коснулся строительства укрепрайонов Белоруссии:

— По-моему, в Белоруссии укрепленные районы [УРы] строятся слишком близко к границе и они имеют крайне невыгодную оперативную конфигурацию, особенно в районе белостокского выступа. Это позволяет противнику ударить из района Бреста и Сувалок в тыл всей нашей белостокской группировки. Кроме того, из-за небольшой глубины УРы не смогут долго продержаться, так как они насквозь простреливаются артиллерийским огнем. Считаю, что нужно было бы строить УРы где-то глубже.

Павлов не выдержал, так как Жуков говорил об УРах, расположенных в его округе, и бросил реплику:

— А на Украине УРы строятся правильно?

Жуков ответил:

— Я не выбирал рубежей для строительства УРов на Украине, однако полагаю, что там тоже надо было бы строить их дальше от границы.

Против этого резко возразил Ворошилов:

— Укрепленные районы строятся по утвержденным планам Главного Военного Совета, а конкретное руководство строительствами осуществляет заместитель наркома обороны маршал Шапошников.

Жуков не стал вступать в полемику и вернулся на свое место. Затем выступили еще некоторые участники игры, и среди них отличался современностью мышления начальник Главного управления ВВС генерал П. В. Рычагов.

Как отмечает Жуков, странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г. И. Кулика. Он явно не понимал значения механизированных и танковых войск и заявил:

— От формирования танковых и механизированных корпусов пока следует воздержаться.

Тут же бросил реплику Тимошенко:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах...

Сказал свое слово и Сталин:

— Победа в войне будет за той страной, у которой больше танков и выше моторизация войск.

Этой репликой Сталина, по сути дела, решалось очень многое потому, что его слово всегда было последним и окончательным.

На следующий день Жукова опять вызвали к Сталину. Без долгих предисловий Сталин сказал ему:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Это было настолько неожиданно и не соответствовало ни характеру, ни таланту Жукова, который всегда старался избегать штабной работы, что он на некоторое время оторопел и молчал, потом все же сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас,— сказал Сталин и сделал ударение на слове «решило».

Жуков понимал, что возражать против решения Политбюро и, главное, когда об этом говорит сам Сталин, нет смысла и поэтому ответил:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну, вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК,— сказал Сталин.

Когда Жуков вернулся в Наркомат обороны, Тимошенко, улыбаясь, сказал ему:

— Знаю, как ты отказывался от должности начальника Генштаба. Только что мне звонил товарищ Сталин. Теперь поезжай в округ и скорее возвращайся в Москву. Вместо тебя командующим округом будет назначен генерал-полковник Кирпонос, но ты его не жди, за командующего можно пока оставить начальника штаба округа Пуркаева.

В тот же день Жуков выехал в Киев. Он не радовался высокому назначению, не очень-то ему хотелось расставаться с округом, к которому он уже успел привыкнуть, хотя прокомандовал им не так уж долго, а главное, это была его любимая строевая работа, а к штабной деятельности душа его не лежала.

В Киеве Жуков был недолго, но и за этот короткий срок нарком не раз звонил, чтобы побыстрее приезжал в Москву. Видно, Тимошенко приходилось нелегко. 31 января Жуков прибыл в Москву, в течение одного дня принял дела у Мерецкова и с 1 февраля 1941 года, за четыре с половиной месяца до начала войны, приступил к исполнению высокой должности начальника Генерального штаба.

ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ

Прежде чем перейти к теме, обозначенной в названии главы, приведу небольшую часть из моих бесед с Молотовым, ту, где он затрагивает предвоенное время и касается оценки личности Сталина, которого он знал на протяжении многих лет.

— Для меня Сталин неотделим от той политической роли, которую он играл,— сказал Молотов. И, отвечая на мои расспросы, рассказал о том, как он услышал о нем впервые, как позже отнесся к известной ныне оценке его характера в ленинском завещании. Он считал, что эта оценка в принципе была в пользу Сталина по сравнению с другими пятью деятелями, о которых там шла речь, хотя в отношении грубости Ленин был, конечно, прав. Однако, по мнению Молотова, эта грубость была в то время полезна партии, так как Сталин твердо, без колебаний определял основную линию.

Мне хотелось узнать мнение Молотова об ошибках Сталина в первый период войны и в предвоенное время.

— Тут, по-моему, не ошибки, а наши слабости. Потому что к войне мы не были готовы — и не только в военном отношении, но морально, психологически. Наша задача психологически и политически заключалась в том, чтобы как можно дольше оттянуть начало войны. Мы чувствовали, знали, что были к ней не готовы. Поэтому каких-нибудь ошибок, собственно, я не вижу. Все делалось для того, чтобы не дать повода немцам начать войну.

— Но Гитлер ведь уже решил о войне, вам это было известно.

— Откуда нам это было знать? Можно было лишь предположить. И все-таки нам удалось оттянуть войну почти на два года. Гитлер еще в 1939 году действительно, как потом выяснилось, был настроен развязать войну против нас и готовился к этому усиленно. А оттяжка еще на год, а потом даже на несколько месяцев была нам весьма желательна. Конечно, мы знали, что к войне нам надо быть готовыми в любой момент, а как это обеспечить на практике? Это очень трудно. Мы были готовы в стратегическом смысле, потому что за пятилетки был создан промышленный потенциал, который помог нам выстоять.

— Вот вы говорите — к войне были не готовы, воевать не намеревались, а доктрина наша была довольно воинственная: бить врага на его территории...

Молотов улыбнулся. Улыбнулся на этот раз как-то хитренько и, посмотрев на меня с явной иронией, сказал:

— Ну кто же, какой стратег скажет, пожалуйста, приходите на нашу землю и здесь будем воевать! И тем более не скажет, что к войне он не готов, а, наоборот, будет утверждать, что силен и непобедим. Это элементар-

но. Так во все времена было... Не наше изобретение. Пропагандистский прием.

— Значит, это прием для пропаганды? Но ведь должна же была быть и настоящая доктрина, которой предстояло руководствоваться в случае войны?

— Конечно, была, она отражена в планах нашего Генерального штаба.

* * *

Получив столь высокое назначение, каким является должность начальника Генерального штаба, Жуков нелегко входил в эту работу. С одной стороны, сказывалась его природная нерасположенность к штабной работе, о чем откровенно говорил он сам и писали в аттестациях его старшие начальники. С другой — имело значение и отсутствие необходимого для этой должности основательного образования. Жуков был ярко выраженный строевой командир, практик, и, конечно, он уступал таким опытнейшим генштабистам с дореволюционным стажем, какими были Егоров и Шапошников. Но, впрочем, последних нельзя было поставить рядом с Жуковым в качестве строевых генералов, здесь они ему во многом уступали. Как говорится, каждому свое, и с этим ничего не поделаешь.

Если бы Жуков, придя в Генштаб, принял хорошо сколоченный аппарат, ему было бы легче войти в курс дел и продолжить работу своих предшественников. Но ситуация осложнилась тем, что аппарат Генерального штаба к этому времени был в значительной степени истреблен репрессиями, уцелевшие же были подавлены не только тем, что произошло, но и продолжавшимися арестами. В Генштаб пришли новые, малоопытные работники, старые их не знали, в общем, шел болезненный процесс перемен.

Жуков, как это было ему свойственно, взялся за дело с напористой энергией, старался побыстрее вникнуть в суть работы, чтобы по-настоящему соответствовать новому назначению. Он старательно изучал, осваивал полученное нелегкое наследство. Вот как он сам пишет об этом:

«Весь февраль был занят тщательным изучением дел, непосредственно относящихся к деятельности Генерального штаба. Работал по 15—16 часов в сутки, часто оставался ночевать в служебном кабинете. Не могу сказать, что я тотчас же вошел в курс многогранной деятельности Генерального штаба».

Некоторые сведения о характере этой деятельности, думаю, помогут читателю в понимании дальнейших событий.

С глубокой древности каждый полководец или глава государства, думая о возможности войны или же планируя нападение на кого-нибудь, заранее рассчитывал свои силы и возможности, а также силы противника, которые будут ему противостоять. В древние времена эти планы, вероятно, были просто в голове полководцев, но они все равно были. Без предварительного планирования и расчета вообще невозможно достигнуть победы. Это знал каждый, кто брался за оружие. С течением времени, с ростом армий и масштабов сражений появлялась необходимость составления обширных планов, которые в голове удержать было уже просто невозможно. Учитывая то, что руководил выросшей армией не один полководец, а многие помощники больших, средних и малых рангов, и что при этом у всех должно было быть одинаковое понимание предстоящих действий, стали составляться письменные планы. Эти планы были в каждой стране, в каждом государстве, и, вполне естественно, что, зная об их существовании, будущие соперники всегда стремились как-то к ним добраться, то есть вели разведку и добывали эти планы или полностью, или частично. В XIX веке, когда армии стали массовыми и воевали уже не армии, а целые народы, когда перед началом войны и тем более во время войны в противоборстве участвовала вся экономика, все хозяйство страны, — в такой войне надо было все спланировать заранее.

Были ли у нас такие планы? Разумеется, были. На основе нашей передовой для своего времени военной науки и планирование наше тоже было на соответствующем уровне. Однако события, происшедшие внутри страны, главным образом по вине Сталина, перечеркнули эти хорошо отработанные планы защиты государства и всю нашу стратегию. В результате этого все составленные планы не соответствовали сложившейся к тому времени политической обстановке и тем формам и способам ведения войны, которая уже велась гитлеровцами в Европе.

Не надо быть глубоким аналитиком для того, чтобы понять, почему произошла такая беда. Если начальник Генерального штаба, главный, кто руководит составлением планов обороны страны и ведения войны с потенциальными противниками, маршал Егоров оказался «иностранным шпионом», многие работники центрального аппарата, в том числе заместитель наркома обороны маршал Тухачевский и почти все командующие военными округами, тоже оказались «иностранными агентами», то вполне естественно было предположить, что составленные ими планы стали «известны нашим врагам» и их надо немедленно «перерабатывать». И, разумеется, перерабатывать их надо коренным образом, чтобы они были не похожи на те, которые уже известны врагу. А раз так, то естественно, что и тот, кто пытался сохранить какие-то разумные мысли из старых планов, мог быть заподозрен в близости к «врагам народа».

В те годы, когда Жуков стал начальником Генерального штаба, уже сложилась не только теория, но и практика составления двух планов. Один план — мобилизационный, в котором предусматриваются порядок и сроки проведения всех мероприятий по мобилизационному развертыванию вооруженных сил, переводу экономики и различных государственных учреждений на режим деятельности в условиях военного времени. Такой план разрабатывается как в масштабе вооруженных сил в целом, так и в крупнейших воинских соединениях, частях, а также учреждениях и на промышленных предприятиях. Согласно ему сразу же при объявлении мобилизации осуществляется призыв в армию и перевод производства на военную продукцию.

Кроме того, в Генеральном штабе составлялся план стратегического развертывания вооруженных сил. В нем предусматривается уже развертывание войск: сосредоточение сил на избранных направлениях, создание необходимых группировок войск, передвижение их в назначенные районы, перебазирование авиации, развертывание тыла и средств технического обеспечения, занятие соединениями и частями исходных районов, рубежей, огневых позиций — и осуществление всего этого в соответствии с общим стратегическим замыслом.

С 1928 по 1931 год Генеральным штабом руководил Борис Михайлович Шапошников, а с 1931 по 1937 год — тоже опытный, еще дореволюционный генштабист Александр Ильич Егоров. Я уже говорил о нем раньше, теперь коротко познакомлю с его биографией.

В армию он пошел служить в 1901 году вольноопределяющимся, окончил Казанское пехотное юнкерское училище в 1905 году. На фронте в первой мировой войне командовал ротой, батальоном и полком. В 1917 году произведен в полковники. Имел передовые взгляды, сам искал возможности участвовать в политической деятельности, однако еще недостаточно разбирался в платформах партий, примкнул к левым эсерам, с которыми порвал в 1918 году, заявив об этом в печати. После победы Октябрьской революции был членом комиссии демобилизации старой армии, участвовал в разработке исторического декрета об организации РККА. В члены партии большевиков вступил в 1918 году. В мае 1918 года назначен председателем высшей аттестационной комиссии по отбору бывших офицеров в Красную Армию и одним из комиссаров Всероссийского главного штаба. Он был сторонником создания дисциплинированной регулярной армии. В докладе на имя Ленина обосновал необходимость введения должности Главнокомандующего Вооруженными Силами республики и создания при нем единого штаба, что, как известно, и было принято. С декабря 1918 года Егоров командовал 10-й армией, оборонявшей Царицын, и внес большой вклад в разгром белоказачьих войск. В начале октября 1919 года, когда наступление Деникина создало реальную угрозу Москве, Егоров назначается командующим войсками Южного фронта и мастерски руководит операциями по разгрому Деникина, применяя маневренные фланговые удары и умело используя конницу. (Как известно, все заслуги Егорова в деле разгрома Деникина позднее приписал себе Сталин.) С 1931 года по 1937 год Егоров был начальником штаба РККА, в 1935

году переименованного в Генеральный штаб. В мае 1937 года назначен заместителем наркома обороны СССР.

Не знаю, специально это было сделано тюремщиками или нет, но маршал Советского Союза Александр Ильич Егоров был расстреляни в день Красной Армии — 23 февраля 1939 года.

После ареста Егорова с 1937 по август 1940 года начальником Генерального штаба был снова генерал армии Б. М. Шапошников. В мае 1940 года ему было присвоено звание маршала.

Произошли изменения не только в руководстве Генерального штаба, они совпали с изменением и политической обстановки. Осенью 1939 года и весной 1940 года, как уже рассказывалось ранее, Государственная граница СССР в Европе была отнесена на несколько сот километров на запад. В Красной Армии быстро росла численность соединений, которые оснащались новейшей техникой и вооружением. В связи с этим план стратегического развертывания вооруженных сил опять надо было перерабатывать, что и проводилось с осени 1939 года в Генеральном штабе. Первый вариант был готов к июлю 1940 года.

Здесь я должен сделать маленькое отступление и сказать, что сведения о разработке мобилизационных планов и плана стратегического развертывания составляют строжайшую государственную и военную тайну, и, наверное, потому — по прошествии такого большого времени после победы над фашистской Германией — об этих планах даже в воспоминаниях военачальников и государственных деятелей говорилось лишь в общих чертах. Во время работы над этой книгой мне очень повезло, ибо с любезного согласия вдовы маршала Советского Союза Захарова Марии Брониславовны я воспользовался его неопубликованными записками. В конце 40-х — начале 50-х годов я служил в Генеральном штабе в управлении, которое возглавлял Матвей Васильевич Захаров, не раз встречался с ним там, хорошо его помню, всегда восхищался его характером, высокими деловыми качествами.

Матвей Васильевич до войны, с мая 1938 года по июль 1940 года, был помощником начальника Генерального штаба и занимался разработкой мобилизационного плана и плана стратегического развертывания. С апреля 1960 года по март 1963 года и с ноября 1964 года по сентябрь 1971 года Захаров был начальником Генерального штаба, первым заместителем министра обороны СССР; вот в эти годы, располагая, кроме большого личного опыта, полностью всеми необходимыми архивными материалами, он и написал свои воспоминания.

Накануне войны при разработке наших планов обороны страны считалось (с учетом того, что происходит в Европе), что наиболее вероятным нашим противником будет фашистская Германия в союзе с Италией, Румынией, Финляндией и Венгрией. Предполагалось также, что и Турция под давлением гитлеровцев может открыто выступить против СССР. Второй реальный противник, который может одновременно с Германией начать военные действия на Дальнем Востоке, была Япония. Поэтому планы обороны страны разрабатывались для двух фронтов, но главным, разумеется, был Западный фронт, где считалось необходимым сосредоточить основные силы советских вооруженных сил.

Несмотря на то что гитлеровцы уже показали свою стратегию и тактику ведения молниеносной войны путем внезапного нападения уже готовыми, отмобилизованными армиями, работники нашего Генерального штаба продолжали вести расчеты, исходя из опыта отмобилизовывания армий в период первой мировой войны (с учетом, конечно, более высоких темпов развертывания в связи с появлением более широкой сети железных, шоссейных дорог, а также авиации). Предусматривалось, что Германии для сосредоточения сил на советских границах потребуется 10—15 дней, Румынии — 15—20 дней, Финляндии и немецким частям, которые туда прибудут, — 20—25 дней. В этом был серьезный просчет.

Ожидалось, что на наших западных границах Германия вместе со своими союзниками развернет 233 дивизии, 10 тысяч 550 танков, 13 тысяч 900 самолетов и до 18 тысяч полевых орудий.

Наш Генштаб на западных границах предусматривал сосредоточить: 146 стрелковых дивизий (из них 23 со сроком готовности от 15 до 30 дней), 8 моторизованных, 16 танковых и 10 кавалерийских дивизий, 14 танковых бригад, 172 полка авиации. Если все дивизии сложить — стрелковые и специальные, — то будет около 180 дивизий. В соответствии с советской доктриной наши войска, отразив первое нападение противника, должны были сами перейти в наступление, разгромить войска противника в Восточной Пруссии и в районе Варшавы и выйти на Вислу в ее нижнем течении. Одновременно на левом крыле фронта должен быть нанесен вспомогательный удар на Иван-город с задачей разгрома Люблинской группировки противника и последующего выхода на Вислу в ее среднем течении.

В плане подробно описаны направления ударов, районы сосредоточения, количество войск, их задачи, а также задачи флотов, авиации и так далее.

План разрабатывался начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым, генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным, который занимал должность начальника оперативного управления, и его заместителем генерал-майором Г. К. Маландиным. Но поскольку проект плана составлялся в единственном экземпляре, человеком, непосредственно писавшим его, был заместитель начальника оперативного управления генерал-майор А. М. Василевский. Первый вариант был подписан начальником Генерального штаба Б. М. Шапошниковым. Нарком его пока не подписал. Этот план обороны СССР, опираясь на тщательно обоснованный анализ складывающейся стратегической обстановки, вероятных группировок противника и ожидаемых его агрессивных действий, в основном верно определил наиболее опасный театр войны и главное направление основных усилий советских вооруженных сил.

Были, конечно, недостатки в этом плане. Основной из них, кроме временного просчета, заключался в том, что разработан был всего один вариант, а, как правило, такие планы предусматривают несколько вариантов действия как противника, так и своих войск.

Вот что пишет А. М. Василевский в своей книге воспоминаний о разработке этого плана:

«Этот проект и план стратегического развертывания войск Красной Армии докладывались непосредственно И. В. Сталину в сентябре 1940 года в присутствии некоторых членов Политбюро ЦК партии. От Наркомата обороны план представляли нарком С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба К. А. Мерецков и его первый заместитель Н. Ф. Ватутин. Мы с генералом А. Ф. Анисовым, доставив в Кремль план, во время его рассмотрения в течение нескольких часов находились в комнате секретариата И. В. Сталина. Прежде чем рассказывать о дальнейшем ходе событий, упомяну о том, почему в представлении ЦК партии важнейшего оперативного документа не участвовал один из его основных составителей и автор главных его идей. Дело в том, что в августе 1940 года на должность начальника Генерального штаба вместо Б. М. Шапошникова был назначен генерал армии К. А. Мерецков.

О том, что предшествовало перемещению Б. М. Шапошникова, я знаю со слов Бориса Михайловича. Как он рассказывал, И. В. Сталин, специально пригласивший его для этого случая, вел разговор в очень любезной и уважительной форме. После советско-финского вооруженного конфликта, сказал он, мы переместили Ворошилова и назначили наркомом Тимошенко. Относительно Финляндии вы оказались правы: обстоятельства сложились так, как предполагали вы. Но это знаем только мы. Между тем всем понятно, что нарком и начальник Генштаба трудятся сообща и вместе руководят Вооруженными Силами. Нам приходится считаться, в частности, с международным общественным мнением, особенно важным в нынешней сложной обстановке. Нас не поймут, если мы при перемещении ограничимся одним народным комиссаром. Кроме того, мир должен был знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены. Это важно для того, чтобы произвести на наших врагов должное впечатление и охладить горячие головы империалистов. Официальная перестановка в руководстве как раз и преследует эту цель.

— А каково ваше мнение? — спросил Сталин.

Исключительно дисциплинированный человек, Борис Михайлович ответил, что он готов служить на любом посту, куда его назначат. Вскоре на него было возложено руководство созданием оборонительных сооруже-

ний, он стал заместителем наркома обороны и направлял деятельность Главного военно-инженерного управления и управления строительства укрепленных районов.

Для нас, работников Генштаба, причина перевода Б. М. Шапошникова на другую должность осталась непонятной. Не скрою, мы очень сожалели об этом».

Таким образом, получилось, что проект нового плана докладывал Сталину уже новый начальник Генерального штаба, генерал армии К. А. Мерецков. Он рассказывал, что при рассмотрении плана Сталин не согласился с мнением Генштаба о вероятном направлении главного удара противника на северо-западе. Сталин считал: гитлеровцы сосредоточат главные свои усилия на юго-западе, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. Нетрудно заметить, что Сталин в данном случае не посчитался с конкретными сведениями, которыми располагал Генеральный штаб о реальном сосредоточении войск противника, а из этих сведений вытекало правильное, предусмотренное Генеральным штабом нанесение главного удара севернее припятских болот. Видимо, помня «свой» теперь уже всеми признаваемый гениальным план разгрома Деникина (а он исходил из того, что Донбасс, юг Украины — это могучий промышленно-экономический район с дружественным тогда, в годы революции, пролетарским населением) и не принимая во внимание, что прошло очень много времени и обстановка в корне изменилась, Сталин опять тяготел к этому южному району и приказал доработать план в том направлении, что боевые действия, главные сражения должны были произойти на юге. Поэтому, как комментирует Захаров, произошла полная переориентировка, перенацеливание основных наших усилий с северо-западного на юго-западное направление.

Еще одну причину тяготения к южному варианту маршал Захаров видит в том, что в Наркомате обороны и в Генеральном штабе в то время было сосредоточено много военачальников, ранее служивших в Киевском особом военном округе и в силу этого тяготевших именно к этому южному направлению. Назову наркома обороны С. К. Тимошенко, начальника Генерального штаба Г. К. Жукова, первого заместителя начальника Генштаба М. Ф. Ватутина, начальника мобилизационного управления Н. Л. Никитина, военного комиссара Генштаба С. К. Кожевникова, начальника оперативного управления Г. К. Маландина.

Правильность принятых Сталиным стратегических решений вроде бы подтверждалась и информацией, полученной по каналам Народного комиссариата государственной безопасности. Возглавлявший его В. Меркулов в начале апреля 1941 года сообщил:

«...выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает... молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на восток...» [1].

В этом документе четко просматривается желание поддакнуть Сталину, заслужить его благосклонность. Впрочем, у гитлеровцев при разработке плана войны был и южный вариант, но к тому времени, когда докладывал Меркулов (апрель 1941 года), этот вариант давно отпал, и военная разведка Генштаба имела более точные сведения и докладывала о них Сталину. Вот что пишет об этом Жуков:

«20 марта 1941 года начальник разведывательного управления генерал Ф. И. Голиков представил руководству доклад, содержавший сведения исключительной важности.

В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана.

В докладе говорилось: «Из наиболее вероятных военных действий, намеченных против СССР, заслуживают внимания следующие:

...Вариант № 3 по данным... на февраль 1941 года: «...для наступления на СССР, — написано в сообщении, — создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба наносит удар в направлении Петрограда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта — в направлении Киева. Начало наступления на СССР — ориентировочно 20 мая».

[1] Архив МО СССР, ф. 16-а, оп. 240-а, д. 528, т. 7, л. 238.

Генерал Голиков, не желая попасть в немилость, так как знал мнение и желание Сталина оттянуть начало войны, делал выводы, совершенно не вытекающие из разведданных.

«1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки».

6 мая 1941 года И. В. Сталину направил записку народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов:

«Военно-морской атташе в Берлине капитан 1-го ранга Воронцов доносит: ...что, со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадка парашютных десантов в пограничных центрах...».

Данные, изложенные в этом документе, также имели исключительную ценность. Однако выводы, предлагавшиеся руководству адмиралом Н. Г. Кузнецовым, не соответствовали приведенным им же фактам.

«Полагаю, — говорилось в записке, — что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР».

Как видим, Сталину вроде бы непросто было разобраться, где истина, когда так по-разному докладывают самые компетентные в этих делах руководители. От ошибок и заблуждений никто не застрахован, но беда была в том, что Сталин больше, чем своим разведчикам, верил Гитлеру, его обещаниям, секретным договорам, верил настолько, что, когда уже бомбили все наши пограничные города, Сталин все еще находился в плену обмана фюрера и не разрешил войскам переходить границу, если даже они отразят нападение захватчиков.

Однако вернемся к военным планам. Вот что пишет об этой своей работе Жуков после назначения его на должность начальника Генерального штаба:

«Сейчас некоторые авторы военных мемуаров утверждают, что перед войной у нас не было мобилизационных планов вооруженных сил и планов оперативно-стратегического развертывания. В действительности оперативный и мобилизационный планы вооруженных сил в Генеральном штабе, конечно, были. Разработка и корректировка их не прекращалась никогда. После переработки они немедленно докладывались руководству страны и по утверждении тотчас же доводились до военных округов...

Еще осенью 1940 года ранее существовавший оперативный план был основательно переработан, приближен к задачам, которые необходимо было решать в случае нападения. Но в плане были стратегические ошибки, связанные с одним неправильным положением...

И. В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной, Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб, донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть. При рассмотрении оперативного плана весной 1941 года И. В. Сталин говорил: «Без этих важнейших жизненных ресурсов фашистская Германия не сможет вести длительную и большую войну».

И. В. Сталин для всех нас был величайшим авторитетом, никто тогда и не думал сомневаться в его суждениях и оценках обстановки. Однако в прогнозе направления главного удара противника И. В. Сталин допустил ошибку».

ПЛАН «БАРБАРОССА»

Разные ученые и историки много спорили между собой по поводу того, когда конкретно состоялось решение Гитлера напасть на Советский Союз. На мой взгляд, это не такая уж важная деталь, во всяком случае, не принципиальная. То, что рано или поздно Гитлер поведет свои вооруженные силы на Россию, было предрешено еще в начале его политической биографии. Я уже приводил его слова из «Майн кампф». Можно было бы привести еще много его высказываний, и все они в конечном счете сводятся к тому, что не только он сам возможность расширения территории Германской империи видел в захвате советских земель, но к этому его толкали и свои внутренние реакционные силы, и международные.

Вот рассказ самого Гитлера о том, как созревало у него это решение. Он изложил его на совещании с генералами 23 ноября 1939 года.

«Цель нашей встречи состояла в том, чтобы вы получили представление о мире моих идей, которые сейчас мною владеют, и чтобы вы узнали о моих решениях... Я в 1933 году пришел к власти. Позади был период тяжелых боев. Все, что было до меня, обанкротилось. Я должен был все реорганизовать снова, начиная с народа и кончая вермахтом. Сначала была предпринята внутренняя реорганизация — устранение явлений распада и пораженчества... После этого я дал приказ вооружаться. И здесь было много пророков, которые предсказывали неудачу, и было очень мало веривших. В 1935 году последовало введение всеобщей воинской повинности. Вслед за этим была осуществлена ремилитаризация Рейнской области — еще одна операция, которую никто не считал возможной. Мне мало кто верил. Затем началось создание укреплений по всей территории, в первую очередь на Западе.

Год спустя на повестку дня встала Австрия. И в этом шаге многие сомневались. Однако он принес существенное укрепление рейха. Следующий шаг — Богемия, Моравия и Польша...

Но в это время мне еще не было ясно: должен ли я сначала ударить против Востока и после этого против Запада или наоборот? Мольтке в свое время стоял перед такой же проблемой. События развернулись так, что началось с борьбы против Польши...

Меня могут упрекнуть: борьба и снова борьба. Но я вижу в борьбе сущность всего живого. Никто не может уклониться от борьбы, если он не хочет погибнуть. Численность населения растет, и это требует увеличения жизненного пространства. Моей целью было создать разумное соотношение между численностью населения и жизненным пространством. Для этого необходима война. Ни один народ не может уклониться от решения этой задачи, иначе он погибнет. Таковы уроки истории...

Я долго сомневался, где начинать — на Западе или на Востоке. Однако я не для того создал вермахт, чтобы он не наносил ударов. Во мне всегда была внутренняя готовность к войне. Получилось так, что нам удалось сначала ударить по Востоку. Причина быстрого окончания польской войны лежит в превосходстве нашего вермахта. Это — славное явление в нашей истории. Мы понесли неожиданно малые потери в людском составе и вооружении. Теперь мы можем держать на Восточном фронте только несколько дивизий. Создалось положение, которое мы раньше считали недостижимым. Положение таково: на Западе противник сосредоточился за своими укреплениями. Нет возможности на него напасть.

Решает следующее: как долго мы можем выдержать такое положение? Россия в настоящее время не опасна. Она ослаблена многими внутренними событиями, а кроме того, у нас с ней договор. Однако договоры соблюдаются только до тех пор, пока они целесообразны... Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе».

В 1940 году после разгрома французской армии настал тот момент, который Гитлер и его сподвижники посчитали самым удобным для осуществления своих агрессивных замыслов.

Фюрер не хотел терять времени. 22 июля 1940 года, в день капитуляции Франции, Гальдер получил указания от Гитлера и Браухича о разработке плана вторжения в Советский Союз.

...Лежат передо мной пожелтевшие, постаревшие бумаги. Когда-то их содержание было строжайшей тайной. Сначала эти документы писали от руки, чтобы не посвящать машинисток. Затем, если даже перепечатывали, то всего в нескольких экземплярах. Каждая копия была на особом учете. Передавались эти экземпляры для ознакомления только из рук в руки или через доверенного офицера, причем пакет опечатывался специальными печатями и хитрыми приспособлениями, чтобы о его содержании не мог узнать никто, кроме адресата. Каждый, ознакомившийся с текстом, заносился в специальный список, чтобы в случае утечки сведений можно было установить, кто именно проболтался или выдал тайну.

Лежат в могилах те, кто разрабатывал эти страшные планы, и те, против кого замышлялись они. Тайны уже не тайны — теперь эти документы, вернее копии с них, доступны каждому. Вот лежат они и на моем столе. Но строгие слова в самом начале текста все еще как бы предупреждают: «Совершенно секретно», «Только для командования», «Передавать только через офицера».

Каждый из документов разрабатывался иногда длительное время, его созданию предшествовали указания Гитлера, затем появлялись варианты, проекты, разработанные Генштабом, потом шли обсуждения на высоком уровне. И, наконец, рождалась окончательная директива, руководствуясь которой армия начинала действовать.

Гитлеровцы давали своим планам условные наименования: «Отто», «Вейс», «Грюн», «Гельб», «Морской лев» и так далее. За такими названиями стоит не только некий аромат рыцарских времен, хотя гитлеровцы и бравировали своими традициями, за ними стоит и штабной профессионализм: без долгих объяснений, с одного слова ясно, о чем идет разговор: «Грюн» — вторжение в Чехословакию, «Вейс» — война с Польшей, «Гельб» — с Францией...

Надо еще помнить, что планы эти рождались за кулисами дипломатических ходов и за широкими декорациями пропаганды и контрпропаганды всеми возможными средствами: в печати, эфире, устно. Причем одной из главных задач всего этого было отвлечь, замаскировать, а проще сказать, обмануть другие страны, их правительства и народы. Добавим сюда еще мощнейшие, тщательно законспирированные сети разведки и контрразведки, которые проникали всюду, опутывали своей невидимой паутиной страну, намеченную для нападения, проникая в ее тайны и сея слухи, либо отвлекающие внимание от действительных намерений агрессора, либо заранее порождающие страх перед его могуществом.

Один из самых продуманных и тщательно отработанных планов, к которому Гитлер шел многие годы, ради осуществления которого провел так много завоевательных операций в Европе, был план войны против Советского Союза, план, которому Гитлер дал название «Барбаросса» — по имени Фридриха I Барбароссы.

Я много раз читал и перечитывал план «Барбаросса», и, признаюсь честно, меня каждый раз поражало — если на минуту отвлечься от агрессивной бессовестности и коварства этого плана — высокое военноштабное мастерство составителей. Может быть, это мое специфическое отношение офицера-генштабиста, но я знаю, как весома и значительна каждая строка в директивном документе, какой скрупулезной работой это достигается, какой огромный багаж знаний и опыта надо иметь, чтобы в несколько слов или фраз вложить большой смысл, да так, чтобы все, кто будет читать и исполнять, правильно тебя поняли — иначе взаимодействие исполнителей пойдет вразброд, а их, этих исполнителей, сотни, непонимание же и разброд могут стоить десятков, а то и сотен тысяч человеческих жизней.

...Итак, Гитлер дал подробные указания, и они легли в основу будущего плана. Под руководством Гальдера разрабатывались два его варианта, каждый самостоятельно. Над одним из них работали в ОКВ под руко-

водством Йодля и его заместителя генерала Варлимонта. Этот вариант шел под кодом «Этюд Лоссберга». Он был завершен к 15 сентября и отличался от другого варианта — генерала Маркса — тем, что в нем главный удар определялся на северном участке фронта.

Гитлер при принятии окончательного решения согласился с соображениями Йодля — Лоссберга.

Кстати, еще на стадии выработки плана «Барбаросса» Гитлер показал себя в некотором отношении более дальновидным, чем его генералитет, который впоследствии обвинял его в необоснованных решениях, а себя выставлял трезвым, разумным и осторожным. Когда речь зашла о постановке целей, то Браухич заявил, что ближайшей целью для группы армий «Север» должны быть Псков и Ленинград, для группы армий «Центр» — Смоленск и Москва, а для группы армий «Юг» — Киев. Иными словами, он вполне авантюристически предлагал, чтобы все три группы армий, идя безостановочно от самой границы, одним махом достигли указанных городов и взяли их. Гитлер же дал указание разделить операцию на два этапа: сначала уничтожить противника в Прибалтике и создать себе тем самым надежную базу для последующей фланговой атаки на Москву. Эти совершенно разумные с военной точки зрения указания и были учтены в окончательном плане.

К тому времени, когда были разработаны эти варианты, заместителем начальника генерального штаба был назначен генерал Паулюс, и ему была поставлена задача свести все планы воедино и учесть те замечания, которые высказывал фюрер на различных совещаниях.

Судьба жестоко подшутила над генералом Паулюсом. Именно он, тот, кто составил окончательный план нападения на нашу страну, стал первым пленным немецким фельдмаршалом. Это его 6-я армия была окружена под Сталинградом и уничтожена, а сам он попал в плен.

Кстати, находясь уже в плену, фельдмаршал Паулюс написал некоторые воспоминания и заметки по отдельным вопросам, в том числе и заметки о том, как составлялся план «Барбаросса». Я думаю, читателям будет интересно это свидетельство одного из соавторов агрессивного плана, несомненно, больше других посвященного в намерения Гитлера.

Очень любопытное совпадение! Бывают же такие невероятные параллели в истории! В середине декабря 1940 года, когда в Москве происходили игра и совещание руководителей партии с военачальниками, в эти же дни в Берлине проходили аналогичные игра и совещание военного и нацистского руководства, на котором обсуждался и отрабатывался план «Барбаросса». Эта игра проводилась под руководством генерала Паулюса.

У нас есть возможность узнать о том, как проводилась игра на немецкой стороне. Об этом рассказал сам фельдмаршал Паулюс в своих воспоминаниях:

«Подготовительная игра для операции «Барбаросса» проводилась под моим руководством в середине декабря 1940 года в течение двух дней в ставке командования сухопутных войск в Цоссене...

Теперь, когда подлинный ход операции, именуемой походом на Восток, уже принадлежит истории, для интересующегося военными вопросами будет очень полезно ознакомиться с тогдашними мыслями и тогдашними оценками возможностей: ниже я изложу основные точки зрения штабной игры — разумеется, не во всех подробностях, которые подверглись обсуждению.

...Главной целью была Москва. Для достижения этой цели и исключения угрозы с севера должны были быть уничтожены русские войска в прибалтийских республиках. Затем предполагалось взять Ленинград и Кронштадт, а русский Балтийский флот лишить его базы. На юге первой целью была Украина с Донбассом, а в дальнейшем — Кавказ с его нефтяными источниками. Особое значение в планах ОКВ придавалось взятию Москвы. Однако взятию Москвы должно было предшествовать взятие Ленинграда. Взятием Ленинграда преследовалось несколько военных целей: ликвидация основных баз русского Балтийского флота, вывод из строя военной промышленности этого города и ликвидация Ленинграда как пункта сосредоточения для контрнаступления против немецких войск, наступающих на Москву.

Когда я говорю, что было принято решение, то этим я не хочу сказать, что во мнениях ответственных командиров и штабных офицеров было полное единство. Раздавалось много тревожных голосов как по поводу допустимости всей операции, так и по поводу трудностей, связанных с выполнением поставленной цели. С другой стороны, хотя об этом говорилось мало, высказывалось мнение, что вполне следует ожидать быстрого краха советского сопротивления как следствия внутриполитических трудностей, организационных и материальных слабостей так называемого «колосса на глиняных ногах...»

Оборву цитирование воспоминаний Паулюса и перескажу дальнейший ход событий. Начальник генерального штаба сухопутных войск Гальдер при обсуждении этой игры сказал:

— Вся территория, на которой будут происходить операции, делится припятскими болотами на северную и южную половины. В последней плохая сеть дорог. Наилучшие шоссейные и железные дороги находятся на линии Варшава — Москва. Поэтому в северной половине представляются более благоприятные условия для использования большого количества войск, нежели южнее. Кроме того, в группировке русских намечается значительное массирование войск в направлении русско-германской демаркационной линии. Следует полагать, что сразу же за бывшей русско-польской границей располагается база снабжения русских, прикрытая полевыми укреплениями. Днепр и Западная Двина представляют собой самый восточный рубеж, на котором русские вынуждены будут дать сражение. Если же они будут отходить дальше, то они не смогут больше защитить свои промышленные районы. Вследствие этого наш замысел должен сводиться к тому, чтобы с помощью танковых клиньев не допустить создания русскими сплошного оборонительного фронта западнее этих двух рек. Особенно крупная ударная группировка должна наступать из района Варшавы на Москву. Из предусматриваемых трех групп армий северную необходимо будет направить на Ленинград, а силами южной нанести главный удар в направлении Киева. Конечной целью операции является Волга и район Архангельска. Всего должно быть использовано 105 пехотных, 32 танковые и моторизованные дивизии, из числа которых крупные силы (две армии) вначале будут следовать во втором эшелоне.

На игре присутствовал Гитлер, он согласился с изложенными оперативными замыслами и заметил по этому поводу следующее:

— Важнейшая цель — не допустить, чтобы русские отходили, сохраняя целостность фронта. Наступление следует вести так далеко на восток, чтобы русская авиация не могла совершать налеты на территорию германского рейха и чтобы, с другой стороны, немецкая авиация могла наносить удары с воздуха против русских военно-промышленных районов. Для этого необходимо добиться разгрома русских вооруженных сил и воспрепятствовать их воссозданию. Уже первые удары должны быть нанесены такими частями, чтобы можно было уничтожить крупные силы противника. Поэтому подвижные войска следует использовать на смежных флангах обеих северных групп армий, где будет наноситься главный удар. На севере необходимо добиться окружения вражеских сил, находящихся в прибалтийских странах. Для этого группа армий, которая будет наступать на Москву, должна иметь достаточно войск, чтобы быть в состоянии повернуть значительную часть сил на север. Группа армий, наступающая южнее припятских болот, должна выступить позже и добиться окружения крупных вражеских сил на Украине путем совершения охватывающего маневра с севера... Предусмотренная для проведения всей операции численность войск в 130—140 дивизий достаточна.

18 декабря 1940 года Гитлер подписал полностью отработанный план «Барбаросса».

РОКОВАЯ НОЧЬ

Ночь на 22 июня 1941 года вошла в историю, она стала ночью, во мраке которой было начато одно из самых больших злодеяний в истории человечества. Большинство преступлений, грабежей, убийств всегда вершилось под покровом ночи. «Аки тать в нощи», говорит русская поговорка, разбойники накидывались на жертвы.

Так было и в ту роковую ночь. Спали народы нашей страны. Спала Европа. Спали в казармах красноармейцы. Спали в своих квартирах командиры.

Спали Гитлер и Сталин — два диктатора; они уже подписали каждый свои приказы и распоряжения, выполняя которые миллионы людей будут убивать друг друга.

Спали и те «более двадцати миллионов» человек, кому было предназначено лечь в землю и остаться в истории под коротким бесстрастным словом «потери». Еще живые, теплые и расслабленные, они отдыхали в мягких постелях рядом с женами, детьми, родными и близкими, кому уже тоже было предрешено до конца своих дней проливать о них слезы.

Не спали лишь дежурные в штабах частей и соединений у телефонов и опечатанных сейфов, в которых хранились в красных пакетах, залитых по углам тяжелыми сургучными печатями, боевые приказы на случай войны. Никто не знал, что написано в этих приказах (и мы пока не будем говорить об этом), команда на вскрытие пакета должна была поступить по телефону только от вышестоящего командира, и вскрыть пакет имел право тоже только лично командир.

И еще не спали в эту ночь, как и во все предыдущие ночи, работники наркоматов внутренних дел, госбезопасности и «Смерша» («Смерть шпионам») — так называлась военная контрразведка. Эти «организации» были заняты своей обычной ночной работой, арестовывали «врагов народа», допрашивали в своих многочисленных тюрьмах или расстреливали тех, как говорится, чей час пробил.

Усилия этих органов, острие их карающего меча были в предвоенные годы обращены внутрь страны. До того увлеклись они этой своей работой, опьяняющей вседозволенностью и безнаказанностью, что даже не видели гитлеровцев, переодетых в красноармейскую форму и строем шагавших по улицам Бреста! (Они перебрались через границу в вагонах с двойным дном.) Даже этого не разглядели стражи государственной безопасности, увлеченные арестами своих беззащитных и, как позднее выяснялось, невиновных соотечественников.

В эту ночь начали активно действовать засланные на нашу территорию диверсионные группы. В первый же час войны был сброшен на парашютах в наши тылы целый полк специального назначения «Бранденбург». Его солдаты и офицеры, диверсанты высокого класса, были разделены на множество групп, которые приступили к нарушению линий связи, уничтожению командного состава. Они же наводили свои самолеты на расположение наших частей в ночное время, распространяли слухи, предпринимали различные меры, чтобы породить панику и неразбериху.

Не спала в эту ночь и вся немецкая армия. Под покровом темноты сотни тысяч солдат, офицеров и генералов, крадучись, двинулись в сторону советской границы. Первыми вылетели самолеты, чтобы в 3 часа 30 минут быть над городами, намеченными для бомбардировки. Первые бомбы должны разорваться одновременно со снарядами, которыми выстрелят в эти минуты десятки тысяч орудий и минометов. Вся пограничная зона, прилегающие к ней города от Балтийского до Черного моря должны быть покрыты огнем разрывов. Взрывы должны в этой зоне убить людей, разрушить дома, укрепления, сжечь, уничтожить склады с боеприпасами, продовольствием и горючим. Смешать живое и мертвое и открыть путь армадам танков, автомобилей и тягачей, ревя моторами, они повезут на чужую землю миллионы сильных, здоровых людей, которым предстояло стать не только убийцами, но, в свою очередь, мертвецами и калеками.

Чтобы осуществить внезапное нападение под покровом ночи, колонны наземных войск двигались к границе с погашенными фарами. Не зажигая огней, темными силуэтами вышли из баз военные корабли. Немецкая авиация была поднята со своих аэродромов в разное время, но все авиационные соединения пересекли границу одновременно с началом артиллерийского обстрела. Самолеты врага обрушили мощный бомбовый удар по хорошо разведанным аэродромам, застали наши самолеты на земле и нанесли огромные потери.

В штабах с зашторенными окнами над развернутыми картами склонились немецкие маршалы, генералы и офицеры: все рассчитано, расписано, определено: «ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт...»

Вот дневниковая запись генерала Гудериана, командующего 2-й танковой группой, одного из тех бронированных клиньев, которым предстояло вонзиться в нашу оборону и расколоть ее, чтобы затем окружить и уничтожить Красную Армию еще до рубежа Днепра.

«20 и 21 июня находился в передовых частях моих корпусов, проверяя их готовность к наступлению. Тщательное наблюдение за русскими убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они проводили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками. Работы по укреплению берега едва ли хоть сколько-нибудь продвинулись вперед за последние недели. Перспективы сохранения момента внезапности были настолько велики, что возник вопрос, стоит ли при таких обстоятельствах проводить артиллерийскую подготовку в течение часа, как это предусматривалось приказом. Только из осторожности, чтобы избежать излишних потерь в результате неожиданных действий русских в момент форсирования реки, я приказал провести артиллерийскую подготовку в течение установленного времени.

В роковой день 22 июня 1941 г. в 2 часа 10 мин. утра я поехал на командный пункт группы и поднялся на наблюдательную вышку южнее Богокулы, 15 км северо-западнее Бреста. Я прибыл туда в 3 часа 10 мин., когда было темно. В 3 часа 15 мин. началась наша артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 мин. — первый налет наших пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 мин. началась переправа через Буг передовых частей 17-й и 18-й танковых дивизий. В 4 часа 45 мин. первые танки 18-й танковой дивизии форсировали реку. Во время форсирования были использованы машины, уже испытанные при подготовке плана «Морской лев». Тактико-технические данные этих машин позволяли им преодолевать водный рубеж глубиной до 4 метров...

Внезапность нападения была достигнута на всем фронте танковой группы. Западнее Брест-Литовска (Бреста) 24-м танковым корпусом были захвачены все мосты через Буг, оказавшиеся в полной исправности. Северо-западней крепости в различных местах полным ходом шла наводка мостов. Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление. Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссейные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец».

* * *

В ночь на 22 июня в Москве в здании Генерального штаба и Наркомата обороны все окна светились ярким светом. Жуков сидел за массивным письменным столом, говорил по телефону с командующими западных округов, спрашивал, доведена ли директива до войск, спокойно ли на границе. Все работники Генштаба были на своих местах.

Накануне поступили многочисленные доклады (да и прежде их было немало) о возможном нападении Германии в ближайшие дни. Сообщения наших разведчиков из-за границы, показания немецких военнослужащих-перебежчиков, сообщения доброжелателей из-за кордона — все сходилось на том, что нападение неотвратимо.

Вечером 21 июня Жукову позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев, он доложил:

— К пограничникам явился немецкий фельдфебель, перебежал с той стороны, утверждает, что он наш друг и доброжелатель, поэтому сообщает:

немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Закончив разговор с Пуркаевым, Жуков немедленно позвонил наркому обороны Тимошенко и затем, с его разрешения, Сталину: доложил о сообщении перебежчика.

Сталин коротко приказал Жукову:

— Приезжайте с наркомом в Кремль.

Текст директивы войскам о приведении в полную боевую готовность и занятии позиций для отражения удара противника был заготовлен давно, Жуков не раз брал его с собой, собираясь на доклад к Сталину, но каждый раз Сталин не решался подписать этот документ, по его мнению, неминуемо повлекший бы начало войны. И вечером 21 июня, отправляясь вместе со своим заместителем в Кремль, Жуков опять взял эту директиву.

В приемной встретил Поскребышев, невысокий лобастый человек с бледным лицом. Он казался неотъемлемой частью этой комнаты, всегда, в любое время дня и ночи он был здесь, даже когда самого Сталина не было в кабинете. И еще здесь всех постоянно встречал и строго и тяжело смотрел на всех портрет Сталина в буденовке. Жуков видел этот портрет не в первый раз. Почему именно эта фотография времен гражданской войны висит здесь и когда Сталин так хорошо и удачно сфотографировался? В гражданскую вроде бы и фотоаппаратов таких не было, чтоб можно было щелкать на ходу, тогда работали громоздкими аппаратами, на трехногих штативах, поджигая для освещения магний, который после яркой вспышки густо дымил.

Сталин был в кабинете один, он спросил:

— А не подбросили немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?

Всеми силами Сталин стремился оттянуть войну, он много месяцев не разрешал предпринимать каких-либо мер у западной границы, которые могли вызвать раздражение, дать предлог для начала военных действий.

Жуков понимал эту осторожность Сталина, в те дни вообще все поступки Сталина считались единственно правильными, все верили в его абсолютную непогрешимость. Не только возражать ему, а просто не поддерживать, не разделять того, во что верил или хотел верить Сталин, было недопустимо и даже опасно.

Тимошенко, как и все из близкого окружения Сталина, знал это и никогда ни в чем не возражал, но на этот раз обстановка была настолько напряженной, что он решился быть более настойчивым и твердо ответил:

— Нет, считаем, что перебежчик говорит правду.

В этих словах наркома, несмотря на всю их решительность, все же проступает то чувство неуверенности, боязни, которое охватывало тогда всех, кто встречался со Сталиным. И за твердым голосом Тимошенко нетрудно уловить стремление не брать всю ответственность на себя одного, а разделить ее с другими — не «считаю», а «считаем», сказал он.

Видно, Сталин, вызывая к себе наркома и начальника Генштаба, приказал Поскребышеву пригласить и членов Политбюро — они один за другим входили в кабинет, и каждый молча садился на свой, негласно закрепленный за ним стул. Сталин коротко пересказал членам Политбюро сообщение наркома обороны и тут же спросил:

— Что будем делать?

Все молчали. Ответил Тимошенко:

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность.

— Читайте, — велел Сталин, уверенный, что текст директивы уже подготовлен.

Тимошенко взглянул на Жукова, тот раскрыл папку и прочитал проект. Заслушав его, Сталин возразил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем...

Сталину все еще казалось, если он не поверит в очередное сообщение разведки, то нападение не состоится.

— Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска пограничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Жуков и Ватутин вышли в приемную, быстро переработали проект директивы в соответствии с указанием Сталина и вернулись в кабинет.

Жуков прочитал новый текст. Сталин взял бумагу, перечитал ее, сделал несколько поправок и передал наркому:

— Подписывайте.

Обратим внимание на то, что, принимая такое ответственное решение — на грани войны, — Сталин не спросил мнения членов Политбюро, да и ни один из них не нашел нужным сказать что-либо, что наглядно демонстрирует характер отношений внутри Политбюро и единовластие Сталина.

Вот что было в этой первой директиве:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

21.6. 41 г.

Тимошенко
Жуков»

После того, как Сталин одобрил этот текст и Тимошенко с Жуковым его подписали, Ватутин выехал в Генеральный штаб, чтобы срочно передать директиву в округа.

* * *

...Вот и сидел в своем кабинете Георгий Константинович и проверял — дошла ли директива в округа, быстро ли ее там расшифровывают, приступили ли к выполнению этой директивы войска, какова обстановка на границе.

Как пишет Георгий Константинович в своих воспоминаниях, его не покидало беспокойство, что директива в войска может запоздать. 22 июня уже наступило, именно на этот день предсказывалось нападение, а многие важнейшие мероприятия на нашей стороне еще не были завершены, и именно поэтому Жукова, как он говорит, «обуревали тревожные размышления».

Еще не начинало светать, Жуков находился в кабинете наркома обороны. В 3 часа 07 минут раздался звонок телефона ВЧ. Звонил командующий Черноморским флотом адмирал Ф. С. Октябрьский:

— Система ВНОС[1] флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний.

Жуков спросил:

— Ваше решение?

[1] Система воздушного наблюдения, оповещения, связи.

— Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

Жуков спросил Тимошенко и, получив его согласие, ответил Октябрьскому:

— Действуйте и доложите своему наркому.

Тут же зазвонил другой телефон и, подняв трубку, Жуков услышал доклад начальника штаба Западного округа генерала В. Е. Климовских:

— Немецкая авиация бомбит города Белоруссии.

Следующий доклад был начальника штаба Киевского округа генерала М. А. Пуркаева:

— Авиация противника бомбит города Украины.

В 3 часа 40 минут доложил командующий Прибалтийским округом генерал Ф. И. Кузнецов:

— Вражеская авиация бомбит Каунас и другие города Прибалтики.

Тимошенко некоторое время был хмур и молчалив, а затем решительно сказал:

— Звони Сталину.

Жуков набрал номер телефона дачи Сталина. Долго никто не поднимал трубку, Жуков настойчиво набирал номер несколько раз, наконец послышался голос генерала Власика, начальника охраны Сталина.

— Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным,— сказал Жуков.

Власик долго молчал, пораженный просьбой Жукова, за всю долгую свою службу генерал не знал ни одного случая, когда кто-либо осмеливался беспокоить Сталина так поздно.

Негромко, словно стараясь не разбудить Сталина, генерал ответил:

— Товарищ Сталин спит.

— Будите немедля: немцы бомбят наши города! — сказал Жуков.

Через несколько минут к аппарату подошел Сталин и глухо сказал:

— Слушаю...

— Товарищ Сталин, немецкая авиация бомбит наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Просим разрешения начать ответные боевые действия.

Сталин долго молчал, Жуков слышал только его дыхание в трубке телефона. Молчание Сталина было так продолжительно, что Жуков подумал о том, что Сталин не расслышал его, и спросил:

— Вы меня поняли?

Но в трубке продолжалось долгое молчание. Наконец Сталин спросил:

— Где нарком?

— Нарком говорит по ВЧ с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль с Тимошенко. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал туда же всех членов Политбюро.

В 4 часа 30 минут утра 22 июня все члены Политбюро собрались в кабинете Сталина. Жуков и нарком обороны ожидали в приемной. Вскоре их пригласили в кабинет. Когда Жуков и нарком вошли в кабинет, Сталин, обращаясь к Молотову, сказал:

— Надо срочно позвонить в германское посольство.

Молотов здесь же в кабинете подошел к телефону и позвонил. Разговор его был недолгим, и он тут же сообщил всем присутствующим:

— Посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения.

— Иди, принимай и потом возвращайся немедленно сюда,— сказал Сталин.

* * *

Молотов как нарком иностранных дел принимал германского посла фон Шуленбурга в своем кабинете в Кремле. Несколько часов тому назад, в 21 час 30 минут вечера, они встречались в этом же кабинете. Причем тогда Шуленбург прибыл сюда по приглашению Молотова. Он был явно удивлен или делал вид, что удивлен, тем, что его вызвали в субботу, поздно вечером. Это выпадало из всех существовавших норм дипломатического общения. Молотов сказал тогда немецкому послу о том, что Советское правительство обратилось к германскому с вербальной нотой, которую передало через своего полпреда в Берлине, однако Риббентроп не принял советского полпреда, и разговор проводился только на уровне статс-секретаря. Учитывая это, Молотов просит Шуленбурга связаться со своим правительством и передать ему содержание этой вербальной ноты. В ней говорится о все учащающихся нарушениях немецкими самолетами советского воздушного пространства; только с 19 апреля по 19 июня 1941 года было зафиксировано 180 перелетов через нашу границу, причем самолеты углублялись на советскую территорию на 100—150 и более километров. Никаких мер в ответ на наши неоднократные заявления германское правительство не принимает и даже не считает нужным ответить на вербальную ноту.

После этого Молотов, как бы уже переходя на неофициальный разговор, спросил графа фон Шуленбурга:

— Какие, собственно, есть претензии у Германии к Советскому Союзу? За последнее время становятся все более устойчивыми слухи о якобы возможной войне между Германией и СССР. Советское правительство, со своей стороны, пытается реагировать на эти слухи, вот, например, в сообщении ТАСС от 14 июня эти слухи объявляются ложными, германское же правительство по этому поводу не дало ни одного опровержения. Чем это все объясняется?

Фон Шуленбург пожимал плечами, выглядел виноватым, но ничего конкретного не ответил.

И вот прошло всего несколько часов после той встречи, и теперь перед Молотовым стоял совсем другой Шуленбург, он был, вернее старался быть предельно официальным и строгим, но явно сильно волновался, не только руки, но даже и голос его подрагивал. Может быть, такое сильное волнение проявлялось у Шуленбурга еще и потому, что он, конечно, понимал, что говорит неправду и что обвинения, которые он официально передает от имени германского правительства, надуманны и нужны лишь для того, чтобы развязать себе руки. А говорил он о том, что Советское правительство будто бы концентрирует войска на своей западной границе и угрожает нападением Германии. Говорил он о том, что большевистская Москва, которая, согласно договорам, заключенным с Германией, считается ее союзницей, на самом деле готовится нанести национал-социалистской Германии удар с тыла. И что под давлением таких серьезных угроз политическо-военного и военного характера, исходящих от Советской России, Германия начиная с этого утра принимает соответствующие контрмеры.

Фон Шуленбург говорил еще что-то о том, что он всегда был другом Советской России и очень сожалеет, что ему не удалось предотвратить такие роковые решения, но Молотов этих фраз словно бы уже и не слышал. В его сознании пульсировало только одно слово — война, война, война...

Молотов шел по кремлевским коридорам очень быстро, почти бежал. Распахнув дверь в кабинет Сталина, он прямо с порога громко сказал:

— Германское правительство объявило нам войну.

При этих словах, как пишет Жуков в своих воспоминаниях, «Сталин опустился на стул и глубоко задумался.

Наступила длительная, тягостная пауза».

Члены Политбюро молчали. Молчал Сталин. Первым нарушил затянувшееся молчание Жуков. Он сказал:

— Разрешите немедленно обрушиться на вторгнувшегося противника всеми имеющимися в приграничных округах силами и задержать его дальнейшее продвижение.

Видимо желая облегчить тяжесть момента, маршал Тимошенко решительно добавил:

— Не задержать, а уничтожить!

Сталин поднялся со стула и, еще явно плохо владея собой, сказал:

— Давайте директиву.

Как известно, наши военные планы во многом исходили из неоднократно объявленной доктрины: если враг нападет на Советскую страну, то он будет изгнан с нашей земли и разбит на его собственной территории, причем война будет вестись малой кровью, а в тылу врага нам помогут

братья по классу; составной частью доктрины было утверждеине: ни одного вершка чужой земли не хотим, но и своей земли ни одного вершка не отдадим никому.

В 7 часов 15 минут 22 июня была дана войскам директива наркома обороны № 2. В этой директиве приказывалось:

«1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиации установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100—150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать».

Отдавая подобный приказ войскам, ни Сталин, ни руководство наркомата обороны не знали, что происходит в пограничных округах. Достаточно обратить внимание на нереальность задач, поставленных в этой директиве. К этому моменту огромное количество советских самолетов уже было уничтожено на своих же аэродромах, так что они не могли разбомбить не только Кенигсберг и Мемель, но и выполнять более ограниченные задачи по поддержке боевых действий наземных войск.

Войска не успели выполнить первую директиву от 21 июня, которая предписывала им занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе. Директива поступила в войска с большим опозданием; выяснилось, как пишет Жуков в своих воспоминаниях, «что перед рассветом 22 июня во всех западных приграничных округах была нарушена проводная связь с войсками и штабы округов и армий не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Заброшенные ранее немцами на нашу территорию диверсионные группы разрушали проволочную связь. Убивали делегатов связи, нападали на командиров. Радиосредствами значительная часть войск приграничных округов не была обеспечена».

В результате такого опоздания распоряжений Генерального штаба и подчиненных ему штабов войска начали выходить к государственной границе в 4—6 часов утра 22 июня, то есть тогда, когда авиация противника была уже хозяйкой в воздухе и могла беспрепятственно — после уничтожения нашей авиации — бомбить движущиеся колонны советских частей.

Директива наркома обороны № 2 оказалась явно нереальной, а потому тоже не была выполнена. По сути дела, наркомат обороны и сам Сталин не могли компетентно руководить боевыми действиями войск в этот первый день войны, о чем свидетельствует Жуков в своей книге: «Генеральный штаб, в свою очередь, не мог добиться от штабов округов и войск правдивых сведений и, естественно, это не могло не поставить на какой-то момент Главное командование и Генеральный штаб в затруднительное положение».

В своих воспоминаниях Хрущев так передает ту растерянность, которая в первые часы войны охватила руководство страны и больше всего Сталина:

«Он, видимо, был совершенно парализован в своих действиях, не мог собраться с мыслями. Потом уже, позже, после войны, я узнал, что в первые часы войны Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее. Когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Я не знаю, все ли, или определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин был совершенно подавлен морально. Он сделал примерно такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически. Ленин нам оставил пролетарское Советское государство, а мы его просрали». Он буквально так и выразился, по словам Берия. «Я,— говорит,— отказываюсь от руководства». И ушел. Ушел, сел в машину и уехал на ближнюю дачу.

«Мы,— говорит Берия,— остались. Что же дальше? После того как Сталин так себя повел, прошло какое-то время. Мы посовещались с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым. (Хотя был ли Ворошилов, я не знаю, потому что в это время он был в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии.— Н. Х.) Посовещались и решили поехать к Сталину и вернуть его к деятельности с тем, чтобы использовать его имя и его способности в организации обороны страны.

Мы поехали. Когда мы приехали, то я по лицу видел, что Сталин очень испугался. Я думаю, он подумал, не приехали ли мы арестовать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает по организации отпора немецкому нашествию.

Когда мы стали его убеждать, что страна наша огромная, что мы еще имеем возможность организоваться, мобилизовать промышленность, людей, одним словом, сделать все, чтобы поднять и поставить на ноги народ в борьбе против Гитлера, только тогда Сталин вроде опять немножко пришел в себя».

До 8 часов утра 22 июня в Генеральном штабе, несмотря на все усилия его работников, так и не удалось установить, что же реально происходит на государственной границе. Но в 9 часов 30 минут утра Сталин вновь встретился с Тимошенко и Жуковым и сказал им:

— В 12 часов по радио будет выступать Молотов.

Затем Сталин прочитал представленный ему Тимошенко и Жуковым проект указа о проведении мобилизации. Он внес исправления и частично сократил размеры этой мобилизации (все еще не верил, что началась большая война!). Затем вызвал Поскребышева, передал ему текст этого указа и сказал, чтоб утвердили в Президиуме Верховного Совета.

Во время этого посещения Тимошенко положил Сталину на стол также проект создания Ставки Главного Командования. Сталин не подписал этот проект сразу и сказал, что обсудит его на Политбюро. Состав Ставки был объявлен на следующий день, 23 июня. Постановлением ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров в нее были введены народный комиссар обороны С. К. Тимошенко — председатель (а по проекту, предложенному накануне, председателем предлагалось сделать сразу И. В. Сталина), начальник Генерального штаба генерал Г. К. Жуков, И. В. Сталин, В. М. Молотов, маршалы К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н. Г. Кузнецов.

В 12 часов дня 22 июня выступил по радио Молотов.

В одной из моих бесед с ним Молотов рассказал мне, как готовилось это выступление:

— В тот страшный, тревожный день в горячке разговоров, распоряжений, телефонных звонков кто-то сказал, что надо бы выступить по радио, сказать народу о случившемся, призвать к отпору врагу. Высказав это, все притихли, смотрели на Сталина. Я сказал, что выступать перед народом и страной, конечно же, нужно Сталину. Члены Политбюро молчали, ждали — что скажет на это Иосиф Виссарионович? Он довольно долго не отвечал, прохаживался, как обычно, по кабинету, а потом ответил на это предложение отрицательно. Он считал, что рано ему выступать в первый день, будут еще другие возможности, а сегодня пусть выступит Молотов. После этих слов Сталин опять стал ходить по кабинету и, как бы ни к кому не обращаясь, рассуждал о том, что стряслось.

Молотов сказал дальше, что он стал делать пометки на бумаге, намереваясь при подготовке выступления использовать то, что говорил Сталин. А Сталин говорил о том, что все вроде бы делали мы правильно, взвешивали, оценивали и всячески показывали и свое стремление к миру, и доброжелательное отношение к Германии, и договор соблюдали неотступно, во всех деталях. Никакого повода не давали немцам для сомнения в нашей искренности в политике и в дипломатии. Потом он сказал: не хватило нам времени, просчитались мы именно в подсчете времени, не успели осуществить все необходимое для отражения врага. После паузы, пройдясь по кабинету, добавил: вот мы-то договор соблюдали и поставки по договору осуществляли полностью и своевременно, а они, немцы, Гитлер, так вероломно с нами обошлись, нарушили договор. Ну что же от них ждать? У них свои понятия о порядочности и честности. Мы их считали честными, вот еще и поэтому просчитались, а они оказались коварными. Ну, ничего, Гитлер за это жестоко поплатится! Мы ему докажем, что он просчитался, мы уничтожим его!

Затем, после некоторой паузы Сталин сказал о том, что Гесс перелетел в Англию несомненно для сговора с Черчиллем и если он добился каких-то гарантий со стороны англичан, то те не откроют второго фронта на западе, чем развяжут Гитлеру руки для действий на востоке. Но если даже такой сговор и состоялся, все равно найдутся у нас и другие союзники на западе. Англия — это еще не все. И потом, опять помолчав, Сталин сказал: нелегко нам придется, очень нелегко, но выстоять надо, другого выхода у нас нет.

Молотов сказал, что свое выступление он подготовил здесь же, в кабинете Сталина, причем в подготовке его участвовали и другие члены Политбюро и Сталин вставил несколько фраз, Молотов же формулировал окончательный текст с учетом этих отдельных замечаний и того, что Сталин говорил перед этим, прохаживаясь по кабинету.

В этом первом официальном выступлении Советского правительства прозвучали слова, которые стали своеобразным девизом всей Великой Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Молотов еще вспомнил:

— После моего выступления по радио, когда я вернулся в кабинет Сталина, он сказал: вот видишь, как хорошо получилось, правильно, что выступал сегодня ты. Я звонил сейчас командующим фронтов, они не знают даже точной обстановки, поэтому мне просто нельзя было сегодня выступать, будет еще время и повод и мне придется выступать не раз. А эти наши командующие, там, впереди, видно растерялись... Просто удивительно, что такие крупные военачальники и вдруг растерялись, не знают, что им делать. У них есть свои определенные обязанности, и они должны их выполнять, не дожидаясь каких-то наших распоряжений. Даже если бы не было никаких наших директив, все равно они должны были бы сами отражать врага, на то они и армия.

Около полудня 22 июня Жукову позвонил Сталин:

— Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями войск и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Ставки Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызывал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылетать немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь.

Жуков был обескуражен таким неожиданным приказом, он как начальник Генерального штаба был, как ему казалось, необходим сейчас здесь, в центре руководства боевыми действиями всех армий, и вдруг такое неожиданное распоряжение! Он спросил:

— А кто же будет осуществлять руководство Генеральным штабом в такой сложной обстановке?

Сталин ответил:

— Оставьте за себя Ватутина, — и несколько раздраженно добавил: — Не теряйте времени, мы тут как-нибудь обойдемся.

Жуков действительно не терял времени и, даже не заехав домой, а только позвонив по телефону, через сорок минут был в воздухе, и к исходу первого дня войны, 22 июня, был уже в Киеве, где встретился с секретарем ЦК Украины Н. С. Хрущевым.

Поздоровавшись с Жуковым, Хрущев сказал:

— Дальше лететь на самолете нельзя, немецкие летчики гоняются за каждым нашим самолетом. Надо ехать на машинах.

В этот же день поздно вечером Хрущев и Жуков добрались до командного пункта Юго-Западного фронта генерал-полковника М. П. Кирпоноса...

Так начался и так завершился этот роковой день 22 июня 1941 года для высшего военного и политического руководства нашей страны.

ПЕРВЫЕ БОИ

В первые дни Великой Отечественной войны руководство Советской страной, как уже говорилось, не владело ситуацией, командование Красной Армии не всегда знало обстановку и не держало в руках управление армиями. В этом отношении поход гитлеровской армии на Восток, когда начинался, был похож на молниеносные удары в Западной Европе, где руководство, парализованное внезапным и мощным ударом, оказывалось не в состоянии организовать отпор, хотя располагало силами, порой достаточными для довольно длительного сопротивления, как, например, во Франции.

И вот на советской земле вроде бы повторялся такой же шок у руководства из-за отсутствия связи, информации, нарушения управления войсками. Но вдруг обнаружилась какая-то сила, которая не позволила полностью рухнуть нашей обороне и не дала возможности гитлеровцам беспрепятственно двигаться в глубь страны. Что же это была за сила? Кто же сдерживал гитлеровские армии?

Здесь и проявились стойкость и мужество советского народа. Народ спас свою Родину — советские люди в военной форме и не успевшие надеть ее! Не имея конкретных указаний от высших руководителей, командиры, сержанты и красноармейцы в частях и соединениях, по своей инициативе, стойко и мужественно встретили врага. И еще, конечно, была могучая сила, которая сдерживала и не позволяла всем обратиться в бегство, — это коммунисты на местах. Партийные организации в ротах, батальонах, полках, дивизиях, горкомы и обкомы партии тоже были той силой, которая являлась организующим костяком. Бойцы и командиры были воспитаны в духе стойкости, необходимости драться до последнего, что тоже было подготовлено и партией, и командирами Красной Армии еще до войны. Немаловажную роль играло в этот период и имя Сталина. С его именем тогда связывались все успехи и надежды в Советской стране, это было внедрено в сознание солдат и командиров. И когда звучали призывы: «За Родину! За Сталина!», они произносились искренне, так как народ в своем большинстве не знал тех его страшных дел, которые стали известны позже.

В своих воспоминаниях Жуков говорит: «Наша историческая литература как-то лишь в общих чертах касается этого величайшего приграничного сражения начального периода войны с фашистской Германией. Следовало бы детально разобрать оперативную целесообразность применения здесь контрудара механизированных корпусов по прорвавшейся главной группировке врага и организацию самого контрудара. Ведь в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови».

В наши дни пожелание Жукова о детальной разработке оперативной целесообразности контрударов механизированных корпусов широко и достаточно полно осуществлено в специальной военной литературе. Но мне бы хотелось и здесь хотя бы частично реализовать пожелание маршала о более детальном разборе причин срыва вражеского плана стремительного прорыва к Киеву, тем более что сам Жуков в общих словах указывает эту причину — «стойкость советских воинов, готовых драться до последней капли крови».

Разумеется, невозможно охватить все боевые эпизоды и ситуации даже на том участке, о котором говорит Жуков. Возьмем только одно направление удара, который наносила первая танковая группа Клейста: в полосе его действий оказались города Владимир-Волынский, Перемышль, Броды, Луцк, Дубно, Житомир, Винница и далее — Киев.

Здесь же в первые дни войны был и Жуков.

Кто же они, эти славные герои, первыми отражавшие нападение? Жуков не мог в те дни знать их имена. Мне кажется, будет правильным, если мы найдем и вспомним хотя бы некоторых из них.

Как и на других направлениях, здесь первыми приняли и пытались отразить удар гитлеровцев пограничники. Вот только один эпизод из сотен похожих.

Я стараюсь, где только возможно, посмотреть, послушать, прикоснуться самому к тому, о чем я рассказываю. Решил и на этот раз поехать в те места, где был Г. К. Жуков в первые дни войны. Начал я от границы. Искал, может быть, кто-то уцелел из местных жителей и мог бы рассказать о тогдашних боях. В этом районе находилась известная своим подвигом застава А. В. Лопатина. В райкоме мне дали сопровождающего, и мы поехали на заставу, которая сегодня носит имя своего командира незабываемых дней.

Было прохладное утро, машина катила по чистым улицам города. Справа и слева стояли добротные двухэтажные кирпичные дома. Здесь такая мода — все строят дома с мезонинами. Окруженные садами и множеством цветов, они больше похожи на дачи, чем на жилые дома колхозников. Вскоре подъехали к поселку.

— Это колхоз имени героя-пограничника Лопатина. Сейчас на окраине будет хата, обратите на нее внимание, — сказал мой спутник.

За окошком машины мелькнула темная изба с подслеповатыми окошечками и почерневшей от времени соломенной крышей.

— Единственная довоенная хата, уцелевшая здесь...

Машина остановилась на зеленом травянистом берегу широкого Буга. Неподалеку от реки, на взгорке, возвышался обелиск, рядом — аккуратный домик под шиферной крышей.

На крыльце, приветливо улыбаясь, ждала немолодая женщина невысокого роста.

— Знакомьтесь! Анфиса Алексеевна Лопатина.

Все, что в моем представлеиии связано с этой фамилией, было где-то далеко, по ту сторону войны, поэтому я подумал, что Анфиса Алексеевна просто однофамилица легендарного Лопатина. Сопровождающий, заметив, что я не совсем понимаю, кто стоит передо мной, представил:

— Анфиса Алексеевна, жена начальника заставы лейтенанта Лопатина. Во время боя двадцать второго июня сорок первого она была здесь, рядом с мужем.

Не буду описывать волнение, охватившее меня от сознания того, что я вижу, могу говорить с человеком, который был здесь в первые часы и дни войны!

Мы осмотрели этот своеобразный музей, хранящий память о подвиге бойцов заставы. Много уникальных экспонатов: оружие героев, фотографии, документы, письма. Потом пошли с Анфисой Алексеевной к могильным плитам: «Начальник заставы лейтенант Лопатин А. В.», «Младший политрук Гласов П. И. — зам. нач. заставы по политчасти», «Клищенко П. П. — старшина заставы», «Рядовой Никитин И. И. — секретарь комсомольской организации». Всего пятьдесят восемь могил. Из шестидесяти защитииков заставы уцелели двое.

Я смотрел на противоположный берег Буга, откуда пришла война. Тихо звучал голос Анфисы Алексеевны Лопатиной:

— В ночь на двадцать второе июня муж, как обычно, пошел на границу проверять службу нарядов. Вернулся он в три часа ночи. Я ждала его с ужином. Есть он не стал, сказал: «Очень неспокойно, тревожно и на душе, и на границе». Прилег отдохнуть и только заснул — вдруг ударила по дому артиллерия. Очень неожиданно это было, то была тишина — и вдруг, как обвал, как гром и молния, ударило по заставе. Муж вскочил и крикнул: «Бери детей, беги в укрытие». У нас тогда двое сыновей подрастали. Я побежала с детьми к подвалу заставы и увидела, что гитлеровцы переправляются через Буг. Жены командиров оставили детей в подвале с одной бабушкой, а сами пошли помогать мужьям, стали перевязывать раненых, подносить патроны, гранаты. Первые четыре попытки фашистов переправиться были отбиты, тогда они перебрались правее и левее заставы и вскоре окружили нас и стали обстреливать со всех сторон. Пограничники держались стойко, все были уверены — скоро придут наши и выбьют нарушителей границы. Но бои гремели повсюду, и мы поняли — это не провокация, а война. На четвертый день Лопатин послал Галченкова и Герасимова в разведку — узнать, где наши. Они не вернулись, и мы не знали, что с ними случилось. На седьмые сутки немецкий офицер кричал в рупор: «Сдавайтесь, вам никто не поможет! Наши войска взяли Минск!» Мы этому, конечно, не верили, но и держаться становилось все труднее. Многие пограничники были убиты, остальные ранены, но оставались в траншее. Фашисты перестали нас атаковать, наверное, решили взять измором.

А с западного берега Буга все шли и шли войска на нашу территорию. И вот из этих новых частей, видимо, не зная, что застава еще жива, на девятый день боя к нам подъехали две машины и мотоциклисты. Пограничники воспользовались этим, забросали машины гранатами, уничтожили гитлеровцев, а одного офицера захватили в плен. Попала в наши руки и рация. Пытались мы по этой рации связаться со своими, но гитлеровцы, взбешенные гибелью своих офицеров, решили, видно, стереть заставу с лица земли, они открыли ураганный артиллерийский огонь и буквально смешали все с землей. Но все же пока были живы несколько пограничников, жила и застава. На десятый день осталось всего восемь бойцов. Я умоляла мужа уйти в лес, пробиться к своим или к партизанам, но он непреклонно отвечал: «Я заставу не оставлю, буду стоять насмерть, а ты и другие женщины должны спасать детей». Ночью мы с детьми поползли.

Лопатина идет по крутому берегу и показывает на скат:

— Вот здесь и ползли берегом, прикрывая своими телами детишек от возможного обстрела.

Мне приходилось бывать на местах боев, в которых я участвовал. Обычно те, кто бывал в это время рядом, не расспрашивали меня ни о чем. Они понимали, что мне надо побыть в тишине, собраться с мыслями, вспомнить все, как было. А для меня та тишина грохотала боем, я слышал выкрики людей, видел лица своих однополчан. Так и для Лопатиной, наверное, в эти минуты гремели выстрелы, пули летели со всех сторон. Я тоже ни о чем не спрашивал Анфису Алексеевну, понимая, как далеко сейчас она от нас.

— Трава была холодной и скользкой, мы ползли вон к тому сараю. Немцы нас обнаружили. Они ведь были повсюду. Схватили. Стали допрашивать. Били. Издевались. Требовали от меня: «Иди к своим, скажи — сопротивление бесполезно!» Я не пошла. Опять били. Потом нас повезли куда-то и, наверно, расстреляли бы. Но в селе, куда нас привезли, мы смешались с другими беженцами, а местная охрана не знала, что мы жены пограничников. Мы же, понимая, что скоро они это узнают, постарались сбежать. Укрыли нас жители деревни Скоморохи, много там было добрых людей, они-то и помогли нам в черные дни гитлеровской оккупации...

Пограничники погибли все, кроме Галченкова и Герасимова, которые ушли тогда на разведку. Герасимов попал в плен к гитлеровцам и прошел через долгие муки, а Галченков пробрался к партизанам. Оба они после войны приезжали не раз на родную заставу. Когда немцы ушли с границы дальше на восток, житель ближнего к заставе дома Иван Васильевич Онищенко захоронил погибших пограничников в траншее. А после войны помог найти их останки. В музее мы видели оружие, ремень, знаки различия Лопатина. Все это нашли благодаря тому, что Онищенко показал, где надо искать.

— А как сложилась судьба ваших сыновей? — спросил я Лопатину.

Она не без гордости сказала:

— Я вырастила своих сыновей. Оба они пошли по стопам отца — стали пограничниками. Анатолий подполковник, одно время был начальником заставы, которая носит имя отца. Вячеслав тоже пограничник — сейчас майор.

...Прочитаем еще один абзац из книги Жукова:

«В связи с выходом передовых частей противника в район Дубно генерал Д. И. Рябышев получил приказ повернуть туда свой 8-й корпус. 15-й механизированный корпус (командир генерал-майор И. И. Карпезо. — **В. К.**) нацеливал основные силы в общем направлении на Берестечко и далее тоже на Дубно...

Нашим войскам не удалось полностью разгромить противника и приостановить его наступление, но главное было сделано: вражеская ударная

группировка, рвавшаяся к столице Украины, была задержана в районе Броды — Дубно и обессилена».

Теперь я, пользуясь воспоминаниями участников тех боев (особенно — К. С. Москаленко), коротко расскажу, что стоит за этими сжатыми фразами, что именно там происходило.

За месяц до начала войны — в мае 1941 года, согласно решению наркомата обороны, начали формироваться артиллерийские противотанковые бригады резерва Главного командования. Их решено было создать десять. Недалеко от Луцка, где находился штаб 5-й армии, которой командовал М. И. Потапов, в лесу начала свое формирование 1-я артиллерийская противотанковая бригада. Ее командиром был назначен полковник К. С. Москаленко (будущий маршал). Энергичный и хорошо подготовленный командир, он в короткое время сумел принять вооружение и обучить артиллеристов — истребителей танков. Времени, конечно, у него было недостаточно, но к 22 июня бригада уже была в боевой готовности, о чем свидетельствует первый же бой, в который она вступила.

Как только произошло нападение гитлеровцев, Москаленко вскрыл мобилизационный пакет, в котором ему была поставлена задача: форсированным маршем направиться по маршруту от Луцка на Львовское направление в район развертывания 6-й армии. Москаленко немедленно об этом доложил командующему 5-й армией, но тот ему сказал:

— Обстановка на фронте 5-й армии резко обострилась: немецкие войска форсировали реку Западный Буг и продвигаются на Владимир-Волынский. Поэтому прошу вас, иаконец требую выступить на Владимир-Волынский и совместно с 22-м механизированным корпусом генерал-майора Кондрусева уничтожить противника, перешедшего границу, и восстановить положение.

Москаленко ему ответил:

— Бригада является резервом Главного командования. Выполнить ваше требование, противоречащее мобилизационному плану, не могу.

Потапов попросил подождать у телефона, пока он созвонится с Москвой. Но связи не было, ничего согласовать ему не удалось. Через некоторое время он позвонил и сказал:

— Связь с Москвой и Киевом прервана, противник ведет наступление по всему фронту армии. 41-я танковая дивизия подверглась удару с воздуха и артиллерийскому обстрелу и почти полностью погибла. Город Владимир-Волынский с минуты на минуту будет захвачен врагом. Учитывая сложившуюся обстановку, приказываю: бригаде следовать, как я уже ранее сказал, на Владимир-Волынский, и во взаимодействии с 22-м механизированным корпусом разбить противника, перешедшего границу, восстановить положение. Границу не переходить. Всю ответственность за нарушение бригадой задачи, предусмотренной мобилизационным планом, беру на себя.

Москаленко, трезво оценивая обстановку и помня положение устава о том, что выполняется последнее приказание старшего начальника, принял решение выполнять этот приказ. В 10 часов утра 22 июня бригада выдвинулась навстречу противнику к границе. Сразу же по выходе из города Луцка бригада подверглась неоднократным авиационным налетам, бомбардировщики гитлеровцев по двадцать — тридцать штук, под прикрытием истребителей, безнаказанно (наших самолетов не было) бомбили выдвигающуюся к фронту противотанковую бригаду. Москаленко при налетах приказывал бригаде рассредоточиться и затем продолжал движение в сторону границы.

На половине пути к Владимир-Волынскому Москаленко встретил небольшую колонну, это оказался штаб 22-го механизированного корпуса, с которым ему предстояло взаимодействовать. Но, как сказал С. М. Кондрусев, две его дивизии, 19-я танковая и 215-я механизированная, выдвигались из Ровно и находились еще в 140 километрах от государственной границы, а 41-я танковая, которая была близко от границы (о ней как раз и сказал командующий армией), возможно, уничтожена. В действительности, как выяснилось позднее, дело обстояло не так, но во всяком случае Кондрусев еще не знал, где 41-я танковая дивизия и в каком она состоянии.

Таким образом, реальнсй силой на этом направлении оказалась только 1-я противотанковая бригада Москаленко. Не доходя до Владимир-Волынского, передовой отряд бригады заметил идущие навстречу танки. Сначала генерал Кондрусев думал, что это отходят на восток танки его 41-й дивизии, но Москаленко отчетливо увидел кресты на броне и приказал развернуться двум дивизионам на достигнутом рубеже, а передовой отряд уже открыл огонь по гитлеровским машинам.

Бригада Москаленко оказалась в очень тяжелых условиях: разгорался встречный бой, вести который без прикрытия пехоты артиллерийское подразделение, сформированное к тому же только полтора месяца назад, еще не умело. После короткой артиллерийско-авиационной подготовки немцы бросили в атаку около 200 танков. Они приближались к рубежу, на котором развернулись дивизионы бригады. За танками двигались мотопехота и артиллерия. Одновременно над полем боя кружили бомбардировщики и истребители противника. Танки противника на большой скорости, ведя интенсивный огонь, атаковали позиции артиллеристов. Хорошо обученные и опытные немецкие танкисты расстреливали расчеты и давили орудия гусеницами. Но наши артиллеристы показали высокую стойкость, не растерялись, они подбили немало танков противника, черные дымные столбы поднялись над полем боя.

С первого раза уничтожить батареи артиллеристов противнику не удалось. Враг повторил атаку, но был отбит и на этот раз. Враг пошел в третью атаку. На поле боя все прибавлялись и прибавлялись дымящиеся танки противника. Бригада удержала занимаемый рубеж до вечера. В этом первом бою артиллеристы бригады подбили семьдесят танков и бронемашин и много мотоциклов противника. Немалый урон понесла и бригада, она потеряла четыре батареи — почти весь личный состав и всю материальную часть. В этой жаркой схватке осколком снаряда был смертельно ранен командир корпуса генерал-майор Кондрусев.

До войны считалось, что артиллерия самостоятельно, без прикрытия пехоты и танков, не может вести боя, а бригаде Москаленко пришлось вести именно такой бой. Причем бригада встретилась с противником внезапно, на марше, развертывалась очень быстро, под непрерывными бомбежками с воздуха и под обстрелом артиллерии противника. То, что она сумела занять рубеж и отбить много танковых атак, свидетельствует о высоком боевом духе личного состава, который показал огромное мужество, смелость, да и немалое умение.

Встретив упорное сопротивление вдоль шоссе, противник стал обходить этот рубеж и обтекать соединение. Обнаружив это, Москаленко немедленно выбрал новый рубеж в районе западной окраины селения Затурцы. Он предполагал: противник, обойдя первый рубеж, на котором получил отпор, все равно вернется на шоссе и будет рваться на Луцк. В течение ночи наши войска совершили этот маневр и окопались на новых огневых позициях. Москаленко создал три позиции, последовательно расположенных одна за другой. Эти позиции были расположены так, что огнем прямой наводки они полностью перекрывали шоссе на Луцк и на 4—5 километров подступы к нему с обеих сторон. Кроме того, еще два дивизиона было оставлено в резерве. Москаленко приказал расчетам подпускать танки на 300—400 метров и вести огонь наверняка, потому что с боеприпасами было не так уж хорошо. Здесь наши войска получили некоторые преимущества: успели подготовить огневые позиции, орудия были закопаны и замаскированы, боеприпасы разложены в нишах, командиры хорошо организовали наблюдение за приближающимся противником.

С рассветом гитлеровцы двинулись вперед, танки шли по шоссе, и справа и слева от шоссе по полю, это был знаменитый танковый клин, идущий на рассечение фронта обороны. Танков и мотопехоты на этот раз было больше, чем вчера, противник явно ввел свежие силы.

Как вспоминает Москаленко, увидев эту армаду, он невольно подумал: «Выдержим ли мы на этот раз?» Как только передовые танки подошли иа указанную дистанцию 300—400 метров, тут же был открыт прицельный огонь. Сразу же запылало много танков и бронемашин — иа поле и на шоссе. Пытаясь выйти из зоны огня, танки стали обтекать батареи, ведущие по ним огонь, и тут как раз и попали под фланговый огонь ору-

дий, которые были умело расположены командиром бригады на флангах, и еще многие танки противника загорелись.

Гитлеровцы вызвали на помощь авиацию. Появились пикирующие бомбардировщики и стали остервенело бомбить боевые порядки артиллеристов. И тем не менее на поле перед фронтом бригады пылало уже 50 сожженных танков и бронемашин!

Вот так умело, самоотверженно бились бойцы и командиры кадровых частей, если можно назвать кадровой бригаду, которая просуществовала всего два месяца. И еще следует отметить энергичные, инициативные и умелые действия командира бригады. Хочется напомнить, что тысячи таких умелых, хорошо подготовленных командиров Красной Армии перед самой войной были уничтожены в период сталинских репрессий. Как бы они пригодились и сколько бы принесли пользы в этих приграничных и других сражениях!

Но не будем ограничиваться описанием умелых и находчивых действий командира бригады. Посмотрим, как действовали те, кто в пекле боя непосредственно жег танки врага.

В то время, когда в первые дни войны в штабах соединений, вплоть до Генерального штаба, командование не могло еще разобраться в обстановке и наладить управление боевыми действиями, бойцы и командиры на поле боя сражались беззаветно.

У местечка Затурцы, о котором шла речь выше, первой в боевом построении стояла батарея младшего лейтенанта А. И. Логвиненко. Обращаю внимание читателей на то, что батареей командовал младший лейтенант, а не более старший по званию командир, как это полагалось по штату. Но несмотря на свое небольшое звание и, разумеется, небольшой опыт, Логвиненко умело расположил орудия, замаскировал их и изготовился к встрече с противником. Батарея первой встретила танковую волну, громыхавшую вдоль шоссе, ведущем от границы к городам Луцк, Дубно, Житомир.

Командир бригады Москаленко, наблюдавший за приближающимся противником, пишет в воспоминаниях следующее: «С моего наблюдательного пункта он (противник. — **В. К.**) был виден как на ладони. Танков и мотопехоты было гораздо больше, чем вчера. Их было так много, что казалось — вся Германия движется на нас».

Вот такую армаду видели перед собой и молодые пареньки, сержанты И. М. Панфиленок, Н. А. Москалев, Г.К. Москвин и младший сержант В. П. Лазарев. Именно они со своими орудиями занимали самый первый рубеж, и им, наверное, казалось, что только они, эти четыре расчета, и противостоят надвигающейся армаде. Нужно быть не просто смелым, надо обладать очень твердой волей, чтобы видеть эту надвигающуюся танковую лавину, эту неминуемую смерть, и не только устоять, не только не оцепенеть от страха, но вступить с ней в борьбу, встретить огнем. Спокойно и хладнокровно бойцы подпустили приближающиеся танки на 300—400 метров. Кстати, орудия могли открыть прицельный огонь с расстояния 1000 метров, это уже был бы действенный и меткий огонь, но командир бригады, памятуя о том, что боеприпасов не так много и что наиболее эффектен огонь именно почти в упор, приказал подпустить как можно ближе, и расчеты этот приказ выполнили, несмотря ни на что.

Когда танки были уже совсем близко, сразу прозвучали три выстрела из трех орудий (Панфиленок открыл огонь несколько позднее), и сразу же с одного танка слетела башня, а два других загорелись! Понимая, что их преимущество именно в неожиданности, батарейцы немедленно перезарядили орудия и дали еще один залп, и еще три танка тут же загорелись! Ну, а дальше уже пошла дуэль. Начали вести огонь по орудиям и танки, обнаружившие наши пушки. Гитлеровцы были достаточно опытны, чтобы понять: чем больше будет скорость танков, тем быстрее они раздавят наши орудия, поэтому они неслись на наших артиллеристов на предельной скорости.

Триста—четыреста метров, о которых я сказал выше, можно преодолеть за несколько десятков секунд, и вот за эти секунды артиллеристы успели произвести по нескольку выстрелов и подбить больше десяти танков. Расчет сержанта Москвина успел уничтожить пять фашистских танков,

прежде чем его орудие было уничтожено, а сам Москвин был ранен. Было повреждено орудие Лазарева, и сам он тоже был ранен. Дольше всех продержался расчет сержанта Москалева, он бил танки в упор до тех пор, пока они не раздавили его орудие. Расчет Москалева погиб, но успел уничтожить двенадцать фашистских танков.

Разбив первые орудия, танки продвигались дальше. И вот тут настал черед расчета сержанта Панфиленка. Его огневая позиция была выбрана в глубине, позади первых орудий. Причем, когда лейтенант Логвиненко указал ему эту позицию, Панфиленок даже засомневался: его орудие находилось в лощине, а перед ним была высотка, за которой ничего не было видно, и сержанту показалось, что он расположен очень невыгодно. Однако младший лейтенант Логвиненко объяснил сержанту:

— Когда танки будут появляться оттуда, из-за этого бугра, их пушки будут задраны вверх, и танки подставят брюхо.

Так и произошло. Как только первый танк выполз на вершину высотки, Панфиленок тут же всадил ему снаряд под гусеницы, и танк загорелся. Таким образом расчет сжег три танка. Фашисты поняли, что выскакивать на этот бугор опасно, и стали обходить высоту справа и слева. Наводчик Г. И. Гречин перенес огонь на машины, обходящие высоту, он успел подбить еще одну, но в это время разорвавшиеся поблизости ответные снаряды срезали почти весь расчет. Тогда, когда был подбит уже шестой танк, свалился и наводчик Гречин. Его место занял командир орудия сержант Панфиленок. Теперь он работал за весь расчет. Несмотря на то, что он был у орудия один и его осыпали осколки снарядов, он продолжал вести огонь. Один за другим загорались фашистские танки. Озверев от злости и желая во что бы то ни стало уничтожить это дерзкое орудие, два танка прошли вглубь и стали приближаться к пушке с тыльной стороны. И вот сержант Панфиленок нашел в себе силы—он один развернул орудие против приближающихся с тыла танков и поджег оба!

В этом неравном и, прямо скажем, поразительном бою сержант Панфиленок лично подбил одиннадцать фашистских танков, а всего из орудия его расчета было уничтожено семнадцать танков. Панфиленок остался жив, потому что бригада отбила атаку. Уничтожив на этом рубеже более пятидесяти немецких танков, бригада подобрала своих раненых и отправила их в госпиталь.

Очень хотелось бы назвать имена и других героев первых дней, они того достойны, но наш разговор об ином. Скажем только одно: вот эти, первыми встретившие фашистскую армию, когда она еще была в полной силе, и не пропустившие ее в глубь нашей земли, были и первыми воинами, начавшими победный поход, который привел нашу армию в Берлин.

Рейхсканцлер Германии Бисмарк много повоевал за свою долгую жизнь, мечом и кровью он создал милитаристскую Германию в 1870—1871 годах. На основе своего военного опыта он в мемуарах сказал — русского солдата мало убить, его надо еще и повалить! В первые же дни Великой Отечественной войны наши воины внесли дополнение в эту оценку достоинств русского солдата. Одним из корпусов командовал уже упоминавшийся генерал-майор Игнат Иванович Карпезо. Его 15-й механизированный корпус участвовал в контрударе, которым руководил генерал армии Жуков. Корпус, не имея полного вооружения и техники, под непрерывными бомбежками вражеской авиации, с трудом отражал натиск противника, но Карпезо не растерялся, уверенно руководил боем. Во время одного из налетов авиации осколком бомбы Карпезо был сражен. Бойцы и офицеры любили своего комкора. Хоть и в спешке боя, но все же похоронили его с прощальным салютом; возложили на могилу венки из полевых цветов.

Вскоре после похорон возвратился из штаба армии, куда его вызывали по какому-то неотложному делу, полковой комиссар И. В. Лутай, заместитель комкора по политчасти. Крепкая дружба связывала его с Карпезо. Узнав о беде, которая произошла во время его отсутствия, комиссар на некоторое время потеряв самообладание, стал кричать:

— Карпезо погиб?! Не может быть! Не верю! Разройте могилу!

Уговаривали, успокаивали комиссара, но он настаивал на своем. Пришлось раскопать могилу. И надо же случиться такому чуду: прощаясь с боевым другом, обнимая его, Лутай уловил тепло в его теле, а потом и

слабое биение сердца! Видно, неопытный врач поспешил, констатировав смерть комкора. Немедленно была оказана медицинская помощь. Карпезо ожил! И потом свершил еще немало добрых дел, защищая Родину. Так что оказалось, что русского воина мало «убить и повалить», его даже и закопать недостаточно, защитник Отечества и из могилы встанет и будет бить врагов.

Я понимаю, этот случай чрезвычайный, больше подходит для легенды, но все же он произошел в действительности и мне кажется символическим. Он как бы завершает собой те замечательные подвиги первых дней войны, о которых рассказано выше.

А дальше я приведу примеры противоположные, из той самой «неизвестной войны», которая по сей день остается в секретных донесениях, в архивах. Я процитирую выдержки из донесений политуправления Юго-Западного фронта, где находился Жуков.

К сожалению, не только мужество и стойкость сказались в тех первых боях. Да, героизм был массовый, об этом свидетельствуют факты, приводимые в донесениях, но было в них и такое, что не подлежало огласке и в печать тогда не попадало. Сегодня, на мой взгляд, это необходимо сделать, чтобы показать более полно обстановку тех дней, иначе не понять, как же могло случиться, что при таком массовом героизме наши армии сдавали город за городом и отступали в глубь страны.

Вспомните, как беззаветно сражалась 1-я противотанковая бригада под командованием полковника Москаленко. А вот что происходило в такой же противотанковой бригаде под номером 7.

Из донесений начальнику Главного политического управления РККА армейскому комиссару 1-го ранга Мехлису от замначальника политуправления Западного фронта:

«...7-я противотанковая бригада к началу военных действий находилась в стадии формирования. Только 18—20 июня прибыло молодое пополнение. Материально бригада не была обеспечена. Полк, которым командует подполковник тов. Зайцев, имел только 28 орудий (положено 80), причем многие орудия не имели прицельных приборов, и совершенно не было тракторов. На 1835 красноармейцев и командиров в полку имелось 350 винтовок, 80 карабинов и 5 наганов. Такое положение и в других полках. Личный состав бригады дрался с врагом мужественно, бойцы и командиры на руках вытаскивали пушки на огневые позиции (2—3 километра)... Из-за отсутствия боеприпасов и горючего бригаде приказано отступить. Во время отходов бригада подверглась сильной бомбежке и пулеметному обстрелу с самолетов, она понесла большие потери и рассредоточилась по полкам. Только через 4 дня бригада собралась... Она не имела связи с 10-й армией, не имела базы для пополнения боеприпасов. Командиры полков и командование бригады... организовали сбор снарядов, брошенных отходящими частями, и этим вели бой с врагом».

Я прошу читателей представить себе все это наглядно, представить и восхититься нашими бойцами и командирами: не имея руководства вышестоящего командования, без тягачей (волокут пушки своими руками!), без боеприпасов (собирают снаряды, брошенные другими!) — и бьют врагов! И все это под пулеметным обстрелом и под бомбами гитлеровской авиации, которая обладала высокой выучкой и вершила свое кровавое дело с профессиональным мастерством.

А вот строки из того же донесения, показывающие, какими были наши механизированные и танковые части, когда их бросали против опытных, прекрасно сколоченных в предыдущих боях немецких бронечастей:

«27-ю танковую дивизию военные действия застали неподготовленной, т. к. формирование не было закончено. Матчасти не было, личный состав был вооружен винтовками на 30—35%. Небоеспособной и невооруженной дивизии было приказано занять оборону в районе Барановичей. На линию обороны вышло всего 3000 человек, а остальные, до 6000 человек, были сконцентрированы в лесу в 18 километрах от Барановичей, все 6000 бойцов не имели оружия...

Дивизия натиска мехчастей противника не выдержала и начала отступать. Невооруженные толпы красноармейцев подвергались нападению со стороны мотомехчастей противника. В результате часть была уничтожена, а большая часть красноармейцев была рассеяна по лесу... Аналогичное положение было и в других механизированных и артсоединениях...»

С первых дней войны стали сказываться последствия массовых репрессий и других предвоенных акций — и не только в том, что остро не хватало опытных командиров, но и в ряде чрезвычайных происшествий, имеющих политический характер. Так, например, в донесениях сообщается о массовом дезертирстве из наших частей призывников из западных областей Украины и Белоруссии. Сообщается не только об их бегстве, но и о том, что они, организуясь в банды, нападают на тылы, штабы и подразделения Красной Армии.

«В городе Львове членами украинской националистической организации (ОУН. — **В. К.**) поднята паника — организовано нападение на тюрьму, откуда выпущены политические заключенные. Этими же оуновцами повреждена связь между частями 6-й армии и управлением фронта...»

«Со стороны ряда работников местных партийных и советских организаций, а также милиции и КГБ вместо помощи частям в борьбе с диверсантами и националистическими группами отмечаются факты панического бегства с оставлением до эвакуации районов, сел и предприятий на произвол судьбы...».

В некоторых воинских частях положение сложилось не лучше, чем у гражданских властей.

«В результате неорганизованности, потери управления и слабости партийно-политической работы в отдельных частях отход превратился в паническое бегство...

В частях 6-го стрелкового корпуса за время военных действий (за три дня) задержано дезертиров и возвращено на фронт 5 тысяч человек. 3-м отделом расстреляно по корпусу 100 человек дезертиров.

За период с 29 июня по 1 июля (тоже за три дня) 3-м отделом Юго-Западного фронта задержано дезертиров 697 человек, в том числе 6 человек начсостава. Из числа бежавших с фронта командованием частей расстрелян за дезертирство 101 человек.

В 99-й дивизии (помните — лучшая под командованием Власова? Правда, в эти дни ею командовал другой командир. — В. К.) из числа приписников западных областей УССР во время боя 80 человек отказались стрелять. Все они командованием расстреляны перед строем».

Было немало и одиночных, активных, как называли тогда, антисоветских проявлений, приведу лишь один пример, он показателен тем, что совершен секретарем партбюро роты!

«28.6.41 г. старший политрук Григоренко в составе роты был выделен на охрану моста через реку Березина. Григоренко зашел под мост, откуда продолжительное время (пока его не обнаружили) вел стрельбу из автомата по нашим зенитным установкам и работникам НКВД (очевидно он стрелял одиночными выстрелами во время налетов авиации, как говорится, под шумок. — **В. К.**). Его обнаружили замаскированным, стоящим по пояс в воде, с венком на голове. При аресте Григоренко оказал сопротивление... Органами НКВД старший политрук Григоренко расстрелян».

Как итог за первый месяц боев начальник политуправления Юго-Западного фронта докладывал Мехлису:

«С 22 июня по 20 июля задержано 75 тысяч 771 человек военнослужащих, в том числе много командиров... (целая армия! — **В. К.**). Осуждено военным трибуналом 627 военнослужащих, в том числе начсостав — 48, младшего начсостава — 60, рядовых — 519. Из 627 осужденных военнослужащих приговорены к расстрелу 411 человек...»

Разумеется, приведенные мною выше примеры расстрела на месте в это число не входят, здесь указаны расстрелянные только по приговору военных трибуналов.

Несмотря на неудачи в боях и отступление по всему фронту, руководство политических управлений фронтов, да и Главное политическое управление не теряли надежды, что «братья по классу» в тылу противника помогут нам в борьбе с агрессором. Мехлис требовал регулярно забрасывать пропагандистскую литературу в тыл гитлеровцев, а политуправления и отделы, выполняя этот приказ, в каждом донесении докладывали конкрет-

ные дела и цифры. Приведу для краткости только одну выдержку из донесения политуправления Юго-Западного фронта:

«7-й отдел политуправления Юго-Западного фронта за период военных действий по 3 июля 1941 года издал воззваний, листовок и газет на немецком, румынском, польском и венгерском языках около 11 миллионов экземпляров, из которых 10,5 миллиона отправлены на аэродромы».

Не знаю результатов воздействия этой пропаганды, но по своему опыту знаю, что переходили на нашу сторону, особенно в первый период войны, очень немногие. А те пленные, которых мне доводилось брать с моими боевыми друзьями-разведчиками как «языков», да и те, кто попадал в плен в результате боев, — все были «братья по классу», рабочие и крестьяне, ни одного буржуя или капиталиста я на фронте не встречал. Так что эта часть нашей политической доктрины на практике не оправдалась. Сдаваться в плен гитлеровцы стали только в последние годы, когда поражение было неотвратимо.

В НАШИХ ШТАБАХ

Получив представление, что происходило в войсках и непосредственно в районе боев, переместимся выше — в штаб фронта, а затем еще выше — в Генеральный штаб.

В середине дня 22 июня в штабе Юго-Западного фронта было уже ясно, что происходящее на границе не провокация, как об этом предостерегали из Москвы, а настоящее крупное наступление, то есть война. Под непрерывным воздействием вражеской авиации, когда все вокруг горело и рушилось, части собрались по боевой тревоге и вскрыли хранившиеся в каждом штабе пакеты особой секретности на случай войны. В этих пакетах был приказ — кто, что и в какие сроки должен делать. Выполняя эти указания, части двинулись к границе или в район, определенный для сосредоточения.

На пути они подвергались частым бомбардировкам, рассредоточивались, уходя с дорог, а потом опять собирались, строясь в колонны и продолжая двигаться в сторону границы, при этом части несли большие потери и тратили много времени.

6-я, 5-я и 26-я армии Юго-Западного фронта прилагали все силы, чтобы остановить противника, продвигающегося по нашей территории, но силы его были так велики, напор так стремителен, что, несмотря на самоотверженность и героизм бойцов и командиров, остановить врага не удавалось. В одиннадцатом часу вечера 22-го штаб Юго-Западного фронта получил новую директиву. В ней приказывалось: «Прочно удерживая государственную границу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин, силами 5-й и 6-й армий, не менее пяти механизированных корпусов, и всей авиации фронта окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24.6. овладеть районом Люблин...»

В Москве, в Генштабе, не имея достоверной информации, явно не представляли, что делается на западной границе — указывают номера армий и корпусов, не зная, что происходит с этими соединениями в действительности, ставятся задачи по овладению Люблином, который находится за нашей границей(!), идет разговор о «всей авиации фронта», а ее уже нет, этой «всей авиации», она понесла колоссальные потери.

Как позже написал маршал Баграмян в своих воспоминаниях, командование Юго-Западного фронта, получив такую директиву, глазам не поверило! Но приказ есть приказ, и его полагается выполнять. В кабинете командующего фронтом, генерала армии Кирпоноса произошел следующий разговор:

— Что будем делать, Михаил Петрович? — спросил Кирпоноса начальник штаба фронта генерал-лейтенант М. А. Пуркаев. — Нам бы, дай бог, остановить противника на границе и растрепать его в оборонительных боях, а от нас требуют уже послезавтра захватить Люблин!

Кирпонос ничего ему не ответил, молча поднял трубку телефона и позвонил члену Военного совета Н. Н. Вашугину.

Когда пришел Вашугин, Кирпонос молча подал ему директиву. Член Военного совета прочитал ее и, довольно-таки оптимистически глядя на присутствующих, бодрым голосом сказал:

— Ну и что же, товарищи, приказ получен, нужно выполнять.

— Но мы сейчас не готовы к этому, Николай Николаевич, — с еле скрываемым волнением сказал Пуркаев. — Нам пока приходится думать об обороне, а не о наступлении. — И начштаба изложил имеющиеся в штабе сведения об огромных силах противника, наступающих на нескольких направлениях. — К тому же следует учесть, — продолжал он, — что враг сегодня ввел в сражение лишь первый эшелон своих сил и в последующие дни, безусловно, будет — и значительно быстрее, чем мы, — наращивать силы... Нам, товарищ командующий, — заключил Пуркаев, — остается только доложить в Москву о сложившейся обстановке и настоятельно просить об изменении задачи. Мы сейчас можем только упорными боями сдерживать продвижение противника, а тем временем организовать силами стрелковых и механизированных корпусов, составляющих наш второй эшелон, прочную оборону в глубине полосы действий фронта. Остановив противника на этом рубеже, мы получим время на подготовку общего контрнаступления... Именно такое, единственно разумное решение я вижу в создавшейся обстановке.

Наступила долгая тягостная тишина. Кирпонос молчал. Первым заговорил корпусной комиссар Вашугин:

— Все, что вы говорите, Максим Алексеевич, с военной точки зрения, может быть, и правильно. Но политически, по-моему, совершенно неверно! Вы мыслите, как сугубый военспец: расстановка сил, их соотношение и так далее. А моральный фактор вы учитываете? Нет, не учитываете! А вы подумали, какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, воспитавшие Красную Армию в высоком наступательном духе, с первых дней войны перейдем к пассивной обороне, без сопротивления оставив инициативу в руках агрессора! Вы еще предлагаете допустить фашистов в глубь советской земли! Знаете, Максим Алексеевич, друг вы наш боевой, если бы я вас не знал, как испытанного большевика, я подумал бы, что вы запаниковали.

Молчание стало еще тягостнее, на этот раз его прервал Кирпонос. Видимо, желая снять накал в происшедшем разговоре, он медленно заговорил:

— Думаю, что вы оба правы. Против оперативной целесообразности ваших предложений, Максим Алексеевич, возразить нечего. У них одна уязвимая сторона: старые укрепленные районы не готовы принять войска и обеспечить им условия для успешной обороны. Но не лишены логики и соображения Николая Николаевича. Приказ есть приказ: его нужно выполнять. А если каждый командующий, получив боевой приказ, вместо его неукоснительного выполнения будет вносить свои контрпредложения, то к хорошему это не приведет. Конечно, взять к концу двадцать четвертого июня Люблин мы вряд ли сумеем. Но попытаться нанести мощный контрудар по вторгшимся силам противника мы обязаны. Для этого мы сможем привлечь до пяти механизированных корпусов.

Далее Кирпонос стал излагать, как наиболее целесообразно, с его точки зрения, следует сосредоточить механизированные корпуса для нанесения контрудара. Закончив, он поглядел на собеседников и, не дожидаясь их мнения, сам сказал:

— Молчание — знак согласия. Вижу, что мое решение вам по душе.

Корпусной комиссар Вашугин бурно выразил свое одобрение. Пуркаев молча кивнул головой.

Именно в этот час в штаб Юго-Западного фронта прибыли генерал армии Жуков и назначенный членом Военного совета фронта Хрущев.

* * *

Наверное, у читателей, даже не военных, возникло сомнение, когда Сталин приказал Жукову немедленно выехать на фронт: целесообразно ли начальнику Генерального штаба в такое напряженнейшее время покидать

центр руководства армией? Нелепость этого приказа, как и многих других, отданных в тот день, очевидна. Однако в данном случае можно предположить объяснение (хоть и не очень убедительное) решения Сталина: он все еще верил в договор, подписанный с Германией, и принимал (вернее, ему очень хотелось, чтобы это так было) начавшиеся бои за провокацию, затеянную воинственными немецкими генералами, вроде событий на Хасане или на Халхин-Голе. Вот Жуков туда поедет и наведет порядок.

Мое предположение, что Сталин не поверил в начало большой войны, пожалуй, подтверждают и аресты крупных военачальников именно в этот начальный период войны. В дни, когда Жуков организовывал первый контрудар, был арестован генерал армии Мерецков, заместитель наркома обороны.

В мемуарах Мерецкова ни слова не сказано об этом, хотя они и опубликованы после XX съезда. Много позже все это выплыло на свет. В 1988 году писатель-юрист А. Ваксберг предал гласности рассказ следователя Шварцмана, ведшего дело Мерецкова:

«Физические методы воздействия,— заявил Шварцман уже в качестве подсудимого (1955 год),— применяли к Мерецкову сначала высокие должностные лица (имеются в виду ближайшие сподвижники Берии, Меркулов и Влодзимирский.— **А. В.**), а затем и я со следователями Зименковым и Сорокиным. Его били резиновыми палками. На Мерецкова до ареста имелись показания свыше 40 свидетелей о том, что он являлся участником военного заговора. В частности, были показания, что он сговаривался с Корком и Уборевичем... дать бой Сталину».

Член суда полковник юстиции Лихачев спросил Шварцмана: «Вы отдавали себе отчет в том, что избиваете крупнейшего военачальника, заслуженного человека?» Ответ: «Я имел такое высокое указание, которое не обсуждается».

По высокому указанию перед самой войной и в первые дни после ее начала арестантами стали те, кто еще уцелел после почти поголовного уничтожения высших командных кадров Красной Армии на исходе тридцатых годов. Затевался новый грандиозный «процесс военных».

Кроме Мерецкова, в состав «заговорщиков» входили: нарком вооружения Б. Л. Ванников; помощник начальника Генерального штаба, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Я. В. Смушкевич; начальник управления ПВО, Герой Советского Союза генерал-полковник Г. М. Штерн; заместитель наркома обороны, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П. В. Рычагов; командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-полковник А. Д. Локтионов; заместитель начальника Главного артиллерийского управления НКО СССР Г. К. Савченко; начальник отдела этого управления С. О. Склизков, начальник Военно-воздушной академии генерал-лейтенант Ф. К. Арженухин; заместитель начальника управления вооружений Главного управления ВВС И. Ф. Сакриер; Герой Советского Союза генерал-майор авиации И. И. Проскуров; виднейший артиллерийский конструктор Я. Г. Таубин и многие другие.

Их место в эти судьбоносные дни оказалось не на фронте — в тюрьме!..»

* * *

...Прибыв в штаб Юго-Западного фронта, Жуков попросил Кирпоноса доложить обстановку. Командующий фронтом изложил только что принятое — во исполнение полученного из Москвы приказа — решение о нанесении контрудара.

Жуков одобрил это решение и предложил, не теряя времени, отдать приказы войскам о подготовке контрудара. Затем Жуков коротко ознакомил всех присутствующих с теми сведениями, которые ему были известны. Начал он с юга, где наши части, а именно 9-я армия, удерживали государственную границу. Может быть, этим Жуков хотел создать хорошее настроение у тех, кто его слушает. Но на Западном фронте обстановка складывалась совсем по-другому. Жуков предположил, что противник там наносит главный удар. В направлении Брест-Литовска противник глубоко

вклинился на нашу территорию, но и там сейчас наши соединения тоже готовят контрудар.

Попросил командующего фронтом и штаб приложить все силы для скорейшего сосредоточения механизированных корпусов для нанесения контрудара по основной группировке, прорвавшейся в районе Сокаля.

Затем Жуков связался по ВЧ с Генеральным штабом и спросил у оставшегося за него Ватутина, какова обстановка. Ватутин доложил:

— К исходу 22 июня, несмотря на предпринятые энергичные меры, Генштаб так и не смог получить от штабов фронтов, армий и ВВС точных данных о наших войсках и о противнике. Сведения о глубине проникновения противника на нашу территорию довольно противоречивые... Генштаб и нарком не могут связаться с командующими фронтами генерал-полковником Кузнецовым и генералом армии Павловым, которые, не доложив наркому, уехали куда-то в войска. Штабы этих фронтов не знают, где в данный момент находятся их командующие... Попытка штабов фронтов связаться непосредственно с войсками успеха не имела, так как с большинством армий и отдельных корпусов не было ни проводной, ни радиосвязи.

Несколько помолчав, Ватутин сказал:

— Товарищ Сталин одобрил проект директивы № 3 наркома и приказал поставить под этой директивой вашу подпись.

— Что за директива?

— Директива предусматривает переход наших войск в контрнаступление с задачей разгрома противника на главнейших направлениях, притом с выходом на территорию противника.

— Но мы еще точно не знаем, где и какими силами противник наносит свои удары. Не лучше ли до утра разобраться в том, что происходит на фронте, и уж тогда принять нужное решение.

— Я разделяю вашу точку зрения, но дело это решенное.

— Хорошо,— сказал Жуков.— Ставьте мою подпись.

Таким образом Жуков, находясь в войсках на Юго-Западном фронте, организовывал выполнение подписанной его именем директивы, к разработке которой он не имел отношения.

Не отдохнув с дороги, Жуков выехал в расположение 8-го механизированного корпуса. В 9 часов утра 23 июня он встретился с командиром этого корпуса генерал-лейтенантом Д. И. Рябышевым. Они были давно знакомы еще по совместной работе в Киевском особом военном округе. Жуков похвалил Рябышева за то, что он быстро совершил марш из Дрогобыча в район Броды. Несмотря на длительный марш и бомбардировки немецкой авиации, народ в мехкорпусе выглядел собранно и бодро. Жуков пишет об этом в своих воспоминаниях: «Да, эти люди будут драться до последнего... С такими войну не проигрывают...»

Показав на карте местонахождение своих частей, Рябышев сказал:

— Корпусу требуются сутки для полного сосредоточения, приведения в порядок материальной части и пополнения запасов. За эти же сутки будет произведена боевая разведка и организовано управление корпусом. Следовательно, корпус может вступить в бой всеми силами утром 24-го.

Жуков понимал, что наносить контрудар надо бы немедленно, но, не имея для этого собранного кулака, действовать сейчас же, только отдельными прибывшими частями было, конечно, нецелесообразно, поэтому он разрешил Рябышеву осуществить то, что он предлагал. В это время раздалось предупреждающее оповещение «Воздух!» — налетела гитлеровская авиация.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день,— спокойно заметил Рябышев,— а мы еще и окопаться не успели. Может быть, товарищ генерал армии, учитывая, что сейчас все равно мы ничего делать не сможем, давайте перекусим?

— Неплохая мысль,— согласился Жуков, который действительно был голоден, да и спокойствие генерала Рябышева, его хладнокровие ему очень понравилось.

Но перекусить им все же не удалось, потому что бомбардировка была не просто по району сосредоточения частей, бомбы стали ложиться в непосредственной близости от палатки, в которой находились генералы.

После бомбардировки, договорившись с командиром корпуса о деталях

сосредоточения его частей и подготовки их к контрудару, Жуков вернулся в штаб фронта. Здесь Кирпонос доложил ему последнюю обстановку:

— На всех участках фронта идут бои. Главное, предельно ожесточенное сражение разыгрывается в районе Броды — Дубно — Владимир-Волынский. 9-й и 19-й механизированные корпуса 25 июня выходят в леса в районе Ровно. Мы решили: 24 июня, не ожидая полного сосредоточения корпусов, начать контрудар на Клевань и Дубно. Командующий 5-й армией, кроме 22-го мехкорпуса, должен объединить действия 9-го и 19-го механизированных корпусов и оказать им необходимую помощь.

Жуков опять видел, что корпуса не успеют сосредоточиться в единый кулак, но и ожидать здесь было нельзя: с каждым часом противник продвигался все глубже и силы его нарастали, поэтому надо было наносить контрудар теми силами, которые были для этого готовы. Жуков согласился с решением командующего фронтом, посоветовав только как можно лучше обеспечить взаимодействие между корпусами, которые будут участвовать в контрударе, и авиацией фронта.

Утром 25 июня контрудар, организованный штабом фронта и Жуковым, нанесли 8-й и 15-й механизированные корпуса. Удар этот для противника был неожиданным. Он считал, что после его стремительного наступления части Красной Армии, прикрывающие границу, будут деморализованы. 8-й механизированный корпус, хорошо укомплектованный, обученный, в короткое время смял части 57-й пехотной дивизии, которая прикрывала фланг 48-го механизированного корпуса Клейста. Положение на этом фланге у танковой группы Клейста оказалось настолько угрожающим, что он был вынужден перебрасывать сюда свои резервы. Этот контрудар произвел такое впечатление, что резонанс его дошел даже до Верховного командования Германии. Вот что записал в своем служебном дневнике начальник Генерального штаба сухопутных сил Гальдер: «На фронте противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина... Как и ожидалось, значительными силами танков он перешел в наступление на южный фланг 1-й танковой группы. На отдельных участках отмечено передвижение».

Отметим для себя слова начальника немецкого генштаба, записанные в первый день войны: «...против группы армий «Юг»... отмечается твердое руководство»,— и, вспомнив, что именно руководства не хватало на всех других фронтах и в вооруженных силах в целом, мне кажется, мы имеем право отнести эту высокую оценку врага на счет Жукова, который руководил боями на этом участке.

Жуков прекрасно понимал, что после контрудара надо было бы развить этот успех, и тогда можно, если даже и не срезать клин, вбитый танковой группой Клейста, то, во всяком случае, задержать его надолго на этом рубеже. Но не было в его распоряжении нужных сил для развития успеха. Противник сосредоточил против контратакующих корпусов значительные силы авиации, нанес нашим частям большие потери, тем самым ослабил, а потом и остановил наш контрудар.

Жуков с сожалением пишет в своих мемуарах о том, что успех контрудара мог бы быть еще большим, «если бы в руках командования фронта была более мощная авиация для взаимодействия с механизированными корпусами и хотя бы еще один-два стрелковых корпуса».

Для того чтобы все же использовать наметившийся успех и сконцентрировать усилия находящихся в этом районе частей. Жуков приказал корпусу Рябышева повернуть и наносить удар в направлении Дубно. Туда же подходили и тоже нацеливались ударить в этом направлении наши 15-й механизированный, 63-й стрелковый и 19-й механизированный корпуса.

27 июня эти части нанесли гитлеровцам такой ощутимый удар, что командующий группы армий «Юг» Рихтгофен вынужден был сосредоточить для его отражения силы всей своей авиации и перебросить сюда свой резерв — 55-й армейский корпус, что, собственно, и спасло танковый клин Клейста от разгрома.

Завязавшееся сражение продолжалось и 28 июня. Очень упорно поработала здесь и наша авиация, которой после того, прямо скажем, шокового состояния, в котором она находилась в первый день войны, непросто было малыми силами драться в воздухе с превосходящей авиацией противника.

С обеих сторон были большие потери. 29 июня противник уже был вынужден снимать войска с других направлений и перебрасывать их в район Дубно, для того, чтобы спасать положение.

Это был первый крупный контрудар по вторгшимся частям гитлеровцев. Он показал, что если бы и на других участках фронта были организованы хотя бы такие же контрудары, то продвижение противника не было бы таким стремительным.

Я хочу обратить внимание читателей на то, что этот контрудар наносился в самые первые дни войны, когда успех внезапного нападения противника, казалось бы, должен был полностью — хотя бы на время — деморализовать наши части, парализовать возможность их сопротивления. Но именно в этот самый опасный период они, как видим, на этом участке фронта не поддались панике, и благодаря волевому влиянию Жукова, находившегося здесь, контрудар состоялся. Непросто было под воздействием господствующей авиации противника собрать несколько корпусов для нанесения контрудара под Дубно, но это все же было осуществлено.

Вот что писал командующий 3-й немецкой танковой группой генерал Гот: «Тяжелее всех пришлось группе армий «Юг». Войска противника... были отброшены от границы, но они быстро оправились от неожиданного удара и контратаками своих резервов и располагавшихся в глубине танковых частей остановили продвижение немецких войск. Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника».

Приведя в своей книге эти слова Гота, Жуков отмечает, что гитлеровский генерал правильно оценил тяжелое положение армий «Юг», из-за чего на Украине в самом начале войны был сорван вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Напомню при этом, что на севере, там, где наступал со своей группой Гот, гитлеровские войска, не получившие такого противодействия, к 28 июня, овладев Минском, уже замкнули первое кольцо окружения, и в то кольцо попало очень много наших войск. Успешный контрудар, организованный Кирпоносом и Жуковым, по сути дела, спас в эти дни Киев и не дал возможности гитлеровцам окружить наши армии до рубежа Днепра — они еще долго сражались здесь и задерживали дальнейшее продвижение противника.

Наряду с положительной оценкой этого контрудара Жуков написал и о недостатках и ошибках, которые тогда были допущены. Однако в книгу вошел только один абзац:

«...действия 8-го механизированного корпуса могли дать бо́льший эффект, если бы комкор не разделил корпус на две группы и вдобавок не поручил командование одной из групп бригадному комиссару Н. К. Попелю, не имевшему достаточной оперативно-тактической подготовки для руководства большим сражением».

В рукописи же Георгий Константинович, подводя итоги этого контрудара, дает более широкую оценку действиям этих корпусов и их командиров. Вот что было в рукописи: «В этих сражениях хорошо действовали 23-й мехкорпус под командованием генерал-майора Кондрусева С. М., 8-й мехкорпус Рябышева Д. И., 27-й стрелковый корпус 5-й армии. 15-й мехкорпус, несмотря на свою полную укомплектованность, действовал неудачно. Действия 8-го мехкорпуса могли бы быть еще лучшими, если бы комкор Рябышев не разделил корпус на две группы, над одной из коих он поручил командование заместителю по политической части генералу Попелю, который не имел соответствующих знаний и навыков, чтобы умело организовать бой и руководить частями в сложной обстановке. Попель мотался в бою как боец и по существу не влиял на ход сражения, а это в конце концов привело к тому, что Попель загубил всю порученную ему группу и, оказавшись в окружении, вынужден был выходить из него, неся большие потери в людях, а материальную часть пришлось бросить из-за отсутствия горючего».

Один из рецензентов рукописи, о которых я говорил раньше, написал на полях, что надо бы убрать оценку действий командиров. Здесь же на полях, выше этой пометки, Жуков ответил: «Это оценка действий корпу-

сов, и ее надо оставить, участникам будет приятно слышать. Жуков». То же, что относилось к действиям лично Попеля, он отчеркнул скобочкой и написал против этого абзаца: «Это можно исключить».

То, что пишет Жуков о разделении корпуса Рябышева и действиях Попеля, произошло 27 июня, то есть после отъезда Жукова из района контрудара. Он не знал того, что здесь произошло в действительности, и поэтому о действиях Попеля отзывается несправедливо.

А произошло там следующее. Я пересказываю этот эпизод по воспоминаниям самого генерала Николая Кирилловича Попеля, и не только для того, чтобы его оправдать, а еще и потому, чтобы показать читателям обстановку, взаимоотношения, какие бытовали в те дни в нашей армии наряду с героизмом.

«...К девяти часам утра 27 июня корпус представлял собой три почти изолированные группы. По-прежнему держали занятые рубежи дивизии Герасимова и Васильева. Между ними — пятнадцатикилометровый разрыв... Дивизии Мишанина нелегко дались и наступление, и ночной отход, и бомбежка. Роты разбрелись по лесу и лишь с рассветом собрались южнее Брод. Это и была третья группа нашего корпуса.

Дмитрий Иванович (командир корпуса Рябышев. — **В. К.**) разложил на пеньке карту и склонился над ней, зажав в зубах карандаш. За спиной у нас стоял Цинченко. В руках планшет, на планшете листок бумаги. Цинченко-то и заметил кавалькаду легковых машин, не спеша, ощупью едущих по лесной дороге.

— Товарищ генерал!

Рябышев обернулся, поднял с земли фуражку, одернул комбинезон и несколько торжественным шагом двинулся навстречу головной машине. Из нее выходил невысокий черноусый военный (это был член Военного совета, корпусной комиссар Вашугин. — **В. К.**). Рябышев вытянулся:

— Товарищ член Военного совета фронта...

Хлопали дверцы автомашин. Перед нами появлялись все новые и новые лица — полковники, подполковники. Некоторых я узнавал — прокурор, председатель Военного трибунала... Из кузова полуторки, замыкавшей колонну, выскакивали бойцы.

Тот, к кому обращался комкор, не стал слушать рапорт, не поднес ладонь к виску. Он шел, подминая начищенными сапогами кустарник, прямо на Рябышева. Когда приблизился, посмотрел снизу вверх в морщинистое скуластое лицо командира корпуса и сдавленным от ярости голосом спросил:

— За сколько продался, Иуда?

Рябышев стоял в струнку перед членом Военного совета, опешивший, не находивший что сказать, да и все мы растерянно смотрели на невысокого, ладно скроенного корпусного комиссара.

Дмитрий Иванович заговорил первым:

— Вы бы выслушали, товарищ корпусной...

— Тебя, изменника, полевой суд слушать будет. Здесь под сосной выслушаем и у сосны расстреляем...

Я не выдержал и выступил вперед:

— Можете обвинять нас в чем угодно. Однако потрудитесь прежде выслушать.

— А, это ты, штатный адвокат при изменнике...

Теперь поток ругательств обрушился на меня.

Все знали, что член Военного совета не выносит, когда его перебивают. Но мне нечего было терять. Я воспользовался его же оружием. То не был сознательный прием. Гнев подсказал.

— Еще неизвестно, какими соображениями руководствуются те, кто приказом заставляет отдавать врагу с боем взятую территорию.

Корпусной комиссар остановился. Для того чтобы смотреть мне в лицо, ему не надо поднимать голову. Мы одного роста. Перед моими глазами аккуратная черная полоска усов, нервно подергивается правое веко. В голосе члена Военного совета едва уловимая растерянность:

— Кто вам приказал отдавать территорию? Что вы мелете? Генерал Рябышев, докладывайте.

Дмитрий Иванович докладывает. Член Военного совета вышагивает перед нами, заложив руки за спину.

Корпусной комиссар понимает, что вышло не совсем ладно. Но не сдается. Он смотрит на часы и приказывает Дмитрию Ивановичу:

— Через двадцать минут доложите мне о своем решении.

Он быстро отходит к машине, а мы втроем: Рябышев, Цинченко и я — садимся у пня, на котором так и лежит придавленная двумя камнями карта. У Дмитрия Ивановича дрожат руки и влажно блестят глаза.

Корпусной комиссар не дал времени ни на разведку, ни на перегруппировку дивизий. Чем же наступать?

Рябышев встает и направляется к вышагивающему в одиночестве корпусному комиссару.

— Корпус сможет закончить перегруппировку только к завтрашнему утру.

Член Военного совета от негодования говорит чуть не шепотом:

— Через двадцать минут решение — и вперед.

— Чем же «вперед»?

— Приказываю немедленно начать наступление. Не начнете, отстраню от должности, отдам под суд.

Корпусной комиссар диктует приказ. Цинченко записывает.

— Давайте сюда.

Цинченко подставляет планшет. Корпусной комиссар выхватывает авторучку и расписывается так, что летят чернильные брызги.

Приходится принимать самоубийственное решение — по частям вводить корпус в бой.

Снова мы окружены плотным кольцом командиров. Член Военного совета, поглядывая на часы, выслушивает Рябышева.

Создается подвижная группа в составе дивизии Васильева, полка Волкова и мотоциклетного полка. Основные силы закончат перегруппировку и завтра вступят в бой.

— Давно бы так, — член Военного совета исподлобья смотрит на Дмитрия Ивановича. — Когда хотят принести пользу Родине, находят способ...

Рябышев молчит. Руки по швам. Глаза устремлены куда-то поверх головы корпусного комиссара.

Член Военного совета прикладывает узкую белую руку к фуражке.

— Выполняйте. А командовать подвижной группой будет Попель.

Корпусной комиссар поворачивается ко мне:

— Займете к вечеру Дубно — получите награду. Не займете — исключим из партии и расстреляем...

В груди у меня клокочет: эх, и мастер же вы, товарищ корпусной комиссар, в душу плевать! Хотите, чтобы я только ради награды наступал и из страха перед расстрелом бил фашистов. Коротко отвечаю: «Есть», — и поворачиваюсь так, как требует Строевой устав.

Обида, боль — все отступило на задний план. Мне вести подвижную группу. Мало сил, мало сведений о противнике, мало времени на подготовку...»

Группа Попеля, в которую включили все, что оказалось поблизости, 34-ю танковую дивизию и мотоциклетный полк, двинулась вдоль шоссе Броды — Дубно. Этот удар отчаяния был для немцев неожиданным, группа разгромила несколько встретившихся ей подразделений и дошла до Дубно, где была окружена и, несмотря на героические усилия танкистов, полностью уничтожена. Вышли из окружения немногие. Вышел и бригадный комиссар Попель, выполнивший приказ корпусного комиссара Вашугина. Вот так два комиссара, взяв на себя не положенные им командирские функции, загубили танковую дивизию и мотоциклетный полк, полностью, с людьми и техникой. Попель, как видим, не мог не выполнить приказ под угрозой расстрела.

А что же с Вашугиным, который действовал в стиле Мехлиса? Вашугин оказался человеком с совестью. Известно, что Мехлису, безжалостно подводившему людей под расстрел или гибель, Сталин все прощал, а переживаний за содеянное Мехлис никаких не испытывал, ему, как говорится, все было как с гуся вода. С Вашугиным же случилось следующее. Привожу рассказ Баграмяна — очевидца, присутствовавшего при этом печальном событии.

«На командный пункт фронта примчались заместители командира 12-й танковой дивизии полковой комиссар В. В. Вилков и полковник Е. Д. Нестеров. Оба выглядели подавленными. Они доложили, что 8-й мехкорпус в крайне тяжелом положении. Значительная часть его сил во главе с бригадным комиссаром Попелем сражается в окружении. Корпус понес большие потери, оставшиеся люди вымотаны беспрерывными боями.

Во время этого разговора, при котором присутствовали Пуркаев и я, вошел Вашугин. Мы заметили, как он побледнел, но не придали этому особого значения. Подумали, просто переживает человек за неудачу, в которой и он отчасти был повинен. Никто и не мог предполагать, какой это был для него удар. Не дождавшись конца разговора, Вашугин ушел».

Через некоторое время стало известно, что он тут же застрелился.

* * *

Как начальник Генерального штаба Жуков даже в горячие дни боев на южном направлении постоянно был в курсе обстановки на других фронтах, его систематически информировал об этом заместитель начальника Генерального штаба генерал Н. Ф. Ватутин. По докладам Ватутина Жуков знал, что на северо-западном и западном направлениях до сих пор нет твердого руководства войсками, части и соединения ведут бой с противником разрозненно, никакого взаимодействия между ними нет, и, как пишет в своих воспоминаниях Жуков, там «происходила полная неразбериха». Ватутин сообщал, что командующие фронтами не имеют регулярной связи с армиями. Генеральный штаб не может добиться от них точных сведений ни о своих войсках, ни о войсках противника.

Почему тогда так плохо обстояло дело со связью? В статье, опубликованной много лет спустя, в 1971 году, на это дает ответ маршал войск связи И. Т. Пересыпкин. То, о чем он пишет, было на самом деле, но даже невоенного человека сегодня поражает крайняя непредусмотрительность наших руководителей: «Существовало мнение, что в случае возникновения войны основным средством управления в оперативно-стратегическом звене явится проводная связь. При этом считалось, что она будет полностью осуществляться по постоянным линиям Народного комиссариата связи... Поэтому к началу войны Генеральный штаб не имел собственных линейных частей и заранее подготовленных укрытых резервных и запасных узлов связи».

Что же после всего этого пенять на плохую связь, если она просто не была создана заблаговременно? Даже для Генерального штаба и Верховного командования связь была организована уже после начала боевых действий. Вот что об этом пишет тот же Пересыпкин: «В начале войны в распоряжении Генерального штаба находился только один узел связи... Но вскоре узел пришлось разделить на две части. Основная его часть располагалась на станции метро «Кировская»... Это был оперативный узел, предназначенный для связи со штабами фронтов и армий... Для прямых переговоров Верховного Главнокомандующего и руководства Генерального штаба в Кремле и в здании Генштаба были установлены специальные переговорные аппараты Бодо».

О том, каково было положение со связью, свидетельствует в своих воспоминаниях и Жуков (я привожу его слова опять из рукописи):

«Положение войск Западного фронта, — пишет он, — осложнялось еще и тем, что штабы армий не имели связи со штабом фронта и между армиями. Управление внутри армий было крайне неорганизованно. В войсках появились нервозность и неуверенность в дальнейших действиях, начались большие осложнения со снабжением боеприпасами, горюче-смазочными материалами и проч.».

НА ТОЙ СТОРОНЕ, ПЕРВЫЕ ДНИ

Запустив огромную машину войны и убедившись, что танковые армады и полевые войска, следующие за ними, начали перемалывать все на своем пути, Верховное командование во главе с Гитлером переехало из Берлина в новую Ставку. Эта Ставка была построена специально для руководства операциями против Советского Союза. Она находилась в Восточной Пруссии, недалеко от города Растенбург, рядом с системой Мазурских озер. Гитлеровское командование стремилось к тому, чтобы находиться вне воздействия английской авиации, которая в эти дни интенсивно бомбила города Германии. Строительство Ставки началось еще в 1940 году. Был выбран огромный лесной массив, в котором проложили дороги, построили служебные и жилые помещения, подземный мощный узел связи, неуязвимый для бомбардировки с воздуха. К тому времени, когда сюда переселилось командование, узел связи функционировал полностью.

В Ставке было несколько зон. Все эти зоны обнесены общим проволочным заграждением и минными полями. Проехать сюда можно было только по определенным дорогам, пройдя проверку на нескольких контрольных пунктах. В лес была проведена и железнодорожная ветка, по которой приходили эшелоны специального назначения.

Ставка была построена с таким расчетом, чтобы она могла работать без помех в любое время года. Для этого были созданы помещения двух типов: длинные дома — деревянные, утепленные на зиму, в которых располагались служебные помещения, залы для заседаний, кабинеты. И здесь же рядом, глубоко в земле, — железобетонные бункеры. Они обеспечивали безопасность при бомбардировках, в них можно было жить длительное время. В этих бомбоубежищах были небольшие служебные кабинеты, комнаты для совещаний и квартиры, в которых жили офицеры центрального руководства. Причем все было продумано с немецкой педантичностью. Бункера были построены не то чтобы тесно, но экономно, вроде вагонов: в коридоре с правой и левой стороны, напротив друг друга располагались рабочие комнаты, в них были шкафы, сейфы, вделанные в стены, а также необходимые санитарные узлы. Все это имело центральное отопление, было электрифицировано и радиофицировано.

Одну из таких зон занимал ОКВ — штаб Верховного командования вермахта. Неподалеку, под городом Ангербургом, в таких же помещениях располагался Генеральный штаб сухопутных войск во главе с Гальдером и штаб Люфтваффе — военно-воздушных сил.

В северной части этого лесного массива, неподалеку от штаба Верховного командования, находилась небольшая, но самая главная, секретная личная зона Гитлера. В ней, кроме Гитлера, жили наиболее приближенные государственные деятели — Геринг, Гиммлер. Из военных тут жили только Кейтель и Йодль. Бетонный бункер Гитлера имел стены шестиметровой толщины. На поверхности были построены длинные помещения с залами для совещаний, небольшое казино, здесь же находился узел связи.

Вся эта зона, и особенно личная зона Гитлера, охранялась отборнейшими эсэсовцами из батальона личной охраны фюрера. Командир этого батальона был и комендантом лагеря, он руководил всей системой контрольно-пропускных пунктов и целой системой постов, которые выставлялись днем и ночью во многих местах.

Под густыми кронами деревьев дома, покрашенные в серо-зеленый цвет немецких мундиров, выглядели в этой тихой, отгороженной от всего мира зоне довольно мрачно. Сам Гитлер назвал это место «Волчьим логовом» — «Вольфшанце».

Надо сказать, что во все время войны никто не знал о существовании «Волчьего логова», за исключением немногих лиц, работа которых была связана с Верховным командованием. Немцы умели хранить тайну. Все те годы немецкий народ, и армия, и все учреждения были убеждены, что Гитлер и Верховное военное командование находятся в столице, в Берлине, или неподалеку от него, в Цоссене, где действительно располагались отдельные управления Генерального штаба сухопутных войск. В «Волчьем логове» находилось только самое высшее руководство и те, кто был ему необходим для повседневной работы.

С первого дня прибытия Гитлера в Ставку был установлен распорядок дня: утром доклады об обстановке на Западном фронте, в Северной Африке, на Балканах и в районах Средиземного моря, затем — о ходе боевых действий против Советского Союза. Вечером докладывалось об изменениях, происшедших в течение дня, и о возможных перспективах на следую-

щие сутки. Такой распорядок не менялся в течение всей войны. Узел связи работал четко, гитлеровское руководство располагало полными и точными сведениями со всех фронтов.

Что же докладывали Гитлеру представители высшего военного руководства на второй день войны? Мы можем точно установить это по дневнику начальника Генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера.

Я уже писал, что Гальдер вел дневник, занося туда только самые важные события минувшего дня, очень коротко, конспективно, но все же с четкостью и пунктуальностью генштабиста высокого класса. Все записанное было его личным, основанным на реальностях мнением и не имело, на мой взгляд, каких-либо пропагандистских или конъюнктурных наслоений. Разумеется, в дневнике есть переоценка или недооценка каких-то эпизодов войны и действий сторон, это естественно для любого человека в соответствии с его взглядами, но в целом, повторяю, дневниковые записи Гальдера вполне достоверны. Приведу несколько абзацев, которые дают представление о том, каковы были впечатления Гальдера от первых дней наступления на Советский Союз, а следовательно, и о том, что докладывалось Гитлеру на первых совещаниях в «Волчьем логове»:

«Общая картина первого дня наступления представляется следующей: наступление германских войск застало противника врасплох. Боевые порядки противника в тактическом отношении не были приспособлены к обороне. Его войска в пограничной полосе были разбросаны на обширной территории и привязаны к районам своего расквартирования. Охрана самой границы была, в общем, слабой.

Тактическая внезапность привела к тому, что сопротивление противника в пограничной зоне оказалось слабым и неорганизованным. В результате чего нам всюду легко удалось захватить мосты через водные преграды и прорвать пограничную полосу укреплений на всю глубину (укрепления полевого типа).

После первоначального «столбняка», вызванного внезапностью нападения, противник перешел к активным действиям. Без сомнения, на стороне противника имели место случаи тактического отхода, хотя и беспорядочного. Признаков же оперативного отхода нет и следа. Вполне вероятно, что возможность организации такого отхода была просто исключена. Ряд командных инстанций противника, как, например, в Белостоке (штаб 10-й армии), полностью не знал обстановки, и поэтому на ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов.

Но даже независимо от этого, учитывая влияние «столбняка», едва ли можно ожидать, что русское командование уже в течение первого дня боев смогло составить себе настолько ясную картину обстановки, чтобы оказаться в состоянии принять радикальное решение.

Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению. Русские вынуждены принять бой в той группировке, в которой они находились к началу нашего наступления».

Дальше Гальдер излагает положение по участиам групп армий — «Север», «Центр», «Юг» — и делает такое заключение: «Задачи групп армий остаются прежними. Нет никаких оснований для внесения каких-либо изменений в план операции. Главному командованию сухопутных войск не приходится даже отдавать каких-либо дополнительных распоряжений».

Вот так — у нас хаос и неразбериха, а у нашего противника нет даже малейшей потребности вносить в планы какие-либо коррективы. При всей обидности такой характеристики действий наших войск и командования она объективно отражает то, что происходило на фронте и в штабах. Опровергать нечего, наоборот, хочу обратить ваше внимание на точность и четкость формулировок и изложение общей картины.

В записи за первый день войны есть у Гальдера и такие слова: «Командование ВВС сообщило, что за сегодняшний день уничтожило 800 самолетов противника...» Я привожу эту цитату как еще одно доказательство объективности дневника Гальдера, потому что по нашим данным в первый день гитлеровцы уничтожили 1200 самолетов, так что запись о 800 самолетах, как видим, даже преуменьшает число уничтоженных в действительности.

Любопытна запись Гальдера от 23 июня — о том, что танковые группы должны действовать концентрическими ударами, направленными в одно место, что обеспечит массированность действия. Ее не будет, если Гот, например, пойдет вперед да еще будет отклоняться к северу, а Гудериан задержится и пойдет несколько южнее. «Эту опасность, — пишет Гальдер, — следует учитывать, тем более что именно русские впервые выдвинули идею массирования подвижных соединений...»

Мы еще будем говорить об этой идее, разработанной советскими военными стратегами, которые, к сожалению, были уничтожены в годы репрессий.

Суммируя ход боевых действий к 24 июня, Гальдер записал: «Впрочем, я сомневаюсь в том, что командование противника действительно сохраняет в своих руках единое и планомерное руководство действиями войск. Гораздо вероятнее, что местные переброски наземных войск и авиации являются вынужденными и предприняты под влиянием продвижения наших войск, а не представляют собой организованного отхода с оперативными целями. О таком организованном отходе до сих пор как будто говорить не приходится».

И опять отметим, как ни горько это делать, острый военный глаз и четкость мышления Гальдера — его запись точно фиксирует состояние нашего командования.

24 июня, характеризуя боевые действия на различных участках, Гальдер сделал такую запись: «Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейдане. (Историческая справка: Наполеон взял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня.)».

По ассоциации с исторической параллелью Гальдера я вспомнил запись о первом дне войны одного из сподвижников Наполеона, Дедема. Он писал в своих мемуарах: «...я приблизился к группе генералов, принадлежащих к главной квартире императора. Среди них царило мертвое молчание, походившее на мрачное отчаяние. Я позволил себе сказать какую-то шутку, но генерал Коленкур... сказал мне: «Здесь не смеются, это великий день». Вместе с тем он указал рукой на правый берег, как бы желая прибавить: «Там наша могила».

После поражения в войне многие гитлеровские генералы писали, что у них было такое же предчувствие. Один из них даже записал в день начала вторжения: это начало нашей гибели. Однако все они были так опьянены легкими победами над Польшей, Францией и другими странами, что гипноз удачливости фюрера лишил их разума, и они шагнули в тот день, как и французы в 1812 году, не в Россию, а в пропасть.

Пропагандистская система Геббельса работала на полную мощь, война была объявлена не только «крестовым походом против большевизма», но и «всеевропейской освободительной войной» — в этом виделось желание снискать симпатии к немецкому нападению на Советский Союз и замаскировать истинные завоевательские планы Германии. Но в своем кругу Гитлер по этому поводу откровенно сказал:

— Общеевропейскую войну за свободу не следует понимать так, будто Германия ведет войну для Европы. Выгоду из этой войны должны извлечь только немцы.

Далее Гальдер записал о том, что кольцо окружения восточнее Белостока вот-вот замкнется, а также замыкается кольцо, которое создают танковые группы Гота и Гудериана восточнее Минска. Не ускользнуло из поля зрения Гальдера и такое: «Следует отметить упорство отдельных русских соединений в бою. Имели место случаи, когда гарнизоны дотов взрывали себя вместе с дотами, не желая сдаваться в плен». И еще Гальдер отмечает: «Войска группы армий «Юг», отражая сильные контратаки противника, успешно продвигаются вперед. Противник несет большие потери».

Напомню читателям о тех боевых действиях, которые я описал выше, и о том, что именно здесь на второй день войны уже начали наносить контрудар наши механизированные корпуса под руководством Жукова и Кирпоноса. Как видим, они были настолько ощутимы, что попали в поле зрения начальника Генерального штаба сухопутных войск.

Подводя итоги за 24 июня, Гальдер пишет: «В общем, теперь стало ясно, что русские не думают об отступлении, а, напротив, бросают все, что имеют в своем распоряжении, навстречу вклинившимся германским войскам. При этом верховное командование противника, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями войск».

25 июня Гальдер делает подробные записи об успешных действиях на всех фронтах и опять особо отмечает действия тех частей, где, как мы знаем, находился Жуков: «На фронте группы армий «Юг». Сражение еще не достигло своей наивысшей точки. Оно продлится еще несколько дней... Танковое сражение западнее Луцка все еще продолжается». И как итоговую оценку или, точнее, как признание умелого руководства в такой сложнейшей и невыгодной для нас обстановке приведу еще одну запись Гальдера за 26 июня. Характерно также и то, что раньше Гальдер делал записи, как и полагается, начиная с левого фланга: «Север», «Центр», затем «Юг», а вот 26-го, видимо, возникла такая озабоченность, что он, нарушив эту последовательность, сразу пишет о действиях наших войск против группы армий «Юг», то есть там, где был Жуков. «Группа армий «Юг» медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери. У противника, действующего против группы армий «Юг», отмечается твердое и энергичное руководство. Противник все время подтягивает из глубины новые свежие силы против нашего танкового клина».

Вот эти слова, мне кажется, и объективно, и достойно оценивают результативные действия не только Жукова, который организовывал контрудары, но и Кирпоноса с его штабом.

Все же Гальдер как начальник Генерального штаба мыслил и записывал, конечно, крупномасштабно, некоторых деталей он или не знал, или не считал нужным их фиксировать. А вот что пишет находившийся ближе к боевым действиям генерал Гот, командующий одной из немецких танковых групп: «...Оперативный прорыв 1-й танковой группы, приданной 6-й армии, до 28 июня достигнут не был. Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника».

В записях Гальдера не раз отмечается, что ему непонятны действия нашего Верховного командования. Какую улыбку и удивление вызвала бы директива № 3 нашего Главнокомандования, которая поставила задачу на контрнаступление и выход наших наступающих частей к Люблину на территорию противника.

Жуков по этому поводу в своих воспоминаниях пишет: «Ставя задачу на контрнаступление, Ставка Главнокомандования не знала реальной обстановки, сложившейся к исходу 22 июня. Не знало действительного положения дел и командование фронтов. В своем решении Главное командование исходило не из анализа реальной обстановки и обоснованных расчетов, а из интуиции и стремления к активности без учета возможностей войск, чего ни в коем случае нельзя делать в ответственные моменты вооруженной борьбы. В сложившейся обстановке единственно правильными могли быть только контрудары мехкорпусов против клиньев танковых группировок противника. Предпринятые контрудары в большинстве своем были организованы плохо, без надлежащего взаимодействия, а потому и не достигли цели».

Добавим здесь от себя, что механизированные корпуса из-за своего расположения в глубине от границы не были готовы для нанесения этих контрударов, им для контрударов пришлось совершать длительные марши, в ходе которых выходила из строя техника не только от бомбежек, но и по техническим причинам, и поэтому они вступали в бой уже сильно ослабленными. Следовательно, в самой группировке наших войск в приграничных округах не было заложено идеи о возможности ударов под основание клиньев, ударов, которые пробивали бы бронетанковые группировки противника. А предвидеть такие действия врага и подготовить свои войска к таким контрмерам были все возможности, потому что тактика действий гитлеровцев в Польше, Франции да и в других боях была уже хорошо известна. Но, к сожалению, войска не были обучены конкретным действиям, по конкретной тактике врага и не находились в необходимой группировке в приграничной полосе.

В МОСКВЕ

Сталин вскоре понял свою ошибку с отправкой начальника Генерального штаба на передовую. Управление войсками за эти дни так и не было налажено. Сведения, поступавшие из действующей армии, были не только неутешительные, но просто катастрофические. Пришло сообщение, что под Рославлем окружены две армии и вот-вот замкнутся клещи вокруг Минска, захлопнув в окружении еще несколько армий. В этих условиях Сталин явно растерялся, ему нужен был рядом твердый человек, таким человеком он считал Жукова, и Жуков действительно был таким.

26 июня позвонил И. В. Сталин на командный пункт Юго-Западного фронта в Тернополь и, когда пригласили к аппарату Жукова, сказал:

— На Западном фронте сложилась тяжелая обстановка. Противник подошел к Минску. Непонятно, что происходит с Павловым. Маршал Кулик неизвестно где, Маршал Шапошников заболел. Можете вы немедленно вылететь в Москву?

— Сейчас переговорю с товарищами Кирпоносом и Пуркаевым о дальнейших действиях и выеду на аэродром,— ответил Жуков.

Поздно вечером 26 июня Жуков прилетел в Москву, и прямо с аэродрома его повезли к Сталину. В кабинете Сталина стояли навытяжку нарком С. К. Тимошенко и первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами.

Здесь до прихода Жукова произошел, как говорится, крупный разговор. Сталин поздоровался с Жуковым лишь кивком головы и сразу же раздраженно сказал:

— Не могу понять путаных предложений наркома и вашего зама. Подумайте вместе и скажите: что можно сделать?

Сталин при этих словах показал на карту, развернутую на столе. На карте была обстановка Западного фронта. И по жесту, и по тону Сталина Жуков понял: Верховный находится в таком состоянии, когда ничего путного из разговора не получится, надо было дать ему остыть, а потом уже говорить о деле. Поэтому Жуков, стараясь подчеркнуть свое спокойствие и как бы призывая к тому же Сталина, сказал:

— Мне нужно минут сорок, чтобы разобраться с обстановкой.

— Хорошо, через сорок минут доложите! — все так же раздраженно бросил Сталин.

Жуков, Тимошенко и Ватутин вышли в соседнюю комнату. Без долгих слов, обменявшись лишь понимающими взглядами по поводу происшедшего в кабинете Сталина, они начали анализировать обстановку на Западном фронте.

Западнее Минска были окружены и дрались в окружении остатки 3-й и 10-й армий Западного фронта. Остатки 4-й армии отошли в Припятские леса. Остальные части, понесшие большие потери, отходили к реке Березина. И вот на эти ослабленные и разрозненные войска фронта наступали мощные группировки противника.

Через полчаса они вернулись к Сталину и предложили немедленно занять оборону на рубеже Западная Двина — Полоцк — Витебск — Орша — Могилев — Мозырь и для обороны использовать 13-ю, 19-ю, 20-ю, 21-ю и 22-ю армии. Кроме того, срочно приступить к подготовке обороны на тыловом рубеже по линии Селижарово — Смоленск — Рославль — Гомель силами 24-й и 28-й армий резерва Ставки. Помимо этого, срочно сформировать еще 2—3 армии за счет дивизий Московского ополчения.

Все эти предложения Сталин утвердил и приказал немедленно довести их до войск.

27 июня утром Жуков вызвал к аппарату Бодо начальника штаба Западного фронта генерала В. Е. Климовских и передал ему приказ Ставки.

Дальше я привожу запись разговора Жукова и Климовских, потому что это подлинный разговор, характеризующий Жукова в динамике управления крупными операциями, к тому же в очень сложной, критической обстановке.

«**Жуков.** Слушайте приказ от имени Ставки Главного Командования. Ваша задача:

Первое. Срочно разыскать все части, связаться с командирами и объяснить им обстановку, положение противника и положение своих частей, особо детально обрисовать места, куда проскочили передовые мехчасти врага. Указать, где остались наши базы горючего, огнеприпасов и продфуража, чтобы с этих баз части снабдили себя всем необходимым для боя.

Поставить частям задачу, вести ли бои или сосредоточиваться в лесных районах, в последнем случае — по каким дорогам и в какой группировке.

Второе. Выяснить, каким частям нужно подать горючее и боеприпасы самолетами, чтобы не бросать дорогостоящую технику, особенно тяжелые танки и тяжелую артиллерию.

Третье. Оставшиеся войска выводить в трех направлениях:

— через Докшицы и Полоцк, собирая их за Лепельским и Полоцким УРами;

— направление Минск, собирать части за Минским УРом;

— третье направление — Глусские леса и на Бобруйск.

Четвертое. Иметь в виду, что первый механизированный эшелон противника очень далеко оторвался от своей пехоты, в этом сейчас слабость противника, как оторвавшегося эшелона, так и самой пехоты, двигающейся без танков. Если только подчиненные вам командиры смогут взять в руки части, особенно танковые, можно нанести уничтожающий удар и для разгрома первого эшелона, и для разгрома пехоты, двигающейся без танков. Если удастся, организуйте сначала мощный удар по тылу первого мехэшелона противника, двигающегося на Минск и на Бобруйск, после чего можно с успехом повернуться против пехоты.

Такое смелое действие принесло бы славу войскам Западного округа. Особенно большой успех получится, если сумеете организовать ночное нападение на мехчасти.

Пятое. Конницу отвести в Пинские леса и, опираясь на Пинск, Лунинец, развернуть самые смелые и широкие нападения на тылы частей и сами части противника. Отдельные мелкие группы конницы под водительством преданных и храбрых средних командиров расставьте на всех дорогах».

В 2 часа ночи 28 июня у Жукова состоялся дополнительный разговор по прямому проводу с генералом В. Е. Климовских. Привожу выдержки из этих переговоров.

«**Жуков.** Доложите, что известно о 3-й, 10-й и 4-й армиях, в чьих руках Минск, где противник?

Климовских. Минск по-прежнему наш. Получено сообщение: в районе Минска и Смолевичи высажен десант. Усилиями 44-го стрелкового корпуса в районе Минска десант ликвидируется. Авиация противника почти весь день бомбила дорогу Борисов — Орша. Есть повреждения на станциях и перегонах. С 3-й армией по радио связь установить не удалось. Противник по последним донесениям был перед УРом. Барановичи, Бобруйск, Пуховичи до вечера были наши.

Жуков. Где Кулик, Болдин, Коробков? Где мехкорпуса, кавкорпус?

Климовских. От Кулика и Болдина сообщений нет. Связались с Коробковым, он на КП восточнее Бобруйска. Соединение Хацкилевича подтягивалось к Барановичам, Ахлюстина — к Столбцам... К ним вчера около 19.00 выехал помкомкор Светлицин. Завтра высылаем парашютистов с задачей передать приказы Кузнецову и Голубеву.

Жуков. Знаете ли вы о том, что 21-й стрелковый корпус вышел в район Молодечно — Вилейка в хорошем состоянии?

Климовских. О 21-м стрелковом корпусе имели сведения, что он наметил отход в направлении Молодечно, но эти сведения подтверждены не были.

Жуков. Где тяжелая артиллерия?

Климовских. Большая часть тяжелой артиллерии в наших руках. Не имеем данных по 375-му и 120-му гаубичным артиллерийским полкам.

Жуков. Где конница, 13-й, 14-й и 17-й мехкорпуса?

Климовских. 13-й мехкорпус — в Столбцах. В 14-м мехкорпусе осталось несколько танков, присоединились к 17-му, находящемуся в Барановичах. Данных о местонахождении конницы нет. Коробков вывел остатки 42-й, 6-й, 75-й. Есть основание думать, что 49-я стрелковая дивизия в Беловежской пуще. Для проверки этого и вывода ее с рассветом высылается специальный парашютист. Выход Кузнецова ожидаем вдоль обоих берегов Немана.

Жуков. Какой сегодня был бой с мехкорпусом противника перед Минским УРом и где сейчас противник, который был вчера в Слуцке и перед Минским УРом?

Климовских. Бой с мехкорпусом противника в Минском УРе вела 64-я стрелковая дивизия. Противник от Слуцка продвигался на Бобруйск, но к вечеру Бобруйск занят еще не был.

Жуков. Как понимать «еще занят не был»?

Климовских. Мы полагали, что противник попытается на плечах ворваться в Бобруйск. Этого не произошло.

Жуков. Смотрите, чтобы противник ваш Минский УР не обошел с севера. Закройте направления Логойск — Зембин — Плещеницы, иначе противник, обойдя УР, раньше вас будет в Борисове. У меня все. До свидания».

29 июня поступили сообщения о том, что наши войска оставили Минск. Наркому обороны Тимошенко позвонил Сталин и спросил:

— Что под Минском? Как там дела?

У Тимошенко не хватило сил доложить Сталину о том, что Минск сдан, он еще надеялся, что положение будет восстановлено, поэтому сказал неопределенно:

— Я не могу сейчас доложить, товарищ Сталин... — Тимошенко не успел закончить фразу, потому что Сталин его перебил.

— А вы обязаны постоянно знать все детали, товарищ Тимошенко, и держать нас в курсе событий.

Не желая продолжать разговор, Сталин положил трубку.

В это время в кабинете Сталина были Молотов, Маленков и Берия. Некоторое время было тягостное молчание, потом Сталин сказал:

— Не нравится мне это их неведение. А может быть, мы сейчас поедем в Генштаб и сами посмотрим карты и донесения с фронтов?

От Кремля до здания Наркомата обороны по улице Фрунзе ехать всего несколько минут. Когда члены Политбюро вошли в массивные двери, часовой, увидев Сталина и идущих за ним Молотова, Маленкова и Берия, настолько оторопел, что даже не мог спросить пропуска или что-то вымолвить. Члены Политбюро молча прошли мимо часового и поднялись на второй этаж, где был кабинет наркома обороны. В кабинете в это время были Тимошенко, Жуков, Ватутин, генералы и офицеры Генштаба, они стояли около больших столов, на которых расстелены карты с обстановкой на фронтах.

Появление Сталина и других членов Политбюро было настолько неожиданно, что все присутствующие на некоторое время просто онемели. Тимошенко даже побледнел, однако, будучи старым служакой, он быстро пришел в себя и подошел к Сталину с рапортом, как и полагается в таких случаях:

— Товарищ Сталин, руководство наркомата обороны и Генеральный штаб изучают обстановку на фронтах и вырабатывают очередные решения.

Сталин выслушал доклад, ничего не ответил и медленно пошел вдоль стола с картами. Он остановился у карты Западного фронта. Тем временем на цыпочках, один за другим вышли из кабинета работники Генерального штаба, кроме Тимошенко, Жукова и Ватутина.

Сталин довольно долго стоял у карты Западного фронта и разглядывал ее. Затем повернулся к генералам и, явно сдерживая себя и стараясь быть спокойным, сказал:

— Ну, мы ждем, докладывайте, объясняйте обстановку.

Тимошенко хорошо знал Сталина, не только уважал, но и очень боялся его. Он понимал, что у Сталина внутри все клокочет, иначе он не появился бы здесь так внезапно. Не ожидая для себя ничего хорошего, Тимошенко стал сбивчиво докладывать:

— Товарищ Сталин, мы еще не успели обобщить поступившие мате-

риалы. Многое не ясно... Есть противоречивые сведения... Я не готов к докладу.

И тут Сталин сорвался:

— Вы просто боитесь сообщить нам правду! Потеряли Белоруссию, а теперь хотите поставить нас перед фактом новых провалов?! Что делается на Украине? Что в Прибалтике? Вы управляете фронтами или Генштаб только регистрирует потери?!

Желая как-то разрядить обстановку и помочь Тимошенко, которого Жуков уважал, начальник Генерального штаба обратился к Сталину:

— Разрешите нам продолжать работу.

Тут вдруг иронически спросил Берия:

— Может, мы мешаем вам?

— Обстановка на фронтах критическая. От нас ждут указаний,— сказал Жуков, стараясь быть спокойным и ни к кому не обращаясь, но затем, взглянув прямо в глаза Берия, с некоторым вызовом спросил:

— Может быть, вы сумеете дать эти указания?

— Если партия поручит, дадим,— отрезал Берия.

— Это если поручит! — твердо парировал Жуков.— А пока дело поручено нам.

Повернувшись к Сталину, Жуков, опять-таки стараясь быть спокойным, сказал:

— Простите меня за резкость, товарищ Сталин. Мы разберемся и сами приедем в Кремль...

Все молчали, ожидая, что решит и скажет Сталин. Но и Тимошенко не захотел в трудную минуту оставлять без поддержки своего начальника Генерального штаба и, пытаясь прийти ему на помощь, сказал:

— Товарищ Сталин, мы обязаны в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже информировать вас...

Попытка Тимошенко сгладить ситуацию обернулась против него. Сталин опять вспыхнул:

— Во-первых, вы делаете грубую ошибку, что отделяете себя от нас! А, во-вторых, о помощи фронтам, об овладении обстановкой нам теперь надо думать всем вместе.— Сталин помолчал и, видимо, решив, что все-таки в такой ситуации лучше действительно дать военным возможность собраться с мыслями, сказал, обращаясь к своим спутникам:

— Пойдемте, товарищи, мы, кажется, действительно появились здесь не вовремя...

Члены Политбюро направились к двери и ушли, никем не сопровождаемые, так же как и появились здесь несколькими минутами раньше [1].

После ухода членов Политбюро Тимошенко попросил Жукова связаться с командующим Западным фронтом Д. Г. Павловым и выяснить наконец более детально обстановку. Жуков по аппарату Бодо говорил с Павловым, вот запись этого разговора.

«**Жуков.** Мы не можем принять никакого решения по Западному фронту, не зная, что происходит в районах Минска, Бобруйска, Слуцка. Прошу доложить по существу вопросов.

Павлов. В районе Минска 44-й стрелковый корпус отходит южнее Могилевского шоссе; рубежом обороны, на котором должны остановиться, назначен Стахов — Червень. В районе Слуцка вчера, по наблюдению авиации, 210-я мотострелковая дивизия вела бой в районе Шишецы. В районе Бобруйска сегодня в 4 часа противник навел мост, по которому проскочило 12 танков.

Жуков. Немцы передают по радио, что ими восточнее Белостока окружены две армии. Видимо, какая-то доля правды в этом есть. Почему ваш штаб не организует высылку делегатов связи, чтобы найти войска? Где Кулик, Болдин, Кузнецов? Где кавкорпус? Не может быть, чтобы авиация не видела конницу.

Павлов. Да, большая доля правды. Нам известно, что 25 и 26 июня части были на реке Щаре, вели бой за переправы с противником, занимающим восточный берег реки Щары. Третья армия стремилась отойти по обе стороны реки Щары. 21-й стрелковый корпус — в районе Лиды. С этим корпусом имели связь по радио, но со вчерашнего дня связи нет, корпус пробивается из окружения в указанном ему направлении. Авиация не может отыскать конницу и мехчасти, потому что все это тщательно скрывается в лесах от авиации противника. Послана группа с радиостанцией с задачей разыскать, где Кулик и где находятся наши части. От этой группы ответа пока нет. Болдин и Кузнецов, как и Голубев, до 26 июня были при частях.

Жуков. Основная ваша задача — как можно быстрее разыскать части и вывести их за реку Березину. За это дело возьмитесь лично и отберите для этой цели способных командиров. Ставка Главного командования от вас требует в кратчайший срок собрать все войска фронта и привести их в надлежащее состояние. Нельзя ни в коем случае допустить прорыва частей противника в районе Бобруйска и в районе Борисова. Вы должны во что бы то ни стало не допустить срыва окончания сосредоточения армий в районе Орша—Могилев—Жлобин—Рогачев. Для руководства боями и для того, чтобы вы знали, что происходит под Бобруйском, вышлите группу командиров с радиостанцией под руководством вашего заместителя. Немедленно эвакуируйте склады, чтобы все это не попало в руки противника. Как только обстановка прояснится, сразу же обо всем доложите.

Павлов. Для удержания Бобруйска и Борисова бросим все части, даже школу».

Однако эта задача была совершенно невыполнима, так как противник уже 26 июня крупными силами форсировал Западную Двину и захватил Даугавпилс.

* * *

30 июня в Генеральный штаб Жукову позвонил Сталин и приказал вызвать Д. Г. Павлова в Москву. В этот день в штаб Павлова прибыл генерал А. И. Еременко с приказом о том, что командующим Западным фронтом назначается он.

Павлов прибыл на следующий день, и первый, к кому он зашел, был Жуков. Как вспоминает Георгий Константинович, он не узнал Павлова, так похудел и осунулся тот за восемь дней войны. Состоялся нелегкий разговор, Павлов нервничал, искал оправдания в неудачах не только в силе противника, но и в неправильном руководстве сверху. Он был прав, но судьба его уже была решена. И не только тем, что на его место уже назначен новый командующий. Еременко пробыл в этой должности всего несколько дней. Сталин изменил свое решение и назначил командующим Западным фронтом маршала Тимошенко, а членом Военного совета этого фронта Л. З. Мехлиса. Причем, напутствуя на эту должность, Сталин сказал Мехлису:

— Разберитесь там, на Западном фронте, соберите Военный совет и решите, кто, кроме Павлова, виновен в допущенных серьезных ошибках.

Этой короткой фразы для Мехлиса было достаточно, она прозвучала для него четкой и определенной программой действий: Павлов виновен, и надо подыскать еще и других виновников «серьезных ошибок». В общем, дело должно быть «громким». По прибытии в штаб Западного фронта Мехлис, без долгих расследований, оформил предложение Военного совета фронта, согласно которому следует предать суду Военного трибунала все командование Западного фронта.

Однако Государственный Комитет Обороны СССР при принятии решения не ссылается на этот документ Мехлиса, видимо, понимая, что его бумага не очень весома для акции, которую затеял Сталин. Поэтому решение ГКО принимается «по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями».

Эта ссылка на главнокомандующих является первой фальсификацией в «деле Павлова». Никаких представлений из фронтов и тем более из армий не было, арест, а затем расправа над командованием Западного фронта были для главнокомандующих такой же неожиданностью, как и для всей армии. Сталин ощутил, как зашатался авторитет из-за его ошибок и просче-

[1] Эта сцена более подробно, так сказать, в романном стиле, с размышлениями и психологическими комментариями, описана в книге Ивана Стаднюка «Война». Источник же информации у нас общий: и Стаднюк, и я беседовали с Молотовым, который участвовал в этом посещении Наркомата обороны и рассказал и ему, и мне, что там происходило.

тов, которые привели к таким катастрофическим поражениям в первые дни войны. Надо было спасать не только положение, но и себя. Народ не мог не думать о причинах постигших страну и армию неудач. Нужно было направить ход их мыслей в нужную сторону. Нужны были виновники — «козлы отпущения».

И вот заседает Государственный Комитет Обороны и принимает постановление — оно «совершенно секретное», но в то же время должно быть объявлено «во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях», то есть доведено до каждого солдата, или, как гласит поговорка, «по секрету всему свету». Это свидетельствует, на мой взгляд, о растерянности Сталина, о его тайном стремлении оправдаться, отвести от себя вину. Если секретная бумага останется в штабных папках, никто не узнает виновников неудач, так и будут все думать, что он, Сталин, допустил просчеты и промахи. Нет, все должны знать, что Сталин не только не виноват — он карает виновников! Желание Сталина отчетливо проступает еще и в том, что он единолично подписал это «Постановление» — ни одного члена ГКО рядом. Он один — Сталин — увидел виновников и покарал их, это должны знать все. Поэтому и объявить все всем, несмотря на «совершенную секретность».

И действительно, постановление было зачитано всем вооруженным силам, да и на промышленных предприятиях, связанных с производством продукции для фронта, а тогда все работали на армию. Но с течением времени постановление действительно стало обретать секретность. То ли Сталин понял, что все обвинения, как говорится, шиты белыми нитками, то ли в ходе войны стали отчетливо видны настоящие причины и виновники всех неудач, в общем, это постановление чем дальше от военных лет, тем глубже пряталось в архивных сейфах. О нем вспоминали, говорили общими фразами, но сам текст после того, всеобщего, оглашения ни разу не публиковался. И, если я не ошибаюсь, не опубликован до сих пор. Отдельные выдержки и пересказ в книгах историков и в мемуарах приводятся, но поскольку в целом найти его непросто, мне кажется, будет полезным ознакомить читателей с полным текстом этого постановления.

СОВ. СЕКРЕТНО
экз. № 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Главнокомандующим.
Военным Советам Фронтов и Армий.
Командующим Военными Округами.
Командирам Корпусов и Дивизий.

НАСТОЯЩЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СССР ПРОЧЕСТЬ ВО ВСЕХ РОТАХ, БАТАРЕЯХ, ЭСКАДРОНАХ И АВИАЭСКАДРИЛЬЯХ.

Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат Великое Знамя Советской Власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей, однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и забывая свой долг перед РОДИНОЙ грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником. Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии — поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным Великое Звание Воина Красной Армии, исходя из этого Государственный Комитет Обороны, по представлению Главнокомандующих и Командующих Фронтами и Армиями, арестовал и предал суду Военного Трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) бывшего командующего Западным Фронтом Генерала Армии ПАВЛОВА;
2) бывшего начальника штаба Западного Фронта Генерал-майора КЛИМОВСКИХ;
3) бывшего начальника Связи Западного Фронта Генерал-майора ГРИГОРЬЕВА;
4) бывшего командующего 4-й Армией Западного Фронта Генерал-майора КОРОБКОВА;
5) бывшего командира 41 стрелкового корпуса Северо-Западного Фронта Генерал-майора КОСОБУЦКОГО;
6) бывшего командира 60 Горно-стрелковой дивизии Южного Фронта Генерал-майора СЕЛИХОВА;
7) бывшего заместителя командира 60 Горно-стрелковой дивизии Южного Фронта Полкового Комиссара КУРОЧКИНА;
8) бывшего командира 30 стрелковой дивизии Южного Фронта Генерал-майора ГАЛАКТИОНОВА;
9) бывшего заместителя командира 30 стрелковой дивизии Южного Фронта Полкового Комиссара ЕЛИСЕЕВА.

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Обороны **ПРЕДУПРЕЖДАЕТ**, вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом.

Государственный Комитет Обороны **ТРЕБУЕТ** от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов НА ВЕЛИКИЕ ПОДВИГИ, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними как с нарушителями присяги и изменниками Родины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР — И. СТАЛИН

16 июля 1941 г.»

Вот такой грозный документ отправляет на смерть семерых генералов и двух полковых комиссаров и «предупреждает» всех остальных, что «будет и впредь железной рукой...» и чтоб они сами «... расправлялись... с нарушителями присяги и изменниками Родины».

После опустошительных репрессий перед войной, в напряженнейшие дни войны, при огромной нехватке командиров, так беспощадно и нерасчетливо вырываются из рядов армии опытнейшие командиры и комиссары. Впрочем, «нерасчетливо» не то слово. Расчет, конечно, был у Сталина, о чем я писал выше. Об этом же свидетельствуют не только расстрел «виновников», но и организованная фальсификация, подтасовка фактов, направленные на то, чтобы скомпрометировать расстрелянных. Показать их такими, чтобы они не вызывали сожаления, чтобы постигшая их кара выглядела заслуженной. Для этого были забыты все их прежние заслуги. Вопреки действительности им приписывали надуманные дела и поступки. Особенно это коснулось Дмитрия Григорьевича Павлова — его низводили по способностям до уровня командира батальона, объявляли чуть ли не выскочкой, за несколько лет незаслуженно пролетевшим через несколько повышений.

К сожалению, и Жуков поддался этой очернительной волне, он в своих мемуарах принижает и заслуги, и способности Павлова. Впрочем, возможно, что это воздействие тех, кто редактировал рукопись. Так можно предположить потому, что Жукову ведь хорошо были известны и жизнь, и служба Павлова. Не был он «скороспелым командующим», и одаренностью при-

рода его не обделила. Служба Павлова, если очистить ее от шелухи фальсификации, проходила не хуже, чем у Жукова, а в отношении образования он даже обошел Георгия Константиновича.

Судите сами, можно ли человека с такой биографией и прохождением службы объявлять «выскочкой». По возрасту Павлов почти одногодок с Жуковым — родился в 1897 году, да и с другими маршалами ровесник: Мерецков — 1897, Василевский — 1895, Малиновский — 1898, Баграмян — 1897. В первой мировой войне участвовал рядовым. В Красную Армию вступил добровольцем, участвовал в боях на Южном, Юго-Западном, Туркестанском фронтах. Прошел путь от взводного до помощника командира полка. В 1922 году окончил Омскую высшую кавшколу, в 1928 году — Академию им. М. В. Фрунзе и в 1931 году — академические курсы Военно-технической академии. В 1934—1936 годах командовал мехбригадой. Его бригада была отмечена, а сам Павлов был награжден орденом Ленина на тех же больших маневрах, где такую же награду и тоже в должности комбрига получил Жуков. Уборевич аттестовал Павлова на командира корпуса перед отъездом в Испанию. Три современных войны прошел Павлов до нападения Германии: Испания, Финляндия, Халхин-Гол. Звание Героя Советского Союза Павлов получил на три года раньше Жукова. В Испании он был не просто «командир танковой бригады», а советник при республиканской армии по применению танковых и механизированных войск, он принимал участие в разработке крупных операций. Как военачальника его высоко ценила Долорес Ибаррури, называла в числе семи «выдающихся советских военных деятелей».

В 1937 году, после возвращения из Испании, Павлову присвоено звание комкора. Опять — плечом к плечу с Жуковым, а по должности он даже опередил Георгия Константиновича, став начальником Автобронетанкового управления РККА и членом Главного Военного совета (в числе одиннадцати!), где был и Сталин. Павлов приложил много сил и знаний при создании лучшего танка второй мировой войны — Т-34. На стратегической игре в 1940 году Павлов (наравне с Жуковым) делал один из основных докладов и был соперником Жукова по игре. Все разговоры о том, что Павлов неглубоко разбирался в искусстве вождения танковых и механизированных войск, являются клеветой в угоду «вождю народов». Павлов был одним из крупнейших теоретиков и практиков применения этих войск в современной войне. Не было у нас более опытного военачальника в вопросах стратегии и тактики применения мехвойск. Именно поэтому и был назначен генерал армии Павлов на главное направление возможного удара германской армии — командующим Белорусским особым военным округом в 1940 году.

Обвинения, предъявленные ему трибуналом, несостоятельны. Не буду разбирать всю гору вымысла, рассмотрим только одну, якобы главную, причину его отстранения и ареста: «отсутствие распорядительности», «трусость», «бездействие», «развал управления войсками», «сдачу оружия противнику», «самовольное оставление боевых позиций». Зададим только один вопрос: у кого, на каких участках фронта в первую неделю войны всего этого не было (30 июня Павлов уже был отстранен)? Предъявленные ему обвинения за действия в эти дни можно было предъявить почти всем — от командира отделения до Верховного Главнокомандующего Сталина. И если они были признаны трибуналом обоснованными по отношению к Павлову, то они настолько же правомерны и в отношении тех, кого я назвал. Все отходили, теряли оружие и т. д. Павлов, наоборот, проявил, на мой взгляд, бо́льшую распорядительность и находчивость, чем некоторые другие командиры. Всем военачальникам (в том числе и Жукову) всегда ставится в заслугу их стремление быть ближе к войскам, находиться в критические дни и часы на направлении главного удара. Почему же Павлову такие действия ставят в вину? В штабе нет связи с армиями, командующий совершенно правильно решает выехать вперед и на месте разобраться в том, что там происходит. Он мчится в пекло боя, а его обвиняют в трусости. Опять все наоборот, трусы бегут с поля боя! Потеря управления? А кто его не потерял в те дни?

Вот что, например, писал Жуков в своей книге о положении на другом фронте, Северо-Западном:

«...За первые 18 дней войны Северо-Западный фронт потерял Литву, Латвию и часть территории РСФСР, вследствие чего создалась угроза выхода противника через Лугу к Ленинграду, подступы к которому были еще недостаточно укреплены и слабо прикрыты войсками. За все это время Генеральный штаб не получал от штаба Северо-Западного фронта ясных и исчерпывающих докладов о положении наших войск, о группировках противника и местоположении его танковых и моторизованных соединений».

За 18 дней не получал докладов! А ведь именно эти войска, сдавшие «Литву, Латвию и часть территории РСФСР», пропустили противника, и он вышел в тылы Западного фронта. Нет, я не говорю, что правильнее было бы расстрелять командующего Северо-Западным фронтом генерала Ф. И. Кузнецова и его начальника штаба, я за то, чтобы вообще никого не расстреливать. Но этим примером хочу еще раз подчеркнуть всю нелепость обвинений, адресованных Павлову и его соратникам. Теперь все эти наветы сняты, невинно расстрелянные генералы реабилитированы «за отсутствием состава преступления». Но, несмотря на это, все еще тянется за ними тень фальши и лжи, сфабрикованной сталинскими угодниками. Недавно я получил письмо из Минска от дочери генерала Павлова — Ады Дмитриевны, она просит защитить доброе имя отца, приводит несколько примеров публикаций (в «Известиях» 9.05.1988 г., «Московских новостях» 17.07.1988 г. и других изданиях), в которых и в наши дни повторяются измышления и клевета сталинских времен, несмотря на полную реабилитацию Павлова еще в 1957 году. И это происходит в дни перестройки, гласности и демократии. Удивительная сила порочной инерции! Вот бы о добрых делах так устойчиво помнили!

* * *

Вернусь на несколько дней назад, для того чтобы познакомить читателей с человеком, который помог мне в изложении некоторых событий с документальной точностью. Я говорю о майоре Николае Харлампиевиче Бедове. В самом начале войны, а именно с 26 июня, когда Георгий Константинович возвратился с фронта в Москву, Бедов был назначен старшим группы по обеспечению начальника Генерального штаба Жукова. В его обязанности входило охранять генерала армии, сохранять оперативные и стратегические документы, находящиеся у Жукова, и вообще заботиться о нем во всех отношениях. О Н. Х. Бедове кто-то метко сказал: этот офицер всю войну был на два шага позади и один шаг справа от маршала Жукова. И вот этот человек сидит напротив меня (мы с ним встречались много раз) и комментирует вышеприведенные слова:

— Всю войну я действительно не отходил от Жукова, как говорится, ни на шаг, мы ездили в одной машине и на фронте, и в Москве, в Генеральном штабе и дома,— я всюду был с ним рядом.

Читатели, конечно же, понимают, какой ценной информацией владел Бедов. К сожалению, он не вел подробных записей, да во время войны и запрещалось офицерам вести дневники, был такой специальный приказ. Но у Бедова сохранилось несколько блокнотов, в которые он заносил даты событий, выездов на фронт и другие всевозможные факты и отдельные фразы, сказанные Жуковым. Это очень помогало мне уточнить, а порой и восстановить многие эпизоды из жизни Георгия Константиновича.

Ну, к примеру, меня заинтересовал такой вопрос, где Жуков слушал выступление Сталина 3 июля 1941 года. Кстати, то, что по этому поводу напечатано в книге Жукова, изложено сухим газетным языком. Это явно чужая вставка.

Я спросил Бедова — где, при каких обстоятельствах Жуков слушал выступление Сталина. Бедов мне рассказал:

— Помню, 3 июля в 6 часов утра по радио диктор Левитан объявил, что сейчас будет выступать товарищ Сталин. Потом эта речь передавалась по радио еще несколько раз, но первый раз она была передана именно в такой ранний час. Жуков всю эту ночь работал в своем кабинете, ни домой не уезжал, ни отдыхал в своей комнате отдыха. Адъютант зашел к Георгию Константиновичу и сообщил о том, что сейчас будет говорить Сталин. В кабинете Жукова радиоприемника не было. Он вышел в приемную, адъютант подстроил приемник. И вот начал говорить Сталин. Жуков

прослушал очень внимательно всю его речь и затем возвратился в свой кабинет.

...Мало осталось тех, кто хорошо помнит это выступление Сталина, а те, кто помоложе, вообще, наверное, его не читали. Но в то время выступления Сталина ждал весь народ, и оно прозвучало как вдохновляющее всех советских людей на дело отпора врагу, на мобилизацию всех сил страны для одержания победы.

Поскольку это выступление является историческим документом и оценивает обстановку, излагает причины наших первых неудач с точки зрения нашего правительства, ну и еще потому, что текст его не так просто сегодня найти, мне кажется необходимым привести это выступление Сталина, хотя бы и с сокращениями. Оно поможет читателям уловить напряженную обстановку, состояние народа и руководства в те дни, что, несомненно, отразилось в этой речи.

«Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня,— продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства».

Сталин утверждал: в том, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с фашистской Германией, не было ошибки. Он объяснял: «Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выгрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией».

Дальше Сталин говорил о том, что требуется для ликвидации опасности, нависшей над Родиной. Понять глубину опасности, отрешиться от беспечности. Не должно быть в наших рядах трусов, паникеров, нытиков. Перестроить всю работу на военный лад. Отстаивать каждую пядь советской земли. При вынужденном отходе увозить все, что возможно, и уничтожать все, что не вывозится. Создавать партизанские отряды.

В общем, это была целая программа большой войны. В заключение Сталин сказал:

«Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабощенного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза,— являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину — в нашей Отечественной войне с германским фашизмом».

В заключение Сталин сказал о создании Государственного Комитета Обороны, призвал весь народ «сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!»

В речи Сталина есть немало таких мест, которые рассчитаны на укрепление морального духа армии и народа. И действительно способствовали этому. Но есть и явная неправда. Например, в первом же абзаце он говорит: «Лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения...». Это, конечно же, не соответствовало действительности и сегодня легко может быть проверено, ну хотя бы по дневнику генерала Гальдера, который пишет именно 3 июля следующее: «Потери: С 22.6 по 30.6 наши потери составляют в общей сложности 41 087 человек — 1,64% наличного состава (при численности войск,

равной 2,5 миллиона человек). Убито 524 офицера и 8 362 унтер-офицера и рядового. Ранено 966 офицеров и 28 528 унтер-офицеров и рядовых». Как видим, потери для войны таких больших масштабов не столь уж значительны и, уж во всяком случае, это не «лучшие дивизии», о разгроме которых говорил Сталин.

Сегодня есть возможность прокомментировать выступление Сталина словами Жукова. Приведу в заключение главы большие выдержки из высказываний Георгия Константиновича о первых днях войны, которые зафиксировал К. Симонов много лет спустя в своих беседах с маршалом.

Эти суждения еще не сложились у Жукова, когда он работал над книгой воспоминаний, думаю, что необходимо привести их здесь как свидетельство расширения и изменения взглядов и оценок маршала.

«Надо будет, наконец, посмотреть правде в глаза и не стесняясь сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны, и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях.

У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми, и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство. В общей форме это верно. В итоге это действительно так. Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу. Не секрет, что у нас рядом воевали дивизии, из которых одна дралась хорошо, стойко, а соседняя с ней — бежала, испытав на себе такой же самый удар противника. Были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости.

Обо всем этом следует говорить и писать...»

«Трактовка внезапности, как трактуют ее сейчас, да и как трактовал ее в своих выступлениях Сталин, неполна и неправильна. Что значит внезапность, когда мы говорим о действиях такого масштаба? Это ведь не просто внезапный переход границы, не просто внезапное нападение. Внезапность перехода границы сама по себе еще ничего не решала. Главная опасность внезапности заключалась не в том, что немцы перешли границу, а в том, что для нас оказалось внезапностью их шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях, для нас оказались внезапностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара. Это и есть то главное, что предопределило наши потери первого периода войны. А не только и не просто внезапный переход границы».

«У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина. С одной стороны, это верно. Но, с другой, думаю, что нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени, должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение — Молотов, Маленков и Каганович. Не говорю о Берии. Он был личностью, готовой выполнять все, что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие личности и необходимы. Так что вопрос о нем — особый вопрос, и в данном случае я говорю о других людях.

Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове, хотя он и был в 1940 году снят с поста наркома обороны, но до самого начала войны он оставался председателем Государственного Комитета Обороны. Часть ответственности лежит на нас — военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве. Участвуя много раз при обсуждении ряда вопросов у Сталина, в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность видеть споры и препирательства, видеть упорство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения...

Представлять себе дело так, что никто из окружения Сталина никогда не спорил с ним по государственным и хозяйственным вопросам — неверно. Однако в то же время большинство окружавших Сталина людей поддерживали его в тех политических оценках, которые сложились у него перед войной, и прежде всего в его уверенности, что если мы не дадим себя спровоцировать, не совершим какого-либо ложного шага, то Гитлер не решится разорвать пакт и напасть на нас.

И Маленков, и Каганович в этом вопросе были солидарны со Сталиным; особенно активно поддерживал эту точку зрения Молотов. Молотов не только был сам человеком волевым и упрямым, которого трудно было сдвинуть с места, если уж он занял какую-нибудь позицию. По моим наблюдениям, вдобавок к этому он в то время обладал серьезным влиянием на Сталина, в особенности в вопросах внешней политики, в которой Сталин тогда, до войны, считал его компетентным. Другое дело потом, когда все расчеты оказались неправильными и рухнули, Сталин не раз в моем присутствии упрекал Молотова в связи с этим. Причем Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ. Молотов и после своей поездки в Берлин в ноябре 1940 года продолжал утверждать, что Гитлер не нападет на нас. Надо учесть, что в глазах Сталина в этом случае Молотов имел дополнительный авторитет человека, самолично побывавшего в Берлине.

Авторитет Молотова усиливался качествами его характера. Это был человек сильный, принципиальный, далекий от каких-либо личных соображений, крайне упрямый, крайне жестокий, сознательно шедший за Сталиным, поддерживавший его в самых жестоких действиях, в том числе и в 1937—1938 годах, исходя из своих собственных взглядов. Он убежденно шел за Сталиным, в то время как Маленков и Каганович делали на этом карьеру.

Единственным из ближайшего окружения Сталина, кто на моей памяти и в моем присутствии высказывал иную точку зрения о возможности нападения немцев, был Жданов. Он неизменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитлеру нельзя верить ни в чем.

Как сложились у Сталина его предвоенные, так дорого нам стоившие заблуждения? Думаю, что в начале у него была уверенность, что именно он обведет Гитлера вокруг пальца в результате заключения пакта. Хотя потом все вышло как раз наоборот.

Однако несомненно, что пакт с обеих сторон заключался именно с такими намерениями.

Сталин переоценил меру занятости Гитлера на Западе, считал, что он там завяз и в ближайшее время не сможет воевать против нас. Положив это в основу всех своих прогнозов, Сталин после разгрома Франции, видимо, не нашел в себе силы по-новому переоценить обстановку.

Война в Финляндии показала Гитлеру слабость нашей армии. Но одновременно она показала это и Сталину. Это было результатом 1937—1938 годов, и результатом самым тяжелым.

Если сравнить подготовку наших кадров перед событиями этих лет в 1936 году и после событий в 1939 году, надо сказать, что уровень боевой подготовки войск упал очень сильно. Мало того, что армия, начиная с полков, была в значительной мере обезглавлена, она была еще и разложена этими событиями. Наблюдалось страшное падение дисциплины, дело доходило до самовольных отлучек, до дезертирства. Многие командиры чувствовали себя растерянными, неспособными навести порядок...»

«Вспоминая предвоенный период, надо сказать, что, конечно, на нас — военных — лежит ответственность за то, что мы недостаточно настойчиво требовали приведения армии в боевую готовность и скорейшего принятия ряда необходимых на случай войны мер. Очевидно, мы должны были это делать более решительно, чем делали. Тем более что, несмотря на всю непререкаемость авторитета Сталина, где-то в глубине души у тебя гнездился червь сомнения, шевелилось чувство опасности немецкого нападения. Конечно, надо реально себе представить, что значило тогда идти

наперекор Сталину в оценке общеполитической обстановки. У всех на памяти еще были недавно минувшие годы, и заявить вслух, что Сталин не прав, что он ошибается, попросту говоря, тогда могло означать, что, еще не выйдя из здания, ты уже поедешь пить кофе к Берии.

И все же это лишь одна сторона правды. А я должен сказать всю. Я не чувствовал тогда, перед войной, что я умнее и дальновиднее Сталина, что я лучше него оцениваю обстановку и больше него знаю. У меня не было такой собственной оценки событий, которую я мог бы с уверенностью противопоставить, как более правильную, оценкам Сталина. Такого убеждения у меня не существовало. Наоборот, у меня была огромная вера в Сталина, в его политический ум, его дальновидность и способность находить выходы из самых трудных положений. В данном случае в его способность уклониться от войны, отодвинуть ее. Тревога грызла душу. Но вера в Сталина и в то, что в конце концов все выйдет так, как он предполагает, была сильнее. И как бы ни смотреть на это сейчас — это правда...»

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

28 июня, на шестой день войны, клещи гитлеровских механизированных частей сошлись в районе Минска, и столица Белоруссии была взята. Западнее Минска в окружении осталась крупная группировка советских войск. Южнее белорусских полей сражений группа армий «Центр» своими танковыми клиньями вышла к Днепру, и, несмотря на то, что полевые армии отставали от танковых соединений, немедленно началось форсирование и переправа механизированных частей на восточный берег Днепра.

В своих воспоминаниях командующий 2-й танковой группой Гудериан пишет: «...наша пехота могла подойти не раньше, чем через две недели. За это время русские могли в значительной степени усилить свою оборону. Кроме того, сомнительно было, удастся ли пехоте опрокинуть хорошо организованную оборону на участке реки и снова продолжать маневренную войну...

Я полностью сознавал всю трудность решения. Я считался с опасностью сильного контрудара противника по открытым флангам, которые будут иметь три моих танковых корпуса после форсирования Днепра. Несмотря на это, я был настолько проникнут важностью стоящей передо мной задачи и верой в ее разрешимость и одновременно настолько был убежден в непреодолимой мощи и наступательной силе моих войск, что немедленно отдал приказ форсировать Днепр и продолжать продвижение на Смоленск».

10 и 11 июля войска Гудериана форсировали Днепр и устремились к Смоленску. Так на карте сражений появилось Смоленское направление.

Гудериан — опытный генерал, он справедливо опасался ударов во фланги — они у танковой группы не прикрыты, его войска рвутся вперед по дорогам. Тут и военная теория и простая логика подсказывают мысль о возможности нанесения таких боковых ударов. Но советские военачальники их не осуществляли — они упорно отходили вдоль дорог, по которым двигались гитлеровские войска, все время стараясь забежать вперед и выстроить перед ними сплошной фронт.

Нет, не только Сталин просчитался в определении сроков нападения — наши военачальники воевать по-современному свою армию не научили!

На первом этапе Смоленского сражения подвижные войска противника прорвались в глубину и окружили наши войска в районе Могилева, захватили Оршу, Ельню и Кричев. Танковая группа Гота овладела Витебском. Остались в окружении 19-я, 16-я и 20-я советские армии.

16 июля 29-я мотодивизия из войск Гудериана овладела Смоленском. Дальше я цитирую по рукописи Жукова:

«Падение Смоленска было тяжело воспринято Государственным комитетом обороны и особенно Сталиным, который в крайне нервном возбуждении несправедливо выражал свое негодование войсками, оборонявшимися в районе Смоленска. Мы, руководящие работники Генерального штаба, также попали под его тяжелую руку, испытывали всю тяжесть несправедливых упреков и раздражения Сталина. Приходилось напрягать всю силу воли, чтобы смолчать и не возмутиться против несправедливых его упреков. Но обстановка требовала от нас пренебречь своим «я» и вести себя так, чтобы не нанести делу еще больший ущерб.

Сталин не разрешил «Совинформбюро» до особого его распоряжения оповестить страну о сдаче Смоленска и потребовал вернуть город любой ценой. Следует подчеркнуть, что это требование Верховного в сложившейся обстановке не могло быть выполнено, так как войска, стоявшие под Смоленском, были окружены и дрались в неравных условиях. Вернуть Смоленск нам так и не удалось...»

Однако с потерей города Смоленское сражение не кончилось — оно длилось в общей сложности целый месяц. Ставка передала из резерва маршалу Тимошенко, командовавшему Западным фронтом, 20 стрелковых дивизий. Тимошенко создал из этих дивизий и войск, имевшихся в его распоряжении, пять армейских групп, которыми командовали генерал-майор К. К. Рокоссовский, генерал-майор В. А. Хоменко, генерал-лейтенант С. А. Калинин, генерал-лейтенант В. Я. Качалов, генерал-лейтенант И. И. Масленников. Этими силами и силами окруженных армий, которые пробивались к своим, Тимошенко и его войска вели ожесточенные бои с противником на всем фронте, и продвижение гитлеровцев фактически на этом этапе было остановлено.

Здесь мне хочется привести слова Жукова с оценкой действий Тимошенко в этот период: «Надо отдать должное маршалу С. К. Тимошенко. В те трудные первые месяцы войны он много сделал, твердо руководил войсками, мобилизуя все силы на отражение натиска врага и организацию обороны».

Я хочу обратить внимание читателей на то, что высокая оценка Жукова в данном случае разошлась с мнением Сталина о Тимошенко. Вот что рассказывает Жуков об эпизоде, происшедшем в ходе Смоленского сражения, после его первого этапа. Я цитирую по рукописи, хотя этот эпизод есть и в опубликованном труде Жукова, но все же в рукописи есть некоторые нюансы, которые опущены при редактировании, а они очень важны для характеристики как Тимошенко, так и Жукова.

«Мы вошли в комнату, за столом сидели почти все члены Политбюро. Сталин стоял посередине комнаты и держал пустую трубку в руках — верный признак плохого настроения.

— Вот что, — сказал Сталин, — Политбюро обсудило деятельность Тимошенко на посту командующего Западным фронтом и считает, что он не справился с возложенной на него задачей в районе Смоленска. Мы пришли к выводу, что на должность командующего Западным фронтом надо послать Жукова. — А затем, помолчав немного, Сталин спросил, обращаясь к Тимошенко:

— Что думаете вы?

Тимошенко молчал. Да и что он мог сказать на это несправедливое обвинение?

— Товарищ Сталин, — сказал я, — частая смена командующих фронтами тяжело отражается на ходе операций. Командующие, не успев войти в курс дела, вынуждены вести тяжелейшие сражения. Маршал Тимошенко командует фронтом всего лишь четыре недели. В ходе Смоленского сражения хорошо узнал войска, на что они способны. Он сделал все, что можно было сделать на его месте, и почти на месяц задержал противника в районе Смоленска. Думаю, что никто другой большего не сделал бы. Войска верят в Тимошенко, а это главное. Я считаю, что сейчас снимать его с фронта несправедливо и крайне опасно.

Калинин, внимательно слушавший, сказал:

— А что, пожалуй, Жуков прав.

Сталин раскурил трубку, посмотрел на других членов Политбюро и сказал:

— Может быть, согласимся с Жуковым?

Послышались голоса:

— Вы правы, товарищ Сталин, Тимошенко может еще выправить положение.

Не сказав больше ни слова, нас отпустили, приказав Тимошенко немедленно выехать на фронт.

Когда мы возвращались обратно в Генштаб, Тимошенко сказал:

— Ты зря отговорил Сталина. Я страшно устал от его дерганья.

— Ничего, Семен Константинович, кончим войну, тогда отдохнем, а сейчас скорее на фронт.

С тем Тимошенко и уехал.

Было явно, что его серьезно обидело это несправедливое обвинение. Этот случай не был единственным. Сталин редко был объективен в оценке деятельности военачальников. Я это испытал сам. Сталин не выбирал слов; он мог легко и незаслуженно обидеть человека, даже такого, который всеми силами стремится сделать все, на что он способен. Я хорошо понимал С. К. Тимошенко, но тогда было не до обид личного характера».

На западном направлении, после тяжелейших сражений в районе Смоленска, канонада временно стихла. Обе стороны приводили войска в порядок и готовились к грядущим событиям. Бои не прекращались только в районе Ельни. Ельнинский выступ, захваченный немецкими войсками, был очень выгодным плацдармом для удара по Москве. Немцы стремились удержать его в своих руках во что бы то ни стало.

Наше контрнаступление решающего успеха под Смоленском не имело, группировка противника разгромлена не была, Смоленск не был возвращен, но все же было сорвано и наступление противника. Мотострелковые соединения группы армий «Центр» потеряли к этому времени около 50% своего состава, и в этой операции был нанесен еще один удар по молниеносной стратегии противника, а окончательным результатом Смоленского сражения было то, что немецко-фашистские войска были вынуждены перейти к обороне на Московском направлении.

Что же происходило в это время в расположении противника?

Окончание следует.

Лев Лосев

СТИХОТВОРЕНИЯ

●

«Понимаю — ярмо, голодуха,
тыщу лет демократии нет,
но худого российского духа
не терплю»,— говорил мне поэт.
«Эти дождички, эти березы,
эти охи по части могил»,—
и поэт с выраженьем угрозы
свои тонкие губы кривил.
И еще он сказал, распаляясь:
«Не люблю этих пьяных ночей,
покаянную искренность пьяниц,
достоевский надрыв стукачей,
эту водочку, эти грибочки,
этих девочек, эти грешки
и под утро заместо примочки
водянистые Блока стишки;
наших бардов картонные копья
и актерскую их хрипоту,
наших ямбов пустых плоскостопье
и хореев худых хромоту;
оскорбительны наши святыни,
все рассчитаны на дурака,
и живительной чистой латыни
мимо нас протекала река.
Вот уж правда — страна негодяев:
и клозета приличного нет»,—
сумасшедший, почти как Чаадаев,
так внезапно закончил поэт.
Но гибчайшею русскою речью
что-то главное он огибал
и глядел словно прямо в заречье,
где архангел с трубой погибал.

●

...в «Костре» работал. В этом тусклом месте,
вдали от гонки и передовиц,
я встретил сто, а может быть, и двести
прозрачных юношей, невзрачнейших девиц.
Простуженно протискиваясь в дверь,

Советскому читателю русский поэт Лев Лосев малоизвестен. На Западе вышли его сборники «Чудесный десант» и «Тайный советник». В настоящее время живет в США.

они, не без нахального кокетства,
мне говорили: «Вот вам пара текстов».
Я в их глазах редактор был и зверь.
Прикрытые немыслимым рваньем,
они о тексте, как учил их Лотман,
судили как о чем-то очень плотном,
как о бетоне с арматурой в нем.
Все это были рыбки на меху
бессмыслицы, помноженной на вялость,
но мне порою эту чепуху
и вправду напечатать удавалось.

Стоял мороз. В Таврическом саду
закат был желт, и снег под ним был розов.
О чем они болтали на ходу,
подслушивал недремлющий Морозов,
тот самый, Павлик, сотворивший зло.
С фанерного портрета пионера
от холода оттрескалась фанера,
но было им тепло.

И время шло.
И подходило первое число.
И секретарь выписывал червонец.
И время шло, ни с кем не церемонясь,
и всех оно по кочкам разнесло.
Те в лагерном бараке чифирят,
те в Бронксе с тараканами воюют,
те в психбольнице кычат и кукуют,
и с обшлага сгоняют чертенят.

●

Покуда Мельпомена и Евтерпа
настраивали дудочки свои,
и дирижер выныривал, как нерпа,
из светлой оркестровой полыньи,
и дрейфовал на сцене, как на льдине,
пингвином принаряженный солист,
и бегала старушка-капельдинер
с листовками, как старый нигилист,
улавливая ухом труляля,
я в то же время погружался взглядом
в мерцающую груду хрусталя,
нависшую застывшим водопадом:
там умирал последний огонек,
и я его спасти уже не мог.

На сцене барин корчил мужика,
тряслась кулиса, лампочка мигала,
и музыка, как будто мы—зека,
командовала нами, помыкала,
на сцене дама руки изломала,
она в ушах производила звон,
она производила в душах шмон
и острые предметы изымала.

Послы, министры, генералитет
застыли в ложах. Смолкли разговоры.
Буфетчица читала «Алитет
уходит в горы». Снег. Уходит в горы.

Салфетка. Глетчер. Мраморный буфет.
Хрусталь—фужеры. Снежные заторы.
И льдинами украшенных конфет
с медведями пред ней лежали горы.
Как я любил холодные просторы
пустых фойе в начале января,
когда ревет сопрано: «Я твоя!»,
и солнце гладит бархатные шторы.

Там, за окном, в Михайловском саду
лишь снегири в суворовских мундирах,
два льва при них гуляют в командирах
с нашлепкой снега—здесь и на заду.
А дальше—заторошена Нева,
Карелия и Баренцева лужа,
откуда к нам приходит эта стужа,
что нашего основа естества.
Все, как задумал медный наш творец,—
у нас чем холоднее, тем интимней,
когда растаял Ледяной дворец,
мы навсегда другой воздвигли—Зимний.

И все же, откровенно говоря,
от оперного мерного прибоя
мне кажется порою с перепоя—
нужны России теплые моря!

Тринадцать

Стоит позволить ресницам закрыться,
и поползут из-под сна-кожуха
кривые карлицы нашей кириллицы,
жуковатые буквы **ж**, **х**.

Воздуху!—как объяснить им попроще,
нечисть счищая с плеча и хлеща
веткой себя,—и вот ты уже в роще,
в жуткой чащобе **ц**, **ч**, **ш**, **щ**.

Встретишь в берлоге единоверца,
не разберешь—человек или зверь.
«Е-ё-ю-я»,—изъясняется сердце,
а вырывается: **«ъ, ы, ь»**.

Видно, монахи не так разре́зали
азбуку: за буквами тянется тень.
И отражается в озере-езере,
осенью-есенью,
олень-елень.

●

Земную жизнь пройдя до середины,
я был доставлен в длинный коридор.
В нелепом платье бледные мужчины

вели какой-то смутный разговор.
Стучали кости. Испускались газы,
и в воздухе подвешенный топор

угрюмо обрубал слова и фразы:
все ху да ху, да ё маё, да бля—
печальны были грешников рассказы.

Один заметил, что за три рубля
сегодня ночью он кому-то вдует,
но некто, грудь мохнатую скобля,

ему сказал, что не рекомендует,
а третий, с искривленной головой,
воскликнул, чтоб окно закрыли—дует.

В ответ ему раздался гнусный вой,
развратный, негодующий, унылый,
но в грязных робах тут вошел конвой,

и я был унесен нечистой силой.
Наморща лобик, я лежал в углу.
Несло мочой, карболкой и могилой.

В меня втыкали толстую иглу
меня поили горечью полынной.
К холодному железному столу

потом меня доской прижали длинной,
и было мне дышать запрещено
во мраке этой комнаты пустынной.

И хриплый голос произнес: «Кино».
В ответ визгливый: «Любоваться нечем».
А тот: «Возьми и сердце заодно».

А та: «Сейчас, сперва закончу печень».
И мой фосфоресцировал скелет,
обломан, обезличен, обесцвечен,

корявый остов тридцати трех лет.

Разговор

«Нас гонят от этапа до этапа,
А Польше в руки все само идет—
Валенса, Милош, Солидарность, Папа,
у нас же Солженицын, да и тот
Угрюм-Бурчеев и довольно средний
прозаик». «Нонсенс, просто он последний
романтик». «Да, но если вычесть «ром»».
«Ну, ладно, что мы, все-таки, берем?»
Из омута лубянок и бутырок
приятели в коммерческий уют
всплывают, в яркий мир больших бутылок.
«А пробовал ты шведский «Абсолют»,
его я называю «соловьевка»,
шарахнешь—и софия тут как тут».
«А, все же, затрапезная столовка,
где под столом гуляет поллитровка...
нет, все-таки, как белая головка,
так западные водки не берут».
«Прекрасно! ностальгия по сивухе!
А по чему еще—по стукачам?
по старым шлюхам, разносящим слухи?

по слушанью «Свободы» по ночам?
по жакту? по райкому? по погрому?
по стенгазете «За культурный быт»?»
«А, может, нам и правда выпить рому—
уж этот точно свалит нас с копыт».

На Рождество

Я лягу, взгляд расфокусирую,
звезду в окошке раздвою
и вдруг увижу местность сирую,
сырую родину свою.

Во власти оптика-любителя
не только что раздвой и—сдвой,
а сдвой Сатурна и Юпитера
чреват Рождественской звездой.

Вослед за этой, быстро вытекшей
и высохшей, еще скорей
всходили над Волховом и Вытегрой
звезда волхвов, звезда царей.

. . . .

Звезда взойдет над зданьем станции,
и радио в окне сельпо
программу по заявкам с танцами
прервет растерянно и, по-
медлив малость, как замолится
о пастухах, волхвах, царях,
о коммунистах с комсомольцами,
о сброде пьяниц и нерях.
Слепцы, пророки трепотливые,
отцы, привыкшие к кресту,
как эти строки терпеливые,
бредут по белому листу.
Где розовою промокашкою
вполнеба запад возникал,
туда за их походкой тяжкою
Обводный тянется канал.
Закатом наскоро промокнуты,
слова идут к себе домой
и открывают двери в комнаты,
давно покинутые мной.

●

С. К.

И, наконец, остановка «Кладбище».
Нищий, надувшийся, словно клопище,
в куртке-москвичке сидит у ворот.
Денег даю ему—он не берет.

Как же, твержу, мне поставлен в аллейке
памятник в виде стола и скамейки,

с кружкой, поллитрой, вкрутую яйцом,
следом за дедом моим и отцом.

Слушай, мы оба с тобой обнищали,
оба вернуться сюда обещали,
ты уж по списку проверь, я же ваш,
ты уж, пожалуйста, ты уж уважь.

Нет, говорит, тебе места в аллейке,
нету оградки, бетонной бадейки,
фото в овале, сирени куста,
столбика нету и нету креста.

Словно я Мистер какой-нибудь Твистер,
не подпускает на пушечный выстрел,
под козырек, издеваясь, берет,
что ни даю — ничего не берет.

Стихи о романе

I

Знаем эти толстовские штучки:
с бородою, окованной льдом,
из недельной московской отлучки
воротиться в нетопленый дом.
«Затопите камин в кабинете.
Вороному задайте пшена.
Принесите мне рюмку вина.
Разбудите меня на рассвете».
Погляжу на морозный туман
и засяду за длинный роман.

Будет холодно в этом романе,
будут главы кончаться «как вдруг»,
будет кто-то сидеть на диване
и посасывать длинный чубук,
будут ели стоять угловаты,
как стоят мужики на дворе,
и, как мост, небольшое тире
свяжет две недалекие даты
в эпилоге (когда старики
на кладбище придут у реки).

Достоевский еще молоденек,
только в нем что-то есть, что-то есть.
«Мало денег, — кричит, — мало денег.
Выиграть тысяч бы пять или шесть.
Мы заплатим долги, и в итоге
будет водка, цыгане, икра.
Ах, какая начнется игра!
После старец нам бухнется в ноги
и прочтет в наших робких сердцах
слово СТРАХ, слово КРАХ, слово ПРАХ.

Грусть-тоска. Пой, Агаша. Пей, Саша.
Хорошо, что под сердцем сосет...»
Только нас описанье пейзажа
от такого запоя спасет.
«Красный шар догорал за лесами,
и крепчал, безусловно, мороз,
но овес на окошке пророс...»
Ничего, мы и сами с усами.
Нас не схимник спасет, нелюдим,
лучше в зеркало мы поглядим.

II

Я неизменный Карл Иваныч.
Я ваших чад целую на ночь.
Их географии учу.
Порой одышлив и неряшлив,
я вас бужу, в ночи закашляв,
молясь и дуя на свечу.

Конечно, не большая птица,
но я имею, чем гордиться:
я не блудил, не лгал, не крал,
не убивал — помилуй Боже, —
я не убийца, нет, но все же,
ах, что же ты краснеешь, Карл?

Был в нашем крае некто Шиллер,
он талер у меня зажилил.
Была дуэль. Тюрьма. Побег.
Забыв о Шиллере проклятом,
verfluchtes Fatum — стал солдатом —
сражений дым и гром побед.

Там пели, там «ура» вопили,
под липами там пиво пили,
там клали в пряники имбирь.
А здесь, как печень от цирроза,
разбухли бревна от мороза,
на окнах вечная Сибирь.

Гуляет ветер по подклетям.
На именины вашим детям
я клею домик (ни кола
ты не имеешь, старый комик,
и сам не прочь бы в этот домик).
Прошу, взгляните, Nicolas.

Мы внутрь картона вставим свечку
и осторожно чиркнем спичку,
и окон нежная слюда
засветится тепло и смутно,
уютно станет и гемютно,
и это важно, господа!

О, я привью германский гений
к стволам российских сих растений.
Фольга сияет наобум.
Как это славно и толково,
кажись, и младший понял, Лева,
хоть увалень и тугодум.

Один день Льва Владимировича

Перемещен из Северной и Новой
Пальмиры и Голландии, живу
здесь нелюдимо в Северной и Новой
Америке и Англии. Жую
из тостера изъятый хлеб изгнанья
и ежеутренне взбираюсь по крутым
ступеням белокаменного зданья,
где пробавляюсь языком родным.
Развешиваю уши. Каждый звук
калечит мой язык или позорит.

Когда состарюсь, я на старый юг
уеду, если пенсия позволит.
У моря над тарелкой макарон
дней скоротать остаток по-латински,
слезою увлажняя окоем,
как Бродский, как, скорее, Баратынский.
Когда последний покидал Марсель,
как пар пыхтел и как пилась марсала,
как провожала пылкая мамзель,
как мысль плясала, как перо писало,
как в стих вливался моря мерный шум,
как в нем синела дальняя дорога,
как не входило в восхищенный ум,
как оставалось жить уже немного.

Однако что зевать по сторонам.
Передо мною сочинений горка.
«Тургенев любит написать роман
Отцы с Ребенками». Отлично, Джо, пятерка!
Тургенев любит поглядеть в окно.
Увидеть нив зеленое рядно.
Рысистый бег лошадки тонконогой.
Горячей пыли пленку над дорогой.
Ездок устал, в кабак он завернет.
Не евши, опрокинет там косушку...
И я в окно — а за окном Вермонт,
соседний штат, закрытый на ремонт,
на долгую весеннюю просушку.
Среди покрытых влагою холмов
каких не понапрятано домов,
какую не увидишь там обитель:
в одной укрылся нелюдимый дед,
он в бороду толстовскую одет
и в сталинский полувоенный китель.
В другой живет поближе к небесам
кто, словеса плетя витиевато,
с глубоким пониманьем описал
лирическую жизнь дегенерата.

Задавши студиозусам урок,
берем газету (глупая привычка).
Ага, стишки. Конечно, «уголок»,
«колонка» или, сю-сю-сю, «страничка».
По Сеньке шапка. Сенькин перепрыг
из комсомольцев прямо в богомольцы
свершен. Чем нынче потчуют нас в рыг-
-аловке? Угодно ль гонобольцы?
Все постненькое, Божии рабы?

Дурные рифмы. Краденые шутки.
Накушались. Спасибо. Как бобы
шевелятся холодные в желудке.

Смеркается. Пора домой. Журнал
московский, что ли, взять как веронал.
Там олух размечтался о былом,
когда ходили наши напролом
и сокрушали нечисть помелом,
а эмигранта отдаленный предок
деревню одарял полуведром.
Крути, как хочешь, русский палиндром
барин и раб, читай хоть так, хоть эдак,
не может раб существовать без бар.
Сегодня стороной обходим бар.

Там хорошо. Там стелется, слоист,
сигарный дым. Но там сидит славист.
Опасно. До того опять допьюсь,
что перед ним начну метать свой бисер
и от коллегн я опять добьюсь,
чтоб он опять в ответ мне пошлость .....:
«Ирония не нужно казаку,
you sure could use some domestication *,
недаром в вашем русском языку
такого слова нет — sophistication» **.
Есть слово «истина». Есть слово «воля».
Есть из трех букв — «уют». И «хамство» есть.
Как хорошо в ночи без алкоголя
слова, что невозможно перевесть,
бредя, пространству бормотать пустому.
На слове «падло» мы подходим к дому.

Дверь за собой плотней прикрыть, дабы
в дом не прокрались духи перекрестков.
В разношенные шлепанцы стопы
вставляй, поэт, пять скрюченных отростков.
Еще проверь цепочку на двери.
Приветом обменяйся с Пенелопой.
Вздохни. В глубины логова прошлепай.
И свет включи. И вздрогни. И замри:
...А это что еще такое?

А это — зеркало, такое стеклецо,
чтоб увидать со щеткой за щекою
судьбы перемещенное лицо.

ХБ-2

То ль на сердце нарыв,
то ли старый роман,
то ли старый мотив,
ах, шарманка, шарман,
то ль суставы болят,
то ль я не молодой,
Хас-Булат, Хас-Булат,
Хас-Булат удалой,
бедна сакля твоя,

---

* «you sure could use some domestication»,— «уж вам бы пошло на пользу малость дрессировки» (англ.).

** sophistication — очень приблизительно: «изысканность» (англ.).

бедна сакля моя,
у тебя ни шиша,
у меня ни шиша,
сходство наших жилищ
в наготе этих стен,
но не так уж я нищ,
чтобы духом блажен,
и не так я богат,
чтобы сходить за вином,
распродажа лопат
за углом в скобяном,
от хлопот да забот
засклерозились мы,
и по сердцу скребет
звук начала зимы.

Моя книга

Ни Риму, ни миру, ни веку,
ни в полный внимания зал—
в Летейскую библиотеку,
как злобно Набоков сказал.

В студеную зимнюю пору
(«однажды»—за гранью строки)
гляжу, поднимается в гору
(спускается к брегу реки)

усталая жизни телега,
наполненный хворостью воз.
Летейская библиотека,
готовься к приему всерьез.

Я долго надсаживал глотку
и вот мне награда за труд:
не бросят в Харонову лодку,
на книжную полку воткнут.

Б. Пинскер

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ХИМЕРА

Мы много знаем о буржуазной демократии, вернее, о ее пороках. Менее нам знакома буржуазная бюрократия. А ведь ведомство — большая сила. Именно бюрократия приобретает невиданно большую силу в эпоху целенаправленных социальных и экономических преобразований, при этом логика бюрократической деятельности очень быстро начинает влиять на характер этих преобразований.

После второй мировой войны рост благосостояния в странах Запада сделал возможной и необходимой постановку вопроса о справедливости распределения. Бедность, которая веками была естественной и неизбежной формой жизни большинства населения, вдруг стала рассматриваться как недостойное и несовместимое с новыми возможностями состояние.

Отсюда, казалось бы, непреложно вытекало простое и для всех приемлемое решение — выравнять богатство.

Любовь к простым решениям сложных проблем родилась не вчера. Еще Александр Македонский предложил упрощенную технологию развязывания запутанных проблем. Говорят, в революцию 1848 года к тогдашнему главе банкирского дома Ротшильдов пришли представители инсургентов и потребовали вернуть богатства народу. Старый банкир спросил, много ли претендентов. Ответ был — весь французский народ, 30 миллионов (прошу прощения за возможную неточность цифр). Был вызван главбух, которого попросили оценить размер состояния. Ответ представителям народа был: господа, каждому причитается по 8 франков. Можете получить в кассе. Старый банкир был прав: дележкой накопленных состояний поровну можно добиться только национализации нищеты.

Руководитель президентской комиссии США по делам государственной администрации Дж. М. Грейс заявил (1984 год): если правительство заберет все доходы выше 35 тысяч долларов и распределит их — этих средств хватит для страны на 41 день, если отберет все доходы выше 75 тысяч — этого хватит на 10 дней. Но и теперь в поход за 8 франками движутся мощные общественные и политические организации — наследники революционных традиций. В Британии их называют «группы давления ассоциаций представителей». В 1980 году таких групп насчитывалось 350, и у каждой были свои претензии к «совокупному банкиру» — казне.

Бурный рост такого рода ассоциаций в 60—70-х годах объясняется простым и ясным соображением: отдельному гражданину из казны не вытянуть ничего. Объединенным гражданам это уже вполне по плечу. Они могут громко потребовать, они могут пригрозить, что на выборах проголосуют за оппозицию. Под дружным натиском бюджет теряет свое скучное свойство быть постоянным и ограниченным. Он становится вполне резиновым, а процедура мелкой нарезки общественного пирога оказывается делом осуществимым, прибыльным и азартным.

Чем отвечало на этот дружный натиск государство, которое уже объявило, что оно государство «социальное», «справедливое», государство — поилец и кормилец? Отбивалось, уклонялось, но и учреждало — субсидии, пособия, пенсии,

льготы. Программы помощи множились, как метко определил наблюдатель, по принципу «эхо». Предоставление субсидий и помощи одним влекло немедленно требование о равной помощи всем остальным, находящимся в подобном же положении. Если требовать достаточно настойчиво и шумно — дадут в конце концов, куда денутся!

Когда в Британии комитет по помощи семьям с одним взрослым выступил в пользу дополнительных денежных субсидий для таких семей, были долгие споры о том, можно ли подать это дело так, чтобы оно не вызвало немедленных требований в пользу других бедных семей.

Но щедрость — любая — должна кем-то оплачиваться. Рост выплат сопровождался ростом налогов, которые к началу 80-х годов в большинстве развитых капиталистических стран составили 40—60 процентов валового национального продукта (ВНП). Поскольку и столь немалых налогов не хватало, рос и государственный долг.

Процесс шел повсеместно, в некоторых странах чуть быстрей, в некоторых — чуть медленнее. Пирог, назначенный к разделу, становился все больше и к концу 60-х годов достиг примерно половины ВНП. Нечто подобное происходило и в другой важной сфере — в сфере инвестиционной политики, или, попросту, субсидирования промышленных предприятий, фирм, капитальных вложений в их развитие.

С 50-х годов в Великобритании принятая на себя лейбористами ответственность за обеспечение полной занятости и поддержание быстрых темпов экономического развития превратилась — волей избирателей — в обязательства государства. Первоначально предполагалось, что большая часть новых расходов бюджета будет направлена на цели развития. И тогда, мечтали социалисты, удастся взнуздать плановым началом рыночную стихию и при этом резко ускорить поступь прогресса. Концентрация капиталовложений на избранных, перспективных направлениях решит раз и навсегда проблему полной занятости и обеспечит всеобщее благосостояние.

Однако уже в самом начале этой политики значительную часть субсидий пришлось предоставлять «для спасения» терпящих убытки предприятий в периоды сокращения циклического спроса. Это оказалось ударом по самому принципу свободного конкурентного (соревновательного) развития. Спады, как известно, есть неотъемлемая часть рыночного механизма. В периоды спадов ускоряется естественный процесс отбраковки (разорения) малоприбыльных, нежизнеспособных предприятий. В результате повышается средняя производительность труда, растет конкурентоспособность промышленности в целом и высвобождаются ресурсы (материальные и людские) для более прибыльных видов деятельности. Государственные дотации повредили этот механизм. В периоды спадов началось ускоренное перекладывание убытков на государственный бюджет, фактически — на плечи налогоплательщиков, то есть того самого народа, тяжкую ношу которого вроде бы взялись облегчить. В периоды подъемов эти расходы продолжались уже по инерции.

Предприятия как национализированного, так и частного секторов превратились в каналы оттока общественных средств. Субсидии предоставлялись и предприятиям новых, складывающихся отраслей (авиация, электроника и т. п.), но в неизмеримо большей степени — предприятиям отраслей старых, убыточных и бесперспективных (текстиль, уголь, сталь), терявших конкурентоспособность под натиском сравнимых по качеству, но более дешевых товаров из новых промышленных стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Дотации и субсидии создали тепличные условия для морально и физически устаревших предприятий, имитировали рост прибыльности при скрытом накоплении нерентабельности, лишая промышленность стимулов к изменению, а народное хозяйство в целом — свободных ресурсов, необходимых для роста и развития новых производств. По нашей терминологии, это был путь от хозрасчета и самофинансирования к нерентабельности и паразитизму, нечто обратное целям нашей перестройки.

Поток субсидий нарастал по мере накопления неэффективности. Промышленники жаловались, что субсидии дают несправедливое преимущество одним фирмам перед другими. Несправедливость в цивилизованном демократическом обществе совершенно нетерпима, а потому возникла «уравниловка» — как ни кажется нелепым этот термин в применении к «акулам капитализма». В середине 70-х годов предприятиям текстильной промышленности Британии в ответ на 403 просьбы о содействии было предоставлено 370 субсидий. Поскольку в отрасли было всего 400 фирм, ясно, что о помощи просил каждый (некоторые даже дважды), получили почти все и, разумеется, понемногу — по 30 тысяч фунтов стерлингов. Легко понять, что такой способ дележки казенных средств не мог помочь слабому стать сильнее, не мог помочь сильному выйти на новый уровень. Но зато отлично помогал всем вместе становиться слабее.

Видный консервативный публицист и политик сэр Кейт Джозеф писал по этому поводу: «Субсидии одному — это штраф для другого. Если вы даете субсидии некоторым предприятиям, вы делаете для остальных жизнь более тяжелой, особенно если вы облагаете их налогом в пользу счастливчиков. (А как иначе достать средства для помощи? — **Б. С.**) Таким образом, все большее количество фирм будет принуждено обращаться к правительству за помощью».

Кто распоряжается предоставлением субсидий? Бюрократы из центральных правительственных органов. Могут ли они, при всем желании, точно и детально знать потребности и перспективы каждой фирмы? Нет. Значит, бюрократ обречен рассчитывать либо на честность суждений клиентов, либо на свою — порой корыстную — интуицию. Клиент — лицо заинтересованное. Никто не сознается (многие и не сознают), что никакие грошовые субсидии ему не помогут, что нужно либо его самого гнать в шею, либо предприятие закрывать. Возникает экономическая система, которая могла бы быть эффективной только в одном случае: если бы каждый ответственный за принятие решений обладал не только непогрешимым пониманием ситуации, но и высоким моральным уровнем, чтобы реализовать это знание, даже когда оно диктует экономическое самоубийство для его предприятия. Легко понять, что такого на свете не бывает.

В реальности же происходит следующее. Разрушение правил рыночной игры превращает некогда самостоятельного, рассчитывающего только на свое знание рынка и производства предпринимателя в «лукавого раба». Его судьба и благосостояние зависят во все большей степени не от того, насколько хорош и дешев его товар, а от того, насколько хороши и доверительны его отношения с чиновником из ведомства «поощрения промышленности». Включат ли его в план предоставления субсидии? Войдет ли он в число «достойных снисхождения», которых следует, по чиновничьему разумению, освободить от налогов? Отсюда — коррупция, взятки, что полбеды. Отсюда смена состава корпуса удачливых предпринимателей, низкие моральные и деловые качества корпуса менеджеров. Выживают умелые не в производстве, а в «гостеприимстве», чемпионы обаяния и личных, доверительных отношений. Государство и бизнес как бы срастаются в единое чудовище — неэффективные предприниматели и коррумпированные чиновники, заинтересованные в атмосфере секретности и ведомственной тайны. Отсюда возрастающий паралич экономики. Отсюда в конечном итоге и рост безработицы, которую думали устранить ростом государственных расходов.

Существует мнение, что капитализм — это массовая безработица, что чем выше прибыли, тем больше нищих и голодных. Порой приходится слышать, что богатство одних порождается безработицей других. Не будем углубляться в историю. Посмотрим на причины роста безработицы в последние десятилетия, в 70-х — первой половине 80-х годов. Все ли помнят, что на протяжении большей части 50-х и 60-х годов западная экономика страдала от... нехватки рабочих рук? Все правительства напористо принимали меры к спасению экономического роста от столкновения с «потолком занятости». Эта политика разворачивалась в двух направлениях. Во-первых, вскрывались «недоиспользованные» внутренние резервы рабочей силы, а во-вторых, начали привлекать иностранных ра-

бочих. В общественное производство старались вовлечь пенсионеров, инвалидов, женщин-домохозяек и др. В национальном плане развития Британии 1965 года дефицит рабочей силы оценивался в 800 тысяч человек. Половину этого дефицита предполагалось удовлетворить, более полно вовлекая население в трудовую активность. Остальное — за счет иностранцев. Как сказал в середине 60-х годов премьер-министр Г. Вильсон, «уровень трудовой активности в стране в целом выше, чем в 1943 году, в момент наибольшей мобилизации человеческих ресурсов во второй мировой войне», и призвал к дальнейшей мобилизации.

Добились действительно многого. Женщины встали к станкам, конвейерам. Миллионы турок, пакистанцев, марокканцев, югославов и др., привлекаемые высокими заработками, устремились в промышленно развитые страны, превращая их в многонациональные и многорасовые общества. К середине 70-х годов доля иностранных рабочих в занятом населении составляла: 5 процентов — в Британии, 6 — в Швеции, 7 — в Австрии и Бельгии, 9 — в ФРГ, 24 — в Швейцарии. Какое-то время такое положение вселяло оптимизм и веру во всемогущество государства. Но наступили кризисные 70-е годы, и вот уже ученые и государственные люди ищут причины распространившейся как эпидемия безработицы. «Роботы съели наши рабочие места»,— говорят профсоюзники. Виновато бесплановое хозяйство — говорят социалисты. Виноваты иностранцы, наводнившие Европу, отбирающие работу у местных молодых людей,— говорят тамошние черносотенцы. Виноваты арабы, взвинтившие цены на нефть,— говорят политиканствующие экономисты. И т. п.

Сегодня анахронизмом звучат интервью с немецкими мужьями начала 60-х годов. «Чтобы моя жена пошла работать? Кто же будет воспитывать детей и вести хозяйство? Да лучше развестись, чем иметь женой работающую женщину». Не развелся. Помогает помаленьку по хозяйству, да еще и за пособием по безработице жениным заезжает, возвращаясь с работы. Ибо, работая, Лорхен исправно платила взносы в систему социального страхования, составляющие немалую долю заработка, и теперь, лишившись работы, вправе требовать справедливости. Оттого, что женщины покинули свои кухни, мало кто стал богаче и счастливее. Для присмотра за детьми нужны ясли, детские сады, группы продленного дня в школах. Хотя принято думать, что за это платит государство, платят все те же граждане — ростом налогов. Люди потребляют больше консервированных продуктов и полуфабрикатов. Стоит дороже, а качество еды ниже. Налоги и расходы растут, дети переданы под надзор общества, молодежь не может найти работу.

Пытаются разослать иностранцев по домам. Уезжающим возвращают всю сумму выплаченных социальных взносов, дают средства на обзаведение собственным делом на родине, платят за каждого вывезенного ребенка и за увезенную домой жену и тещу. Пожилых манят более ранним выходом на пенсию. Молодых пытаются вовлечь в продолжение образования. Нужно справиться с половодьем вырвавшихся из-под контроля трудовых ресурсов.

У нас принято связывать финансовую нестабильность западных правительств с ростом военных расходов. Вопреки принятому представлению, при всей громадности расходов на оборону не они главная причина роста правительственных дефицитов. В 1960 году, задолго до вьетнамской войны, США тратили на оборону 9,1 процента ВНП, почти в полтора раза больше, чем в 80-х годах. Причиной больших и устойчивых бюджетных дефицитов был быстрый рост социальных расходов. Еще в 1960 году они ненамного превышали расходы на оборону, но уже к 1982 году выросли почти вдвое (17,9 процента ВНП) и стали почти втрое превышать оборонные расходы (6,2 процента ВНП). Программы социальной помощи обнаружили тенденции неограниченного роста. Хороший пример — программа медицинской помощи пожилым — Медикэйр. В начале 70-х годов расходы по этой программе составляли около 10 миллиардов долларов, а в 1982 году — около 50 миллиардов. Конечно, имело значение и повышение качества лечения — новое, высокоэффективное оборудование, новые лекарства. Но столь же важным оказалось быстрое расширение спроса на бесплатное лечение. Да и быстрое удорожание лечения было прямым результатом «бесплатности». Больницы получили возможность не думать о том, что по карману большинству пациентов, а что нет. Точно так же они забыли и об ограниченности собственного бюджета. Чудовищный рост стоимости лечения — прямое следствие «бесплатности». До принятия программы Медикэйр стоимость одного дня госпитализации росла на 7 процентов в год, после принятия — на 13 процентов: нет пределов хорошему. Счета оплачиваются? Оплачиваются. Чего ж ради и медикам, и больным считать расходы?

В целом по развитым капиталистическим странам две трети роста государственных расходов были вызваны ростом расходов на вспомоществование и здравоохранение. Несколько отставая от роста государственных расходов, росли налоги — от четверти до трети ВНП с 1955 по 1976 год. Различие между уровнем налогов и уровнем расходов (41—34=7 процентов ВНП) составляет как раз величину среднего инфляционного давления, создаваемого дефицитностью бюджета.

Следующие цифры дают представление о темпах роста правительственной деятельности в самой «капиталистической» стране Запада — США. В 1916 году облагались налогами доходы только 400 тысяч человек, в 1925 году — 2,5 миллиона, в 1939 году — 4, в начале 70-х годов — 55 миллионов. В 1913 году начальным уровнем налогообложения был один процент на первые 20 тысяч долларов дохода, в 70-х годах — 20 процентов на первые 20 тысяч долларов дохода. В 1913 году подоходный налог на корпорации и личный подоходный налог принесли казне 35 миллионов долларов, в начале 70-х годов — один только личный подоходный налог 85 миллиардов долларов. Доля доходов, перераспределяемых через налоги, выросла опять-таки с четверти в 1950 году до трети в 1978 году. В 1962—1978 годах объем социальных пособий увеличивался в среднем на 13 процентов в год (пенсии, пособия по социальному страхованию, социальному обеспечению и безработице). Доля федерального бюджета, расходуемого на эти цели, выросла с 23 процентов в 1962 году до 39,4 процента в 1978 году.

В середине 70-х годов стал оправданным старый приговор: углубление общего кризиса капитализма. Только вызван был кризис вовсе не анархичностью конкуренции, а ростом государственных расходов и усилением роли государства в социальной и экономической жизни.

Теперь представим себе некое утопическое общество, в котором перераспределяются все сто процентов ВНП, то есть каждая заработанная монета сначала попадает к работнику, затем изымается в бюджет и возвращается обратно уже не в виде заработка, но в виде пособия (субсидии, если речь идет о предприятии). Это будет общество с довольно развитыми товарно-денежными отношениями. Но товарные отношения вместе с тем будут до известной степени условными — соблюдение правил устаревшей игры,— потому что реально каждый сможет распоряжаться не тем, что заработал, а тем, что получил из рук государства. Исчезнут стимулы для эффективной эксплуатации чужого труда, менеджер расслабится, но точно так же исчезнут стимулы для упорного и напряженного труда в целом. Основным способом повышения личного благосостояния станет жульничество в системе перераспределения. Можно представить себе, что такое общество окажется даже более устойчивым и сплоченным, чем старое, в котором рыночные механизмы регулирования и организации порождали неравенство, соперничество, зависть, вражду. В новом обществе социальные и политические, в конечном счете административно-бюрократические механизмы смогут, пожалуй, устранить социальное неравенство между управляемыми, обеспечить сплоченность вокруг общественных кормушек. Но одного решительно нельзя себе представить — чтобы общество это оказалось способным к динамичному экономическому развитию. Построить поражающие воображение пирамиды или грандиозную стену, монумент, плотину — да, но обеспечить хотя бы частичное, пусть с отставанием удовлетворение *растущих человеческих* потребностей — ни в коем случае. В этом убеждают не только древняя и новая история, но и здравый смысл. В обществе, лишенном экономических рыночных стимулов, исчезает

не только смысл энергичного целенаправленного труда, но даже возможность определять, какие товары и услуги следует производить, а какие — нет. Условными, игровыми, игрушечными окажутся товарно-денежные отношения и в сфере производства, и в сфере потребления. Все распределение попадет во власть административно-бюрократической стихии, а значит, и весь спрос, все планирование, все производство. Распоряжений и сообразительности самого наилучшего высшего начальства по необходимости может хватить только на небольшое количество грандиозных проектов века. Вся остальная «мелочь», то есть основные потребности общества, должны будут удовлетворяться на самом традиционном для этого общества, застывшем и невысоком уровне. В этом фантастическом обществе ни одна копейка не будет заработана — все превратится в общественное благодеяние, в «подарок государства». Самым почетным станет не производительный, а «перераспределительный» труд. Туда-то, на бюрократические должности, к хранилищам благ и устремятся лучшая энергия и воображение такого невероятного общества.

Не ловите на слове, автор не считает, что государства Запада по каким-либо существенным признакам уже уподобились империям ацтеков, фараонов или Срединной империи. Но есть небезосновательное, как говорится, мнение, что ряд стран, в первую очередь Британия и страны Скандинавского полуострова, подошли к черте, за которой всеохватывающая бюрократическая склеротизация жизни превратилась из довольно туманной перспективы в ближнюю грозную опасность. Аппарат перераспределения и государственного регулирования превращается в мощный механизм торможения экономического роста, экономического прогресса. Этот бюрократический механизм по сути тяготеет к дофеодальному способу побуждения к экономической активности, уповая на административную распорядительность и прямое принуждение.

Уже в конце 60-х годов тогдашний лидер британских консерваторов Э. Хит назвал Британию «раем луддитов... обществом, отдавшим свои силы на защиту себя от прогресса». А в 1973 году повторил уже с угрозой: «Альтернативой быстрого экономического развития не является, как полагают некоторые, Англия спокойных торговых городов... Этой альтернативой являются трущобы, неисправные дороги, устаревшие заводы, переполненные школы, зачахшая жизнь». На протяжении 60-х годов в экономике стран Запада назревал структурный экономический кризис. Количество нерентабельных предприятий, доля неконкурентоспособных товаров, количество неэффективных рабочих мест непрерывно росли. Разрешение кризиса успешно оттягивалось правительственной политикой перераспределения и субсидирования промышленности. Как мы видели, поток субсидий и пособий рос быстрее, чем национальный доход, и к середине 70-х годов достиг потолка. Уровень налогов составил 50—60 процентов ВНП (пока еще не 100 процентов). Когда в 1974 году кризис, спровоцированный и усиленный учетверением цен на нефть, наконец, разразился, пространства для экономического маневра у государств уже не осталось. Практически мгновенно состояние сверхзанятости сменилось громадной безработицей. Пришлось многократно увеличить расходы на пособия, а средств на помощь промышленности в деле экстренной и истинно важной структурной перестройки уже не было.

Что такое деньги? Что с их помощью можно, а чего нельзя сделать? Парадоксально, что реформистские сторонники равенства и перераспределения, мечтавшие, с одной стороны, вообще изгнать желтого дьявола из жизни — чтобы все стремились только к правде и добру и не было бы иных выгод и интересов, с другой стороны, обладали почти наивной верой в деньги, во всемогущество государственных расходов. Раз государство отпускает средства, считали они, значит, покупательная способность возрастет, а раз так — увеличится спрос на потребительские товары, возникнут новые рабочие места, появится дополнительный спрос на оборудование и т. п.

Противники их возражали, что все не так просто. Легко было бы засыпать страну купюрами и решить все проблемы разом: все работают, все богаты, все веселы. Но для будущего полезны только те деньги, которые заработаны нужным потребителям трудом. Ни рытье ненужных канав, ни строительство пирамид не сделают страну богаче, хотя и обеспечат полную занятость и увеличат спрос на предметы потребления — за счет зарплаты каменотесов и землекопов. Доход от таких инвестиций начнет поступать только спустя 2—3 тысячелетия, когда туристы потянутся глазеть на диковинные громадины. Чтобы расходы были полезны, деньги должны тратить люди, обладающие воображением и пониманием будущего, а такие — всегда редкость. Правительственные вливания средств означают только перераспределение ресурсов — все равно, что отдать прекрасный материал скверному портному: обязательно испортит. В конце концов, настаивали они, из этой затеи получатся только инфляция и безработица.

Любопытно посмотреть, как решало задачу развития правительство немецких социал-демократов. В начале 70-х годов оно провозгласило своей целью отказ от негуманного, истощающего природные ресурсы стремления к прибыльности и переход к борьбе за качество жизни. Партия и правительство, считали социал-демократические вожди, могут распорядиться средствами лучше, чем рынок. Эти средства нужно перераспределить — чтобы реализовать лучший вариант будущего, составленный учеными и гуманными политиками. Политика социал-демократов осуществлялась в кредит. То есть средства оттягивались с рынков частного капитала, попадали в распоряжение государственных инвесторов и делались недоступными для предпринимателей. Объемы перераспределения стремительно увеличивались на протяжении всего десятилетия — вплоть до момента, когда социал-демократы потеряли власть. Если на начало 70-х годов правительство поглощало 17 процентов всех национальных сбережений, то в начале 80-х годов — уже 47 процентов.

Что в этом плохого? — может возникнуть вопрос. Если бы государственная бюрократия смогла использовать сбережения столь же эффективно, как миллионы мелких, средних и крупных предпринимателей и простых людей,— ничего плохого. Какая, спрашивается, разница, кто построит предприятие — частник или государство? Да никакой, если они построят равно нужную и полезную фабричку. Но возможен ли в действительности столь одинаковый результат? Ведь у бюрократа и бизнесмена в жизни разные позиции, разный опыт и совсем неодинаковые цели. Предприниматель вкладывает свое, и его вложение — всегда риск. Примешь неверное решение — прогоришь. Прогорают, конечно. И — выбывают из игры.

А бюрократ? Совсем другое дело. Во-первых, лично никакой бюрократ никакого решения не принимает и принять не может — коллегиальное должно быть решение, со всеми согласованное, со всеми обсужденное. А раз решение согласованное и коллегиальное — то оно ничье, и ответственность — коллективная, опять-таки ничья. За карьерой удачливого бюрократа может тянуться длинный хвост неудачных решений и не мешать ему! Для него главное — соблюдать правила канцелярской политической игры. Где надо — стушеваться, где надо — проявить принципиальность и дать отпор. Где — промолчать, а где — поддакнуть. Тоже «естественный» отбор, но по другим признакам и достоинствам. При чем здесь, спрашивается, фабричка? Ну, будет стоять не там и не тогда — что, казна обеднеет? «Государство не может обанкротиться»,— как сказал очень проницательный бюрократ прошлого века. Конечно, не может! В казне ведь миллиарды, да еще и возможности чрезвычайными мерами эти миллиарды умножать. Ну, миллион туда, миллион сюда. Главное ведь — цель достигнута! Есть фабричка! Есть рабочие места! Избиратели довольны? Довольны! Строители? Довольны! Рабочие, для которых созданы рабочие места,— довольны? Довольны! Есть работа, есть заработок. Кто недоволен? Все довольны? Могли бы дети и внуки возразить, что фабричка и построена в долг и ого-го сколько долгов еще наделает,— да кто их спросит?

Вот тут начало и конец всякой экономической премудрости. Бросишь зерно в хорошую землю — будет урожай. Незадача в том, что еще не придумали, как научить бюрократов хорошо сеять: чтобы все зерна не летели на камень.

Впрочем, вернемся к западногерманским социал-демократам и обслуживаю-

щим их, реально занятым осуществлением программ бюрократам. Итак, средства, которыми они распоряжались, за 70-е годы сильно выросли. Объем пособий и субсидий (пособия гражданам, субсидии — промышленности, как уже говорилось) вырос от 16,7 процента ВНП в 1970 году до 21,5 процента в 1981-м. Социал-демократическое государство добросовестно служило своим гражданам. Оно заботилось об их здоровье, досуге и просвещении. Повышая «качество жизни», строило театры, библиотеки, бассейны, спортивные комплексы. Кто скажет, что это плохо? Один только вопрос! Почему эти заведения стоят пустые или полупустые? Почему многие граждане не используют сооружения, построенные за их счет и им же преподнесенные как подарок от государства? Зачем обществу актеры, на игру которых граждане не желают смотреть? Тренеры, у которых никто не учится плавать?

В 1959 году в ФРГ было 129 государственных театров на 94 тысячи мест, в 1978 году — 222 театра на 134 тысячи мест. Дотация на одно зрительское (часто пустующее) место выросла с 18 до 72 марок. Стоимость всех государственных спортивных сооружений более 30 миллиардов марок. Накинуть сюда еще 4—5 миллиардов марок субсидий на эксплуатацию всего этого богатства. Дальше. В определение качества жизни входит, само собой, и образование. За 70-е годы на строительство и расширение университетов было израсходовано 26 миллиардов марок, расходы на оплату преподавателей и стипендии студентам росли на 13,5 процента в год, количество выпускников также выросло на 13,5 процента. Не только качество жизни, но и забота о будущем—эпоха НТР на дворе. Одна беда — и капиталовложения, и специалисты хороши не сами по себе, но только когда они производительны. Число безработных специалистов с университетскими дипломами начало расти — перепроизводство! Одновременно возрастал и дефицит — средств для капиталовложений и специалистов,— но других специальностей и у других инвесторов. Такова особенность структурных кризисов.

Ну, а теперь посмотрим, кто платил. Богачи? Ну, нет. У богатого человека все деньги вложены в промышленность или еще во что-нибудь. Отбери их — разрушишь национальную экономику. Так кто же? А все остальные. Все, кто живет на зарплату, пенсию, стипендию, пособие. К сожалению, точных немецких данных о распределении у меня нет, а вот есть американские — довольно похожие. Итак. «90,4 процента облагаемого налогом дохода составляют доходы тех, кто получает менее 35 тысяч долларов... У семьи со средними доходами налоги после 1948 года росли в 32 раза быстрее, чем доходы». Чтобы было понятно, что к чему: для семьи из четырех человек 18 тысяч долларов дохода — почти граница бедности, она имеет право получать пособие на детей и т. п. 35 тысяч долларов — это преподаватель университета и инженер (не из самых высокооплачиваемых). Автомобилестроитель, сталелитейщик, водитель грузовика имеют больше. Это не к тому, как богато живут, а откуда деньги в казну собираются, за чей счет делаются подарки, печется общественный пирог.

С 1970 по 1981 год налоги на заработную плату выросли более чем втрое. В 1970 году в семью попадало «чистыми» в среднем 67 процентов заработной платы, а в 1981 году — 56 процентов. Несправедливая эксплуатация отвратительна. Но особенно обидно, когда и она не впрок — бесхозяйственность, мотовство. Плюс безработица — за те же деньги.

Могут спросить: какая связь между безработицей и стадионом? Прямая! Правители перемаслили. Перебрали из неистощимой казны. Результат: инфляция — раз, безработица — из-за нехватки средств для капиталовложений — два. Ну и растущие налоги — три.

Одним из самых заметных последствий усиленного налогового давления государства стало развитие «черной», «тайной», «подпольной», «серой», «теневой» экономики. Особую тревогу специалистов — юристов, законодателей, социологов — вызывают не традиционные формы нелегальной деятельности (воровство, наркотики, проституция), а новое «подполье», в которое оказались вовлечены миллионы рядовых, обычно законопослушных граждан. Когда налоги достигают половины заработка, риск уклонения от их выплаты становится оправданным. Рафаэле Де Грици, один из видных знатоков подпольной экономики, так оценивает тайную экономическую активность в разных странах. В Италии ею было охвачено более двух миллионов в 1974 году, около 4 миллионов в 1977 году, 4—7 миллионов (10—35 процентов рабочей силы) в 1979 году. Во Франции в 1979—1982 годах от 3 до 6 процентов рабочей силы; в Бельгии — от 15 до 20, в ФРГ — от 8 до 12, в Швеции — 14 процентов и т. п. К концу 70-х годов в развитых капиталистических странах было 20 миллионов безработных и 16 миллионов «подпольщиков».

Как формируется тайная занятость? Во-первых, ее создает законодательство, регулирующее и ограничивающее труд и заработки. Например, законы об ограничении совместительства — чтобы сохранить рабочие места для безработных. Проведенное профсоюзными организациями обследование выявило, что в окрестностях Рима 46 процентов занятых в государственном секторе и 51 процент занятых в частном секторе работали минимум в двух местах. Во-вторых, лишены права на подработку получающие пособие по безработице. В конце 70-х годов в Испании около половины (область Севильи), в США — 15, в Италии — 28 процентов безработных имели тайную занятость. Во Франции опросы, проведенные в департаменте Буш-дю-Рон, обнаружили, что 8 безработных из 10 тайно работали!

Третий способ вовлечения людей в нелегальную деятельность — порядок выплаты пенсий. Предполагается, что пенсия не только возврат человеку накопленных в течение всей трудовой жизни взносов в пенсионные фонды, но и своего рода плата за воздержание от оплачиваемого труда. В Италии в 1974 году 21 процент пенсионеров по старости и по болезни втихую подрабатывали.

Важно отметить и законы, позволяющие трудиться только гражданам страны. Появляется тайная иммиграция. В городах ФРГ лишенные всяких прав тайные иммигранты составляют около 10 процентов всех иностранцев, занятых в народном хозяйстве. Примерно такое же положение и в других странах Западной Европы. В США тоже называют немалую цифру — 4—8 миллионов человек.

Чем конкретно добывают хлеб «подпольщики»? По свидетельству Р. Де Граци, «в Италии ни одна отрасль производства в промышленности, в сельском хозяйстве или в области услуг не свободна от этого бедствия». В некоторых районах подпольный труд пошел по пути специализации. Например, в Неаполе — пошив одежды, обуви и перчаток, в том числе и на экспорт; в Эмилии-Романье — керамика; в городах севера Италии — промышленное и электронное оборудование. Сотни тысяч иностранцев, незаконно въехавших в Италию, работают в отелях и ресторанах, в сельском хозяйстве, в рудниках и на литейных заводах. Во Франции тайный труд — это сварщики, электрики, маляры, обойщики, штукатуры, сантехники либо приезжающие по вызовам клиентов парикмахеры, авторемонтники, мебельщики. Тайный труд не редкость и среди счетоводов, чертежников, переводчиков, программистов. В ФРГ местная ремесленная управа обнаружила, что 518 из 712 домов в одном районе были построены шабашниками. В Италии и Испании предприятие нередко сообщает о том, что у него пять наемных рабочих, тогда как на самом деле их 50—60. В Японии работники управленческого аппарата, не довольствующиеся основной работой, создают тайные «уикендовские» фирмы, работающие только по субботам и воскресеньям. Они специализируются на помощи средним предприятиям в организации производства и сбыта.

К концу семидесятых годов в странах Западной Европы черная экономика давала не менее 5 процентов ВНП, в США — больше. Тайная занятость удобна, выгодна и работникам, и нанимателям. И те, и другие стремятся избежать томительной бюрократической процедуры оформления, легализации и сэкономить на налогах. Обследование тайных строительных рабочих во Франции и в Италии

показало, что часовая оплата труда на шабашке с учетом «освобождения от налогов» в 2—3 раза выше, чем на официальной работе. Это объясняет, отчего тайное совместительство стали предпочитать привычным (и законным) сверхурочным работам.

Прямые последствия: потери государства от недобора налогов, двойные доходы у одних и сложности с трудоустройством у других. Это, иными словами, рост социальной несправедливости, неравенства, вызванного усердием бюрократа — «борца за справедливость и равенство». С бюрократом соперничают «перегибщики», леваки и профсоюзники, которые носятся с идеей объявить войну подпольной экономике — перекрыть налоговые лазейки, усилить штрафы и наказания за подпольное предпринимательство. Оказалось: чтобы чего-то добиться, пришлось бы увеличить штат соответствующих инспекций чуть не до бесконечности. Начальство не против. Кто из командующих сотней чиновников не хотел бы командовать тысячей? Профсоюзники идут в бой на шабашников под лозунгом «один человек — одно рабочее место». Изобличенные рискуют потерять основную работу, пенсионеры и получатели пособий — лишиться пенсий и пособий. Ситуация осложняется тем, что большинство населения сочувствует скорее «подпольщикам», чем государственным и профсоюзным бюрократам. Как отмечают наблюдатели, эта безнадежная война может только отравить моральный климат общества, приучить граждан к мысли, что представитель государства — враг, а законы можно и даже должно не выполнять. Более здравый подход: бороться нужно с причинами тайной занятости и подпольного предпринимательства — с неоправданной и чрезмерной регламентацией.

Возникновение подпольной экономики — естественная и правильная реакция на диктат монополистических и бюрократических сил.

В любом учебнике по нормативной теории экономики, как, впрочем, и по юриспруденции, сказано, что хороший закон универсален, то есть подходит для любого человека и работает в любой ситуации, предусмотренной данным законом. Налоговое законодательство, чтобы быть хорошим, должно предусматривать равное налогообложение во всех равных случаях, в соответствии с предусмотренной законом шкалой налогов. Прогрессивное налогообложение, действующее в настоящее время практически повсеместно, предусматривает с бóльших доходов больший процент налогов. В принципе справедливо. Но любое пособие по практической экономике сообщит вам, что так никогда не бывает. Почему? Потому что жизнь сложна. Потому что какие-то отрасли важнее в данный момент для государства, чем другие. Потому что в одних районах есть необходимость быстрее привлечь инвестиции, а в других — нет. Ну и так далее. Чтобы воздействовать на промышленников, используют налоговые стимулы, привилегии. Таких налоговых привилегий накопилось чрезвычайно много, так много, что знание этих «налоговых лазеек» стало высокоприбыльной и уважаемой профессией. Настолько уважаемой, что есть университетские кафедры по налоговому законодательству, профессора, диссертации и т. п. Ну, а с другой стороны, чтобы казна не пустела, предельные ставки налогов подняты достаточно высоко. Например, в США до 1964 года высшей ставкой были неправдоподобный 91 процент, в Британии — еще сравнительно недавно — 98 процентов. Цель таких высоких налогов вполне благородна: платить должен тот, у кого есть деньги.

Как «работают» высокие налоги, предположительно направленные на обеспечение равенства доходов и финансирование государственных расходов, показывают два примера. Посмотрим, что случится с «хорошим» богачом, который отказывается от пользования налоговыми лазейками и предпочтет катанию на яхте и веселому досугу усердный труд (как он, предприниматель, его понимает). Он может вложить миллион в создание фабрики в Нью-Йорке, на которой будут трудиться сотни людей. Он будет сам ею управлять, обеспечивая финансирование, набирая персонал, находя рынки снабжения и сбыта и т. п. Допустим, он

достаточно удачлив, чтобы на второй год получить 10 процентов прибыли на вложенный капитал, уже пройдя первый тур налогов — на собственность, за лицензию и т. п. Из этих ста тысяч долларов наш «удачник» получит на свои расходы 11 438 долларов или 5719 долларов в год — то есть меньше, чем будет зарабатывать уборщица на его предприятии. Остальное он выплатит во втором туре налогов (подоходных и других). Если бы он инвестировал деньги в свободные от налога муниципальные облигации, он получил бы примерно вдесятеро больше, ничего при этом не делая.

Прошу понять меня правильно — я вовсе не жалею «обиженного» бизнесмена. Он себя в обиду не даст. Речь идет о непредвиденных результатах целенаправленной социальной и экономической политики. Задавшись целью покончить с несправедливым распределением богатств и доходов и установив конфискационные налоги на большие личные доходы, государство вынуждено было одновременно ввести систему скидок и налоговых привилегий, чтобы не разорить промышленность: ведь прибыли — источник не только бытовой роскоши, но и капиталовложений. Более того, налоговые скидки и привилегии — в духе «социальной ответственности» — устанавливали не равномерно для всех предприятий и отраслей, но с учетом общественной пользы — для сохранения, поощрения занятости, развития отсталых районов и т. п. Законодательство — дело живое. Законы о налогах принимаются ежегодно, накапливаются, переплетаются и довольно быстро образуют невообразимо густую и сложную сеть, в которой с трудом ориентируются даже опытные юристы. Налоговый кодекс США до налоговой реформы 1986 года — 9 томов объемом около 10 тысяч страниц. Результат: в народном хозяйстве США заняты более полумиллиона юристов, специалистов по изысканию лазеек в налоговых законах. Юристы помогают укрыть капитал от конфискационных налогов, то есть изъять из производства значительную часть ресурсов, а это способствует экономически неэффективному и неоправданному их распределению, бесполезной трате. Попытки административными способами обеспечить правильное использование капитала к успеху не приводят. Заключенный всегда больше думает о свободе, чем тюремщик о своих ключах. В результате бремя правительственных расходов падает все больше на средние классы и бедняков, не имеющих возможности оплачивать услуги юристов, которые помогли бы им избавиться от налогов. Мало того что налоговые стимулы способствуют проеданию средств и, следовательно, сокращению инвестиционной базы, государственное стимулирование экономики, как правило, перекачивает капитал из более производительных — а значит, более перспективных и более прибыльных отраслей — в малопроизводительные, деморализуя промышленников и снижая конкурентоспособность национальной экономики. Поощряя слабых и наказывая сильных, бюрократ консервирует убыточность на одном полюсе и одновременно подрывает возможности роста на другом.

Деморализация промышленников... Звучит странно, но высокие налоги действительно разрушают моральные нормы, и в этом главная беда, считает шведский экономист А. Линдбек. Самым простым, а зачастую и единственным способом разбогатеть оказывается не производство, а использование различных асимметрий в налогообложении. Например, хорошо и выгодно войти в большие долги, проценты по которым вычитаются из налогооблагаемых доходов (так поощряется кредит — основа всякой предприимчивости), а основная сумма долга съедается инфляцией. Дела идут в гору у спекулянтов и ловкачей, у непроизводительного капитализма. «Не те люди» — с точки зрения интересов производства — богатеют. Когда налоговое жульничество становится фактором конкурентной борьбы, «простофили», не желающие или не умеющие ловчить, оказываются не у дел. Нечестность входит в обычай. Неумеющие дать взятку вызывают веселое недоумение. Сектора экономики, особенно удобные для жульничества, сверхъестественно расцветают и расширяются, поглощая «чужие» ресурсы и уродуя нормальные пропорции производства. Начавшееся в отношениях с государством разрушение веками копившегося морального «капитала» перекидывается на сферу отношений между отдельными людьми, на негосударственные деловые

связи — перспектива невеселая и достаточно пагубная, так как практически все формы социальной жизни нуждаются в некоем минимуме взаимного доверия.

Умножающиеся факты нечестности ведут к раздуванию контрольного государственного аппарата, то есть опять-таки к росту налогов и к большей привлекательности обмана.

Одним из наиболее поразительных «побочных» результатов политики реформизма стало обострение проблемы бедности и «новая бедность» — символ слабости и неадекватности этой политики.

Ведущий сотрудник Американского исследовательского института Ч. А. Мюррей привлек внимание общественности таким парадоксом: «Бедность сокращалась в 50-х годах при относительно низких расходах на вспомоществование; бедность сокращалась в 60-х годах при относительно высоких расходах на вспомоществование; бедность не сокращалась в 70-х годах при очень высоких расходах на вспомоществование». Поразительно: к концу 70-х годов прямые денежные выплаты нуждающимся увеличились по сравнению с 1970 годом вдвое (с 1950-м — в 14 раз); самих нуждающихся за 20 лет стало меньше почти втрое. И как раз во второй половине 70-х годов ряды нуждающихся стали множиться. Произошло то, чего не может быть по логике ревнителей перераспределения (политики Робин Гуда), но что не могло не произойти. Увеличение национального дохода ведет к сокращению бедности, а резкое увеличение незаработанных доходов — к росту бедности. В докладе для Бюджетного управления конгресса США в начале 80-х годов указывалось: «Мы израсходовали 124 миллиарда долларов через программы, связанные с проверкой уровня благосостояния, чтобы ликвидировать очаги бедности, требовавшие 50 миллиардов долларов. Объем бедности был сокращен, но 13 миллиардов долларов потребности остались неудовлетворенными. Из 124 миллиардов долларов 37 были израсходованы по прямому назначению, а 87 были где-то потеряны». Вопрос «где?» — очень важен. Дело не только и не столько в эффективности системы вспомоществования. Да, накладные расходы по ряду программ были действительно чрезмерны — до 12 процентов. Но это пустяки. Сам размах системы вспомоществования изменял общество, способствовал росту «новой нищеты». Важнейшим источником новой бедности стали семьи матерей-одиночек. За 70-е годы количество таких семей в США увеличилось на 69 процентов и к началу 80-х годов они составляли 19 процентов всех семей с детьми. В 1981 году на тысячу негритянских семей «безотцовских» было 225 (в 1971 году — 172), на тысячу белых — 29 (в 1971 году — 21). «Развод является экономической катастрофой для женщин и детей и служит основной причиной появления бедняков»,— таков вывод Г. Дункана из Мичиганского университета.

Рассуждая о проблемах современного капитализма, видный американский экономист и публицист Дж. Гилдер напоминает читателям о прошлом, когда в сознании народа существовал только один путь к достатку: труд. Когда сама собой разумелась готовность начинать с любой, самой черной работы. Когда признавалась и высоко ценилась ведущая роль мужчины — добытчика, кормильца и потенциального предпринимателя, встречающего понимание и поддержку в своей семье и стремящегося вывести детей в люди. Когда верили, что упорство и добросовестность непременно вознаграждаются. Подрывая эту веру насаждением казенной благотворительности, государство благосостояния деморализует, расслабляет бедняков и тем самым перекрывает им путь наверх. «Культура пособий» разрывает связь между усилием и вознаграждением, необходимую для неизменного успеха. Она же делает положение матери-одиночки более доходным, чем положение жены бедного труженика. Многие считают, что доступность и относительная щедрость пособий ускоряют процесс разрушения семей. «Заработки отца часто не превышают пособия на ребенка, стоимости продовольственных талонов и медицинской страховки, которые получает семья при его отсутствии». В результате в бедных кварталах воцаряются бессемейность, безотцовщина, мужская распущенность — залоги будущей нищеты. И укрепляются эти анклавы нищеты и насилия, подчеркивает автор, «борьбой с бедностью», выливающейся зачастую в «войну против богатства».

Одним из самых глубоких последствий «культуры пособий» стало новое разделение функций между семьей, рынком и государством. Рост налогов удорожает услуги и, значит, поощряет самообслуживание, побуждает граждан все большую часть домашних работ выполнять собственными силами — ремонтировать квартиры, мебель, автомобили и т. п. В то же время сеть государственных учреждений вымывает из семьи, втягивает в себя такие прежде «святые» дела, как забота о детях, больных и престарелых, делая эти дела казенными. Движение за эмансипацию женщин добилось отмены стариниых запретов на использование труда женщин в ночные смены, на подземных работах, на железных дорогах и т. п. Вроде бы прогрессивный результат — вовлечение женщин в производство — достигается за счет ослабления ролей матери и жены, за счет семьи, за счет нравственного уровня будущих поколений.

По мнению шведского психолога Магнюсона, бюрократизация и субсидирование жизни создают в людях «комплекс заученной беспомощности». Многие перестали даже мечтать о том, чтобы стать независимыми и самостоятельными, обходиться без помощи государства. Растут поколения инфантильных граждан, привыкших ждать и требовать помощи, отученных от инициативы.

Когда-то дело представлялось так: стоит поставить людей в равные условия, и проблемы равенства будут решены; люди от природы равны, добры и любят справедливость. Практика показывает, что здесь что-то не так. То ли неверна сама идея равенства людей (все от рождения разные), то ли нехороши оказались методы уравнивания, вступающие, как это ни парадоксально звучит, в непримиримое противоречие с идеей равенства. В конечном счете ведь идея равенства возможностей означает призыв к соревнованию, к конкуренции — во имя победы лучшего, сильнейшего. Государство только следит за соблюдением правил. Но такая система ведет к росту фактического неравенства. Стремление подправить результаты соревнования, напрямую обеспечить фактическое равенство приводит к иным, но также неудовлетворительным результатам. Во-первых, возрастает власть «уравнителей» — бюрократов, то есть система непрерывно порождает новое неравенство. Во-вторых, связывая сильных, обеспечивая равенство доходов, бюрократ перечеркивает равенство перед законом. Например, для исправления вековой несправедливости по отношению к черным американцам были введены квоты на места в университетах и в государственных учреждениях — некий процент мест обязательно должен был быть заполнен неграми. Но это значило, что часть н е ч е р н ы х абитуриентов, имеющих хорошую подготовку, не смогла поступить в университет. Ведь каждый из непоступивших в отдельности не виноват в вековой несправедливости белых перед черными. Для него такой бюрократический способ компенсации коллективной вековой несправедливости — беззаконен и несправедлив.

Убыточность национализированных отраслей стала бедствием буквально для всего мира — и развитых, и развивающихся стран. Государственные железные дороги в Японии, которые не удалось приватизировать из-за протеста профсоюзов железнодорожников, опасавшихся сокращения занятости, приносили в конце 70-х годов казне 20 миллионов долларов убытка в день. В Замбии государственные предприятия вместо того, чтобы обеспечивать средства для капиталовложений и социальной политики, поглощали ежегодно в виде субсидий 5 процентов ВНП в конце 60-х годов и уже 10 процентов — в конце 70-х годов. Обозреватель английского журнала «Экономист» писал, что если бы предприятия в государственном секторе смогли сократить расходы на 5 процентов, то на освободившиеся средства Танзания могла бы оплачивать систему здравоохранения, Турция смогла бы сократить налоги на 10 процентов. При сокращении вдвое субси-

дий государственному сектору Либерия смогла бы удвоить свои расходы на образование.

Если дотации и субсидии бюрократизируют, делают неэффективным частное предпринимательство, то для национализированных компаний этот эффект возводится в куб. Почему убыточность так связана с характером собственности? Логика частной компании — извлечение прибыли. Логика государственной — предоставление услуг, невзирая на цены, или же обеспечение высокой занятости, что звучит привлекательней. Частные предприятия обеспечивают пусть и не полную, но полноценную «конвертируемую» занятость, внося вклад в расширение богатства общества, создавая средства для уплаты налогов. Национализированные обеспечивают проедание имеющегося богатства, расходование кем-то заработанных средств впустую.

В Британии с конца 40-х годов уровень прибыльности в частном секторе был много выше, чем в государственном, где он не превышал процента (в 70-х годах), а в целом был отрицательным, то есть давал одни убытки. Мощные национализированные сектора промышленности в Испании и Италии, созданные фашистскими правительствами Франко и Муссолини, приносили в начале 80-х годов ежегодных убытков на сумму 2,8 и 3,95 миллиарда долларов соответственно. Но это только прямой финансовый ущерб. Если учесть убытки от истощения инвестиционного фонда, от задержки технического развития и от роста безработицы — объем потерь для народного хозяйства окажется намного большим.

Вывод экономистов неутешителен: «Дальнейшие субсидии государственной промышленности могут только усугубить проблемы. ...Государственный сектор всегда будет тяготеть к неэффективности, поскольку он не может обанкротиться, а значит, у него нет необходимости быть конкурентоспособным».

Мало того, что национализация привела к замедлению темпов экономического роста. Национализированные отрасли проявили склонность превращаться в источник политической и социальной нестабильности. Причина проста. На частном предприятии всякий конфликт заведомо локален. И предприниматель, и рабочий коллектив, профсоюзная организация сознают свою ответственность за будущее. Стоит только «преувеличить» рост заработной платы — и предприятие разорится, все окажутся на улице. Совсем иное в национализированных отраслях. Они принадлежат обществу в целом, государству и разориться никак не могут. Не этим ли объясняется чрезвычайная воинственность профсоюзов в национализированных отраслях?

В странах с мощным национализированным сектором безответственная воинственность профсоюзных лидеров может стать причиной нарастания как экономической, так и общей политической и социальной нестабильности. В Великобритании, например, в национализированных отраслях с начала 70-х годов затраты на оплату труда в единице продукции росли быстрее, чем в среднем по стране (в угольной промышленности — на 21, в газовой — на 38 процентов быстрее), без соответствующего роста производительности труда и при нулевой прибыли.

Последовательные попытки правительств Хита, Вильсона и Каллагэна обуздать рост заработной платы в этих отраслях оказались безуспешными. Забастовки шахтеров в 1972 и 1974 годах кончились полной победой бастующих. Пришедшее к власти правительство Вильсона согласилось на рост заработной платы на 22 процента, цена на уголь выросла на 48 процентов. В оправдание действий, а вернее, бессилия британских правительств, приведу одно из высказываний Артура Скаргилла, возглавлявшего в 1974 году профсоюз шахтеров в Йоркшире: «Самой большой ошибкой было бы предположение, что битва за зарплату не является политическим сражением... Мы считаем, что участвовали в классовой войне... Мы воевали с правительством... Мы должны были объявить ему войну, и единственный способ сделать это — атаковать уязвимые точки. Это была энергия: электростанции, коксовые и угольные склады, источники снабжения... Профсоюз горняков был не против распределения угля населению. Мы только были против распределения угля для нужд промышленности, потому что мы хотели парализовать национальную экономику. Вот так все просто».

Уже в 60-х годах опросы общественного мнения показали рост враждебности к забастовщикам, и даже в семьях членов профсоюзов большинство были против забастовок. По мере того как волны забастовочной активности приводили к параличу все более существенных сторон жизни страны — бастовали муниципальные рабочие, мусорщики, работники больниц, учителя и т. п.,— отношение населения к забастовщикам и профсоюзам в целом становилось все более враждебным. Заработная плата росла, вслед за ней росли цены. Общественное мнение резко сдвинулось к обещавшим денационализацию консерваторам, которые и были возвращены к власти общими выборами 3 мая 1979 года. И надо отметить, что распродажа национализированной промышленности не только оздоровила экономику Великобритании, но и ослабила напряженность классовых боев.

Вполне естественно, что когда эффективность и конкурентоспособность национальной промышленности падают, то первой реакцией всех заинтересованных бывает попытка защититься от стихии мирового рынка. В начале 30-х годов под влиянием мирового спада одна страна за другой принимали меры для защиты собственной промышленности. Мировая торговля резко сократилась, а безработица в 10—20 процентов держалась на протяжении десятилетия. В 70-х годах дело до полномасштабной торговой войны не дошло, и, может быть, отчасти в этом заслуга экономистов, научившихся за это время считать вперед примерную разорительность попыток отказаться от участия в мировой конкуренции и в мировой торговле.

Американский экономист М. С. Менгер: «В 1980 году таможенные ограничения в США представляли собой скрытый налог размером примерно в 250 долларов на человека. Для семьи из четырех человек средняя годовая цена определяется скрытым, но тем не менее очень реальным налоговым бременем в более чем 1000 долларов».

Парадокс протекционизма в том, что он устраивает почти всех — промышленников и профсоюзы отстающих, проигрывающих промышленное соревнование отраслей, правительство и широкую публику. Публику — по неведению, а правительство... Патриотично спасать рабочие места и предотвращать безработицу. Надо еще учесть, что, спасая рабочие места сталелитейщиков и прядильщиков и громко вещая об этом, втихую спасают рабочие места управляющих в этой отрасли, тех же бюрократов, своих ребят. Логика та же, что и с субсидиями и пособиями. Все в проигрыше, и все довольны. Правда, расчеты экономистов показывают, что защита рабочих мест посредством протекционистских барьеров обходится в 3—9 раз дороже, чем если бы рабочие соответствующих отраслей получали полную зарплату и премиальные за н е р а б о т а н и е. Оценки могут показаться преувеличенными, но ведь стоит взять в расчет и эффект от накопления неэффективности в защищенных от мировой конкуренции отраслях.

Во что обходятся обществу бюрократические игрища и политические сделки, пренебрегающие азами экономической теории, показывает опыт сельскохозяйственного регулирования.

С 1914 года правительство США испробовало несколько вариантов сельскохозяйственной политики, направленной на предотвращение кризиса перепроизводства продовольствия, падения цен и массового разорения фермеров.

Использовали гарантированные закупочные цены, так что в случае падения цен государство доплачивало разницу, обеспечивая прибыль фермерам. Это вело к созданию громадных запасов продовольствия в урожайные годы, когда цены падали ниже гарантийного минимума. А поскольку в неурожайные годы съесть все запасы не удавалось и в среднем число урожайных лет было больше, то государственные запасы угрожающе и катастрофически росли так же, как и расходы: на закупку, на хранение и т. п.

Использовалась политика ограничения возделываемых площадей — ферме-

рам платили за невозделанную землю. Иногда пытались сочетать то и другое. Ограничение посевных площадей себя не оправдало. Фермеры деньги за непосев брали, а потом так наваливались — вооруженные всей мощью современной сельскохозяйственной технологии — на оставшиеся гектары, что ухитрялись с сократившихся площадей собирать больше прежнего. Установление гарантированных цен, замедляя разорение относительно малоэффективных фермерских хозяйств, вело не только к громадному росту государственных расходов на приобретение и хранение продовольствия, но и поддерживало относительно более высокие цены на розничном рынке. Две достойные цели — защита фермеров и обеспечение всего общества дешевыми и высококачественными продуктами питания — столкнулись в почти неразрешимом противоречии, сделали проблемы сельского хозяйства одними из острейших во внутренней и международной политике. В экономическом плане программы дошли до полного абсурда. Субсидии производителям меда и риса оказались в 1984 году равными стоимости этих продуктов. Выплаты на производство шерсти в два раза превышали стоимость всей произведенной шерсти. В 1984 году фермерам было выплачено 10 миллиардов долларов, чтобы они оставили под парами 28 миллионов гектаров. Программа поддержания цен на сахар удерживала внутренние цены на уровне, в 4 раза превышающем мировые. В 1985 году общая сумма субсидий фермерам составила 18 миллиардов долларов, а, по данным статистики, на каждый доллар, затраченный правительством, покупатели докладывали по 4 доллара, оплачивая поддерживаемые властями высокие цены. Обществу в целом неэффективность сельскохозяйственной политики обошлась примерно в 90 миллиардов долларов. В условиях перепроизводства зерна и других продуктов питания субсидирование производства и экспорта превратилось в разбазаривание средств налогоплательщиков и потребителей, причем в международном масштабе.

Американское правительство платит фермерам за то, чтобы они не выращивали зерно, а затем платит иностранным правительствам, чтобы они импортировали больше американского зерна. Европейские страны платят своим фермерам, чтобы они выращивали больше зерна, а затем устанавливают ограничения на его производство. В Японии фермерам платят, чтобы они не выращивали риса, а затем платят за выкорчевывание фруктовых деревьев, которые были посажены на рисовых чеках. Расходы Общего рынка на субсидии сельскому хозяйству в 1985 году составили 19,5 миллиарда долларов, несмотря на то, что продажа половины уже имевшихся избыточных запасов зерна, масла, мяса, оливкового масла, вина и табака на уже перенасыщенных мировых рынках была возможна только с убытком почти в 3 миллиарда долларов.

Так работает бюрократическое вмешательство в экономику в области сельского хозяйства. Растут затраты на перепроизводство — растут затраты на хранение излишнего продукта — подавляется сельскохозяйственное производство в других странах, где фермеры не выдерживают конкуренции с этой государственно поддерживаемой махиной субсидируемого сельского хозяйства. Наконец, поддерживаются более дорогие цены на продовольствие, отвлекаются производительные ресурсы от насущных нужд и т. п.

Лучший способ создать дефицит товаров и услуг, разрушить производство и добиться дезорганизации социальной и экономической жизни — установить цены ниже уровня равновесия между спросом и предложением (демпинг). В таком случае, говорит экономическая теория, неизбежно наступает относительное сверхпотребление товара. Производители с низким уровнем прибыльности, которым фиксированная цена не возмещает расходов на производство, выталкиваются с рынка, производство сокращается, возникает дефицит. Непривилегированные потребители, не имеющие доступа к спецраспределителям, переплачивают на черных рынках вдвое и втрое. Спекулянты благоденствуют, публицисты клянут нераспорядительность начальства, начальство занято самокритикой, обещает исправиться и исправить положение (что сделать не в состоянии) и т. д. В конечном итоге мера, задуманная во благо малообеспеченных потребителей, как раз их оставляет внакладе. Один из красноречивых примеров разрушительности административных цен — история жилищного кризиса в Британии. С конца 40-х годов в этой стране практикуют ограничение арендной платы за жилища — в интересах малообеспеченных групп населения и ради торжества идей, согласно которым экономика — лишь послушный инструмент в руках политиков.

Ограничение величины арендной платы в условиях роста цен быстро сократило количество сдаваемых в аренду жилищ, а также резко и основательно ухудшило их качество, так как установленная законом оплата сделала строительство и ремонт доходных домов делом разорительным. Если в 1914 году 90 процентов семей арендовали жилища в частном секторе, то в 1960 году — только треть, а в начале 1980-х годов — меньше 10 процентов. Число сдаваемых в аренду частных домов сократилось от 22 до 2,5 миллиона. По утверждению журнала «Экономист», «контроль арендной платы оказался более эффективным средством разрушения жилищ, чем немецкие бомбардировки». Дефицитность жилья породила новую и непривычную для британцев практику: взяточничество муниципальных чиновников, ведающих его распределением. Взяточничество и злоупотребления вызвали необходимость расширить контрольный аппарат, который поглощает средства, нужные для строительства, и т. п.— последствия, хорошо известные и превосходно описанные Салтыковым-Щедриным.

Из новых, не описанных прежде явлений, стоит внимания такое, например. Люди переселяются, чтобы жить ближе к месту работы, сменить климат и т. п. В условиях же дефицита для переезда нужно найти вариант обмена, иногда «по договоренности». В 70-х годах, когда резко выросла безработица, стало ясно, что эта новая подробность жизни делает поиск работы многократно более трудным, так как необходимо одновременно подыскивать и работу, и вариант обмена жилья. Дефицит ограничивает мобильность людей, осложняет борьбу с безработицей.

Жилищный кризис в США был создан кредитами федерального правительства на благоустройство городов. Еще в 1970 году в США было 9,3 миллиона квартиросъемщиков с доходом менее 5 тысяч долларов в год и около 10 миллионов квартир, сдававшихся в аренду не дороже, чем за 105 долларов в месяц, то есть примерно за 25 процентов дохода. Форсированные программы благоустройства городов, перестройка городских центров, снос трущобных кварталов создали бум в жилищном строительстве, взвинтили цены на землю, на труд строительных рабочих. Государственные субсидии на все эти цели росли с конца 1960-х годов и составили в 1981 году более 25 миллиардов долларов. Новые кварталы комфортабельных дорогих домов поднимались на месте трущоб, то есть дешевого жилья для бедняков. В 1980 году арендный фонд состоял уже только из 2 миллионов дешевых квартир при том, что все еще было 7,5 миллиона квартиросъемщиков с доходом менее 5 тысяч долларов в год.

С середины прошлого века стало популярным мнение, согласно которому свободная конкуренция, с одной стороны, несомненное благо, так как повышает эффективность экономики и увеличивает общественное богатство, а с другой — явное зло, так как способствует концентрации богатства, а значит — усилению неравенства. При таком двойственном толковании государство становится «наименьшим злом» — оно хотя и снижает эффективность экономики, подавляя полностью или частично конкуренцию, но в то же время способствует более равномерному распределению доходов, так что общество в целом оказывается хоть и беднее, но гармоничнее и счастливее.

Теперь есть опыт. Да, и налоги, и субсидии, и пособия снижают экономическую эффективность общественного производства. По мере выравнивания доходов с помощью систем перераспределения, стимулы к напряженному и изобретательному труду слабеют, а соотносить меру труда с мерой потребления, спра-

ведливо распределять пособия и субсидии все сложнее. Но ожидание, что перераспределение доходов будет идти в направлении от богатых к бедным, не оправдалось. По-видимому, все еще преувеличивается значение сконцентрированного в руках немногих богатства. Фактически перераспределение осуществляется — по большей части, на 90 процентов — в рамках трудового населения. То есть от тех, кто заработал больше (ибо вкалывал больше и квалифицированней), тем, кто зарабатывал (по разным причинам, в том числе и по лености, неспособности, нежеланию учиться и т. д.) меньше.

Оказалось, что наиболее справедливые и настоятельные нужды удовлетворить всего труднее. В демократических странах решения о бюджетных расходах принимаются большинством голосов. Большинство не однородно. Оно составляется из представителей наиболее массовых, наиболее политически активных, а потому и наиболее влиятельных групп. По мере воплощения в практику модели политической демократии выяснилось, что справедливость, как и тысячи лет назад, не может быть автоматическим результатом того или иного устройства политического или демократического механизма. Справедливость — это и свойство ума и сердца, и проявление благородства и великодушия сильных. По мере того как эгоизм монархов и аристократии вытеснялся групповыми интересами бизнеса, профсоюзов, союзов потребителей, кооперативов, партий и объединений, становилось все яснее, что эти новые властители корпоративного общества столь же недальновидны и эгоистичны, как феодалы и монархи, что групповой эгоизм не легче и не великодушнее индивидуального. А иногда и пострашнее. Более того, проблемы, возникающие внутри этих новых центров власти, оказываются сродни тем, которые одолевают государственный аппарат,— они так же склонны к бюрократизации и неэффективности, к подавлению мнений и желаний тех, кто далек от кормила власти. Попытки излечения старых недугов новыми лекарствами ведут к новым болезням, порой накладывающимся на старые, порой замещающим старые.

Говорят даже об усугублении эгоизма и черствости человека — и не без основания. По мере достижения все большего равенства доходов (в Швеции различие между наивысшими и минимальными доходами составляет: до вычета налогов и получения пособий 137 процентов, после — 39 процентов) теряют смысл и эффективность лозунги классовой солидарности — никто всерьез не чувствует себя угнетенным, да и угнетателей не видать. Место индивидуального эгоизма занял не альтруизм, а эгоизм групповой.

Профсоюзы и другие общественные и кооперативные организации, занимающие большое место в жизни современных обществ и задуманные некогда как способ защиты отдельного слабого человека от давления могущественных рыночных сил и произвола бюрократии, по мере укрепления и укрупнения обюрократились и давят гражданина не хуже любой другой монополии. Для квартиросъемщиков муниципальных домов в Британии и в Швеции власть муниципалитета или кооператива оказывается порой не менее тягостной, чем былая власть частного домовладельца. К тому же поскольку домовладельцев было много, то был и выбор. Можно было, наконец, обратиться с жалобой в муниципалитет. В условиях муниципального домовладения выбора нет, и жаловаться некому. «Общественный» жилищный сектор зачастую воспроизводит наихудшие черты монополистической собственности.

По мере того как рынок вытесняется системами равного распределения, значение бюрократии в повседневной жизни возрастает. Централизация и бюрократизация практически всех сторон жизни стали вызывать раздражение и протест — и это несмотря на то, что в большинстве рассматриваемых стран администраторы-бюрократы всегда пользовались уважением как люди высокой честности и надежности. Но по мере того как их деятельность охватывала все более полно жизнь граждан, стало ясно, что процедурные формальности становятся все сложнее и занимают все больше времени. Причины этого в общем-то понятны: чтобы избежать ошибки, нужно собрать всю необходимую информацию, и тому же затягивание решений — лучший способ подчеркнуть важность и ответственность функций начальственного лица, а единственный гарантированный способ не сделать ошибку — вовсе не принимать решений. В XIX веке по мере демократизации политической жизни и расширения сферы самоуправления казалось, что зависимость общества от бюрократов — наследие сословных феодальных монархий — уходит в прошлое. Но по мере созревания государства благосостояния все прелести автократического правления стали понемногу возвращаться. Оказалось, что причина жизненных неудобств — вовсе не способ правления и не способ производства, а что-то другое, хотя и смутное, и трудно определяемое словами, но довольно хорошо ощущаемое. Что? Как обезвредить бюрократов? Может быть, пришла пора думать об обществе прагматично и диалектично, учитывая нынешние знания о человеке — эгоистическом и одновременно великодушном; разумном и склонном порой к немотивированным поступкам; любящем самостоятельность и зачастую норовящем уйти от ответственности; человеке, который, исповедуя самые высокие идеалы, порой опускается до пределов низости.

XIX век был веком реформ и прогресса — экономического, технического, социального. Он был исполнен нетерпения по отношению к будущему: прогресс и улучшение законов должны были вот-вот изменить самое жизнь, переделать самое природу человека. Какое гордое и наивное время! Какие парадоксальные результаты!

В разгар Великой французской революции просвещенный и умудренный опытом жизни человек, Пьер Дю Понт, депутат Национальной ассамблеи, выступая по вопросу о дополнительных ассигнованиях, сказал: «Господа, печален обычай, к которому нас слишком легко толкает напряженность дискуссий,— предполагать злые намерения. Необходимо верить в то, что намерения — добрые... каковы они и есть, но мы не должны быть благожелательны к непоследовательности рассуждений и абсурдности доказательств. Скверная логика была невольной причиной большего числа преступлений, чем было совершено скверными людьми преднамеренно».

Законосообразное общество тем и отличается от всякого другого, что в нем нарушение закона карается строго и немедленно. Экономические законы не принадлежат к числу писаных, изобретенных человеком и охраняемых государством законов. Но и у них есть довольно эффективная группа судебных исполнителей: дефицит, инфляция, безработица, прекращение экономического развития.

Рост государственных бюджетов и рост государственной активности в деле перераспределения доходов в 70-х годах был эффективно остановлен этой боевой четверкой, причем наибольшее впечатление на публику произвел экономический застой. По-настоящему полезным результатом политизации экономических проблем оказалось понимание того, что политика перераспределения и государственного регулирования экономики зашла в тупик.

Политические и экономические передряги 70-х годов привлекли внимание к философии «консервативного либерализма», выдвигающего на первый план ценности экономической, политической и социальной свободы «даже в том случае, если ограничение свободы может оказаться экономически более выгодным». Виднейший из представителей этого направления, лауреат Нобелевской премии по экономике 1976 года Ф. А. Хайек, австрийский экономист, проживший большую часть своей жизни в эмиграции в Британии и в США, видит первоисточник многих бед современного общества в чрезмерном доверии к рациональному знанию. Полагаясь на всемогущество науки, люди пренебрегают вековым опытом и традициями во имя миражей социально-экономических утопий.

Хайек привлекает внимание к тому факту, что основы человеческой культуры — язык, мораль, обычаи — являются результатом последовательно накапливавшегося в продолжение жизни тысяч поколений *опыта и бессознательного творчества* миллионов людей. Современное направление

социального и экономического развития опасно тем, что руководствуется ощущением все возрастающей власти над природой. Успехи физических наук вызывают массовую эйфорию, соблазняют к попытке поставить под тотальный контроль не только все природное окружение, но и само общество. На этом пути человечество явило не только чудеса технической изобретательности, но и великое преступное безрассудство. Власть человека над природой и обществом стала неимоверной. Можно погубить все живое на Земле. Стали реальностью бесплодные болота на месте бесплодных пустынь и пустыни на месте прежних болот. Электронные средства обработки и сбора информации вкупе с «научными методами организации» делают реализуемой старую зловещую мечту: установить тотальный и вечный контроль над жизнью, мыслями и чувствами каждого отдельного человека.

Осознание гибельности подобного рода попыток должно вести не только к смирению — в историческом знании много печали,— но и к попытке по возможности упорядочить и ограничить активность правительств. Жизненно важна выработка конституционных ограничений, которые бы сковали государство контролем — нет, не парламентов и не народов, поскольку и те, и другие часто подвержены иллюзиям и слепым страстям. Государство должно быть подчинено принципам либерализма, которые бы в наибольшей возможной степени ограничивали его роль наблюдением за исполнением законов. Старый гуманистический идеал правительства, которое сильно соблюдением законов и контролем их исполнения и не склонно произвольно устанавливать и изменять их, выглядит почти утопическим в последней четверти бурного двадцатого века. Но, пожалуй, именно реалии нашего века делают этот идеал особенно желанным.

Борьба с безрассудной тиранией — народов, правительств и вождей — не менее важна для выживания человечества, чем борьба за сохранение среды обитания и разоружение.

Василий Селюнин

ПЛАНОВАЯ АНАРХИЯ ИЛИ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ?

1

Хоть и грешно радоваться чужой беде, а, признаться, с некоторым удовлетворением узнаешь из статьи Б. Пинскера, что не одиноки мы во вселенной — там, в богатых и вольных заграницах, бюрократизма тоже хватает. В общем-то не новость. Можно хотя бы из духа противоречия не верить нашим международникам, здоровье положившим на расковыривание язв загнивающего Запада, но ведь в конце концов не у нас, а у них появились «Закон Паркинсона» и «Принцип Питера» — беспощадные приговоры бюрократизму, не приведенные, впрочем, в исполнение. Так что же, там плохо, и тут плохо, и остается вслед за Екклезиастом вздохнуть: все суета сует и томление духа? Но попробуем все же выяснить, в чем сходство и в чем различие ситуации у нас и у них.

А для начала не худо бы определить предмет разговора. Что есть бюрократизм? В обиходном смысле проще простого: гоняют бабку за справками для пенсии — вот и бюрократы. Но перед нами ведь явление мирового масштаба, а не сумма частных случаев. Лучший наш толковый словарь толкует: это, мол, многописание и многоначалие. Теплее. Однако все еще туманно, ибо непонятно, сколько начальников и писанины «много», а сколько — в аккурат. Да и что за беда, пусть себе пишут вволю — может, им, как гоголевскому Акакию Акакиевичу, буквы выводить приятно. Определяют и по-ученому: бюрократизм — это когда каста управленцев-профессионалов командует нашим житьем-бытьем. Горячо! Только представим себе строевого командира. Он профессионал управления? Бесспорно. Командует? Весьма зычно. А, согласитесь, не бюрократ.

Предлагаю свою трактовку: бюрократизм есть управление посредством приказов теми сторонами жизни, которые либо вовсе не слушаются приказов, либо потери от исполнения директив превосходят достигнутый положительный результат. Вероятно, определение не универсально, но по крайней мере применительно к хозяйственной жизни оно улавливает, так сказать, все свои случаи и не вбирает в себя чужие. Министр велел перебросить к месту аварии технику и ремонтников — нет в том бюрократизма, поскольку приказ здесь единственно уместен. Госплан задал на 1990 год прирост производства непродовольственных товаров на 20 процентов — типично бюрократическая директива, ибо исполнить ее нельзя, хоть тресни.

Из моего определения вытекает важное следствие: чем меньше государство нахватывает в свои руки управленческих обязанностей, тем скромнее пространство для разгула бюрократизма. И наоборот. Полагаю, самым неудобным объектом управления является экономика. У нее свои законы. Как остроумно замечает Б. Пинскер, они не принадлежат к числу писаных, тем не менее у них есть грозные судебные исполнители, карающие нарушителей: дефицит, инфляция, безработица, застой. К законам этим можно подладиться, но отменить их не в нашей власти. К чему приводит волевое вмешательство в хозяйство, пусть из самых добрых побуждений, автор показал весьма убедительно.

Однако там, на Западе, возможности командовать экономикой ограничены хотя бы тем, что основная часть средств производства государству не при-

надлежит. Не то у нас. Взяв в свои руки производительные силы почти целиком, наше государство получило редкую возможность (и обязанность!) управлять всем-всем и еще чем-то. Сферой действия бюрократии становится вся жизнь, вплоть до самых интимных ее сторон. Управление осложнялось еще одним обстоятельством. Государство исходило из теоретического постулата, будто у общества есть конечная цель. Сама формула «строительство социализма» весьма многозначительна. Выходит, новый общественный строй возникает не в результате естественного развития жизни, нет, его надо соорудить к какому-то разумному пусковому сроку (иначе людям был бы обещан рай за гробом). Любое строительство требует проекта, чертежа. Хранителем проектной документации, прорабом стройки мог быть только партийно-государственный аппарат, больше некому. Теперь мы знаем, что великий проект на поверку оказался всего лишь чертежом казармы, и не так уж далек от истины был остряк двадцатых годов: «Можно ли построить социализм в одной стране? Можно, но жить лучше в другой стране».

И если вы согласны с моим определением бюрократизма, то тут как раз тот случай: результат явно не адекватен усилиям администраторов. Следовательно, государственный аппарат, по определению, является бюрократическим. В таком разе наш бюрократизм не отклонение от системы управления, не вывих, а самая что ни на есть суть ее. Оставаясь в этой системе, с бюрократизмом вообще нельзя бороться. Тут потерпел поражение сам Ленин, а уж большего ненавистника бюрократии не сыщешь. «Ведомства — говно; декреты — говно», — в сердцах черкнул Ильич. Эту реплику теперь часто вспоминают. Но что взамен декретов? Продолжим цитату: «Искать людей, проверять работу — в этом все» [1]. Да где ж их взять, иных людей? В другом сочинении Ленин разъясняет: надо привлечь к управлению, к контролю за аппаратами рабочих от станка. Как это понять? Исследователи до сих пор отыскивают в этом совете какие-то глубины мысли. Но давайте просто прочтем, как написано, и спросим: а что, пролетарское происхождение биологически, на уровне генов гарантирует от бюрократического перерождения? Выдвиженцы от сохи и от станка ого-го какой бюрократизм вскорости показали.

Писатель Гоголь не был ни марксистом, ни просто теоретиком, а всего-навсего гением и в качестве такового вывел универсальный запрет, прямо относящийся к управлению: «Человека нельзя ограничить другим человеком, на следующий год окажется, что надо ограничить и того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца...» Что мы и наблюдаем в действительности.

Потревожим еще раз Паркинсона. Его знаменитый закон гласит: количество служащих и объем работы совершенно не связаны между собой. Самонадеянно рискну внести поправку: между названными вещами существует обратная зависимость. Если под работой понимать целесообразные действия, рассчитанные на определенный результат, то чем безнадежнее дело, тем бо́льших управленческих усилий оно требует, тем многочисленнее должен быть аппарат чиновников. Это и понятно: живой замысел, реальная проектировка воплощаются вроде как самопроизвольно, своим чередом, и только при заминках потребны легкие управленческие воздействия. А когда цель заведомо недостижима, администраторы вынуждены умножать усилия ради самого ничтожного продвижения вперед.

Классический тому пример — наше планирование. В одном из зарубежных учебников по экономике изображена кошмарная ситуация. Представьте, мол, что жители Нью-Йорка узнают: никто из начальников не озаботился завтрашним обеспечением многомиллионного города едой, одеждой, обутком, всем прочим. Казалось бы, жители должны пулей лететь в магазины, пока там все не расхватали. Но ничего подобного не наблюдается — в свой срок товары и без директив поступят в нужном наборе и количестве. Колоссальную работу по регулированию производства, снабжения, сбыта, которую проделывает рынок, в наших условиях обязаны исполнять администраторы. Пожалуй, не очень большим преувеличением будет такое сравнение: вот стакан, в нем броуново движение молекул воздуха; теоретически не исключено, что молекулы враз ударят в одну стенку и опрокинут сосуд — во избежание этого давайте управлять траекторией каждой частички. Товаров-то в обращении, пожалуй что, и не меньше, чем молекул в стакане. По подсчетам моего друга Л. Лопатникова, автора всемирно известных экономико-математических словарей, оптимальный вариант годового номенклатурного плана для нашего хозяйства современная ЭВМ способна рассчитать за 30 тысяч лет.

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 44, стр. 369.

А по-моему, не рассчитает. Или рассчитает, да жизнь пойдет мимо идеального плана. Вот я уже лет тридцать слежу за лесной отраслью, близкой мне сызмальства. Время от времени хожу в штаб отрасли, в объединения, езжу в леспромхозы, читаю деловые бумаги, сличаю их с жизнью. Лесное министерство сливали, разливали, реорганизовывали, меняли министров, а все одно и то же, только подписи разные — сверху пишут «Примите меры», снизу отписывают «Меры приняты». Какие меры? А никакие не меры, чиновники эпистолярно общаются меж собой, не влияя на ход дела. Поверьте, знаю, что говорю. В 1972 году стали использовать в управлении ЭВМ. Каждый день в министерство начала поступать информация о выполнении плана по 48 видам продукции (заготовка древесины, выпуск лыж, спичек, тетрадей ученических, тетрадей общих и т. д.). Отклонения от плана рассортированы по 35 причинам: низкие или, напротив, высокие горизонты воды на сплаве, снегопады, ливни, пожары, наводнения, ураганы, словом, все, кроме светопреставления. Теперь министерство в курсе и вроде бы в любой ситуации готово действовать. Как? А бумагу послать. По-научному! Текст заранее размножен: «Суточное задание выполнили лишь... процентов бригад. Обязываю Вас в трехдневный срок и т. д.». Остается только вписать цифру и адрес. Это считается конкретным руководством: министр аж до бригады дошел. Но парадоксальным образом конкретное руководство оборачивается в высшей степени абстрактным, ибо оно абстрагируется от множества мелких обстоятельств, которые неразличимы с этажей министерского здания в Телеграфном переулке, но которые как раз и составляют суть производственной жизни.

Помните, в «Войне и мире» описан штабной генерал? Всякие привходящие обстоятельства мешали проведению блестяще задуманных операций, и он мечтал перенести войну «ins Raum», в пространство вообще, где уж, конечно, нет ни бездорожья, ни дураков подчиненных, на что Андрей Болконский ехидно заметил: мол, в пространстве-то у меня жена и имение.

Все-то нам не впрок, все не путем. Легендарный царь Мидас к чему ни прикасался, все превращалось в золото. Погиб, так с музыкой. А к чему чиновник приложит руку, то обернется... чем, это нам только что доходчиво объяснил Ленин. Хоть и к ЭВМ. Вещь чудесная, а у нас от нее больше вреда, чем пользы. Когда директивы и ответные реляции возили на волах, в силу недосягаемости объектов управления начальники не могли ежеминутно командовать, волей-неволей давали самостоятельность подчиненным. Теперь день и ночь над ухом дышат электронно-телетайпным способом.

Могут возразить: не дело министра командовать бригадами, пусть распоряжается главным. А что главное? Вот опять факт из жизни — я выловил его однажды на столичном заводе «Серп и молот». Начальник Главспецстали предписал заводу в целом и приказал разверстать по цехам лимит потерь рабочего времени от прогулов и отсидок за мелкое хулиганство — не более 5,4 процента общего баланса времени. Лимит на дебош! В пределах его бесчинствовать — на то смахивает — допустимо. А за 5,4 процента рабочего времени много чего натворить можно. И потом, если кто сэкономил свою норму в истекшем месяце, имеет ли он право впоследствии наверстать упущенное? Глупости? Не скажите. Если вы взялись планировать производительность труда, вы обязаны учесть и этот немаловажный фактор.

При безбрежном объеме работы приходится дробить ее по ведомствам, по функциям управления. Решение самых простых вопросов выпирает на вершину управленческой пирамиды. Конфликт между двумя заводами разрешим только

в органе, которому они оба подчиняются. Хорошо если они в одной отрасли, тогда судьей будет ответственный работник министерства, в крайнем случае сам министр. А если заводы разных отраслей? Жаловаться в свое ведомство бесполезно — обидчик ему не подчинен, в чужое тем более. Коллизию может снять только лицо, стоящее над тем и другим министром, то есть соответствующий заместитель премьера. Вы представить себе не можете, какой чепухой загружены верхи. Сам читал в правительственном постановлении, подписанном А. Н. Косыгиным, пункт о прокладке в городе Нерюнгри двухсот метров теплотрассы — ведомства не поладили. Разумеется, вникнуть в подобные мелочи премьер не в состоянии: надо держать штат чиновников (списал однажды с деловой бумаги резолюцию немалого начальника: «Подготовьте мое мнение»).

Одно из неприятнейших следствий запутанной, громоздкой, многослойной структуры управления — к исполнителю поступают взаимоисключающие команды. К примеру, министерство приказывает предприятию сосредоточить силы на важном заказе, местный Совет требует людей на картошку, военкомат отвлекает работников на сборы, милиция обязывает выделить столько-то человек в отряд охраны порядка. Тут объективно необходим некий сверхорган, решения которого равно обязательны для всех. Руководствуется он не столько законом, сколько здравым смыслом. Без него дело просто развалилось бы. Это соответствующий партийный комитет — районный, областной или еще выше.

Вспоминаю доверительную беседу с руководителем крупнейшей в Сибири строительной организации. Я спросил: вот ваш план на год, вот ваши мощности — ежу ясно, что вы не введете и половины объектов; так как же вы поступите? Оказывается, положение небезнадежно. Мой собеседник втайне договорился с первым секретарем обкома партии, какие стройки действительно закончат, а на каких будут тянуть резину. Как он выразился, выбирали объекты рапортабельные: домна — это звучит, а швейная фабричонка не очень. Да, но она ведь тоже в плане, ее опекает заказчик, он будет жаловаться «вплоть до», чего доброго натравит прессу. Не страшно. Начальник содержал в штате специального работника, который лихо сочинял ответы на жалобы и газетную критику («Вопрос поставлен совершенно правильно. В самое ближайшее время...»), заведомо зная, что сделано ничего не будет. И это прекрасно. Не прими первый секретарь противоправного решения, не закончили бы ни домну, ни фабрику. Нисколько, однако, не прекрасно другое: в целом по стране вступают в действие случайные объекты.

Как все помнят, на каждом съезде Брежнев требовал усилить руководящую роль партии. Казалось бы, куда уж усиливать, она и так всем распоряжается, но в сложившейся системе так и должно быть. Если мы не на словах, а на деле отрешим партию от текущих хозяйственных забот, система не сможет функционировать. Партаппарат как раз и предохраняет ее от развала.

Душа, сердцевина командно-административной системы — это, конечно, директивное планирование. Оно охватывает все экономические и социальные процессы и таким образом ставит человека-винтика под контроль государства. Но это единственная цель, которой планирование действительно достигает. С регулированием экономики у него получается много хуже. Мы прожили одиннадцать пятилеток и ни одной не исполнили, проваливаем двенадцатую. Если бы отклонение жизни от планов выражалось только в том, что мы не дотянули до намеченных рубежей по производству той или иной продукции, это бы еще ничего. То беда, что план указывает одно направление развития, жизнь идет в обратную сторону. Вот в нынешней пятилетке намечали отдать приоритет машиностроению, предусматривали почти удвоить капитальные вложения в эту гигантскую отрасль за счет сырьевого комплекса, который и без того раздут сверх всякой меры. (Я не рассматриваю здесь, насколько оправданна такая программа, это вопрос особый и отнюдь не простой.) На деле в 1988 году доля машиностроения в общем объеме инвестиций сравнительно с 1985-м почти в два раза упала, а пай топливно-энергетического комплекса в полтора раза возрос. Все наоборот задуманному: планировали одну структуру хозяйства, одни пропорции — получили принципиально другие, противоположные. Разнонаправленность плана и реального движения экономики, иначе сказать, плановая анархия — неоспоримое, на мой взгляд, свидетельство тому, что все директивное планирование есть бюрократизм в чистом виде.

План считается законом и в этом качестве представляет собою административный метод управления. Перестройка же предполагает переход к регулированию хозяйства посредством методов экономических, и сегодня вопрос стоит так: либо сохранение директивного планирования, либо реформы. У меня были возможности обсудить эту альтернативу с экономистами, отвечающими за реформы в хозяйстве. В общем-то они согласны, что изменений тут не произошло. Любопытно их объяснение: мы, мол, влезли с реформами в неудобное, неподходящее время — на ходу пятилетки. Задания на каждый год утверждены, расписано, чего и сколько производить, для самостоятельности предприятий просто не остается места.

Перестройка в экономике оттого и буксует, что у правительства не хватило решимости сделать первый и не такой уж широкий шаг: отменить действующий ныне пятилетний план, сверстанный, кстати, в худших застойных традициях. Сейчас составляют план на тринадцатую пятилетку, причем делается это по-старому, изменения чисто косметические (некоторые директивные показатели переименованы в расчетные контрольные цифры). Значит, еще пять лет может быть потеряно для перестройки в экономике.

Думается (предупреждаю, это мое частное мнение), что власти не хуже нас с вами понимают бессмысленность планирования. Однако отказываться от него им не резон по причине психологического свойства. Не влияя, либо негативно влияя на жизнь, планы обладают одним несомненным достоинством, которое я условно назвал бы «Эффектом Лысенко». Достопамятный Трофим Денисович был в почете при всех правителях благодаря нехитрому приему: сулил златые горы. Сначала расписывал, какие обильные урожаи принесет изобретенная им яровизация семян. Не получилось — не беда, у него еще краше план: вывести ветвистую пшеницу и завалить страну зерном. Опять не вышло — вот вам программа выведения жирномолочных коров. Провалы каждый раз меркли в сиянии все более грандиозных планов.

Нечто подобное происходит и с правительственными программами. Н. С. Хрущев обещал коммунизм к 1980 году. Страна на марше, впереди зияющие высоты, и как-то даже неловко сетовать на скудное питание: кто же ест походя? Первая жилищная программа сулила: к 1980 году каждая семья получит квартиру. Теперь та бумага забыта, написана новая — сделать то же самое к 2000 году. Видя такую заботу о народе, опять же нахальство требовать квартиру сегодня, сейчас. Передо мною текст «Продовольственной программы СССР на период до 1990 года», принятой в 1982 году,— в магазинах пусто, а в чеканных абзацах документа изобилие. А шуму-то вокруг нее! Видно, не зря говорят: чтоб холодильник был полон, включите его в радиосеть.

Пятилетки тоже рисуют нам захватывающие картинки. Провал при определенной ловкости нетрудно представить как успех. Это продемонстрировал недавно И. С. Силаев, когда Верховный Совет переутверждал его председателем Бюро по машиностроению. Согласно пятилетнему плану, в 1990 году 90 процентов машиностроительной продукции по качеству должно соответствовать мировому уровню. Вот депутаты и спросили, исполняется ли задание. Нет, объяснил претендент на должность, авторы программы заранее знали, что так не будет, но план свою положительную р ль сыграл: люди старались и кое-чего все-таки достигли. Вдумайтесь: плановики с самого начала валяли дурака, что с похвальной прямотой и признал И. С. Силаев. Тем не менее выглядел он чуть ли не героем. Теперь вот подготовлен фантастический план производства потребительских товаров в 1990 году. На подходе еще более красные планы оздоровления рынка в 1990—1992 годах. Само собой, исполнить их нельзя, но до чего же удобны эти бумаги, когда надо приглушить всеобщее недовольство потребителей,— имейте-де терпение.

2

Как видим, различия между бюрократизмом отечественным и заграничным качественные: наш охватывает все стороны жизни. В сущности, бюрократическая система, командно-административная система, плановая система, реальный социализм — все это синонимы. Ныне модными стали суждения, будто мы построили не тот социализм, а может, и вовсе не социализм. Считается, однако, что ошибка не в чертежах — у классиков все рассчитано верно, да вот исполнители исказили их учение. По теории, мол, план рынку не противоречит. Что ж, проверим эти мысли, обратившись к классикам.

Регулирующую роль рынка, закона стоимости Энгельс разъяснил следующим образом:

«В современном капиталистическом обществе каждый промышленный капиталист производит на свой риск и страх — что́, как и сколько хочет. Но общественная потребность остается для него неизвестной величиной, с точки зрения как качества, рода требуемых предметов, так и их количества. То, что сегодня не может быть достаточно скоро доставлено, может быть завтра предложено в количестве, далеко превышающем потребность. Тем не менее, так или иначе, хорошо или плохо, потребность, в конечном счете, удовлетворяется, а производство, в конце концов, направляется в общем и целом на требуемые предметы. Как же разрешается это противоречие? Конкуренцией. А как достигает этого конкуренция? Очень просто: заставляя снижать цены товаров, по своему роду или количеству не соответствующих в данный момент общественной потребности, ниже их трудовой стоимости...» И далее: «Поэтому тот, кто в обществе товаропроизводителей, обменивающихся своими товарами, хочет установить определение стоимости рабочим временем, запрещая конкуренции осуществлять это определение стоимости путем давления на цены, то есть единственным путем, каким это вообще может быть достигнуто,— доказывает только, что, по крайней мере в этой области, он усвоил себе обычное для утопистов пренебрежение экономическими законами» [1].

Запомним: рабочим временем стоимость товара определить нельзя. (Честно говоря, меня смущают эти объемистые выписки. Энгельс писал блестяще, и как бы моя статья не уподобилась витрине ювелирного магазина: вот цитата, как драгоценный перл, а вокруг вата моих слов. Ну да где наша не пропадала!)

Уже в ту пору были попытки, правда, теоретические, приспособить безотказный рыночный механизм к социалистическим утопиям. Прочно забытый ныне немецкий экономист Карл Иоган Родбертус разработал простую и вроде бы логичную схему. Пусть не рынок, а государство назначит стоимость продуктов труда, соответствующую средним затратам рабочего времени на их производство. Кто производит продукт, тот получает расписку, на которой указано, допустим, «Два дня», и по этой расписке получает нужное ему. Торговля, рынок заменяются обменом и планомерным сбытом. Энгельс не оставляет от этой концепции камня на камне. Легко заметить, что государство выдает работнику расписку ли, ассигновку ли до того, как в процессе обмена будет признана не только стоимость, но даже полезность продукта. Поэтому признаков денег в расписке, будь она хоть из золота, не больше, чем в театральном билете. Поскольку рынок в этой модели не регулирует более производство, откуда государство получит информацию о потребностях в том или ином продукте? Этот вопрос Энгельс и ставит:

«Только обесценение или чрезмерное вздорожание продуктов воочию показывают отдельным производителям, что́ и в каком количестве требуется или не требуется для общества. Между тем именно этот единственный регулятор и хочет упразднить утопия, представляемая также и Родбертусом. Если же мы теперь спросим, какие у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, задыхаясь под грудами свекловичного сахара и утопая в картофель-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 21, стр. 189.

ной водке, или что мы не будем испытывать недостатка в брюках, чтобы прикрыть свою наготу, среди миллионов пуговиц для брюк, то Родбертус с торжеством укажет нам на свой знаменитый расчет, согласно которому за каждый излишний фунт сахара, за каждую непроданную бочку водки, за каждую не пришитую к брюкам пуговицу выдана правильная расписка, расчет, в котором все в точности «совпадает» и по которому «все претензии будут удовлетворены, и ликвидация этих претензий совершится правильно». А кто этому не верит, тот пусть обратится к счетоводу Икс главной кассы государственного казначейства в Померании, который проверял счет, нашел его правильным и как человек, еще ни разу в недочете по кассе не уличенный, заслуживает полного доверия» [1].

Отлично! Но что ж тогда делать? Может, действительно сохранить при социализме рынок с его законом стоимости — этот, по слову Энгельса, «единственный регулятор»? Сегодня о том многие размышляют. Вопрос, однако, отнюдь не нов. Нечто подобное проповедовал еще небезызвестный Дюринг. Энгельс строго отчитал его: «...в форме стоимости продуктов уже содержится в зародыше вся капиталистическая форма производства, противоположность между капиталистами и наемными рабочими, промышленная резервная армия, кризисы» [2]. «...продукты равных количеств общественного труда обмениваются друг на друга. Это и есть закон стоимости — основной закон как раз товарного производства, следовательно, также и высшей его формы — капиталистического производства. Он прокладывает себе путь в современном обществе таким способом, каким только и могут прокладывать себе путь экономические законы в обществе частных производителей, т. е. как слепо действующий закон природы, заключенный в самих вещах и отношениях и не зависящий от воли и стремлений производителей. Возводя этот закон в основной закон своей хозяйственной коммуны и требуя, чтобы она проводила его вполне сознательно, г-н Дюринг делает основной закон существующего общества основным законом своего фантастического общества. Он хочет сохранить современное общество, но без его отрицательных сторон» [3].

Ясно — ни закона стоимости, ни самой стоимости, ни товарного производства при социализме не будет, социалистический рынок есть эклектическая утопия, заимствовать у капиталистического производства доброе, отбросив дурное, не удастся. Чего не будет, понятно. Но будет-то что? Что-то же должно прийти на место этих нехороших вещей? Снова слово Энгельсу: «...товарное производство — вовсе не единственная форма общественного производства» [4]. Оказывается, грядет некое непосредственно общественное производство. Это что за зверь и с чем его едят? Вот тут будьте внимательны: «Непосредственно общественное производство, как и прямое распределение, исключает всякий товарный обмен, следовательно, и превращение продуктов в товары..., а значит и превращение их в с т о и м о с т и.

Когда общество вступает во владение средствами производства и применяет их для производства в непосредственно обобществленной форме, труд каждого отдельного лица, как бы различен ни был его специфически полезный характер, становится с самого начала и непосредственно общественным трудом. Чтобы определить при этих условиях количество общественного труда, заключающееся в продукте, нет надобности прибегать к окольному пути; повседневный опыт непосредственно указывает, какое количество этого труда необходимо в среднем. Общество может просто подсчитать, сколько часов труда заключено в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в ста квадратных метрах сукна определенного качества. И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае известны людям прямо и абсолютно, то обществу не может прийти в голову также и впредь выражать их посредством всего лишь относительной, шаткой и недостаточной меры, хотя и бывшей раньше неизбежной за неимением лучшего средства,— т. е. выражать их в третьем продукте (в деньгах.— **В. С.**), а не в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является в р е м я. Точно так же и химия не стала бы выражать атом-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том, 21, стр. 190.
[2] Там же, том 20, стр. 322.
[3] Там же, стр. 324.
[4] Там же, стр. 320.

ные веса разных элементов окольным путем, в их отношении к атому водорода, в том случае если бы она умела выражать атомные веса абсолютно, в их адекватной мере, а именно — в действительном весе, в биллионных или квадрильонных частях грамма. Следовательно, при указанных выше условиях, общество также не станет приписывать продуктам какие-либо стоимости. Тот простой факт, что сто квадратных метров сукна потребовали для своего производства, скажем, тысячу часов труда, оно не будет выражать нелепым и бессмысленным образом, говоря, что это сукно обладает *стоимостью* в тысячу рабочих часов. Разумеется, и в этом случае общество должно будет знать, сколько труда требуется для производства каждого предмета потребления. Оно должно будет сообразовывать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Этот план будет определяться в конечном счете взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной «стоимости» [1].

Вот те раз! Да ведь это мы только что проходили — все в точности, как у Родбертуса: в будущем обществе затраты на производство станут выражаться в часах рабочего времени. Но чем тогда будет регулироваться производство? Если мы спросим теперь уже не у Родбертуса, а у его оппонента, какие, к примеру, у нас гарантии, что каждый продукт будет производиться в необходимом количестве, а не в большем, что мы не будем нуждаться в хлебе и мясе, утопая в картофельной водке, то Энгельсу не останется иного, как с торжеством указать нам на «производственный план», который «будет определяться... взвешиванием и сопоставлением полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда». Выяснится, что каждая лишняя бочка водки, каждая не пришитая к брюкам пуговица произведена по правильному плану. А кто этому не верит, того совсем еще недавно тягали не к счетоводу Икс, но совсем в иные инстанции, где дюжие экономисты в штатском мигом объясняли, что к чему.

Отчего же тогда лопоухие наши планировщики контрабандой протаскивают какую-то там стоимость, деньги, товар? Чем не угодило прямое планирование, непосредственное взвешивание и сопоставление? Тем более что, согласно Энгельсу, сделать это не только просто, а даже «очень просто»? Да по той, видно, причине, что Энгельс позабыл оставить нам инструкцию для этого очень простого планирования, и вот уже семь десятилетий планировщики наши маются, совершенствуют его так и эдак с очевидным усердием, но без ощутимого успеха.

Приверженцы рыночного социализма пробуют, правда, спасти классиков: мол, не то они имели в виду. У них, якобы, речь тут вовсе не о социализме, а о далеком будущем — лишь при полном коммунизме товарное производство отомрет, а покамест его надо сохранить. Это жалкая увертка. Вчитайтесь в только что приведенное рассуждение Энгельса. Там прямо сказано, в какой момент товарное производство отомрет: «Когда общество вступает во владение средствами производства». Еще яснее у Маркса. В знаменитой «Критике Готской программы», где наиболее полно изложено его учение о будущем обществе, говорится: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь *как стоимость* этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда». И словно предчувствуя будущие попытки отнести эту модель куда-то в полный коммунизм, Маркс добавляет: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое *развилось* на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что *выходит* как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 20, стр. 320—321.

в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло» [1].

Да если бы и не было столь однозначных директив классиков касательно сроков наступления нетоварной экономики, то куда мы с вами дели бы целые тома их критики социалистов-утопистов — Прудона, Родбертуса, Дюринга и прочих? Ведь основоположники крыли их предпоследними словами именно за желание сохранить при социализме такие паскудные предметы, как рынок, стоимость, товар, деньги, прибыль. Как быть с постулатом, согласно которому в товаре уже содержатся в зародыше все противоречия капитализма? Куда нам отнести ленинское предостережение: даже мелкотоварное производство рождает капитализм ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе? Нет уж, с намерением улучшить классиков, приспособить их к сегодняшним нуждам решительно ничего путного не получается.

В нашей истории была попытка построить экономику буквально по марксистскому учению. Я имею в виду военный коммунизм. Тогда фактически отменили деньги, заменили рыночные хозяйственные связи безвозмездной экспроприацией продукции и последующим ее распределением. Результат известен: затея кончилась крахом народного хозяйства. За семь с лишним десятилетий мы испытали несколько экономических моделей. Если расположить их не в хронологическом порядке, а по степени эффективности, то четко прослеживается любопытная закономерность. Чем ближе управление подходило к бестоварным, безрыночным марксистским схемам, тем хуже шли дела в хозяйстве (военный коммунизм, тридцатые годы). И напротив, на допущение рынка или хотя бы ослабление тотального диктата государства над производством благодарная экономика отвечала добром (нэп, пятидесятые годы).

Впрочем, настоящей рыночной системы у нас так и не было испытано. Но тут сама история провела наглядный эксперимент. В итоге второй мировой войны некоторые страны оказались разделенными — две Германии, две Кореи, три Китая (КНР, Тайвань и Гонконг). Неизменно хозяйство ведется эффективнее в тех частях некогда единых стран, которые избрали рыночную модель, свободное предпринимательство.

Согласно классическому учению закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил приводит к замене революционным путем устаревшего способа производства новым, более прогрессивным. Каждодневное очевидное противоречие между теорией и практикой уже нельзя разрешить введением сложных поправок и исключений, как невозможно было втиснуть в прокрустово ложе птолемеевой системы множество фактов, добытых астрономической наукой в эпоху Возрождения. Действительно, с грехом пополам нашим теоретикам удавалось еще объяснить, почему социалистическая революция приключилась в относительно отсталой стране, где производительные силы «не дозрели» до обобществления. Но никакому разумному толкованию не поддается в рамках принятой теории тот бесспорный факт, что такие революции происходят *только* в недоразвитых странах. Невозможно понять, почему производственные отношения прогрессивны по теории в одних странах, а производительные силы успешнее развиваются совсем в других. Чем более развит капитализм, тем выше уровень жизни, при господстве же самого передового способа производства действует скорее обратная закономерность.

3

Перестройку в экономике можно считать первыми, робкими еще шагами к товарному, рыночному производству. Оно состоит не из одних прелестей. Б. Пинскер куда как своевременно напоминает: решения, принимаемые большинством голосов, автоматически не обеспечивают справедливости, не обязательно служат благу общества. Ведь большинство неоднородно, оно состоит из групп, движимых своими интересами. По слову автора, групповые интересы бизнеса,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том 19, стр. 18.

профсоюзов, кооперативов, партий и объединений — тоже эгоизм, группы столь же легкомысленны, недальновидны, как, скажем, феодалы и монархи.

Здравый смысл подсказывает: в рассуждении Б. Пинскера есть какой-то изъян, что-то тут не так. Общество, раздираемое распрями легкомысленных и недальновидных групп, должно бы рухнуть, а оно процветает. Стало быть, есть некое противоядие отраве эгоизма, существует механизм примирения конфликтующих сторон к пользе общества.

Да, конфликты групп не сахар. Но какова альтернатива? Если не группы, не партии, не классы — тогда морально-политическое единство общества. А мы сыты им по горло. Можно по-разному относиться к буржуазной демократии: одни считают ее обманом, другие полагают, что лучшего человечество не придумало. Но в любом случае надо видеть ее материальную основу — частную собственность, безразлично, заключается ли она в миллионных акциях, семейной ферме или всего лишь в паре рабочих рук. Пока она есть у человека, его благополучие и самое жизнь зависят прежде всего от него персонально, он волен поступать по своему усмотрению, он свободен как личность и в гражданском смысле равен любому из сограждан. Он вправе, не испрашивая на то дозволения сверху, объединяться с близкими себе по интересам в группы, партии, союзы, кооперативы. Между индивидом и государством стоят, таким образом, многообразные формы общности, структуры, не позволяющие верховной власти узурпировать или чрезмерно ограничивать свободу личности. Сложная комбинация таких структур и составляет гражданское общество. В этих условиях государство может быть лишь выразителем компромисса различных сил, но никак не верховным жрецом, владыкой и работодателем для подданных.

С упразднением частной собственности рушится фундамент свободы личности, у человека не остается другого выбора, кроме как служить государству на тех условиях, которые оно продиктует. Верховная власть не стеснена более в своих действиях и без особого труда разрушает либо подчиняет себе промежуточные структуры — профсоюзы, партии, творческие объединения — короче, все институты гражданского общества. Человек остается один на один с бюрократическим государством. Наступает убогое равенство: академик, мореплаватель, плотник, да и бюрократ тоже — все они служащие государства. Учение о бесклассовом обществе становится реальностью, но в чудовищной ипостаси: в виде общества деклассированного. Групповые, классовые, национальные интересы преодолеваются, обращаясь в морально-политическое единство.

Когда гражданские институты разрушены, государству легко отождествить себя с обществом. Считается наглой максима Людовика XIV «Государство — это я». Но и король-солнце не посмел сказать: «Страна, общество — это я». Теперь этот промах исправлен. Первая же статья нашей Конституции гласит: «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство...» Не страна, не сообщество народов и граждан, а государство. Оно, по определению, является аппаратом принуждения, основным орудием политической власти, ничего другого это понятие не означает. Слово «общенародное» как раз и указывает на декретированное, обязательное морально-политическое единство, при котором антиконституционны и подлежат неукоснительному подавлению групповые, национальные и всякие прочие частные интересы, поскольку они противоречат «воле народа». А уж кто ту волю определяет, оберегает и выражает, пояснять излишне.

Но даже после того, как в результате разрушения гражданского общества человек остается один на один с государством, он не вполне во власти социальных экспериментаторов. У него есть еще один рубеж обороны — сама натура человека, те духовные и нравственные ценности, что вошли в плоть и кровь за тысячелетия истории. Не будь их, человечество оскотинилось бы и погибло в войне всех против всех. Поддержи слабого, вскорми и направь на путь истинный чад своих, делай доброе и противься злому — подобные правила не пустые абстракции, сколько бы раз они ни нарушались в суете жизни.

Человек, обремененный моралью, мало годился для замышленных новаций,

и вот Ленин объявляет штурм этой последней крепости: «Мы в вечную нравственность не верим и обман всяких сказок о нравственности разоблачаем» [1]. Взамен предлагается иное: «Классовая борьба продолжается, и наша задача подчинить все интересы этой борьбе. И мы свою нравственность коммунистическую этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов» [2].

К примеру, чтобы разложить изнутри буржуазное общество, полезно проникнуть в профсоюзы. Как? Ленин учит: «Надо... пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды... Конечно, в Западной Европе, особенно пропитанной особенно закоренелыми легалистскими, конституционными, буржуазно-демократическими предрассудками, такую вещь проделать труднее. Но ее можно и должно проделать и проделывать систематически» [3].

Ленинское учение о коммунистической морали никогда у нас не пересматривалось. На XXV съезде партии Брежнев напомнил: «Нравственно в нашем обществе все, что служит интересам строительства коммунизма...».

Мораль эта удобна — не каждый ведь сам для себя решает, что конкретно служит интересам коммунистического строительства, а что мешает. Подобные тонкости определяет власть. Стало быть, она и берет на себя ответственность за действия исполнителя, освобождает его от химеры совести. Личная совесть, в сущности, отменяется вместе с извечными заповедями. Не убий? Это еще почему? Смотря кого. Возлюби ближнего? Не наш гуманизм, абстрактный. Наш, социалистический, предполагает ненависть к врагам, а кто враги, нам укажут. Чти отца своего? Нет, донеси на него или по меньшей мере отрекись от него, если он неугоден власти. Безнравственное по старым понятиям автоматически становится высокоморальным и даже героическим.

Насаждение невиданной доселе нравственности облегчалось как раз тем, что было разрушено гражданское общество. Скажем, во все времена существовали доносчики. Но прежде потенциальный стукач входил в какую-то неподвластную государству структуру — в сообщество писателей, в кружок инженеров и т. п. В этой среде доносительство безусловно осуждалось, и любитель доносов рисковал стать изгоем, подвергнуться остракизму со стороны тех, общением с кем он особенно дорожил. Когда это препятствие устранили, дела пошли веселее.

Новая мораль основательно деформировала человека. Вскоре, однако, стало очевидным, что разрушение старой нравственности не так уж и выгодно государству. Само коммунистическое строительство разладилось, ибо теперь невозможно доверять проекту инженера, отчету статистика, совету ученого, слову руководителя: врут и не краснеют. Наивно полагаться на исполнителя в сколько-нибудь серьезном деле: обманет. Воровство, кажется, перестает быть предосудительным, особенно если прут казенное. И что всего тревожнее, население стало конгломератом иждивенцев, требующих хлеба и зрелищ: раз забота о себе уголовно наказуема по статье о частном предпринимательстве, пусть государство обеспечит нас всем, вплоть до бритвенных лезвий и туалетной бумаги.

Важно понять, что этот результат закономерен. Б. Пинскер напоминает нам старую истину: человек — существо эгоистическое и одновременно великодушное, он разумен и склонен к немотивированным поступкам, любит самостоятельность и норовит увильнуть от ответственности. Да, в нем всего намешано, однако, по моему разумению, намешано не хаотично. Есть в человеке два полюса, два начала, две стихии, между ними непрерывная борьба и диалектическое единство. Нельзя убрать одну из стихий, не разрушив самого человека. Господь мудро распорядился, оборудовав венец творения не одним разумом, а еще и сердцем, душою — своего рода корректирующей системой поведения. Когда беспечный разум подводит человека к смертельно опасным выводам, душа ста-

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, том 41, стр. 313.
[2] Там же, стр. 311.
[3] Там же, стр. 38—39.

вит предел, категорический императив поступкам, вытекающим из безупречных умственных построений. Таинственным, непознаваемым способом сердце схватывает истину напрямую и всю разом: нельзя этого делать. Почему? А нипочему. Нельзя, и все.

Этот прекрасный регулятор и желала демонтировать власть. На место его она впаивала в конструкцию человека другой блок — особую мораль, которая не корректировала бы разум, а только обслуживала продукт творчества ума. Тогда все можно: добра и зла, совести, души, сердца — словом, Бога нет, дуй до горы, до светлого будущего, хоть по колено в крови. В гордыне своей власть поставила как практическую задачу создание нового человека, забыв, что сотворение человека — занятие Божеское.

Возобладай такие теории триста, даже сто лет назад — человечество выжило бы, дождалось, пока они исчерпают себя, мир не рухнул бы, земля не сошла бы с орбиты — учинить такое было не по силам целому легиону Геростратов. Но, быть может, всего ужаснее тот факт, что нравственное одичание шло рука об руку с усилением власти человека над единственно возможной для него средой обитания — над природой. Другой Земли у нас не будет, а уберечь эту способны только люди с нравственными тормозами. Но на такие тормоза и покусились поводыри. Приснопамятный председатель Мао поучал: атомная война не страшна, пусть погибнет половина человечества, зато другая половина уцелеет и построит наконец общество, превосходно сконструированное гениальными учителями. Безумие? Никоим образом — всего лишь крайний вариант, частный случай универсального постулата: нравственно все, что служит интересам коммунистического строительства.

До благодетельной атомной войны дело не дошло, однако за принципиальную аморальность приходится платить все менее приемлемую цену. Вот исчезает с карты Отечества Аральское море. Целое море! Допустим, те, кто принимал решения, не ведали, что творили. Но ученые? Что же, и они не предполагали катастрофических последствий? Передо мною книга «Проблема Аральского моря», вышедшая в 1969 году в издательстве «Наука». Ответственный редактор и ведущий автор — доктор географических наук С. Ю. Геллер. Он первым делом доказывает, что «сравнительно невелико народнохозяйственное значение Арала». При полном, как он пишет, «исчезновении Арала» перенос пыли с обнаженного дна исключен, поскольку соли будут представлять собою «очень плотное образование, не подверженное ветровой эрозии». (Эти строчки я прочитал моим спутникам по недавней экспедиции вокруг Арала, когда мы укрывались в «рафике» от изматывающей пыльной бури вблизи Муйнака. Успех был полным.) «Но если бы такой перенос и осуществлялся в более или менее крупных масштабах,— продолжает ученый,—вряд ли есть основание рассматривать его как явление вредное». Оказывается, пыль улучшит окрестные почвы. Читаем дальше: «При понижении уровня Аральского моря наряду с улучшением (во дает! — В. С.) водного режима в дельтовых районах Амударьи и Сырдарьи, что позволит приступить к сельскохозяйственному освоению обширных площадей, начнется постепенное осушение дна Арала... По условиям рельефа эта новая территория, видимо, окажется пригодной для ирригационных мероприятий».

Будь это частным мнением автора, беда невелика: ну попал пальцем в небо — что ж, с кем не бывает. Но книга вышла под грифом академического Института географии, а за ним было последнее слово. В этом институте в свой час составляли сталинский план преобразования природы, обосновывали канал от Арала до Каспия, сегодня ищут способы спасения Аральского моря. Такая, рад бы сказать, наука изобретена не сегодня. Посредством долгих мутаций выведена особая порода ученых. В прилично организованном обществе им не доверили бы торговать котлетами в привокзальном буфете, а у нас они предрешают судьбы обширных регионов. Не тогда ли они зачаты, когда гражданам образно объясняли: мол, интеллигенция мнит себя мозгом народа, в действительности это не мозг, а г...? Не в тот ли год появились они на свет, когда ради ослабления таинственных «околокадетских кругов» из пределов Отечества, как шелудивых

псов, выгнали мыслителей, составлявших цвет нации? Не в ту ли пору они мужали, когда интеллектуальную элиту волокли на расправу под улюлюканье толпы? Не они ли, усвоившие и передавшие ученикам новую мораль, еще вчера отыскивали умопомрачительные глубины мысли в пошлостях вроде той, что экономика должна быть экономной? Не в этой ли цепочке событий истоки, быть может, самого тяжелого недуга страны — кризиса мысли?

Десятилетиями происходил противоестественный отбор: лавров, благ и высоких постов достигали наиболее беспринципные. Вспомним Чернобыль. Допускаю, что добросовестно заблуждались конструкторы, переоценив безопасность атомного реактора. Готов признать, что в обстановке всесоюзного разгильдяйства эксплуатационники вели себя не хуже других. Но вот беда произошла. Надо спасать, кого еще можно спасти. Радиация в районе аварии достигала 15 тысяч рентген в час. Однако это мы узнали совсем недавно — из публикации специалиста по безопасности АЭС Г. Медведева в «Новом мире». А тогда? 6 мая 1986 года, через десять дней после аварии, председатель Госкомгидромета Ю. А. Израэль заявил на пресс-конференции, будто радиоактивность там составляет всего лишь 0,015 рентгена в час.

Никто не обвиняет Израэля в аварии. От него требовалось только одно: назвать истинную цифру. А он исказил ее в миллион раз, понимая, конечно, к каким последствиям приведет эта ложь. Как утверждает Г. Медведев, «...своевременная правдивая информация и организационные меры уберегли бы десятки тысяч людей от переоблучения, но...» Послушайте, да ведь это обвинение.

Наверняка общество «Память» и тут не упустит случая потолковать о жидо-масонском заговоре. Да не нужен для объяснения случившегося никакой заговор, это перебор, к одиннадцати — туз. Разгадка ближе и проще: правительство не желало обнародовать истинную меру опасности. Назови успокоительную цифру заместитель премьера Б. Е. Щербина (он тоже участвовал в пресс-конференции), ему мало кто поверил бы: что он понимает в рентгенах? Другое дело — специалист. Если гражданская и профессиональная добросовестность наказуема, то покладистость вознаграждается. Ю. А. Израэль опять вошел в состав правительства. Дело настолько обыкновенное, что никто из депутатов и не напомнил кандидату на высокий пост, как жестоко тот проврался в критической ситуации.

4

Да, государству труднее управлять строптивыми подданными, ему неудобны формальные и неформальные структуры гражданского общества. Но без этого еще хуже. Один народ, одна цель, одна идеология, одна партия, один вождь — в практическом приложении это превращение страны в тюрьму народов, в гигантский концлагерь. Да, групповые эгоистические интересы в западных демократиях зачастую работают во вред обществу в целом. Но пока они есть, покамест не подавлены бюрократическим государством, события обратимы, все можно исправить: разочаровавшись в неумелых и безответственных политиках, большинство призывает к власти другую партию. Б. Пинскер в рассматриваемой статье, да и в других работах наглядно это показал: социал-демократы, лейбористы из самых благих побуждений запутывают экономику — приходят неоконсерваторы с более реалистичными и эффективными программами. Подобно тому как конкуренция товаропроизводителей — двигатель экономики, так и конкуренция власти — мотор политического развития, гарантия от застоя.

Как русский человек, как гражданин великой державы с тысячелетней историей, я не могу, конечно, радоваться, наблюдая межнациональные распри. Не прибавят нам благосостояния и забастовки шахтеров. Однако я так думаю, что эти события подвели наконец черту под спорами насчет того, обратима ли перестройка. Нет, уже необратима — за дело взялись, не люблю этого слова, низы. Их, если угодно, групповые интересы не загонишь больше в мифологизированное единство советского народа.

По моему разумению, в нынешнем виде федерация обречена. И думать теперь надо о последующем развитии. Если мы быстро осознаем эту реальность, сразу и резко пойдем навстречу законным стремлениям народов к самостоятельности, тогда у нас будет хороший шанс на создание новой общности, нового общества. Образец перед глазами: верно найденные политические и экономические решения спаяли страны Общего рынка до такой степени, что всерьез обсуждается вопрос о едином правительстве. Точно так же забастовки обозначили: нет больше по-люмпенски деклассированного «монолитного» населения, недостойного называть себя народом. Мы стоим на пороге гражданского общества, а только оно и может быть основой правового государства.

Борьба групповых интересов всякий раз завершается компромиссом, определенным равновесием, которое спасает общество, с одной стороны, от развала, с другой — от тоталитаризма. Такое равновесие достижимо при одном непременном условии: каждая из соперничающих сил имеет своего оппонента. Скажем, профсоюзы борются за повышение зарплаты, у предпринимателей обратная цель. Нетрудно представить себе, что произошло бы, когда б одна сторона подавила другую. Стань хозяином положения профсоюз, безудержный рост зарплаты приведет к удорожанию продукта, предприятие окажется неконкурентоспособным и прогорит. Проиграют все. Убери профсоюз — упадет уровень жизни, сократится емкость внутреннего рынка, возникнут социальные напряжения. Опять не выгодно никому.

Замечательный механизм борьбы и единства противоположностей выключается, если групповой эгоизм получает возможность для экспансии, не встречая сопротивления примерно равновеликой силы. Такую ситуацию мы и наблюдаем в отечественной экономике. Государственная собственность — она казенная, ничья, у нее нет защитников, чье благополучие немедленно порушилось бы при ее дурном использовании, она открыта для хищничества. Партийно-государственный аппарат не в состоянии уберечь ее хотя бы потому, что сами масштабы производства не позволяют управлять им из одного центра. Приходится дробить казенное добро по ведомствам, а те ведут себя при дележе общего пирога по-пиратски и поступать иначе не могут и не будут — такова природа ведомственного, как, впрочем, и всякого другого группового эгоизма. Особенно наглядно это проявляется при дележке капитальных вложений. Каждое ведомство рассуждает по-своему логично: не урву я — ресурсы достанутся другим. Кончается тем, что беззащитная казна оплачивает поистине безумные затеи.

Вспомните эпопею спасения Севана. Зачем понадобилось спасать озеро? Миллионы лет оно жило себе, не доставляя хлопот, пока в одну ученую, так сказать, голову не забрела идея: а чего это водоем бесполезно испаряет воду? Непорядок. Давайте выпустим воду, пусть по пути она крутит турбины электростанций. Когда уровень воды упадет на 50 метров, поверхность озера скукожится, испарение уменьшится и приток в Севан будет в точности равен расходу. Выйдет нечто вроде вечного двигателя. Можно назвать автора идеи: академик И. В. Егиазаров.

Все так и сделали. Когда уровень озера упал на 18 метров, а зеркало его уменьшилось процентов на десять, всполошились ценители красивых ландшафтов. По делу-то заткнуть бы пробитый сток, остановить каскад гидростанций, тем более что в энергобалансе страны они занимают ничтожную долю,— и вся недолга. Но это опять, если тратят свои деньги, не казенные. У нас порешили пробить почти 50-километровый туннель и пустить по нему в Севан горную речку Арпу.

Старые госплановцы рассказывали мне, что когда Н. С. Хрущев случайно узнал про начало стройки, его чуть удар не хватил. Он орал, потрясая кулаками: «Европа, мать-перемать, сто лет спорит, надо ли строить туннель под Ла-Маншем, и не может решиться — они, гады, бедные. А мы до того богаты, что начали строить даже без постановления союзного правительства». За достоверность не ручаюсь, а похоже на Никиту Сергеевича с его основательным мужицким смыслом, особенно когда он лез в дела, которые понимал. И вот через

пятнадцать лет «свершилось чудо, рожденное героическим подвигом советского человека», «сказка стала явью. На глазах у изумленных современников...».

Л. И. Брежнев известил все передовое и прогрессивное человечество, что его постигло «чувство глубокого удовлетворения», и поэтично предсказал: «Ваш героический труд, проложивший дорогу воде сквозь высокие горы, навеки останется в благодарной памяти людей как прекрасное свершение нашего времени». Государственные заботы не помешали вождю посетить Армению. Там ему объяснили: подвиг-то, конечно, подвиг, только промашка вышла: речушка Арпа не напоит Севан, он все равно мелеет. Леонид Ильич, как было сообщено, «детально ознакомился с севанской проблемой и принял в ее решении самое горячее участие». По его инициативе ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по охране и рациональному использованию природных ресурсов озера Севан». Короче говоря, решили пустить в озеро по туннелям еще три реки. Строительный опупеоз продолжается.

Или вот слетал при случае на Кара-Богаз-Гол. Это огромный залив Каспия. С подачи академика Е. К. Федорова горловину перекрыли дамбой, и залив высох напрочь. Возмутились другие академики. Теперь решено строить в горловине шлюзы. Страна готова к любому повороту событий: докажет наука, что залив все-таки нужен,— откроем шлюзы, нет — перекроем.

Но я умер бы от старости за письменным столом, возьмись описывать подряд все безумные проекты, инспирированные ведомствами. В условиях командно-административной системы это мотовство не искоренишь. Как мне представляется, при недавнем формировании правительства депутаты несколько преувеличивали значение деловых и личных качеств претендентов на министерские посты. Будь кандидаты хоть золотые, логика вещей заставит их делать то же самое, что делали их предшественники,— рвать казну на части. Ведомственные интересы сильнее государственных. Будучи монополистами, руководители отраслей снова продиктуют, на каких условиях народное хозяйство получит их продукцию. Разумеется, западные монополисты ведут себя не лучше, по крайней мере вели до издания антитрестовских законов. Да и сегодня при дележе выгодных государственных заказов, субсидий, налоговых поблажек подкупают правительственных чиновников, пускаются во все тяжкие. Тут Б. Пинскер ох как прав. Но никаким Рокфеллерам, Морганам, Дюпонам и не снилось, что они-то, монополисты, и есть правительство, совет министров, как заведено у нас.

Ограничить ведомственный произвол способна лишь какая-то равновеликая сила, не принадлежащая государству. И она у нас нарождается — общественные движения. В активе их — осиновый кол, забитый в проекты поворота рек, прекращение строительства атомных станций в густонаселенных регионах и другие успехи. Однако дай им волю — при лучине жить будем. Стало быть, им тоже нужен оппонент. Не в лице ведомств, конечно,— в развитом гражданском обществе вызреют разумные силы, способные укоротить экспансию «зеленых».

Нет, как ни крутите, частные интересы — великое дело, полезное дело, живое дело. И не надо их панически бояться, даже когда они заявляют о себе хамским способом. Вот свеженькая проблема. Экономисты долго боролись за расширение самостоятельности предприятий, видя тут столбовую дорогу к новому хозяйственному механизму. Предполагалось, что самостоятельность — безусловное благо, панацея если не от всех, то от многих бед, терзающих экономику. Теперь предприятиям значительная самостоятельность дана. Добросовестный наблюдатель обязан, однако, признать, что стало не лучше, а хуже. Заводские коллективы используют новые права во зло обществу: нахрапом поднимают цены на продукцию, беспардонно повышают зарплату, труднее стало размещать заказы на изделия дефицитные, но почему-либо невыгодные в изготовлении. Отсюда инфляция, окаянные нехватки товаров как личного потребления, так и производственного назначения. И, пожалуй, самое тревожное: предприятия неохотно вкладывают средства в обновление производственных фондов. Если так пойдет дальше, мы еще больше отстанем от развитых стран в научно-техническом прогрессе.

Значит, что-то в перестройке мы сделали не то и не так. Что именно? Ответ мы долго искали вместе с В. И. Паикрушиным, заместителем министра металлургии. Я люблю с ним говорить — такого знатока экономики еще поискать. Виктор Иванович высказал неожиданную мысль: «Что же мы творим? Плохи ли, хороши ли министерства, но они не одним днем жили — пеклись о состоянии отрасли. По-рвачески, выхватывая кусок у других? Пусть так, спорить не буду. Теперь отдаем заводы в распоряжение коллективов. Имущество осталось государственным. Для работника оно по-прежнему чужое, и весь его интерес — немедленно урвать с вверенных производственных фондов побольше заработка. А что станется с заводом через год, через пять лет, людям в общем-то без разницы: довели до ручки это предприятие, можно уйти на другое. Да так мы и страну, и правительство в карты проиграем».

По-моему, в точку. Так что же, вернуться к старому? Ни в коем случае. Получивший свободу групповой интерес естествен: что это за работники, которые не стремятся к росту личных доходов! Посмотрим, однако, куда пока направлена экспансия этого интереса. Когда предприятия вздувают цены на продукцию, совершенно очевидно, что коллектив достигает благополучия за счет потребителя, то есть в конечном счете за счет нас с вами. Никакие общества потребителей не защитят нас от этого напора — силы слишком неравны. И сколько бы вы ни размышляли, вам не изобрести тут достойной, достаточной преграды. Когда те же предприятия в погоне за сиюминутным доходом изнашивают производственные фонды, мало заботясь о дне завтрашнем, групповой интерес направлен против собственника фондов, иначе говоря, против государства. И странно было бы требовать, чтобы собственник не защищал свое добро. Государство в этом случае вправе устанавливать обязательные нормативы отчислений в фонды расширенного воспроизводства, планировать обновление производственного потенциала, контролировать, в сущности, каждый шаг коллектива. А это возврат к командной системе. Но мы убедились за долгие десятилетия, что подавление самостоятельности предприятий ведет к застою экономики и кризису.

В принятой системе координат разумного решения нет, тут его и искать нечего. Но коль скоро ни сообщество потребителей, ни государство не способны выставить защитных барьеров против группового эгоизма производителей, остается единственный вариант: направить этот эгоизм, в принципе благотворный, в такую сторону, где он действительно встретит преграду. Такой вариант существует, он проверен мировым опытом: надо, так сказать, натравить группы друг на дружку, ввести конкуренцию товаропроизводителей между собою. Тогда каждый из них вынужден будет достигать благополучия не за счет общества или государства, а за счет менее удачливого и умелого соперника. Побеждает тот, кто представил на рынок самый нужный продукт и по доступной цене. В этой модели эгоистические интересы не подавляются, а напротив, обостряются, взаимно уравновешиваясь на все более высоких ступенях развития производства.

Но конкурировать на рынке могут только собственники рабочей силы, продуктов труда, средств производства. Когда все казенное, государственное, рынок будет или игрушкой, или прикрытием разграбления казны и общества, что мы сегодня и наблюдаем.

Весь исторический опыт, и не только отечественный, учит: государственная бюрократия довольно просто может взять в свои руки собственность на средства производства, но не в состоянии эффективно использовать ее или хотя бы защитить от эгоистических поползновений. «Государственный сектор всегда будет тяготеть к неэффективности»,— увы, справедливо пишет и Б. Пинскер. Наши теоретики обновленного социализма пробуют, правда, найти промежуточное решение: чтобы собственность была и не государственной, и в то же время не принадлежала отдельным лицам или группам. По их мнению, национализация предприятий не означает обобществления производства на деле, а государственная собственность не есть еще общественная, общенародная, как того требует социализм. Но я лично не возьму в толк, что такое общественная собственность, и никто мне этого вразумительно не объяснил. В современном мире в

случае экспроприации средств производства их некому передать, кроме как государству, обобществление на практике означает огосударствление со всеми негативными последствиями этого акта.

Если мы желаем иметь эффективную экономику, нам безнадежно мало самостоятельности предприятий в планировании производства, сбыте продукции, управлении. Самостоятельность всегда предполагает ответственность, риск. А отвечать своим благополучием люди будут лишь при том условии, что распоряжаются они собственным добром. Таким образом, перестройка в экономике, если добираться до самых глубин, требует коренных перемен в формах собственности, иначе сказать, в производственных отношениях.

Общество постепенно осознает эту материю. Уже не звучит крамолой утверждение: пусть на равных конкурируют меж собой частная собственность (например, в виде семейных ферм), кооперативная и государственная. Хорошо, но, на мой взгляд, мало — ведь при таком раскладе самым мощным сектором хозяйства по-прежнему будет государственный со всеми его генетическими пороками. Между тем есть простой и безболезненный способ постепенного преобразования этого сектора. Я имел уже случай изложить в печати свой проект, коротко повторюсь.

Казенный завод нельзя просто так подарить его работникам, ибо он спроворен трудом всего общества, но вполне мыслимо превратить его в предприятие акционерное. Одна часть его стоимости создана за счет бюджета. Пропорционально этой сумме выпускаем акции — они принадлежат казне, и доход с них тоже. Другой пакет акций соответствует сумме средств, вложенных самим предприятием. Дивиденды с них — общее достояние коллектива, деньги пойдут на расширенное воспроизводство и социальные нужды. Наконец, третья доля акций соразмерна вкладу отдельного работника в создание завода. Пай каждого владельца может быть пропорционален всей зарплате, полученной за время работы на данном предприятии. С переходом к самофинансированию государство не будет более вкладывать деньги по крайней мере в действующие производства. Значит, и сумма казенных акций пребудет неизменной. А поскольку стоимость основных фондов удваивается примерно раз в двадцать лет, через этот срок пай государства во всем пакете акций уменьшится вдвое. При жизни двух-трех поколений государственная собственность сойдет на нет. Это может произойти и раньше. Любому государству вечно не хватает денег — вот пусть при нужде и выбрасывает в продажу свои ценные бумаги (предполагается их свободная купля-продажа).

Тогда-то производительные силы и обретут наконец радетеля и защитника в лице собственников, экономика станет тяготеть к эффективности, так как монополия, при которой все решается не соревнованием, а чиновничьим согласованием, уступит место конкуренции товаропроизводителей.

В этих и только в этих условиях возможна истинная демократизация: как уже говорилось, ее материальной основой может быть только частная, кооперативная, акционерная, но никоим образом не государственная собственность. Если же по-прежнему исходить из теоретического положения, будто социализм призван устранить частную собственность, то задача демократизации общества не имеет решения, развитие безвариантно, и в лучшем случае мы останемся при гласности.

Есть такая утешительная теория: противоборствующие общественные формации, Восток и Запад, сближаются и при возможной встрече объединят свои достоинства, отбросив пороки той и другой системы. У нас эти идеи (так называемую конвергенцию) энергично пропагандирует академик А. Д. Сахаров. В его суждениях содержатся не просто благородные, а, как теперь мы убеждаемся, достаточно реалистические идеи: надо идти с двух сторон к миру без ядерного оружия, разрешать конфликты путем компромиссов, налаживать всестороннее сотрудничество. Однако академика можно понять и так: там, на Западе, наряду с частным сектором набирает силу государственный, мы, со своей стороны, сокращаем госсектор в пользу частного и кооперативного, и в конце концов обе

системы сольются в нечто единое. Когда в самиздате вышли размышления академика, ни один порядочный человек не посмел бы вступить с ним в полемику — автора дружно травили. Сегодня Андрей Дмитриевич — признанный государственный деятель, и, полагаю, не будет беды, если я с ним поспорю.

Случилось так, что сахаровскую рукопись я прочитал накануне одной примечательной встречи. Было это лет пятнадцать назад. Группа журналистов-экономистов позвала на беседу сотрудника научного института имени Грамши (институт принадлежит Итальянской компартии). Гость рассказал о бурном размножении маленьких предприятий, весьма конкурентоспособных на рынке. Оказывается, хозяева их охотно вступают в компартию. Та в знак благодарности обещает в гипотетическом случае прихода к власти сохранить предприятия за владельцами, а там, как доверительно сказал собеседник, видно будет. Мы поинтересовались: ну хорошо, сейчас и впрямь не время пугать мелких хозяйчиков, но отчего его партия не выступает за национализацию крупной промышленности и отстает в этом смысле даже от лейбористов и западногерманских социал-демократов?

— Видите ли,— объяснил ученый,— у нас государство тоже национализировало несколько больших заводов, но дела там пошли неважно — затормозился технический прогресс, снизилось качество продукции, вырос управленческий аппарат, ослабла дисциплина...

Чем-то родным, до боли близким повеяло на нас от этих слов. Тогдашний главный редактор «Экономической газеты» сурово спросил:

— Вы что же, считаете государственную собственность менее эффективной, чем частная?

Гость стал отпираться: мол, его не так поняли, он не то хотел сказать. Оно, конечно, еврокоммунисты — люди вольные, а порядки у них, видно, тоже вроде наших: стукнет при случае редактор тамошнему партийному начальству — добра не жди. И подумалось: какая уж, прости Господи, конвергенция, не такие они там, в Европах, дураки, чтобы своей охотой лезть в петлю.

Вот и в наши дни знаменитый экономист Г. Х. Попов заявил на Съезде народных депутатов: «Опыт развитых капиталистических стран показывает, что страны экономически развитые имеют государственный сектор примерно 30—40 процентов. Я думаю, что с учетом наших традиций и интересов социальной направленности в руках государства достаточно оставить 50 процентов экономики. Остальные 50 процентов должны быть переданы в руки кооперативов и частного, индивидуального сектора». Однако опыт развитых стран, на который сослался депутат, можно, оказывается, прочесть и по-другому, как это сделал Б. Пинскер. Представляю, какой гнев вызовет его статья, да и мои заметки у ортодоксов. Но, может, приспела пора обсудить варианты развития отечественной экономики без оглядки на «измы» — хотя бы в научном плане?

Критика

Наталья Иванова

СМЕНА ЯЗЫКА

Как в сундуке двойное дно,..
Так в слове скрыта подоплека...

О. Чухонцев

1

Идея статьи родилась из практической необходимости осмыслить собственный опыт.

Издательство «Радуга» предложило мне, автору книги «Проза Юрия Трифонова», существенно сократив объем, подготовить новый вариант для перевода на английский. И вот в 1989 году, сократив текст, я принялась уточнять кое-какие формулировки, чтобы сделать книгу более доступной для тех, кто не так, как мы, погружен в атмосферу отечественной словесности. Внимательно и уже несколько отчужденно, «свежим» глазом перечитывая собственный текст, написанный в 1981—1982 годах, я обнаружила, что многое зашифровано. В «застойные» времена принцип кода был «sapienti sat» — «умному достаточно». Между мною и читателем как бы возникал своего рода договор: для того чтобы обойти цензурные запреты, необходимо было выработать свой язык, свою знаковую систему, дабы и высказаться, и избежать цензурных рогаток. Это был путь, выбранный мною сознательно в эпоху, которая была названа одним писателем «эпохой Великого Цензурного Нашествия».

Но путь критика, литературоведа, который взялся писать о таком авторе, как Юрий Трифонов, был вдвойне непрост. Трифонов сам пользовался определенной знаковой системой для общения с читателем. Мой язык был эзоповым языком второй степени.

2

Что же было делать писателю, который прекрасно отдавал себе отчет — то, что он пишет, обречено на строжайший контроль? Оставалось, по ироническому замечанию Фазиля Искандера, одно правило: места, подлежащие уничтожению, писать как можно лучше. Что означало в такой ситуации — «лучше»? Чтобы и цензору не было за что ухватиться, и чтобы мысль оставалась мыслью.

Во времена цветущего застоя для литераторов существовало — условно говоря — по крайней мере четыре варианта творческого поведения.

Вариант первый, самый распространенный. Откровенно конформистское прислуживание власти. Незамедлительный позитивный отклик в печати на каждое постановление. Хорошо отрепетированный благодарственный вопль о том, что мы, дети малые да сиротинушки, без руководящих указаний сгинули бы. Романы, повести и рассказы исполнялись по государственному заказу, стыдливо наименованному «социальным».

Писателей, принявших этот путь, сопровождали соответствующие привилегии: повышенные гонорарные ставки, миллионотиражные издания — да еще перед этим одновременная публикация параллельно в нескольких толстых и тонких журналах; высокие премии; уходящие в бесконечность кино- и телесериалы; театральные инсценировки, бодро сколоченные христопродавцами на подхвате. Называть по имени «лукавых рабов, норовивших зарыть свой талант и создававших явные суррогаты» (Л. Я. Гинзбург), не имеет смысла — важнее обозначить тенденцию.

Вариант второй, полностью противоположный. Несогласие. Обреченность на долгое — вынужденное или добровольное — молчание. Или — немолчание, тогда самиздат. Итоги разнообразны: от заключения в лагерь (А. Марченко) до исключения из ССП — из-за участия в разнообразных движениях и комиссиях типа «Международная амнистия», в неподцензурных литературных акциях, из-за «подписантства». Насильственному отторжению от читателя подвергались произведения А. Солженицына и Л. Чуковской, Г. Владимова и В. Максимова, В. Корнилова и Б. Чичибабина, С. Липкина и И. Коржавина и многих, многих других. В отличие от предыдущих «хотелось бы всех поименно назвать». Сегодня почти все эти имена возвращены или возвращаются на страницы печати.

Надо заметить, что в сходном положении оказались те, чья — нет, не политика — п о э т и к а была совершенно чуждой, неприемлемой для закостеневшей,

но работавшей почти без промахов системы отбора: я имею в виду Г. Айги, Вс. Некрасова и других поэтов-авангардистов, а также прозаиков, чья дорога к читателю и сегодня продолжает быть нелегкой. Да они, к слову сказать, и не очень теперь к нему стремятся...

Вариант третий. Честный, прямой, талантливый разговор о сложнейших проблемах нашей жизни через призму избранного достаточно локального (исторически и социально) повествования — ведь самым главным лозунгом властей было: не обобщай!

На этом пути с честью вынесла трудности «военная» проза и проза «деревенская». Недаром Алесь Адамович как литературовед объединил два этих течения в своем исследовании «Война и деревня», опубликованном еще в «застойные» годы.

Имена здесь весомые. В. Быков и В. Астафьев, В. Распутин и К. Воробьев, В. Кондратьев и Б. Можаев...

И, наконец, **вариант четвертый**: эзопов язык. Договор писателя с тем, для кого он пишет. Сознательно выбираемая, кодируемая связь. Как сказал Булат Окуджава в стихотворении, посвященном Юрию Трифонову, «Давайте понимать друг друга с полуслова»... Важнейшим условием жизнеспособности такой литературы оставалась верность правде:

Каждый пишет, что он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит — так и пишет,
не стараясь угодить...

Как же осуществить это — и высказать, «не стараясь угодить», то, что необходимо, и — провести в печать? В разработке эзопова языка участвовали разные писатели, представлявшие разные литературные стили и направления, разные жанры. Свой эзопов язык имела реалистическая проза Ю. Трифонова и гротескно-фантасмагорическая Ф. Искандера, историческая фантазия Б. Окуджавы и литературоведческая проза А. Белинкова, эстетика А. Битова и городская притча В. Маканина, лирика Д. Самойлова и О. Чухонцева, А. Кушнера и Д. Сухарева... В официальную печать их принимали с искажениями и сокращениями, но они не были вовсе отверженными — как те, кто избрал второй путь.

Для того чтобы адекватно понять их замысел, от читателя требовалось внимательнейшее вслушивание в авторский голос, медленное вчитывание в текст, вдумчивое сопоставление его с реалиями окружающей жизни и нашей истории, с контекстом политической действительности. Е. Эткинд в статье «Искусство сопротивления» (1976 г.) замечал: «При тоталитарном режиме законы писания и чтения другие, чем в условиях свободы печати...»

3

Что же это такое — эзопов язык? «Краткий словарь литературоведческих терминов» определяет его как «вынужденное иносказание». «Советский энциклопедический словарь» (1980) — как «тайнопись в литературе, иносказание, намеренно маскирующее мысль (идею) автора»; «Литературный энциклопедический» (1983) — как «особый вид тайнописи, подцензурного иносказания, к которому обращались художественная литература, критика и публицистика, лишенные свободы выражения в условиях цензорского гнета».

В том же «Словаре» помещена статья «Цензура», к которой недаром отсылает «Эзопов язык». Из нее мы узнаем массу полезных сведений. Узнаем о том, что в Англии, например, предварительная цензура была официально ликвидирована еще в 1794-м, а во Франции — в 1830 году. В России же, напротив, официальная цензура была *установлена* только в начале XVIII века. А уже в 1790 году был арестован и сослан Радищев, знаменитая книга которого была, кстати, издана с разрешения петербургского обер-полицмейстера... Указом 1796 года вольные типографии в России были закрыты (каковыми и остаются по сей день), а в 1800-м был запрещен ввоз в Россию иностранных книг и нот.

История самой цензуры в нашем отечестве разветвлена и обширна; и теснейшими, родственными узами связано с нею возникновение и вынужденный расцвет в русской литературе эзопова языка.

Само выражение было объяснено классиком эзопова языка Салтыковым-Щедриным. В статье «Круглый год первое августа» (1879) он уточнял: «...Ежели в писаниях моих и обретается что-либо неясное, то никак уж не мысль, а разве только манера. Но и на это я могу сказать в свое оправдание следующее: моя манера писать есть манера рабья. Она состоит в том, что писатель, берясь за перо, не столько озабочен предметом предстоящей работы, сколько обдумыванием способов проведения его в среду читателей. Еще древний Эзоп занимался таким обдумыванием, а за ним множество других шло по его следам. Эта манера изложения, конечно, не весьма казиста, но она составляет оригинальную черту очень значительной части произведений русского искусства...»

Да, эзопов язык отнюдь не был изобретением советской литературы эпохи «застоя». В 20—30-е годы на нем писали такие замечательные художники, как М. Булгаков («Роковые яйца», «Багровый остров», «Собачье сердце», «Кабала святош», «Мастер и Маргарита») и А. Платонов («Котлован», «Чевенгур»). Да, большая часть вышеперечисленных произведений так и осталась не напечатанной при жизни авторов, но нельзя не сказать о том, что они пытались вы-

вести свою мысль из-под цензурного запрета, зашифровывали и искали свой язык, внятный не для всякого читателя. И тем не менее — их не печатали. И не только — художественную прозу. Так, статья А. Платонова «Великая Глухая», подготовленная писателем как ответ на анкету «Какой нам нужен писатель?» для журнала «На литературном посту» (1931), пролежала неопубликованной 57 лет. При первом и поверхностном чтении можно увидеть подтверждение рапповских тезисов (Платонов подчеркивает: «совершенно правильная и диалектическая мысль т. Авербаха»). На самом же деле за этими похвалами стоит бездна иронии, сарказма. Так же внутренне саркастически, с внешним пиететом Платонов доводит до гротеска мысль об огосударствлении писателя: «Находясь... позади, никогда не услышишь первым ветра социализма. И верно (читая Платонова, никогда не надо этим простодушием обманываться.— **Н. И.**) — литература слышит его очень слабо, поэтому она работает как глухая,— она оглушена, стало быть, самим ложно-профессиональным, «дореволюционным» положением своих кадров. Кроме того, этим кадрам помогают литературные инструктора и надсмотрщики. Вместо обучения эти мастера рвут иногда писателя «за ухо», а он и так почти глухой».

Литературные надсмотрщики навязывали своей рабыне один главный метод— но литература яростно этому сопротивлялась, ища обходные пути и находя их даже в условиях «бесчувственной идеологической упитанности» (А. Платонов) через язык. Например, в статье «Анна Ахматова» Платонов назвал музу Маяковского *постоянной сотрудницей* (в отличие от музы Ахматовой — «гостьи» и «сестры») — и этим «эзоповым» определением высказал более чем нетривиальную мысль.

Можно (и должно) посвятить отдельное исследование эзопову языку литературы 20—40-х годов, его возникновению, развитию, видоизменениям. И литературе, уже пережившей «оттепель», было на что опереться в условиях нового идеологического диктата — тем более что и Платонов, и Булгаков были отчасти реабилитированы публикациями. Было у кого учиться.

Но на времена стагнации выпадает подлинный расцвет эзопова языка, ибо это были времена двоедушия, все-таки отчасти допускавшие (в отличие от предыдущих) эзопов язык не только на страницы литературных журналов, но и на сцену, и — иногда — в кинематограф.

Так, именно это время стало временем всевозраставшей славы Театра на Таганке — думаю, не в последнюю очередь в силу того, что для Ю. Любимова метод эзопова языка был основополагающим. Важно было прорваться *сквозь* текст — например, сквозь «пугачевщину» Есенина — к идее освобождения, бунта против догм, неприятия огосударствления человека; сквозь текст Брехта — к размышлениям о нашем больном обществе, искажающем человеческую природу («Добрый человек из Сезуана»), об ответственности интеллигенции и ответственности перед интеллигенцией («Галилей»); в тексте романа Булгакова стократно усилить аллюзии со сталинщиной, с нашей жизнью. «Борис Годунов» кричал о бесправии и податливости народа — и я прекрасно понимаю, почему этот «эзопов» спектакль, взрывоопасный в те времена в каждом эпизоде, был запрещен. Правда, ныне он, к сожалению, производит совсем иное впечатление — из него самим изменившимся временем теперь вынуто главное: сопротивление режиму, аллюзионность, *язык*. Теперь, в новую эпоху, зритель в нем не нуждается и спектакль не имеет того ошеломляющего успеха, который сопровождал бы его еще пять лет тому назад.

На эзоповом языке разговаривали со зрителем — каждый по-своему, конечно же,— А. Эфрос и М. Захаров, О. Ефремов и М. Розовский.

Кризис театра нашего, о котором — недружно, но одновременно! — толкуют сегодня театральные критики, тоже порожден прежде всего сменой языка, ненужностью эзопова языка, вошедшего в состав крови современных деятелей театра. Помочь преодолению кризиса может и «новое табу»... Например, табу на какие-то современные события. И — лучшим спектаклем сезона, по мнению многих критиков, стал «Мудрец» в Театре Ленинского комсомола, поставленный М. Захаровым по обновленному рецепту «эзопова языка» с инкрустацией новых «достижений» эпохи гласности — например, актера на сцене в чем мать родила... Но вернемся во времена «застоя».

Цензурные рогатки сыграли роль стилистического фермента в развитии русской литературы. О парадоксально-позитивном влиянии цензуры на литературу в 1978 году размышлял И. Бродский: «...Аппарат давления, цензуры, подавления оказывается... полезным литературе... Если имеет место цензура, а в России цензура имеет место, дай Бог! — то человеку необходимо ее обойти, то есть цензура невольно обуславливает ускорение метафорического языка. Человек, который говорил бы в нормальных условиях нормальным эзоповым языком, говорит эзоповым языком в третьей степени. Это замечательно, и за это цензуру нужно благодарить» (Бродский И. «Язык — единственный авангардист».— «Русская мысль», 1978, 26 января). Другую мысль — и другими словами, с другими оттенками, но сходную по изначальному пункту, высказал и А. Кушнер одиннадцать лет спустя: «...Свободомыслие... может декларироваться, быть открыто заявленным, подобно цветам на фруктовом дереве, а может содержаться внутри стиха, как сок в апельсине: поэтическое слово многозначно, разогрето ритмом, его метафорическая сущность

помогает ему легче преодолевать идеологические барьеры» («Противостояние».— ЛГ, 1989, 9 августа).

Перед самым «закатом застоя» Государственную премию СССР получил сборник В. Соколова «Сюжет», в одном из стихотворений которого словно оживает тот сиреневый куст, о котором говорит Кушнер. Сиреневому кусту уподобляет В. Соколов нереализованную поэтическую силу, отнимаемую у поэта «шагреневой кожей» прямо не названной цензуры:

Я шел, самим собой тесним,
Стремясь себя в проулки вытеснить,
Поскольку был не чем иным,
Как клеветою на действительность.
Все выдержал, любовь любя.
Но — хоть скажи в свой час шагреневый:
«Я выкорчевывал тебя,
Исчадье ада — куст сиреневый».

Вот распространенный сюжет «тайной беды» наших поэтов, на которую отозвался в стихотворении «Стихи читаю Соколова» Д. Самойлов... Но, как ни выкорчевывали этот куст, он все же выстоял — и даже цвел, несмотря на идеологические заморозки. Поэты искали каждый свою, но внятную другу другу — и внимательному другу-читателю — языковую систему. Тем более что язык русский от воздействия языка официального, так называемого «языка межнационального общения», а лучше оруэлловское определение — новояза, оскудевал, словарь его вымывался. Недаром А. Солженицын в одном из своих телеинтервью (наконец-то, хоть и в урезанном виде, да еще и глубокой ночью показанном на родине) с пылом говорил о своей писательской задаче спасения ареала русской речи, стремительно сокращающей свое лексическое богатство.

Первый раздел своей книги «Таврический сад» (1984) А. Кушнер назвал «На языке листвы». Дыхание ночной листвы, всхлип дождя, уснувшая бабочка, настольная лампа, теплая близость любимой — вот мотивы этого раздела. Скромные, житейские, не претендующие на сокрушение основ мотивы. Но сколь гневной отповедью (гнев был совершенно несоизмерим с акварельной нежностью кушнеровской лирики) отметила сборник газета «Правда», немедленно откликнувшаяся зубодробительной статьей П. Ульяшова! Особенное раздражение у критика вызвали именно бабочки, цветы, листва — хотя, казалось бы, что в них? Но за этими «аполитичными» мотивами слишком явственно ощущалась оскорбительная для властей духовная независимость, внутренняя неподчиненность. Да, поэт говорил о свободе и несвободе на «языке листвы», на языке жимолости и сирени, на языке случайно залетевшего мотылька и быстрой ласточки, колыханья шторы и тополя за углом, но в «разгоряченном ритмом» стихотворении возникал и «отучивший жаловаться нас с в и н ц о в ы й в е к»: гнетущая, мрачная противоположность и полету бабочки, и полету мысли. Кроваво-красная ртуть в градуснике, таком домашнем, рифмовалась в сознании чуткого читателя с судьбой России — и даже всего мира: «Как в мире холодно, а будет холодней».

Да, словно времена Шумера и Аккада опять возвращались к нам: «Так быстро пройден путь, казавшийся огромным! Мы круг проделали — и не нужны века...» О конце иллюзий, об историческом тупике и о нравственном стоицизме личности свидетельствовали стихи, сказанные поэтом не только перед лицом современника в 84-м году, но и перед лицом требовательной вечности:

Но лгать и впрямь нельзя, и кое-как
Сказать нельзя — на том конце цепочки
Нас не простят укутанный во мрак
Гомер, Алкей, Катулл, Гораций Флакк,
Расслышать нас встающий на носочки.

А. Кушнер разрабатывал и «язык листвы», и словарь исторических аллюзий и параллелей. Впрочем, и аллюзия в те времена была наказуема. Помню, как, работая еще в старом «Знамени», я пыталась напечатать стихотворение Кушнера, в котором были такие строчки: «Россия, опытное поле, мерцает в смутном ореоле огней, бегущих в сторону»,— ничего из этой затеи не вышло, а меня («как вы смели!») вместе с автором обвинили в «непонимании аллюзий». (А сегодня мы вовсю рассуждаем о драматических последствиях исторического эксперимента, осуществленного в нашей стране...)

Д. Самойлов использовал богатейшую природную палитру — лепет дождя под водосточной трубой, укутывающий снег, голос ночной вьюги и музыки — губителя и лекаря, «милые и легкие» слова любимой...

Я учился языку у нянек,
У молочниц, у зеленщика,
У купчихи, приносящей пряник
Из арбатского особнячка.
А теперь мне у кого учиться?
Не у нянек и зеленщика —
У тебя, моя ночная птица,
У тебя, бессонная тоска.

Для разговора с читателем о своем времени он искал свое эзоповское слово:

А слово — не орудье мести! Нет!
И, может, даже не бальзам на раны.
Оно подтачивает корень драмы,
Разоблачает скрытый в ней сюжет.

«Скрытый сюжет» присутствовал и в исторических балладах Самойлова, в его вольных стилизациях, в исступленности его любовного цикла «Беатриче».

В близком по духу направлении развивал и свою систему поэтических «знаков» О. Чухонцев, выпустивший свой первый сборник с огромным трудом и

большими потерями в 1976 году (на самом деле за бумажной обложкой «скрывались» целых три книги). Никогда не политиканствующий и не политизирующий свою лирику, чуждый любой «партийности» мышления, Чухонцев, рифмуя «погода» и «свобода» (а «погодные» сравнения были традиционными для нашего эзопова языка), смог обозначить коренные проблемы нашей духовной и общественной жизни. А иногда убаюканный ритмом цензор пропускал и абсолютно прямую, разящую речь:

Я понял: погода ломалась,
накатывался перелом,
когда топором вырубалось
все то, что писалось пером...

(1964)

И все же в условиях усиливавшегося давления, запрета на вольное слово поэт упорно искал возможность обретения внутренней свободы:

Так вот она, твоя морока,
твоя дорога, дуралей;
нищ, как говорится, Бога
в себе самом, да слезы лей...

А в другом стихотворении из того же сборника мысль Чухонцева перекликалась со свербящей мыслью Кушнера о тупике, о «проделанном круге»:

Круг завершен, и снова боль моя так далека,
что за седьмою далью кажется снова близкой,
и на равнине русской так же темна дорога,
как от глуши мазурской и до тайги сибирской.

Широко используя в своем эзоповом языке исторические аналогии, Чухонцев (окликая тень Дельвига) выбирал свою «нишу» и свою «маску»: «Прекрасное время! Питух и байбак, я тоже надвину дурацкий колпак». Он, скажем, не осуждал покинувших страну во времена нараставшего безмолвия и даже прикидывал возможность отлета — «Вот уже песня в горле высохла, как чернила, значит, другая повесть ждет своего сказанья. Снова тоска пространства птиц подымает с Нила, снова над полем брезжит призрачный дым скитанья...»,— но все-таки не эту судьбу он выбрал, а «колпак дурака» — судьбу посадского человека, обывателя (тут и место рождения — Павлов Посад — стало значительным фактом). Если Кушнер — оскорбленный якобы провинциализмом ленинградец (на самом деле его город для него синоним центра высочайшей культуры, противоположный бюрократическому центру — Москве), то Чухонцев, обладающий подчеркнутым чувством собственного достоинства, горделиво провинциален, ведь он ощущает себя в реальном, а не фантасмагорическом «правительственном» центре; он — в самой сердцевине России.

В стихотворении «Паводок», повествующем об обычном для средней полосы России природном явлении, после пейзажной зарисовки поэт неожиданно и почти неуловимо для убаюканного пейзажем цензора переходит от картины, близкой Суриковской, через свою участь — к судьбе страны:

Здесь, у темной стены, у погоста —
оглянусь на грачиный разбой,
на деревья, поднявшие гнезда
в голых сучьях над мутной водой;
на разлив, где, по-волчьему мучась,
сходят рыба с озимых полей,
и на эту ничтожную участь,
нареченную жизнью моей;
оглянусь на пустырь мирозданья,
поднимусь над своей же тщетой,
и — внезапно — займется дыханье,
и — язык обожжет немотой.

Мотив немоты возникает не в самой последней, ударно-финальной строчке, а в первом четверостишии — «медный колокол медленно мает безъязыкую службу свою». Параллель, традиционная для русской поэзии,— вспомним лермонтовский «Колокол». Колокол в русской поэзии в общественной жизни (журнал Герцена) всегда был символом свободы. Через систему образов и сопоставлений, символов и аллюзий, растворенную в подробном октябрьском пейзаже (14 октября состоялся Пленум, «освободивший» Хрущева и обозначивший рубеж 60-х), Чухонцев эзоповым языком говорит о том, о чем сказать прямо тогда было невероятно трудно. И говорит достаточно внятно — надо лишь внимательно вчитываться в строки, сопоставлять их с жизнью, анализировать всю систему знаков: от даты под публикацией до каждой детали стихотворения.

4

Книгу «Из трех тетрадей» сейчас существенно дополняют стихи из нового сборника Чухонцева — «Ветром и пеплом» (1989), в которую вошло очень многое из созданного тогда же, в 60—70-е годы, но написанного на другом, прямом языке и посему обреченного на столь долгое молчание. Но нельзя не отметить, что и первая книга, и вторая («Слуховое окно», 1983) были составлены на грани возможного. И недаром вдумчивому читателю был подан еще один знак — оформлением. Книга «Из трех тетрадей» была стилизована под самиздат — бумажная белая обложка с названием, напечатанным как бы на машинке. «Эрика» берет четыре копии!» (А. Галич).

И недаром в сердцевине «Трех тетрадей» были помещены «Иронические стансы», открывающиеся следующими строками: «Как в сундуке двойное дно, так в слове скрыта подоплека...» Как птица от гнезда, уводит поэт строгого цензора в сторону, шутливо перечисляя смешные и нелепые ситуации,— но обращение, посланное уже протелеграфировано. Потом, уже в наше время, «задер-

жанная» литература получит определение «сундучная»...

В 1965 году вторым изданием вышла книга А. Белинкова «Юрий Тынянов». Вступление к ней начинается с «отступления»: о судьбе и творчестве Микеланджело. «Многие невзгоды могли бы миновать его,— писал Белинков,— если бы у него был лучше характер, то есть если бы он был *осторожнее в выборе выражений*... На его пути было много соблазнов. *Они стерегли его на каждом шагу*...» С самого начала автор давал знак читателю: «Но я не продолжаю дальше: оказалось, что метафора развертывается слишком легко и охотно». Развертывать метафоры автор предлагал самому читателю. А продекларированная «осторожность в выборе выражений» в соединении с метафоричностью текста и рождала особый язык этой книги, посвященной, как сказано в издательской аннотации, «творчеству одного из крупнейших советских писателей». Через творчество Тынянова Белинков говорил о нашей истории и современности, о революции и интеллигенции, об авторитарной власти и народе, о тоталитарном государстве и обществе. Особенностью эзопова языка А. Белинкова были постоянные исторические аллюзии и авторская ирония, обеспечивающая ту самую «подоплеку» слова, его двойное дно, о котором сказал Чухонцев в том же 1965 году. С совершенно серьезной интонацией (внешне) подсоединяясь к «классово-партийной» методологии, Белинков камня на камне не оставлял от ее канонов. Осуществлялось это при помощи пародии, обставленной со всех сторон научной терминологией. «Советский писатель никогда не заглядывает в замочную скважину спальни великого человека, не подбирает разбросанные им остроты и афоризмы, а находит великому человеку достойное его место в историческом процессе,— объяснял отличие советского исторического романиста от буржуазного Белинков.— Поэтому мы получили возможность увидеть в таком большом количестве студентов, демонстрирующих прогрессивное негодование, гладко выбритых реакционеров, обросших шерстью нигилистов, помещиков, напряженно любящих крестьян, а также персидскую княжну, утопленную в связи с особенностями исторического процесса.

Полной противоположностью советскому писателю является буржуазный писатель.

Буржуазный писатель заглядывает в замочную скважину, подбирает разбросанные остроты и афоризмы и не может найти места в историческом процессе.

Для такого писателя, конечно, характерно стремление соединить абстрактный философский, моральный и социологический тезис с историей. (...) В доказательство всего этого приводится событие, которое действительно произошло».

Белинков, таким образом, не только смеялся над псевдонаучными «разделениями» писателей по социальной принадлежности, но и давал ключ к чтению его собственного, тоже ведь исторического, даже — исторического в квадрате (ибо Тынянов был и историческим романистом) сочинения. Историческое же произведение, замечал Белинков — тоже как бы между прочим,— «подлежит проверке преимущественно не историческим свидетельством, а человеческим... социальным опытом». То есть он указывал, как надо его читать: через призму социального современного опыта.

Останавливаясь во вступлении же на проблеме пародийности «в эпохи... идеологической стерильности», Белинков пишет, что пародийность свидетельствует тогда о «социальном неблагополучии». А в конце вступления он протягивает к нам нить от Робеспьера («удивительная эпоха, верившая в свободу и равенство, считавшая каждую голову, скатившуюся с эшафота»). «Потом появились новые добродетели,— пишет Белинков,— внедрявшиеся с удивительным нетерпением.

Потом появились новые добродетели, насаждавшиеся с поразительным рвением». Я думаю, сегодня в свете напечатанных документов и книг, глубокий исторический смысл этих тезисов легко поймет каждый.

Литературоведение превращалось в рискованно смелую публицистику.

Книга Белинкова пропитана аллюзиями. Она написана в определенном коде; и этот код должен был быть расшифрован читателем с помощью ключевых слов и фраз, словно бы случайно оброненных.

Например, о демократии.

Белинков пишет о 1927 годе — но через этот период и о том положении, в котором оказались страна и общество в 1964—1965 годах. Параллель при расшифровке становится понятной: упрочение нового единовластия.

«Некоторые литературные критики считали,— замечает автор,— что в определенные исторические периоды не следует особенно увлекаться демократией и что вообще к этому вопросу нужно подходить сугубо осторожно, а не так — тяп-ляп.

Такие нехорошие литературные критики говорят: надо переждать с демократией... и вообще при данном международном положении».

Белинков яростно прокламирует свою точку зрения,— как подтвердила последовавшая стагнация, верную. В то время, когда страна начала сползать в застой, Белинков провидчески писал в своей литературоведческой монографии, вышедшей вторым, дополненным изданием тиражом 4000 экземпляров: «Демократию нельзя откладывать до лучших времен, на после, на будущее. Демократия не должна прерываться и останавливаться ни на минуту. Потому что во время остановок могут быть причинены неис-

числимые бедствия и потому что в подходящих обстоятельствах всегда найдутся такие люди, которые будут помнить об этом перерыве, ждать его и делать все, чтобы он наступил снова. И он наступит. /.../ В самом деле, то война, то перед войной, то после войны, то острейшая и безотлагательная необходимость пересмотреть устаревшие понятия и создать подлинно научные. /.../ Конечно, для демократии совершенно не остается времени». Эти слова были сказаны в полемике с теми силами, которые уже начали свертывание демократических процессов в стране,— да и в предыдущие годы относились к ним настороженно.

Белинков рассматривал «Смерть Вазир-Мухтара» как не только и не столько исторический роман, а как «трудное, полное сомнений повествование о себе и о своем времени» (напомню: время создания романа 1925—1927 годы). По Белинкову, Тынянов использовал эзопов язык исторических аллюзий для анализа современности. Сам же Белинков, анализируя творчество Тынянова, создавал эзопов язык второй степени. И характеристика романа Тынянова звучит как самохарактеристика: «трудное, полное сомнений, повествование». Говорить прямо о сталинизме, его истоках и его последствиях было — со страниц официальной печати — уже практически невозможно. У Хрущева было неоднозначное отношение к сталинскому вопросу, а после октября 1964 года началась постепенная реабилитация Сталина. В печати появились такие просталинские выступления, как статья С. Трапезникова («Правда», 1965, 8 октября), Е. Жукова, В. Трухановского и В. Сушкова («Правда», 1966, 30 января). В книге «Переосмысливая советский опыт» (1986) С. Коэн отмечает, что «по необходимости радикальным антисталинистам приходилось прибегать к понятному посвященным эзоповскому языку». В это переломное время публицистами, историками и политологами в качестве «эзоповских» тем были выбраны правление Ивана Грозного, фашизм, маоизм, франкистская Испания, бюрократия Запада. К «эзоповским» произведениям того периода С. Коэн относит «Книгу о грозном царе» Е. Дороша («Новый мир», 1964, № 4), «Механизм фашистской диктатуры» Е. Гнедина («Новый мир», 1968, № 8), «Бюрократия двадцатого века» того же автора («Новый мир», 1966, № 3), книги Ф. Бурлацкого «Испания: коррида и каудильо» (М., 1964) и «Маоизм или марксизм?» (М., 1967).

Список можно дополнить и «Юрием Тыняновым» А. Белинкова, более того: я считаю эту книгу одним из наиболее эзоповских выступлений того времени. Следующая книга А. Белинкова, о Юрии Олеше, также написанная в эзоповском ключе, появилась отдельными главами в далеком от центра журнале «Байкал»; написана она была в том же стиле исторической и политической аллюзии. Но времена менялись, политика ресталинизации усугублялась, возможности использования даже эзопова языка катастрофически сужались. Печатание глав было прервано, главный редактор «Байкала» снят со своего поста, составу редакции учинен разгон. Книга «Юрий Олеша. Сдача и гибель советского интеллигента» увидела свет лишь на Западе в 1970 году.

В тот же исторический период начинает писать свою «историческую» прозу Б. Окуджава. В самом жанре, избранном им, таилась загадка, было «двойное дно». Действие этих «исторических фантазий», как их окрестила критика, происходит в девятнадцатом столетии — во времена последекабристского удушения свободной мысли в России; во время войны с Наполеоном; в предреформенное время (50-е годы). Одну из своих исторических фантазий Б. Окуджава назвал «Глоток свободы» — название тоже эзоповское. Глотком свободы были не только приключения его героев, их «частная жизнь», преследуемая государственной машиной, где функционирование надежно осуществлялось при помощи разветвленной системы филеров и доносчиков. Глотком свободы для читателя были сами произведения Окуджавы, на которые обрушивалась критика, ловившая автора на неточности исторических деталей. Да, иные детали были неточны. Да, с точки зрения исторической достоверности у Окуджавы можно обнаружить явные накладки, натяжки и неточности. Но жанр «исторического романа» был для писателя, конечно же, приемом — таким же приемом, как и многие его «исторические» песни и стихотворения. «Римской империи времени упадка» посвящено одно из них, опубликованное только лишь летом 1989 года. А в стихотворении «Грибоедов в Цинандали» (1965 года) Б. Окуджава словно откликается на книгу Белинкова: «Острословов очкастых не любят цари,— Бог простит, а они не простят»... Цари не прощали.

5

Итак, обращаясь в песне к Юрию Трифонову, Окуджава сформулировал и призыв не только другу-писателю, но и другу-читателю: «Давайте понимать друг друга с полуслова...» И Трифонов следовал этому призыву.

В беседе с А. Бочаровым («Вопросы литературы», 1974) Трифонов замечал: читатель «должен быть *сообразительным*». «Мне вообще кажется,— говорил Трифонов,— что современный читатель настолько намагничен всякого рода ассоциациями, что ему достаточно сказать одно слово — и он все остальное тут же допишет в своем воображении». Трифонов прибавил также, что его книги «предназначены все-таки для *читателей талантливых*». Читатель должен «догадываться» и «видеть меж-

ду строк». И мы «догадывались»: дорисовывали в своем воображении судьбу испанца, из рассказа «Однажды душной ночью», вычисляли время и воссоздавали историческую канву действия в рассказе «Голубиная гибель», дешифровали безнадежность его концовки (финал относится к 1957 году, вроде бы времени довольно оптимистическому, но написан рассказ осенью 1965 — весной 1966-го, времени окончательного крушения иллюзий интеллигенции, отсюда — такая полная беспросветность интонации автора, его тотальная безыллюзорность, вполне подтвердившая свою правомерность к дате первой публикации рассказа — августу 1968 года). Критики постоянно упрекали Трифонова в непроясненности авторской позиции. Конечно же, рядом с досконально разъясняющей свое достаточно убогое содержание «макетной» (термин В. Каверина) литературой проза Трифонова и могла показаться «непроясненной». Но теперь очевидно, что непроясненность была во многих случаях намеренной, а для «сообразительного» читателя никакой непроясненности не было. «В современной прозе,— формулировал свои художественные принципы Трифонов,— авторская позиция, авторское отношение могут быть выражены в гомеопатических дозах — в улыбках, даже полуулыбках, в умолчаниях, паузах... Я, как писатель, ориентируюсь на читателя искушенного... который понимает, как нужно читать, умеет сопоставлять, о чем-то догадываться, что-то видеть между строк...» И. Велембовская в статье «Симпатии и антипатии Юрия Трифонова» поясняла: «Читайте Ю. Трифонова не с маху, а постранично, по фразе, ибо в каждой есть что-то, нужное всем — и пишущим, и читающим» («Новый мир», 1980, № 9).

Роман «Нетерпение» (1972) тоже написан был Трифоновым отчасти в эзоповом ключе. Роман исторический (первым изданием после новомирской публикации вышел в Политиздате в серии «Пламенные революционеры»). Тщательнейшим образом Трифонов готовился к его созданию; упомяну, что им было законспектировано свыше четырехсот источников. Трифонов воспринимал современность как часть развивающейся истории и видел, как в истории зрели истоки и современности, и сталинизма. Именно поэтому он в документальном повествовании «Отблеск костра» (1965) и в романе «Старик» (1978) первым связал «большой террор» 37-го с гражданской войной, с расказачиванием, упорно добирался до корней трагедии народа,— и в связи с этим не мог не выйти и на тему русского освободительного движения 70-х годов прошлого столетия, и на проблему террора русских народовольцев.

Западная критика, в принципе умело «вчитывавшаяся» в эзопов язык Трифонова (хотелось бы отметить работу Т. Патеры «Обзор творчества и анализ московских повестей Юрия Трифонова» (Ардис, 1983), связывает появление романа «Нетерпение» в творчестве Трифонова всего лишь с профессионально-материальными нуждами, с желанием хоть на время передохнуть от болезненных уколов официозных критиков: «...Он на некоторое время отошел от каверзных проблем современности и углубился в безопасное героическое прошлое революционного движения в царской России»,— пишет Т. Патера. Но чтение «между строк», да и в самих строках романа обнаружит совсем небезопасный путь, избранный писателем. За занавесом исторического жанра Трифонов доискивался до корней тоталитаризма (кстати, недаром он определил свой творческий метод как «дочерпывание» — то, что не удалось отчетливо высказать в одном произведении, он упорно углублял и разрабатывал в последующих) и — все тем же эзоповым языком — свидетельствовал о современности, о начале 70-х, о тяжелой стагнации — то есть о том, о чем в печати начали открыто говорить примерно с 1986 года. Оценим же смелость трифоновского «эзопства», открыв начало романа: «К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна. Спорили лишь о том, какова болезнь и чем ее лечить? Категорические советы, пророчества и проклятья раздавались в стране и за границей... в многошумных газетах, в модных журналах... Одни находили причину великой российской хвори в оскудении национального духа, другие — в ослаблении державной власти, третьи, наоборот,— в чрезмерном ее усилении, одни видели заразу в домашних ворах, иные в поляках. /.../ Да что же происходило? Вроде бы все шло чередом... и все же с этой страной творилось неладное, какая-то язва точила ее». Трифонов написал роман о попытках *нетерпеливых* «вылечить» страну террором, о том, что не могут такие средства оправдать даже прекрасную цель.

Хотя Трифонов и не примкнул к диссидентству (он выбрал не прямую оппозицию, а неприсоединение, независимость, нравственный стоицизм), тем не менее, если сравнить тезисы трифоновские о состоянии страны с «самиздатовской» публицистикой, то обнаружится много общего. Отрицалось одно и то же — выбор средств был разным. Недаром с таким рвением поднимались против Трифонова критики по выходе практически каждого из его произведений после 1965 года (на что, кстати, писатель отвечал так: «Меня порядочно хвалили, когда я писал слабые вещи, потом достаточно ругали, когда я стал писать посильнее. Я доволен и тем и другим»). Отсюдь не все понимали его — да и не могли понимать, надо было для этого жить в России, в живом контексте истории и современности, в котором работал Трифонов — и на Западе. После того как в 1978 году вышел в США

сборник повестей Трифонова под общим названием «Долгое прощание», Дж. Апдайк характеризовал его творческий метод как «аполитичный реализм». Эмигрантский критик Ю. Мальцев вообще отнес Ю. Трифонова, а вместе с ним — Ф. Абрамова, В. Белова, В. Астафьева, Б. Можаева, В. Шукшина, В. Распутина, В. Тендрякова к «промежуточным писателям»; это литература и «не диссидентская» и «не советская»: данные писатели «просто пишут хорошие книги». Противопоставляя их «подлинно честным» писателям, Мальцев пишет: «И не всем же быть героями, не у всех достаточно смелости, чтоб бросить в лицо власти свой членский билет ССП, пустить свои рукописи в самиздат и быть готовым к аресту и преследованиям» («Континент», 1980, № 25). Т. Патера, процитировав эти полные иронии слова в своей монографии, посвященной Трифонову, с не меньшим запасом иронии на них ответила: «Или — продолжим уже от себя — устав от преследований, непосильной борьбы и изнурительной лжи, уехать за границу, чтобы там полемизировать с теми западными критиками, которые позволяют себе интересоваться творчеством подневольных советских писателей».

Не только в прозе, но и в публицистике Трифонов мастерски пользовался эзоповым языком. Например, в короткой заметке, написанной для «Литературной газеты» в связи с празднованием 600-летия Куликовской битвы. Напечатанная 3 сентября 1980 года заметка носила в газете заголовок «Славим через шесть веков» (вполне в фанфарном стиле времени). В рукописи, по которой текст был воспроизведен в сборнике публицистики Трифонова «Как слово наше отзовется» (М., 1985), она называется «*Тризна* через шесть веков»—совсем иной смысл. Цензорско-редакторское вмешательство искажало само содержание трифоновской мысли.

Написана же заметка была и о битве, конечно, и об ее последствиях, но прежде всего — о современном состоянии общества. Трифонов воспользовался предоставленной ему трибуной для того, чтобы высказаться о многом. И прежде всего о том, что наше общество уже не может быть прежним, как бы ни поворачивали вспять к фарсовому «культу» власть предержащие. «Смысл Куликовской битвы и подвига Дмитрия Донского не в том, что пали стены тюрьмы,— писал Трифонов,— это случилось много позже,— а в том, что пали стены страха. Все верно. Мамая уничтожил не Дмитрий Донской, а Тохтамыш, тот же Тохтамыш спустя два года разорил Москву, мстя за поражение на Дону, и опять затягивался аркан, и все как будто возвращалось к прежнему, но — *пали стены страха, и прежнего быть не могло*». Трифонов смог на трех страницах машинописного текста сказать и о геноциде народа, и о его последствиях («погибшие были не просто молодые люди, а лучшие люди Руси»), и о новых сторонниках «порядка» (ресталинизации страны), и о последствиях «порядка» старого (его насаждение «развращало, выдвигало худших, губило лучших, воспитывало доносчиков, изменников»), и о беспросветности своего времени: «люди вырастали, старели, умирали, дети старели, дети детей тоже старели, умирали, а все длилось... Конца было не видать, и люди... привыкали жить без надежды, огрубели их сердца, остудилась кровь».

Трифонов так и не увидел времени другого,— он умер через полгода после публикации этой статьи.

Видит Бог, наше дело труба!
Так уймись и не требуй огласки.
Пусть как есть торжествует судьба
на исходе недоброй развязки.
И, пытая вечернюю тьму,
я по долгим гудкам парохода,
по сиротскому эху пойму,
что нам стоит тоска и свобода.

В этом стихотворении 1965 года, чудом, на мой взгляд, опубликованном в книге «Из трех тетрадей», Чухонцев выразил душевное состояние целого пласта интеллигенции, заносчиво определяемой как «промежуточная». Точнее здесь было бы другое слово—неприсоединившаяся, избравшая свою тоску и свою свободу, пусть и внутреннюю. Комментируя опубликованное посмертно выступление А. Белинкова на симпозиуме, посвященном цензуре, его вдова, Н. Белинкова, цитировала одно из полученных им читательских писем: «...Мы устали... от эзоповской литературы, от необходимости расшифровывать авторский текст, как алфавит племени Майя, чтобы сквозь джунгли уклончивых выражений, намеков и аллегорий добраться до мысли, спрятанной в произведении».

Писательское ощущение безысходности и безнадежности, на мой взгляд, окрасило пессимизмом роман Трифонова «Время и место», законченный накануне смерти. Напомню, что роман состоял из глав, между которыми писатель оставлял пробелы, временные разрывы: думаю, не столько для того, чтобы опробовать новую поэтику, сколько по причине невозможности все сказать — даже эзоповым языком — в тексте.

6

Новая ситуация в обществе, процессы демократизации и гласности определили новые возможности для публикаций. К читателю пришли «запрещенные» прежде произведения. В сравнительно короткий срок увидели свет «Котлован» и «Чевенгур» Платонова, «Собачье сердце» и «Багровый остров» М. Булгакова, «Реквием» А. Ахматовой, «По праву памяти» А. Твардовского... Стало возможным напечатать произведения, и эзоповым, и прямым словом говорившие прав-

ду о нашей жизни и истории. Из письменных столов, из архивов было вынуто то, что было написано на другом языке, ясном и недвусмысленном: «Новое назначение» А. Бека, «Исчезновение» Ю. Трифонова, «Жизнь и судьба» и «Все течет» В. Гроссмана, «Факультет ненужных вещей» Ю. Домбровского. Но и среди публикуемого теперь встречаются вещи, нуждающиеся в дешифровке, в комментариях,— А. Битов, например, напечатал в апрельском номере «Нового мира» сего дня обширный комментарий к своему роману «Пушкинский дом».

После длительного перерыва стали печататься поэты, для творческой индивидуальности которых характерно именно прямое слово: В. Корнилов, Б. Чичибабин. Напечатан и крупный цикл скопившихся в столе за четверть века стихотворений О. Чухонцева («Дружба народов», 1989, № 1). В книге «На лобном месте: Литература нравственного сопротивления (1946—1976 гг.)» Г. Свирский писал о таком своеобразном «методе» нашей поэзии, как антабус: преодоление смертельного запрета по капельке спиртного. «Так и в литературе... Каплюдве социальных ламентаций на стакан газировки. Чтоб пузырилось мгновенно. Знатоки уловят. А цензура спохватится — уже нет никакого привкуса, чистая вода». Так вот: в новой, открытой ситуации, когда самыми популярными рубриками в газетах стали «Прямая речь», «Прямое слово» и «Откровенный разговор», а на телевидении все детективы мира затмил прямой эфир, произошли и революционные изменения в сфере... поэтики. Просто сказанное, внятное слово, точно передающее мысль автора, стало и самым ценным, и самым желанным. (Недаром в статьях и рецензиях, анализирующих стихи В. Корнилова, самым распространенным определением является «прямой».) Дело не в пресловутой публицистичности — дело в принципиальной с м е н е я з ы к а, языковом перевороте, произошедшем в обществе, в его литературных пристрастиях, в новых читательских интересах, отстаиваемых теперь им, читателем, в литературе. «Речи прямые ныне в чести» (В. Корнилов).

Его поэтическому характеру всегда была свойственна эта прямота — бесстрашная, выдержанная, афористичная. В одном из стихотворений он «окликает» тень Слуцкого: его прямое слово тоже ныне «в чести». Новая книга Корнилова, отделенная от предыдущей более чем двумя десятилетиями, называется «Надежда». «Я надеюсь на гласность, на нее одну» — то есть опять-таки на возможность открыто, откровенно высказать свою мысль и позицию. При этом слово Корнилова принципиально антириторично. Вернее, так: слов у него как бы очень мало, зато каждое подбирается по принципу весомости. Ему неохота «зря словами трясть».

Родина — всегда свобода,
Государство — власть,—

вот пример лаконичности и точности его прямого слова.

Обращение со словом Чичибабина более вольготно, чем у Корнилова. Но расстояние от мысли до выражения (а в энергичных выражениях поэт себя не стесняет) тоже кратко. Ему необходимы лишь «слова, что временем набрякли» («А. И. Солженицыну»). А стилистическое разнообразие, пышность словоговорения им резко осуждаются: «В их роскошь языка — натаска водолея — судила свысока Платонова Андрея. О нем, чей путь тернист, за чаркою растаяв, «Какой же он стилист?» — обмолвился Катаев. Мне жаль их все равно. Ведь мера их таланта — известная давно словесная баланда» («Сожаление»).

В прозе «шоковой терапии», открывавшей читателю неведомые слои и «углы» жизни общества, жизни отверженных, смена языка особенно очевидна. Ломался словарь, менялся сам лексический состав художественного произведения. К «Смиренному кладбищу» и «Стройбату» С. Каледина можно было бы присовокупить словарь — настолько «разошлись» литературная гладкопись последних десятилетий и язык жизни, на котором говорили его герои. Расхождение между допущенным в литературу языком и языком реальным в середине 80-х нарастало. Повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...» при первом чтении (еще по рукописному варианту) удивляла не только смелостью сюжета, а языком — военно-сиротским, детдомовским, уличным. Удивляла — и, думаю, ставила в тупик редакторов. У Каледина тоже свой словник: словник могильщиков, люмпенов, словник бомжей. Что означают слова «салабон», «за падло», «чиннть», «пахать», «биндейка», «наркота», «зашоколадено», «отмазка», «перегной»? И в повести Л. Габышева «Одлян, или воздух свободы» герой, мыкающий свою юную жизнь по следственным изоляторам, колониям, тюрьмам и лагерям, никак не мог заговорить языком филологической барышни.

Эти произведения не смогли увидеть свет в предыдущую эпоху (хотя были написаны именно тогда) не только из-за своей правды, шокирующего сюжета или неуютных подробностей жизни, но и по другой причине. Их эстетика была иной — противостоящей канонам среднестатистической общеинтеллигентской речи, которая заполонила за долгие годы книжные и журнальные страницы. И эзоповым языком такая проза тоже не могла быть написана. Прямой речью заговорили эти герои — речью неприятной, оскорбляющей слух, не соответствующей литературным приличиям. Как сказал А. Битов в предисловии к новомирской публикации Габышева, «это страшное, это странное повествование! По всем правилам литературной науки никогда

не достигнешь подобного эффекта». И далее: «Наша жизнь наметила такой конфликт этики и эстетики, от которого автор со вкусом просто отступит в сторону, обойдет, будто его и не было».

Габышев не устанавливает дистанцию между своим авторским голосом и голосом героя, а почти сливает их, хотя повествование идет от третьего лица. При этом вначале Коля (так зовут главного героя) еще не знает языка той среды, в которую он все глубже погружается. Он п о з н а е т тюремную «э т и к у» («Нехорошее это дело — сидеть на параше»: первый урок) и лагерную «э с т е т и к у» (язык). «Эстетику» и ее смысл. Смысл слова «прописка», например. Словарь этот новичок усваивает в камере на собственной шкуре. Так проходят «уроки языка»: итак, п р о п и с к а.

«Ну что ж, будем м о р к о в к у вить. Сколько морковок будем ставить?» Морковка — это круто свитое полотенце, которое хлещет почище ремня. «А б а н о к с него десяти хватит». Б а н о к — это значит с привязанной к концу «морковки» алюминиевой кружкой. Бьют так, «чтоб х р о м лопнул» — «хром» значит кожа. Далее издевательства «прописки» в камере обозначаются как «кырочки, тромбоны и игры».

Крестьянский внук Коля Петров, по мелкому делу попавший в изолятор, постепенно проходит в «Одляне» все круги камерного и внекамерного ада и постепенно превращается в совсем другое существо. Состав его личности, да и имя его меняются: он уже не Коля Петров и даже не Камбала (первоначальная кличка), а опытнейший Хитрый Глаз, сам сладострастно устраивающий «прописку» новичкам. Отупевший от беспросглядного существования, Хитрый Глаз бежит из новой колонии, чтобы попасть в ту, первую, как ему кажется, менее бесчеловечную,— Одлян... Воздух свободы...

В. Астафьев в интервью газете «Советская культура» спрашивает: почему у нас между людьми сегодня так распространилась жестокость, даже озверение? В том числе — и выраженные в языке? В. Астафьев высказал такое горькое наблюдение: «Когда через тюрьмы, лагеря пропущены десятки миллионов людей... то они (эти годы и беды.— Н. И.) нам принесли... оскудение языка, разума. На нас уже не производят удручающего впечатления слова «смерть», «убийство», «растление детей». Выслушал, ахнул и пошел дальше, тут же все забыл».

Язык жизни должна освоить литература, чтобы разбудить равнодушных — «бич нашего народа». То равнодушие, которое, по В. Астафьеву, «проникло во все слои общества». Некоторые слои этого языка отчасти использовал и сам Астафьев в «Печальном детективе».

Другой же язык был откровенной ложью — каким он и был в рафинированных сочинениях по следам уголовной хроники, где герои изъясняются на смеси «фени» и того языка, которым изъяснялась гоголевская дама, приятная во всех отношениях.

Те, кто растерянно спрашивает — а где же наша новая литература? — не до конца, видимо, отдают себе отчет в том, что в самое последнее время произошли и происходят не только социально-политические сдвиги, но и сдвиги я з ы к о в ы е.

Легализовались не просто различные социальные группы и новообразования — легализовался и их язык. Возник «котел» новых социальных языков, и литература лишь приступает к их освоению. «Перепрыгнуть» через этот первоначальный этап, кажущийся эстетически чуть ли не примитивным (подумаешь, очерк нравов!), как показывают исторические аналогии, невозможно. Вспомним: после «пушкинского», роскошного периода нашей словесности, с разветвленной, богатейшей жанровой системой, изысканной поэтикой, после благоуханных речей Татьяны наступило время, когда заговорили б е д н ы е л ю д и. Слом языка тоже происходил болезненно — но плоды потом давал отменные.

Обретение нового языка для литературы — процесс органический. Сколько продлятся эти очередные «роды», уже начавшиеся, не берусь утверждать. Но неустойчивая ситуация эта сложна — и для литературы, и для кинематографа, и для театра.

Помните начало фильма А. Тарковского «Зеркало»? Врач лечит подростка от тяжелого заикания. Как трудно, как мучительно он продирается к свободно сказанному слову... Помните?

«Я могу говорить...»

Из почты «Знамени»

«...За что им такая судьба?»

Не помню, кто сказал, что войну можно считать законченной только тогда, когда погребены все погибшие.

До сих пор на местах длительных сражений, как, например, в Бельском районе бывшей Смоленской, ныне Калининской области, не все захоронены. А сколько еще таких мест! Поэтому сейчас, зная это, не стыдно ли нам рассуждать о строительстве Мемориала Победы?

Поддерживаю предложение читателя журнала Ю. Н. Шмелева («Знамя», № 5, 1989 г.), который предлагает использовать средства, предназначенные на Мемориал Победы в Москве, для розыска и захоронения непогребенных погибших участников войны.

Предлагаю провести первый в нашей стране референдум, чтобы получить ответ: строить Мемориал Победы или на эти средства провести розыск и захоронения до сих пор не погребенных павших защитников Родины?

Будьте инициаторами этого святого дела! Для ориентировки проведите опрос среди подписчиков вашего журнала: кто за что?

Есть у меня фотографии останков погибших солдат, собранных небольшой поисковой группой в 1988 году на месте длительных и кровопролитных боев у деревни Черный Ручей Бельского района. Большая часть мест боев так по сей день и осталась необследованной.

Если бы мертвые могли говорить, представляете, что они сказали бы нам о нашей порядочности? Что же у них за судьба такая — десятилетиями лежать без погребения, быть добычей зверья и забвенья? За что им такое? И люди ли мы после этого?..

Лапеченкова А., вдова погибшего солдата, Калининская обл.

Уважаемые товарищи! Я обращаюсь к вам с просьбой помочь мне узнать о судьбе моего дяди, рядового Солдатова Николая Александровича, 1923 г. р., уроженца Рязанской области, Данковского района, пропавшего без вести в годы Великой Отечественной войны. Он был призван в армию из Москвы или Московской области, Подольского района, в самом начале войны. Есть его письма из госпиталя к родным, датированные мартом и апрелем 1942 года. В госпитале он находился после ранения. Последнее письмо датируется 13 июня 1942 года. Прошу сообщить, куда можно обратиться, чтобы получить хоть какие-нибудь сведения.

Панова И. В., Московская обл.

Я, Салтыков Виктор Иванович, 1932 года рождения, житель Севастополя, бывший моряк, участник трагических событий на линкоре «Новороссийск» в 1955 году.

Мой отец, Салтыков Иван Иванович, после участия в финской войне был освобожден от воинской службы по контузии. В августе 1941 года он в г. Чудово Новгородской области, где мы тогда жили, вступил в Ленинградское ополчение, и больше я о нем ничего не знаю. Моя мать умерла, когда мне было пять лет, и когда пропал без вести отец, я остался совсем один.

После окончания войны я много раз лично и через военкомат обращался в Центральный архив Министерства обороны СССР в Подольске, чтобы выяснить судьбу моего отца. На все запросы мне отвечали, что в числе погибших и пропавших без вести И. И. Салтыкова нет.

В 1984 году в книге «Бойцы выборгской стороны» на страницах 120, 126, 127 я прочитал, что Иван Салтыков был снайпером и передавал свой опыт молодым бойцам. В 1985 году я приехал в Ленинград, чтобы посетить музей боевой славы в Пулково, и там на фотографии я узнал отца. Так я установил, что мой отец Салтыков Иван Иванович был снайпером 296-го стрелкового полка 5-й Выборгской дивизии народного ополчения Ленинграда — 13-й стрелковой Домбровской дивизии.

В музее школы № 470 Калининского района г. Ленинграда я ознакомился с подшивкой дивизионной газеты «Вперед» за 1941—1942 гг. В газете сообщалось, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 февраля 1942 г. И. И. Салтыков награжден орденом Красного Знамени за уничтожение более 100 гитлеровцев. Этим же указом был награжден орденом Ленина и снайпер Остудин Н. Н. Я встретился с Н. Н. Остудиным (он проживает в г. Черкассы, ул. Урицкого, 188, кв. 14), однако он не знал лично моего отца, хотя и слышал о нем в то время.

В 1987 году я обратился в газету «Вечерний Ленинград» с просьбой дать сообщение о розыске однополчан отца, чтобы узнать, как погиб мой отец и где он захоронен. В этом году мне сообщили адрес однополчанина отца, проживающего в г. Челябинске, однако ответа от него я пока не получил.

Прошу помочь мне в поиске однополчан моего отца, опубликовав это письмо (если это возможно) с просьбой откликнуться всех тех, кто знал что-либо о судьбе Салтыкова Ивана Ивановича, либо посоветуйте, пожалуйста, в каком направлении мне дальше вести поиск. Я предполагаю на основании данных, опубликованных в книге «Бойцы выборгской стороны», что мой отец погиб 12—18 января 1943 года в районе «Круглой рощи», 8-й ГЭС, рабочие поселки 1 и 2, и хочу установить место его захоронения.

Я хочу привезти на могилу отца своих детей и внуков и поклониться ему и в его лице всем советским солдатам, отдавшим свою жизнь за нас и нашу Родину, чтобы наши дети, внуки и следующие поколения никогда не знали войны и не были втянуты ни в какие военные авантюры, как это было в Афганистане.

Салтыков В. И., г. Севастополь

Я служил в 274-й стрелковой дивизии, сформированной в Запорожье летом 1941 года. Из ее первого состава (позднее дивизия была сформирована вторично) в живых к концу войны осталось всего 63 человека. Строевых командиров — 15, политработников — 6, штабных работников — 5, врачей и санинструкторов — 14, разведчиков — 4, интендантов — 4, техников-оружейников — 3 и стрелков (рядовых и сержантов) — 12. А ведь в дивизии стрелков было несколько тысяч.

Гибли солдаты на всех фронтах, но у нас почему-то в особую касту выделены те, кто принимал участие в самых крупных сражениях минувшей войны. Так же и с партизанским движением в тылу врага. У нас в особой чести те, кто воевал в крупных партизанских соединениях Ковпака, Сабурова, Медведева, Вершигоры. А вот о мелких партизанских группах, состоявших из 12—15 человек, никто не вспоминает. Никому нет дела до отважных людей, которые без указания сверху сколачивали эти группы и продолжали борьбу с врагом на захваченной им территории. Я сам входил в одну из таких групп. И хорошо знал что она была далеко не единственной. В наш хутор то и дело доходили слухи о взрывах на дорогах, о нападениях на колонны немецких автомашин, на полицейские участки и местные управы...

Однако все мои попытки рассказать о делах мелких партизанских групп наталкиваются по сей день на стену непонимания. Из редакций, как правило, дается трафаретный ответ: что нужна, мол, серьезная проверка, что это дело компетентных органов. А органы дают не менее трафаретный ответ: «Документами, подтверждающими существование партизанской группы, мы не располагаем».

А о каких документах может идти речь? Это в крупных партизанских соединениях были штабы, где писали боевые донесения и вели журналы боевых действий. А в мелких группах никакими бумажками не занимались... Вот почему я обращаюсь с призывом: восстановите историческую справедливость, начните поиск мелких партизанских групп, которые создавали окруженцы на юге Украины! Начните немедленно, пока еще живы и участники событий, и очевидцы из местных жителей. Иначе будет поздно.

Вс. Остен, г. Калининград

Читая «Знамя», я узнала, что весной 1942 г. под Харьковом погибло или попало в плен до 100 тысяч советских воинов. Так ли это? Насколько эти цифры точны? У меня там погиб муж (пропал без вести).

Когда я ездила на места боев, местные жители рассказывали, как наших защитников давили немецкие танки, и что Северный Донец был красный от крови. Меня приглашали в город Изюм на празднование 40-летия Победы, но по состоянию здоровья на сей раз я не могла туда поехать.

Зав. краеведческим музеем Смага Св. Ст. написала, что в п. Гусарском поставили обелиск 227 тысячам погибших воинов (без вести пропавших).

Однополчане мужа, с которыми мне удалось в свое время связаться, писали, что 57-я и 9-я армии были почти уничтожены и что из окружения они выходили поодиночке. Погибли командующий окруженными войсками, командующий армией...

В. Белык, г. Якутск

В моей семье на фронтах Отечественной войны погибло четверо: отец и три брата моей матери. А где их могилы — нам неизвестно. Да разве только наша семья не знает могил павших отцов, братьев, мужей и сыновей?

Малаикина Ю. П., пенсионерка, г. Минск

От редакции

В будущем году минет 45 лет со дня окончания войны, а мы все еще не отдали воинских почестей, не похоронили по-людски — тысячи? миллионы? — тех, кто пал за Родину. Ни на обелисках, ни в списках нет их имен. И неужели их вина, что мы не узнали, не знаем, как и где пришлось им сложить голову? Но все эти десятилетия «пропавший без вести» было как клеймо на имени, людям этим не положена была благодарная память потомков. И есть поныне те, кто хотел бы, чтобы так оставалось навеки.

«Главному редактору журнала «Знамя»

На Ваше письмо от 03.01.89 года, поступившее в Совет ветеранов войны и труда Московского станкоинструментального института.

Действительно, Сеглина С. Б. передала мне лично через студентку О. Гусеву ксерокопии трех документов:

1. Справки на бланке института от 23.07.41 о том, что Бляхман М. Б. действительно состоит студентом V курса станочного факультета, которая выдана для представления на завод (название завода не указано).

2. Благодарственного письма из в/ч п/п 51434 от 25.01.45 на имя Калошиной Беллы Борисовны о том, что ее брат Бляхман М. Б. награжден орденом Отечественной войны I степени.

3. Ответа Райвоенкома Ворошиловского района Москвы полковника Н. Маничкина на имя Сеглиной С. Б. о том, что ее брат, гв. лейтенант, командир танка 39 гв. танковой бригады Бляхман М. Б. числится пропавшим без вести 26.02.45.

На мой запрос... ЦА МО СССР прислал в институт на мое имя ответ от 12.01.89 за №11/149372, ксерокопию которого прилагаю к этому письму:

«Сообщаем, что в алфавитной книге учета безвозвратных потерь 39-й гвардейской танковой бригады за 1945 г. значится:

«Командир танка, гв. лейтенант БЛЯХМАН Михаил Борисович, 26.02.45 пропал без вести»...

...В 1975 году, когда создавался мемориальный стенд станкиновцев, погибших в годы Великой Отечественной войны, Советом ветеранов войны было принято решение заносить на стенд только имена погибших при наличии документа, свидетельствующего о гибели. Все последующие годы это правило соблюдалось и на нашем мемориальном стенде нет ни одной фамилии пропавших без вести.

Во время телефонного разговора с Сеглиной С. Б. я сказал, что Совет ветеранов будет принимать меры к выяснению обстоятельств, при которых произошла пропажа без вести ее брата.

После получения ответа от ГУК МО СССР и моих личных консультаций в Московской секции ветеранов войны члены Совета ветеранов войны и труда пришли к решению: не заносить на стенд погибших имя пропавшего без вести 26 февраля 1945 года гв. лейтенанта, командира танка Бляхмана М. Б., в связи с отсутствием каких-либо конкретных обстоятельств его пропажи без вести в материалах 39 гв. танковой бригады, в составе которой он служил.

А. Ф. Ерофеев, председатель
Совета ветеранов войны и
труда института, профессор»

От редакции

Этот документ, основные моменты которого мы приводим, отпечатанный на бланке, снабженный и снаряженный всем тем, чем полагается оснастить канцелярский документ, в сущности,— удивительный образец бесчеловечного мышления. Могли ли представить себе, поверить могли ли люди, сражавшиеся за Родину, что помнить и вспоминать о них будет разрешено только «при наличии

документа, свидетельствующего...» Вот уже наконец принято решение к 50-летию Победы издать Всесоюзную Книгу Памяти (а в некоторых республиках Книга Памяти уже есть), куда будут занесены все поименно, кто пал на фронтах Великой Отечественной войны: и те, о ком смогли сообщить родным, и сгинувшие в плену, и пропавшие без вести, запятнанные оскорбительными подозрениями; им тоже будет возвращено доброе имя. Полвека понадобилось для этого!

Тем не менее председатель Совета ветеранов станкоинструментального института сообщает не без твердости, что под их бдительным оком за все это время не проник на мемориальный стенд никто без «документа, свидетельствующего о гибели», что на стенде «нет ни одной фамилии пропавших без вести», и, чтобы так впредь оставалось, они, дескать, пришли к решению не заносить на стенд имя героя войны «в связи с отсутствием каких-либо конкретных обстоятельств его пропажи...» А престарелой сестре, которая просит, чтобы имя ее брата, сражавшегося честно, отмеченного благодарностью и орденом, не кануло в безвестность, «...я сказал, что Совет ветеранов будет принимать меры к выяснению обстоятельств, при которых произошла пропажа без вести ее брата». Ну не позор ли? И как это Совет ветеранов института, возглавляемый ПРОФЕССОРОМ, подписывающим вот такой безграмотный документ («произошла пропажа без вести ее брата...»), как он будет «принимать меры к выяснению обстоятельств»? У него что, спустя полвека, есть такие реальные возможности?

Мы, кстати, поинтересовались, кем был на фронте нынешний председатель Совета ветеранов т. Ерофеев А. Ф.? Пехотинцем? Танкистом? Артиллеристом? Он был начальником боепитания. Безусловно, это важная должность, нужное дело: обеспечивать всем необходимым для боя тех, кто ведет бой, сражается. Но разной была судьба у тех, кто обеспечивал и кто сражался. «Я служил в 274-й стрелковой дивизии, сформированной в Запорожье летом 1941 года. Из ее первого состава... в живых к концу войны осталось всего... стрелков (рядовых и сержантов) —12. А ведь в дивизии стрелков было несколько тысяч...»

Впрочем, о чем тут говорить, в чем убеждать? Лучше просто спросить, как спрашивает в своем письме вдова погибшего солдата А. Лапеченкова: «И люди ли мы после этого?»

Борец за народное дело?

Об этом человеке и его роли в судьбе Александра Косарева и членов бюро ЦК ВЛКСМ не раз напоминали статьи в комсомольской печати. О его участии в избиении партийных кадров Узбекистана вспоминал недавно ушедший от нас Камил Икрамов. А вот что писал о нем же Анатолий Алексин: «Перед тем как начать истребление лучших людей какой-либо республики, края или области, туда — в Уфу, Казань, Оренбург и т. д.,— как правило, прибывала заплечных дел комиссия во главе с одним из высших руководителей той поры. Эти вояжи, за которыми тянулся страшный след, были частью отработанной системы уничтожения, ее технологии. Собирался партийный пленум, комиссия затем отбывала — и сразу же наступали «варфоломеевские ночи» и такие же дни. К примеру, в Челябинске, где был арестован мой отец, расправу предварил приезд комиссии во главе с А. А. Андреевым. Согласитесь, что читать после этого в газетах статьи об Андрееве под рубрикой «Борцы за народное дело» мне было, мягко говоря, не по себе» (Без срока давности. «Московские новости», 1988, № 28).

А теперь вот и книга вышла — «житие» Андреева, написанное Владимиром Успенским (он же автор небезызвестного бестселлера «Тайный советник вождя») и выпущенное Политиздатом в серии «Пламенные революционеры» двухсоттысячным тиражом. Появилась в прошлом году, но в руки мне попала совсем недавно. В издательской аннотации сказано: «Всю свою долгую жизнь Андреев отдал борьбе за осуществление великих ленинских заветов». «Всю жизнь...» Уж не в ту ли памятную челябинцам поездку на Урал написано им в 1939 году вот это письмо жене, когда он, борясь «за осуществление великих ленинских заветов», положил начало погрому в областной партийной организации: «Ночь. Вот я освободился от работы, сижу у себя в вагоне. Слушаю Бетховена. Захотелось черкнуть тебе. Ведь я на Урале, где нами с тобой пережито столько замечательных моментов нашей молодости». Человек, который когда-то был дружен с питерскими рабочими-большевиками, встречался с Блюхером и Тухачевским, работал рядом с Лениным, Рудзутаком, Дзержинским... став верным сталинским опричником, вспоминает под звуки Бетховена после омерзительной работенки «моменты молодости», которую предал. Если вдуматься, трагедия.

События, последовавшие за XV партсъездом, автор «жития» излагает скороговоркой, завершая книгу эпилогом, в котором, конечно, нет места подробному рассказу о том, как Андреев, «преодолевал сопротивление кулаков и подкулачников, проводил коллективизацию на нижнем Дону и на Северном Кавказе», куда был послан Сталиным, какие «получал новые задания» и каким образом, «что было для него очень важно, обретал уверенность в себе». Биограф пламенного революционера вряд ли, например, не знает, что 11 марта 1931 г. для руководства «ликвидацией кулачества как класса» и контроля за этим была образована специальная комиссия во главе с Андреевым. В «Правде» (23 июля 1989 г.) читаем: «...Если называть вещи своими именами, то комиссия Андреева обеспечивала стройки социализма рабами — вчерашними крестьянами».

В. Успенский сообщает, что «многообразные знания, накопленные» Андреевым, «помогли ему в послевоенные годы, когда занимался восстановлением народного хозяйства страны, будучи заместителем Председателя Совета Министров СССР. А потом не менее ответственная, но, пожалуй, более беспокойная должность: он возглавил Комисию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Вот когда потребовалось умение терпеливо разбираться в сложных делах, понадобилась незыблемая партийная принципиальность, которой учился когда-то у Владимира Ильича».

Но почему «потом», «в послевоенные годы»? Не сознательно ли запамятовал автор время председательствования своего героя в КПК? Напомню: Андреев занимал этот пост с 1939 по 1952 год. И почему в книге не приведено ни одного примера, когда бы в течение этих тринадцати лет показала себя в действии андреевская «незыблемая партийная принципиальность»? В. Успенский уверяет читателей, что Андреев «хорошо усвоил и старался сохранить ленинские принципы партийного руководства», «говорил то, что считал нужным, отстаивал свою точку зрения, не заботясь, кому она по нутру, а кому нет», «болел за дело».

На скорбно памятном пленуме ЦК ВЛКСМ в Челябинске, Ташкенте он тоже «болел за дело» и «говорил то, что считал нужным»? А какова была его точка зрения на «ленинградское дело»? И если она не совпадала со сталинской, отстаивал ли он свою? Поднял ли он, проработавший на Северном Кавказе три года, голос против депортации чеченцев, ингушей, балкарцев? Или хотя бы выразил сомнение в справедливости этого? Что он сделал для сохранения одного из ленинских принципов партийного руководства — принципа коллегиальности, повсеместно растоптанного?

Сталинское окружение во главе со своим «вождем и учителем» причинило столько вреда всем народам нашей страны, так дискредитировало социализм, так уронило его в глазах всего мира, как этого не смогли сделать все засланные когда-либо к нам шпионы и диверсанты, все зарубежные антисоветчики, вместе взятые.

Понимал ли Андреев всю чудовищность происходящего, будучи с 1932 года по 1952-й членом Политбюро и в таком качестве располагая информацией куда более обширной, значительной и надежной, чем другие члены ЦК, не говоря

уж о простых советских людях? Если понимал, то что же понуждало его участвовать в творимом шабаше? Страх за себя? За свою семью? Испытывал ли он муки совести? Заглушал ли их оправданиями вроде: «Не сделаешь это ты, сделает, и, может быть, грубее, другой. Спасти людей не спасешь, а головы близких и свою положишь»? В. Успенский даже не ставит этих вопросов.

В эпилоге автор приводит своего героя к Мавзолею: «И сердцем, и мыслями был устремлен к человеку, покоившемуся под мраморными сводами, и перед взором его вставал живой, полный энергии Владимир Ильич... Андрей Андреевич постоял еще несколько секунд, оттягивая последнее расставание: теперь все, большая, нелегкая, но счастливая жизнь позади, пора и ему в дальний путь... И низко, по-русски, по-крестьянски, поклонился дорогому вождю, учителю, другу».

...Те, кто по своей злой воле, или по умственной и нравственной недостаточности, или из страха стали сообщниками Сталина в массовых беззакониях и репрессиях, вместе с ним сегодня должны предстать перед судом истории за предательство идеалов революции, их извращение и опошление, подмену Советской власти диктатурой кучки узурпаторов во главе с кровавым тираном.

Не знаю, отчего автору было угодно назвать свою книгу «Школой будущего», но убежден: если мы твердо не усвоим всех уроков прошлого, нам не видать подлинно социалистического будущего.

Эр. Хан-Пира

Советуем прочитать

Р. М. Романова. Александр Твардовский. Страницы жизни и творчества. Книга для учащихся старших классов средней школы. М., Просвещение, 1989.

Для сегодняшних школьников А. Твардовский — история. Книга поможет им понять широкую популярность поэта, войти в мир его образов. Злободневность содержания, простота и ясность стиха, подлинная народность, восходящая своими корнями к поэзии Некрасова, Никитина, Кольцова, принесли автору «Василия Теркина» искреннюю любовь миллионов соотечественников, сделали его поэзию насущно необходимой людям.

Не претендуя на сложный, углубленный анализ творчества поэта, автор стремится уделить внимание жизненному пути деревенского паренька со Смоленщины, выросшего в известнейшего современного поэта России. Рассказывается история создания поэм «Страна Муравия», «Василий Теркин», «Дом у дороги», «За далью—даль». Показывается, как крепко был связан Твардовский с родным народом, землей, особенно в горестные годы Великой Отечественной войны, годы испытаний и бед, выпавших на долю его поколения.

Книга написана простым, доступным для школьников языком, в ней много фотографий А. Т. Твардовского, его родных и близких, рисунки, сделанные его братом в тех местах, где прошли детство и юность будущего поэта. Книга, очевидно, привлечет внимание и взрослого читателя, который любит поэзию А. Т. Твардовского.

А. М. Равич. Евгений Иванович Якушкин (1826—1905). Ленинград, Наука, 1989.

Преемственность поколений прослеживается на примере жизни и деятельности сына декабриста, родившегося через несколько недель после ареста отца и дожившего до первой русской революции. На формирование личности Якушкина наложило отпечаток дружественное общение с Чаадаевым, пребывание в Европе во время революционных событий 1848 года, близость к общественно-политическим воззрениям Герцена, чьим корреспондентом он был. Но особое влияние оказала многолетняя переписка с отцом: дважды Евгений Иванович посещал Сибирь и близко общался со ссыльными декабристами; позже, по их возвращении в Россию, оказывал многим из них посильную помощь. Он был членом «Ялуторовской семьи» декабристов, казначеем «малой артели», которой руководил до смерти последнего из сосланных. Считал себя продолжателем дела отца и его товарищей, был публикатором и хранителем многих декабристских документов. По его инициативе написаны воспоминания И. Пущина, сам он оставил записки о тех декабристах, с которыми тесно общался. В Москве создал литографию, где размножались и раздавались всем желающим портреты декабристов.

Трудно переоценить и вклад Якушкина в пушкиноведение. Он был не только крупнейшим знатоком запрещенных цензурой пушкинских текстов, но и одним из первых в России ученых библиографов-книговедов, чья библиография по русскому праву не потеряла своей актуальности до наших дней. Прожив большую часть жизни в Ярославле, возглавлял здесь статистический комитет, ученую архивную комиссию, занимался историей города.

Небольшая по объему, но обширная по представленному в ней материалу книга впервые познакомит читателя с обаятельным образом потомственного русского интеллигента, общественного деятеля, ученого, просветителя, этнографа.

Василий Аксенов. Золотая наша железка. Юмористическая повесть с преувеличениями и воспоминаниями. Юность, №№ 6, 7, 8, 1989.

Эту повесть набрали в «Юности» в 1974 году, но вышла в свет она лишь много лет спустя и не в нашей стране. Теперь с ней знакомятся и советские читатели. Жанр ее весьма условен, проза Аксенова метафорична, авторская речь — причудливый поток сознания, когда герои неожиданно «переходят» один в другого, оказываются в разных пространственно-временных планах, то раздваиваясь, то отражаясь друг в друге. Но через все хитросплетения стиля и композиции проступает боль писателя за судьбы страны в 60—70-е годы, за судьбы возникшей тогда своеобразной молодежной культуры (Аксенов был одним из признанных ее лидеров), подвергшейся тяжким испытаниям в переходный период от «оттепели» к «застою».

Яков Липкович. Три повести о любви. М., Советский писатель, 1989.

Публицистичность, выплеснувшаяся на страницы художественной литературы последних лет вместе с перестройкой, заметно потеснила в нашей прозе тему простых человеческих отношений, ставшую основной в книге ленинградского прозаика.

Война, первые послевоенные годы, наши дни — вот временные границы повестей. Герои «Лестничного проема» и «Pro memoria» — люди уже немолодые; встретили свою первую любовь в трудные годы и пронесут это светлое чувство до последних своих дней на земле. Повесть «В этот горький медовый месяц» — о молодых современниках, встретившихся с первыми жизненными испытаниями.

Герои повестей предстают перед читателем в решающие минуты жизни. И от того,

какими они выйдут из этих, порою непростых ситуаций, во многом зависит их дальнейшая судьба. А она у многих из них не очень-то счастливая. Даже любовь не в силах разрушить неприступную социальную стену, разделившую бывшего фронтовика, студента университета, и дочь ответственного работника. Уходит к другому медсестра, оставляет любящего ее человека с незаживающей сердечной раной. Неизвестно, чем закончится и встреча двух других молодых, но таких разных людей, состоится ли любовь или их хрупкий союз не выдержит испытаний жизненными обстоятельствами...

Тыняновский сборник. Третьи тыняновские чтения. Академия наук Латвийской ССР. Институт философии и права. Рига, Зинатие, 1988.

Не много можно назвать научных изданий последнего времени, в которых бы принимали участие столь известные и серьезные ученые — Ю. Лотман, Вяч. Иванов, М. Чудакова, Л. Гинзбург, Е. Тоддес и др. Все они — постоянные участники Тыняновских чтений, вот уже третий раз проводящихся на родине писателя, в латышском городе Резекне.

Спектр проблем, которые затрагивают участники чтений, всегда разнообразен и широк: он касается как частных литературоведческих вопросов, так и общих проблем гуманитарного знания — социологии культуры, связи литературы со смежными искусствами и т. п. Составители сборников стараются обратить внимание на актуальные для настоящего момента задачи; так, исходя из насущной потребности расширения источниковедческой базы, в третий Тыняновский сборник включены важные документы из истории науки и культуры, в том числе переписка двух выдающихся филологов — Б. Эйхенбаума и В. Жирмунского.

Особый интерес участников третьих чтений вызывает деятельность ОПОЯЗа, его роль и вклад в историю и теорию литературы — этому посвящено немало статей и исследований: «Пастернак и ОПОЯЗ», «Понятие и метафоры истории у Тынянова и опоязовцев», «Булгаков и опоязовская критика» и т. п. Не может не привлечь внимания читателя — свежестью взгляда, сочетанием простоты и глубины анализа — статья Ю. Лотмана «Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 г.)», посвященная «Маленьким трагедиям».

Авторы сборника изучают не только проблемы, поднятые Ю. Тыняновым в своих научных работах или художественном творчестве, но «опробуют» тыняновскую методику, его открытия на ранее неизвестных или малоизученных участках. Этому посвящен раздел сборника «Русская литература и культура XX века».

Адрес редакции: 103863, ГСП, Москва, ул. 25 Октября, 8/1.
Телефоны: главный редактор — 921-24-30, заместители главного редактора — 921-13-81 и 921-08-09, ответственный секретарь — 928-22-78, отдел прозы — 923-72-91, отдел публицистики — 921-14-64, отдел критики и библиографии — 928-29-42, отдел поэзии — 921-59-67, для справок — 924-13-48.

Технический редактор Л. С. Алексеева.

Сдано в набор 06.09.89. Подписано к печати 04.10.89. А 04278. Формат 70×108 1/16.
Печать высокая. Усл. печ. л. 21,00. Усл. кр.-отт. 21,17. Уч.-изд. л. 23,27.
Тираж 980 000 экз. (1-й завод 1—629 691 экз.). Заказ № 1185. Цена 90 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.